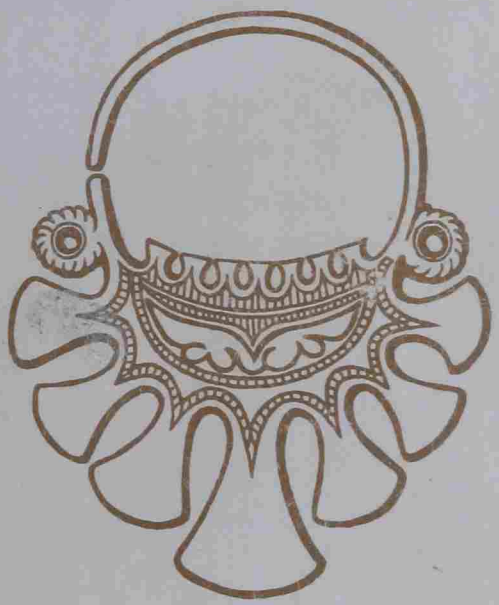
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 3

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

В 1995 году журнал получает финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (№ 95-06-95010)

СОДЕРЖАНИЕ

Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Сулержицкий Л. Д., Джалл Э. Дж. Радиоуглеродная хронология древних культур эпох камня и бронзы Приморья (Дальний Восток России) 5

Матюхин А. Е. Особенности анализа двусторонеобработанных изделий каменного века 13

Мерперт Н. Я. О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) 28

Зубарев В. Г. Характер искажений и общая картина северопричерноморского региона в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея 47

Алексеев Л. В. Мстиславльский детинец в XII—XIV веках 60

Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Московская керамика и московское керамическое ремесло 77

Медникова М. Б. К определению понятия и критериев палеопопуляции в антропологии 92

Дискуссии

Гуляев В. И., Беляев Л. А. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) 97

Публикации

Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Левковская Г. М., Несмеянов С. А. Многослойная пещерная мустьерская стоянка Матузка на Северном Кавказе (по исследованиям 1985—1989 гг.) 105

Днепровский К. А., Кореневский С. Н., Эрлих В. Р. Новые погребения «новосвободненской группы» у станицы Костромской в Закубанье 119

Маслов В. Е. Погребения VI в. до н. э. Клин-Ярского-III могильника 131

Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы 143

Равич И. Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» 157

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1995 г.

Кренке Н. А. «Чертов городок» — селище железного века в окрестностях села Коломенского . 165
Алексеева Л. И. Заключение по остеологическим материалам раскопок селища «Чертов городок» (сборы 1982 г.) 179
Буров Г. М. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды 184

Заметки

Субботин Л. В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья 193
Беседин В. И. О хронологии Пепкинского кургана 197
Павлович Г. А. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края . . 200
Бахшалиев В. Б. Некоторые образцы изобразительного искусства из могильника Коланы (Азербайджан) 205
Кренке Н. А., Макаров Н. А. Скандинавская фибула из Салехарда 207

История науки

Щавелев С. П. Последний романтик краеведческой археологии (к 90-летию со дня рождения Ю. А. Липкинга) 213

Критика и библиография

Буровский А. М. Археологические интерпретации и реконструкции 220
Формозов А. А. О книге Л. С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене 225
Мелюкова А. И. *Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л.* Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. М., 1994 232

Хроника

Шер Я. А. К семидесятилетию Ж.-К. Гардена 236
Ошибкина С. В. Симпозиум «Результаты новейших исследований эпохи камня и ранней бронзы в Юго-Восточной Прибалтике» (Польша, 1994) 237
Кауров Э. Н., Потемкина Т. М. К вопросу о состоянии археоастрономии в России (по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994) 240
Рыбаков Б. А., Даркевич В. П. Памяти Георгия Карловича Вагнера (1908—1995) . . . 249

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1995 3

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Sulerzhitsky L. D., Jull A. J. T. Radiocarbon Chronology of the Stone and Bronze Age Cultures in Primorye (the Russian Far East) 5
Matukhin A. E. Peculiarities of the Analysis of the Stone Age Bifacial Treatment 13
Merpert N. J. Concerning the planning of the Early Bronze Age Settlements of the Upper Thracian Valley (the Southern Bulgaria) 28
Zubarev V. G. Distortions and the Whole Picture of the Northern Pontic Area in "Guide to Geography" by Ptolemy 47
Alexeev L. V. Mstislavl's Fortress in the 12th-14th Centuries 60
Likhter J. A., Osipov D. O. Moscow Pottery Vessels and Handicraft 77
Mednikova M. B. Concerning the Determination of the Palaeopopulation's Notion and Criteria 92

Discussions

Guliaev V. I., Beliaev L. A. Concerning the Modern Status of the Russian Archaeology 97

Publications

Golovanova L. V., Baryshnikov G. F., Levkovskaya G. M., Nesmejanov S. A. Multilayer Mousterian Cave Site Matuzka in the Northern Caucasus 105
Dneprovsky K. A., Korenevsky S. N., Erlikh V. P. "New Burials" of Novosvobodnaya Group from Kostromskaya Village beyond the Kuban River 119
Maslov V. E. The Burials of the 6th Century from Klin-Yar-III Burial Ground 131
Guguev V. K., Treister M. Yu. Han Dynasty mirrors and the Local Imitation in the South of the Eastern Europe 143
Ravitch I. G. Peculiarities of the Compound and Making Technology of the Tiny Sarmatian mirrors Made of the White Bronze 157
Krenke N. A. "Tchertov Gorodok", an Iron Age Site near Kolomenskoye 165
Alekseeva L. I. Osteological Materials from the Excavations of "Tchertov Gorodok" Site . . . 179
Burov G. M. The Early Medieval Sledges from Vis II Site in the Vytchegda River Basin . . 184

Notes

Subbotin L. V. The Kem-Ob Type Tombs in the North-Western Pontic Area 193
Besedin V. I. Concerning the Chronology of Pepkinsky Barrow 197
Pavlovitch G. A. Hellenistic Greek Helmet from Stavropol Region 200
Bakhshaliev V. B. Several Paintings from Kolany Burial Ground (Azerbaijan) 205
Krenke N. A., Makarov N. A. Scandinavian Fibula from Salekhard 207

History of science

Tshavelev S. P. The Last Romantic of the Local Lore Archaeology (to the 90th anniversary of J. A. Lipking's birthday) 213

Critique and bibliography

Burovsky A. M. Archaeological Interpretations and Reconstructions 220
Formozov A. A. Concerning L. S. Klein's Book "Phenomenon of the Soviet Archaeology" and the Phenomenon Itself 225
Maleukova A. I. *Olkhovsky V. S., Evdokimov G. L.* "Skifskie izvayaniya VII—III vv. do n. e." M., 1994 232

Cronicle

Sher Ya. A. To the 70th Anniversary of J.-K. Gardin 236
Oshibkina S. V. Symposium "The Results of the Latest Investigations of the Stone and Early Bronze Ages in the South Baltic Region" (Poland, 1994) 237
Kaurov E. N., Potemkina T. M. Concerning the Status of the Archaeoastronomy in Russia (on the materials of the "Round Table" "Archaeoastronomy and Archaeology in Russia: Problems and Relations", Moscow, 1994) 240
Rybakov B. A., Darkevitch V. P. In Memory of Georgy Karlovitch Vagner (1908—1995) . . 249

Я. В. КУЗЬМИН, Л. А. ОРЛОВА, Л. Д. СУЛЕРЖИЦКИЙ, Э. Дж. ДЖАЛЛ

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЭПОХ КАМНЯ И БРОНЗЫ ПРИМОРЬЯ (ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ)

Начало в изучении радиоуглеродной хронологии древних культур Приморья было положено в 1950—1960-е годы А. П. Окладниковым (Окладников А. П., 1964). В течение ряда лет вопросам радиоуглеродного датирования древних поселений эпох камня и бронзы Приморья уделялось недостаточно внимания, и общее количество датировок до середины 1980-х годов не превышало 20 (Радиоуглеродная хронология. . . , 1989). С 1987 г. в результате комплексного геоархеологического изучения древних поселений был получен значительный объем новых данных по радиоуглеродному возрасту опорных древних поселений эпох камня и бронзы (Кузнецов А. М. и др., 1988; Кузьмин Я. В., 1990, 1992). На их основе теперь можно установить основные *хронологические рубежи* в развитии древних культур Приморья.

В силу того что на большей части древних поселений эпох камня и бронзы Приморья не наблюдается четкой вертикальной стратификации культурных слоев (наиболее типичной картиной является либо нарушение более ранних слоев последующими перекопами при строительстве полуземлянок, либо залегание различных по возрасту культурных слоев на близких гипсометрических отметках), применение радиоуглеродного метода при изучении как хронологии, так и периодизации древних культур не только желательно, но и крайне необходимо.

Материал и методика

Объектом изучения были образцы древесного угля, бересты, кости (животных и человека), гумуса, раковин моллюсков, зерна, отобранных из культурных слоев древних поселений при их раскопках. В настоящей работе собрана наиболее полная информация по состоянию на конец 1993 г. о радиоуглеродном возрасте 21 поселения (рис. 1). Наиболее достоверные датировки, т. е. хорошо согласующиеся между собой и с археологическим контекстом (Истории Дальнего Востока . . . 1989), представлены в таблице. Для использования календарной шкалы от Рождества Христова проведена калибровка датировок на основе опубликованных таблиц (Klein J. et al., 1982; Stuiver M., Pearson G. W., 1986; Pearson G. W., Stuiver M., 1986).

Настоящая работа является продолжением исследований хронологии и периодизации древних культур Приморья с использованием радиоуглеродного метода (Бродянский Д. И., 1979; Степанов В. П. и др., 1981).

При радиоуглеродном датировании образцов применялся в основном жидкостно-сцинтилляционный метод, неоднократно описанный в литературе. Датировки с индексом АА получены с помощью метода ускорительной масс-спектрометрии (Linick T. W. et al., 1989), позволяющего датировать очень небольшие навески углеродсодержащего материала (не менее 1—2 мг).

Поскольку при радиоуглеродном датировании древних поселений ряд датировок не согласуется с основной массой определений, что, вероятно, является устойчивым явлением (Кренке Н. А., Сулержицкий А. Д., 1992), датировки, сильно отли-

© Я. В. Кузьмин, Л. А. Орлова, Л. Д. Сулержицкий, Э. Дж. Джалл, 1995 г.

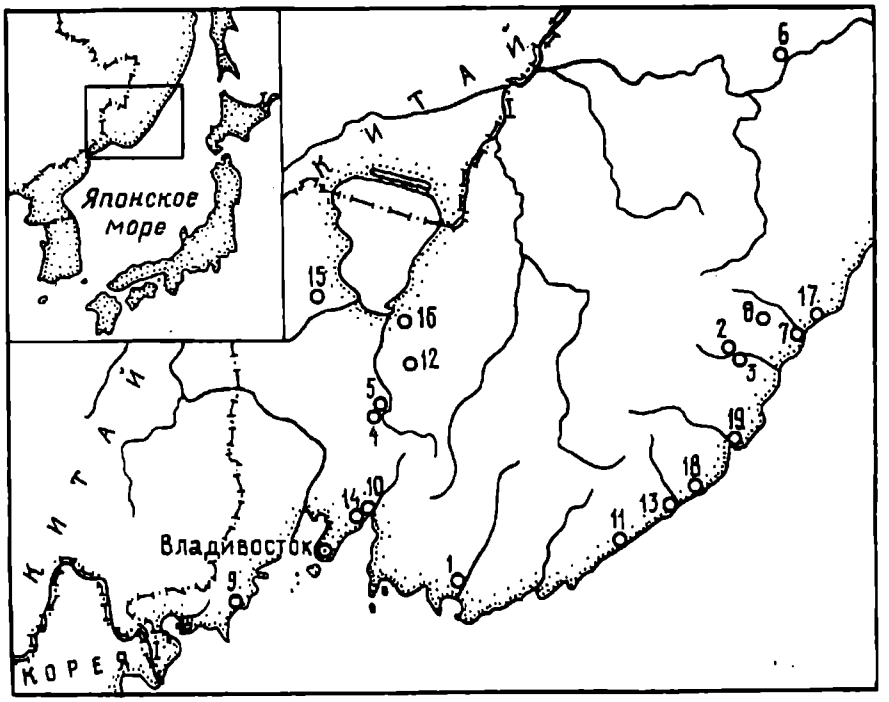

Рис. 1. Опорные древние поселения эпох камня и бронзы Приморья. *1* — пещера Географического общества; *2* — Устиновка I; *3* — Суворово III, IV, VI; *4* — Горбатка III; *5* — Илистая I; *6* — Алмазинка; *7* — Рудная; *8* — Чертовы Ворота; *9* — Бойсман 2; *10* — Олений А; *11* — Валентин-перешеек; *12* — Мустанг; *13* — Моряк-Рыболов (Пхусун); *14* — Кировский; *15* — Новоселище IV; *16* —Синий Гай А; *17* — Лидовка I; *18* — Евстафий-Олег I; *19* — Синие Скалы

чающиеся от основного массива дат, не включены в таблицу, а обсуждаются отдельно. Замалчивать результаты, не соответствующие представлениям исследователей, на наш взгляд, бессмысленно, так как это ведет лишь к запутыванию ситуации со временем и в итоге страдает наука. Для подобных случаев уместно напомнить евангельскую истину: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Мар. 4:22).

Результаты

В таблице и на рис. 2 приведены наиболее достоверные радиоуглеродные датировки по древним культурам эпох камня и бронзы Приморья. Для оценки статистической однородности серий датировок были проведены расчеты взвешенного возраста в сериях дат, принадлежащих к одной совокупности (Aitken M. J., 1990, p. 96—98). Для стоянки Алмазинка взвешенное значение возраста составляет по трем датировкам 7450 ± 40 лет назад (далее — л. н.); для стоянки Рудная (нижний слой) по трем образцам — 7560 ± 45 л. н. (рис. 2). В серии дат по среднему слою стоянки Рудная, исключив дату 3800 ± 40 (МГУ-514) л. н., получаем взвешенный возраст слоя по четырем датам 4050 ± 20 л. н., или в календарном исчислении — 2865—2415 гг. до н. э. Датировки по слою III стоянки Синий Гай А (две даты) имеют взвешенный возраст 2855 ± 35 л. н. (1082—977 гг. до н. э.); четыре датировки по стоянке Лидовка I — 2540 ± 25 л. н. (792—765, 677—661, 606—604 гг. до н. э.).

Таким образом, на основе серийного датирования можно установить достаточно объективно некий средний возраст ряда древних поселений (рис. 2). Полученные цифры являются реперами в построении радиоуглеродной хронологии древних культур Приморья, которое требует увеличения количества серий дат по древним культурам эпох камня и бронзы.

Что касается соотношения наблюдаемых разбросов в сериях дат относительно эмпирически установленных величин точности датировок для различных эпох

Радиоуглеродные датировки древних культур эпох камня и бронзы Приморья

№ п. п.	Поселение, слой	Материал	Датировка, лет назад (л. н.)	Индекс	Калиброванная датировка, гг. до н. э.
			Палеолит		
1	Пещера Географического общества	Кость	32 570 ± 1510	ИГАН-341	—
2	Суворово IV	Уголь	15 300 ± 140	Ки-3502	—
3	»	»	15 105 ± 110	АА-9463	—
4	Горбатка III	Гумус	13 500 ± 200	СОАН-1922	—
5	Илистая I	Уголь	7840 ± 60	Ки-3163	—
6	Алмазинка	»	7545 ± 80	АА-9818	—
7	»	»	7430 ± 65	АА-9817	—
8	»	»	7410 ± 60	АА-9819	—
			Ранний неолит		
9	Рудная, нижний слой	Уголь	7690 ± 80	ГИН-5983	—
10	»	»	7550 ± 60	ГИН-5631	—
11	»	»	7390 ± 100	ГИН-5984	—
12	Чертовы Ворота	Кость	6825 ± 45	СОАН-1212	6037—5377
13	»	»	6710 ± 105	ЛЕ-4182	5930—5310
14	»	Уголь	6575 ± 45	СОАН-1083	5755—5255
15	»	»	6380 ± 70	МГУ-504	5565—5095
16	»	Кость	5890 ± 45	ЛЕ-4181	5070—4560
17	Бойсман 2, нижний слой	Уголь	6355 ± 60	АА-9461	5545—5077
18	»	Кость	6010 ± 220	ГИН-6958	5300—4540
19	»	Уголь	5330 ± 55	АА-9460	4400—3890
20	»	Кость	5300 ± 215	СОАН-3020	4530—3685
21	»	»	5160 ± 140	СОАН-3019	4365—3665
22	»	»	5030 ± 140	ГИН-6957	4120—3545
23	»	»	4470 ± 100	СОАН-3021	3490—2905
			Поздний неолит		
24	Олений А, слой III	Уголь	5370 ± 65	СОАН-1549	4410—3900
25	»	»	5010 ± 30	СОАН-1534	3915—3360
26	Валентин-перешеек, нижний слой	»	4900 ± 200	МАГ-422	4090—3355
27	»	»	4500 ± 120	МАГ-398	3505—2925
28	»	»	4320 ± 90	МГУ-544	3355—2665
29	Мустанг, нижний слой	Уголь	4660 ± 60	Ки-3151	3655—3175
30	»	»	4050 ± 70	Ки-3152	2875—2405
31	Моряк-Рыболов, нижний слой	»	4250 ± 60	РУЛ-193	3145—2660
32	Кировский, нижний слой	»	4150 ± 60	РУЛ-177	2925—2550
33	Рудная, средний слой	»	4130 ± 40	ГИН-5980	2910—2435
34	»	»	4040 ± 40	ГИН-5982	2865—2400

№ п. п.	Поселение, слой	Материал	Датировка, лет назад (л. н.)	Индекс	Калиброванная датировка, гг. до н. э.
35	»	»	4030 ± 40	ГИН-5982	2865—2400
36	»	»	4000 ± 40	ГИН-5981	2785—2330
37	»	»	3800 ± 40	МГУ-514	2339—2200
		Эпоха бронзы			
38	Новоселеще IV, средний слой	Уголь	2980 ± 50	ГИН-6951	1335—1254; 1229—1122
		Синегайская культура			
39	Синий Гай А, слой III	Береста	2875 ± 45	СОАН-1540	1125—1002
40	»	»	2820 ± 55	СОАН-1541	1034—915
		Лидовская культура			
41	Лидовка I	Уголь	2610 ± 45	СОАН-1390	806—789
42	»	»	2570 ± 60	СОАН-1388	804—764; 675—662
43	»	Зерно	2530 ± 40	СОАН-1424	792—759; 685—658
44	»	Уголь	2450 ± 50	СОАН-1389	764—678
45	Суворово VI, верхний слой	»	2960 ± 90	ГИН-7234	1370—1345; 1317—1031
46	»	»	2935 ± 50	СОАН-3023	1261—1068
47	»	»	2320 ± 55	СОАН-3022	405—378
		Маргаритовская культура			
48	Евстафий-Олег I	Уголь	3150 ± 80	ГИН-6948	1519—1394; 1332—1329
49	»	»	2900 ± 120	ГИН-6949	1300—920
50	»	»	2390 ± 250	ГИН-6942	800—345; 313—216
51	Синие Скалы, нижний слой	»	2840 ± 170	МГУ-542	1260—830

(Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 1992), то для неолитических памятников можно ожидать разброс в пределах 300—800 лет (т. е. ±150 — ±400 лет в серии), а для эпохи бронзы — 200 лет (т. е. ±100 лет). Для неолитических памятников Чертовы Ворота, Олений А (слой III), Валентин-перешеек разброс дат в сериях в целом укладывается в намеченный интервал. Для памятника Бойсман 2 (нижний слой) расхождение дат в серии достигает почти 2000 лет, что, видимо, свидетельствует либо о неоднократном заселении памятника, либо о значительном «отскоке» некоторых дат. Для эпохи бронзы хорошо укладывается в эмпирический интервал разброса серия дат по стоянке Лидовка I. Для памятников Суворово VI (верхний слой) и Евстафий-Олег I можно предполагать неоднократное заселение.

Обсуждение

1. *Палеолит.*

Датировка по стоянке в пещере Географического общества остается точно не привязанной к конкретному культурному слою; Р. С. Васильевский (Васильевский Р. С., 1987) считает, что она относится к слою, залегающему *выше* основного слоя с находками палеолитических артефактов.

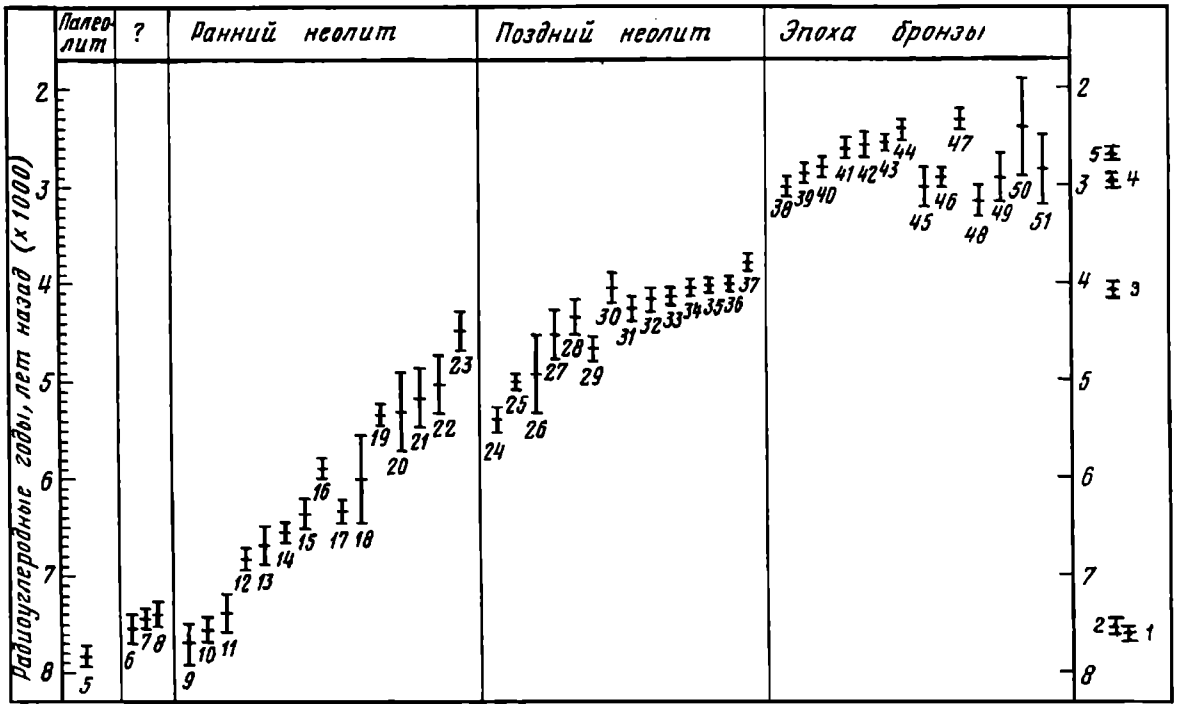

Рис. 2. Хронологическое сопоставление радиоуглеродных дат древних культур эпох камня и бронзы Приморья (номера дат соответствуют номерам в таблице; даты даны с двойной статистической ошибкой измерения). Крайняя правая колонка — взвешенный возраст серий дат: *1* — Рудная (нижний слой); *2* — Алмазинка; *3* — Рудная (средний слой); *4* — Синий Гай А; *5* — Лидовка I

Датировка СОАН-1922 по стоянке Горбатка III относится к материку, т. е. культурный слой стоянки несколько моложе этой даты.

Датировка по стоянке Суворово IV не согласуется с палинологическими данными, что отмечалось ранее (Кузьмин Я. В., 1992, с. 127). На основании того, что результаты датирования не соответствуют датировке по палинологическим данным, Н. А. Кононенко с соавторами (Кононенко Н. А. и др., 1993, с. 24, 25) выражает недостаточно обоснованные сомнения в достоверности датировки 15 300 ± 140 (Ки-3502) л. н. Вторая дата по стоянке Суворово IV, полученная по дополнительно отобранном в 1990 г. С. А. Гладышевым образцу угля из культурного слоя, практически совпадает с первой — 15 105 ± 110 (AA-9463) л. н. Видимо, необходимо дальнейшее изучение стоянки Суворово IV методами абсолютной геохронологии.

Для стоянки Устиновка I в 1981 г. по углю, отобранному из культурного слоя (глубина 1,0—1,1 м), была получена по очень небольшому количеству счетного бензола (менее 1 мл) датировка 7800 ± 500 (ГИН-2503) л. н. Поскольку датировка противоречит остальной геохронологической информации по стоянке (Кузьмин Я. В., 1992), требуется дополнительный отбор проб и датирование этого опорного памятника верхнего палеолита Приморья.

По стоянке Алмазинка, возраст которой первоначально предполагался равным 20—24 тыс л. н. (Лынша В. А., 1992), по раскопу № 1 (1991 г.) были получены датировки 6870 ± 100 (ГИН-6944) л. н. и 3410 ± 160 (ГИН-6943) л. н. «Молодой» возраст даты ГИН-6943 может быть объяснен загрязнением угля из культурного слоя в результате проникновения современных горелых корней кедра. По образцам раскопа № 2 (1992 г.) получена хорошо согласующаяся серия датировок — 7545 ± 80 (AA-9818), 7430 ± 65 (AA-9817), 7410 ± 60 (AA-9819) л. н. В этом же раскопе найдены фрагменты керамического сосуда (сообщение В. А. Лынши, 1993), поэтому, возможно, в будущем памятник Алмазинка будет отнесен к неолиту.

Для стоянки Суворово III получена датировка 360 ± 50 (AA-9462) л. н., а

для палеолитического (?) слоя стоянки Суворово VI — дата 5550 ± 55 (АА-9464) л. н. Полученные даты не согласуются с археологическим возрастом (не менее 8—9 тыс. л. н.).

Основным лимитирующим фактором в изучении радиуглеродной хронологии палеолита Приморья является практически полное отсутствие крупных частиц древесного угля на стоянках. Здесь весьма перспективным представляется применение метода ускорительной масс-спектрометрии. Однако при отборе образцов многократно повышаются требования к частоте материала. Видимо, современный возраст стоянки Суворово III можно объяснить тем, что палеолитический слой уже полностью раскопан. На стоянке Суворово VI датировка АА-9464, вероятно, фиксирует этап заселения памятника уже в неолите.

2. *Ранний неолит.*

В сводках по археологии Приморья (История Дальнего Востока. . . , 1989; Бродянский Д. Л., 1987) неолит не разделяется на ранний и поздний. На основе радиоуглеродных датировок установлено, что наиболее ранней неолитической культурой Приморья является руднинская культура (стоянки Чертовы Ворота; Рудная, нижний слой). Несколько менее древним является нижний слой стоянки Бойсман 2, который также можно отнести к раннему неолиту (Попов А. Н., 1992). Полученные ранее по стоянке Бойсман 2 датировки — 6500±740, (ДВГУ-145), 6200 ± 830 (ДВГУ-144), 5829 ± 780 (ДВГУ-143) л. н. (Brodianski D. L., Rakov V. A., 1992) — из-за большой статистической ошибки измерений могут быть приняты в качестве ориентировочных определений.

Датировки ГИН-6958 и СОАН-3019 получены по одному и тому же костяку из погребения. В пределах тройной ошибки измерения датировки не перекрываются (разница в возрасте 850 лет, тройная ошибка $\pm (220^2 + 140^2)^{1/2} \times 3 = 780$ лет), что говорит об их неудовлетворительной сходимости и требует дальнейшего датирования.

3. *Поздний неолит.*

Памятники, относимые к позднему неолиту (таблица, № 24—37), принадлежат к зайсановской культуре (История Дальнего Востока. . . , 1989; Бродянский Д. Л., 1987). После получения серий дат по стоянкам Валентин-перешеек, Рудная (средний слой), Мустанг стало ясно, что датировки стоянок Моряк-Рыболов (Псухун) и Кировский, которые раньше относили к эпохе бронзы (Окладников А. П., 1964, с. 49; Деревянко А. П. и др., 1989, с. 79), вероятнее всего, относятся к слоям зайсановской культуры на этих памятниках. Подобное предположение для стоянки Моряк-Рыболов высказывалось ранее (Окладников А. П., Деревянко А. П., 1971; Деревянко А. П., 1973, с. 118—119; Бродянский Д. Л., 1987, с. 114) и теперь подтверждено фактическим материалом.

Для слоя III стоянки Олений А ранее были получены датировки, которые, видимо, относятся к более поздним слоям — 3500 ± 163 (ДВГУ-ТИГ-83), 2048± ± 278 (ДВГУ-ТИГ-84) л. н. (Радиоуглеродная хронология. . . , 1989).

Д. Л. Бродянский (Бродянский Д. Л., 1979, 1987) приводит хронологическую корреляцию слоя Олений III с руднинской культурой, что не подтверждается радиоуглеродными датировками. Слой III стоянки Олений А (2-й этап зайсановской культуры по Д. Л. Бродянскому) относится ко второй половине V — второй половине IV тыс. до н. э., тогда как верхний возрастной рубеж руднинской культуры датируется концом VI тыс. до н. э.

4. *Эпоха бронзы.*

По стоянке Лидовка I получена датировка 4230 ± 95 (СОАН-1387) л. н., которая сильно отличается от серии дат на этой стоянке (таблица, № 41—44) и, видимо, относится к более раннему слою. По стоянке Суворово VI (верхний слой) получена дата 1220 ± 330 (ГИН-6950) л. н., противоречащая археологическим представлениям. Для стоянки Евстафий-Олег I была получена датировка 850 ± 230 (ГНТ-6947) л. н., которая, по сообщению А. В. Гарковик (1992 г.), может быть отнесена к средневековью.

Крайне важны для изучения хозяйства древних культур Приморья датировки слоя III стоянки Синий Гай А— опорного поселения синегайской культуры (Бродянский Д. Л., 1987). Можно считать установленным, что синегайская культура существовала в конце II — начала I тыс. до н. э. и находка культурных злаков (чумизы) на стоянке Кировский относится к слою зайсановской культуры (вероятнее всего, к слою Кировский III Д. Л. Бродянского (Бродянский Д. Л., 1979)), а не к синегайской культуре.

Заключение

Первый, еще во многом предварительный анализ радиоуглеродных дат древних культур эпох камня и бронзы Приморья (рис. 2) позволяет наметить основные хронологические рубежи в радиоуглеродной хронологии палеолита, неолита и эпохи бронзы.

Рубеж между палеолитом и ранним неолитом может быть намечен на уровне около 7800—8000 л. н., что близко к ранее предложенной дате 8000 л. н. (Кузьмин Я. В., 1992). Ранненеолитические стоянки существовали 5000—7800 л. н. (до первой половины IV тыс. до н. э.).

Рубеж между ранним неолитом и поздним неолитом (зайсановской культурой) пока может быть проведен на уровне около 5000—5300 л. н., или, используя календарную шкалу, 3800—4000 гг. до н. э. (рубеж V и IV тыс. до н. э.). Время существования поселений зайсановской культуры может быть ограничено интервалом 3800—5300 л. н. (начало IV — конец III тыс. до н. э.).

Рубеж между поздним неолитом и эпохой бронзы может быть намечен на уровне около 3000 л. н. (в календарной шкале 1300—1500 гг. до н. э., т. е. вторая половина II тыс. до н. э.). Некоторая условность этого вывода связана с тем, что пока неизвестны поздненеолитические памятники с датировками в интервале 3000—3800 л. н. Поселения эпохи бронзы Приморья существовали в интервале 2300—3800 л. н. (середина II — середина I тыс. до н. э.).

Авторы приносят благодарность за сообщение недостающих сведений о датированных поселениях и за обсуждение полученных в разные годы результатов Ж. В. Андреевой, Д. Л. Бродянскому, Р. С. Васильевскому, А. В. Гарковик, С. А. Гладышеву, В. И. Дьякову, Н. А. Клюеву, А. А. Крупянко, А. М. Кузнецову, В. А. Лыншу, Н. Д. Оводову, А. Н. Попову, В. П. Степанову, А. В. Табареву.

Датировки с индексом АА выполнены в лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Университета Аризоны (г. Тусон, США); работы по датированию были частично финансированы грантом EAR 85—12 761 Национального научного фонда США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродянский Д. Л., 1979. Проблемы периодизации и хронологии неолита Приморья//Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.

Бродянский Д. Л., 1987. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток.

Васильевский Р. С., 1987. Верхнепалеолитические культуры Юго-Восточного Приморья//Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Деревянко А. П., 1973. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск.

Деревянко А. П., Андреева Ж. В., Бродянский Д. Л., 1989. Племена юга Дальнего Востока СССР во II тысячелетии до н. э. Бронзовый век//История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.

История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века, 1989. М.

Кононенко Н. А., Гарковик А. В., Кадзивара Х., 1993. Исследование докерамической стоянки Устиновка 3 в Приморье. — Препринт. Владивосток.

Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 1992. Археология и реальная точность радиоуглеродного метода//Геохронология четвертичного периода. М.

Кузнецов А. М., Лынша В. А., Панычев В. А., Ковалюх Н. Н., Кузьмин Я. В., 1988. Стратиграфия и хронология докерамических памятников Юго-Западного Приморья//Стратиграфия и корреляция

четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского региона. Тез. междунар. симпоз. Т. I. Владивосток.
Кузьмин Я. В., 1990. Радиоуглеродная хронология археологических памятников юга Дальнего Востока СССР//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (докл. междунар. симпоз.). Новосибирск.
Кузьмин Я. В., 1992. Палеогеография и хронология древних культур эпохи камня Приморья//Геология и геофизика. № 6.
Лынша В. А., 1992. Открытие палеолита на севере приморья//Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Кратк. содерж. докл. междунар. симпоз. Красноярск.
Окладников А. П., 1964. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии//ВИ. № 1.
Окладников А. П., Деревянко А. П., 1971. Приамурье и Приморье во II тыс. до н. э.//Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. Новосибирск.
Попов А. Н., 1992. Бойсмана 2: керамический комплекс раковинной кучи//Арсеньевские чтения. Тез. докл. регион. научн. конф. Уссурийск.
Радиоуглеродная хронология древних культур Дальнего Востока СССР. Каталог датировок. 1989. Владивосток.
Степанов В. П., Парунин О. Б., Тимашкова Т. А., Шлюков А. И., 1981. Радиоуглеродное датирование первобытных стоянок и некоторые вопросы археологии приморского края//Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тез. регион. совещ. Тарту.
Aitken M. J., 1990. Science-based dating in archaeology. L.; N. Y.
Brodianski D. L., Rakov V. A., 1992. Prehistoric Aquaculture on the Western Coast of the Pacific//Pacific Northeast Asia in Prehistory: Hunter-Fisher-Gatherers, Farmers and Sociopolitical Elites. Pullman, Washington.
Klein J., Lerman J. C., Damon P. E., Ralph E. K., 1982. Calibration of radiocarbon dates//Radiocarbon. V. 24. № 2.
Linick T. W., Damon P. E., Donachue D. J., Jull A. T., 1989. Accelerator Mass Spectrometry: The new revolution in radiocarbon dating//Quaternary Internat. V. 1.
Pearson G. W., Stuiver M., 1986. High-Precision Calibration of the Radiocarbon Time Scale, 500—2500 BC//Radiocarbon. V. 28. № 28.
Stuiver M., Pearson G. W., 1986. High-Precision Calibration of the Radiocarbon Time Scale. AD 1950—500 BC//Radiocarbon. V. 28. № 28.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
Владивосток
Институт геологии ОИГГиМ СО РАН, Новосибирск
Геологический институт РАН, Москва
Университет Аризоны, г. Тусон, Аризона, США

Y. V. KUZMIN, L. A. ORLOVA, L. D. SULERZHITSKY, A. J. T. JULL

RADIOCARBON CHRONOLOGY OF THE STONE AND BRONZE AGE CULTURES IN PRIMORYE

(the Russian Far East)

Summary

The general chronological borders of the Palaeolithic and Early Neolithic can be established about 8000—7,800 B. P., of the Early and Late Neolitic — about 5,300—5,000 B. P. (4,000—3,800 cal. B. C.), of the Late Neolitic and Bronze Age — about 3,000 B. P. (1,500—1,300 cal. B. C.). The results are based on 51 C14 dates got for the ancient sites of Primorye. Some of the dates which are in the contradiction with the bulk of the dates are also discussed.

А. Е. МАТЮХИН

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ДВУСТОРОННЕОБРАБОТАННЫХ ИЗДЕЛИЙ КАМЕННОГО ВЕКА

Двустороннеобработанные изделия, как известно, являются важной частью многих индустрий начиная с ашеля и кончая эпохой бронзы. Однако более или менее ясного определения данного понятия, его дифференциации в литературе по каменному веку нет (Leroi-Gourhan A., 1988, p. 128). Используемое нами понятие шире, чем существующий термин «двустороннеобработанные орудия», означающий на деле изделия типа наконечников. К рассматриваемой группе следует относить всякие изделия, имеющие полную или частичную двустороннюю обработку, что приводило (или нет) к выделению той или иной типологически определенной формы. Это прежде всего бифасы (ручные рубила), колуны, топоры, тесла, основная часть треугольных и листовидных острий, т. е. наконечников, атипичных орудий с двусторонней обработкой и др. В некоторых случаях сюда можно относить и такие орудия, как нуклевидные формы, орудия с уплощенным корпусом, орудия с утонченным основанием, бифациальные (реже конвергентные) скребла. В большинстве случаев эти изделия имеют частичную двустороннюю обработку.

Такое широкое определение понятия, с одной стороны, указывает не только на общую технологическую, но и типологическую связь некоторых из них, о чем будет сказано ниже. В литературе по палеолиту отдельные из упомянутых терминов не употребляются вовсе или используются в ином смысловом значении. Нередко один и тот же предмет, к примеру листовидное или треугольное острие, обозначается разными терминами. Довольно часто предлагаемые отдельными авторами понятия противоречивы и двусмысленны, например, «листовидные острия овальной формы» и т. п. С другой стороны, грубые двустороннеобработанные изделия, в частности нуклевидные формы или атипичные орудия с двусторонней обработкой, на стадии описания неоправданно называются «листовидными наконечниками». Неправомерно также применительно к листовидным и треугольным остриям и близким им формам использовать термин «бифас» (Callahan E., 1979, p. 128), поскольку в палеолитоведении под ним понимают совсем другие типы орудий с двусторонней обработкой.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями морфологии и технологии изготовления двустороннеобработанных изделий из функционально различных памятников прежде всего палеолита, в меньшей степени неолита и бронзы. Остановимся вначале на некоторых важных методологических моментах. Во-первых, при анализе всяких изделий надо принимать в расчет функциональный тип памятника — кратковременная стоянка, поселение, охотничий лагерь, стоянка-мастерская, мастерская-стоянка, мастерская и т. д. (Матюхин А. Е., 1990, с. 90; 1994а, с. 35). Вообще разные типы памятников свидетельствуют о своеобразии их производственного профиля, другими словами, о разных видах и ситуациях практической деятельности первобытных людей. Это, несомненно, сказалось на облике и составе индустрий, оставленных ими. Кроме того, типологически одинаковые или близкие изделия, например, скребла и остроконечники, особенно грубые, зубчато-выемчатые формы и др., а также бифасы в разных памятниках будут иметь неодинаковое содержание. Данное

© А. Е. Матюхин, 1995 г.

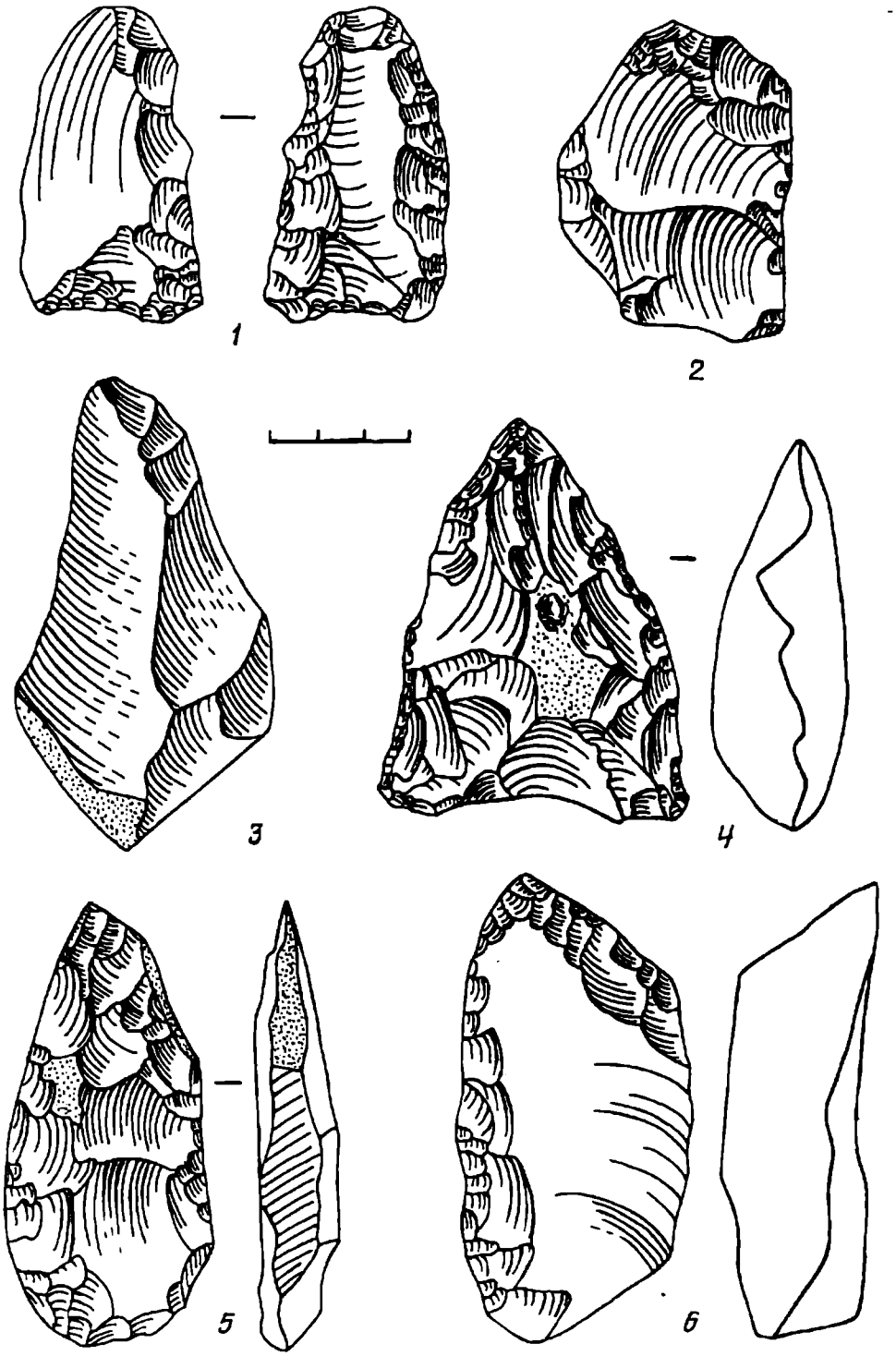

Рис. 1. Законченные и незаконченные орудия. *1* — комбинированное орудие (Бирючья балка 2); *2* — атипичное орудие с двусторонней обработкой (Бирючья балка 2); *3* — типичный бифас (Англия, Сванскомб, ашель); *4* — грубый бифас с вогнутым основанием (Бирючья балка 2); *5* — бифас с обушком (Крым, Засальное 5, мустье); *6* — скребловидное орудие (Карповцы)

обстоятельство не может не повлиять на выбор соответствующего по своей направленности подхода к изучению каменных изделий.

Существенным моментом следует признать разделение процесса анализа изделий на две самостоятельные, но взаимосвязанные стадии: описание и интерпретация. При описании используются общепринятые термины, заимствованные, например, из типологии Ф. Борда, которая и в наши дни не потеряла своего

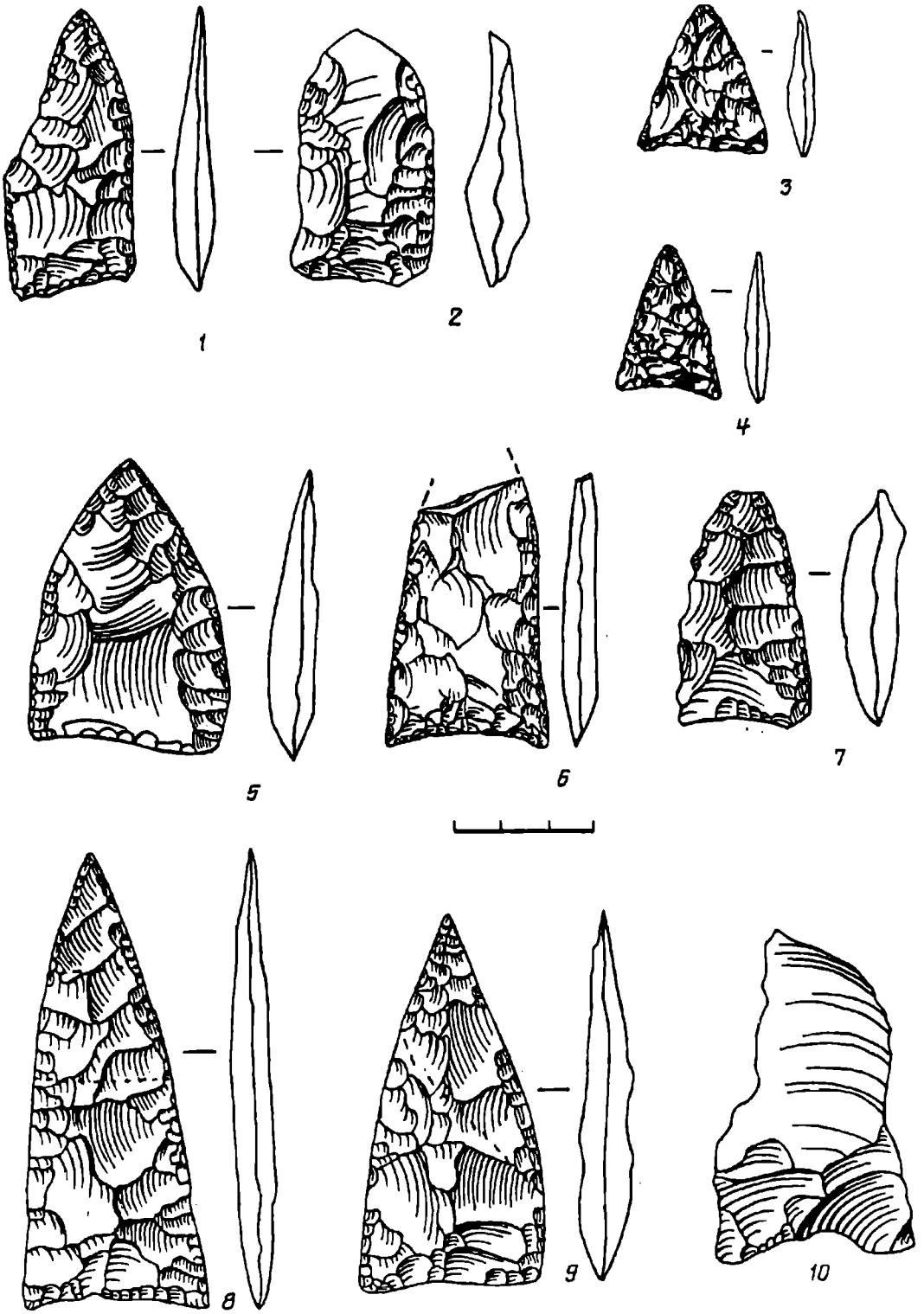

Рис. 2. Законченные и незаконченные орудия из Бирючьей балки 2. *1* — асимметричное треугольное острие; *2, 4* — грубые треугольные острия; *3, 6, 8, 9* — типичные треугольные острия; *10* — орудие с утонченным основанием

значения, хотя во многом уже устарела. Конечно, на этой стадии не избежать выделения отдельных специфических типов. На стадии интерпретации происходит объяснение природы признаков, выделение, в частности, признаков культурообразующих, технологических, функциональных и др., а также содержания отдельных изделий, их типов и категорий. Отметим, что интерпретация как отдельный методологический прием признается и некоторыми зарубежными ар-

хеологами (Bradley B. A., 1977, p. 107; Kozlowski J. K., 1980; p. 33—55; Genest J.-M., Plisson H., 1990, p. 293—320). Особенно удачным следует признать комплексный подход ряда исследователей к изучению материалов позднепалеолитических стоянок Меер в Бельгии и Пинсеван во Франции (Cahen D. et al., 1980, p. 209—259).

Остановимся также на двух важных с методической точки зрения понятиях, которые будут использоваться при изучении изделий. Начнем с понятия эталонная, т. е. типичная форма. Здесь подразумеваются всякого рода законченные, функционально значимые, типичные в морфологическом отношении орудия, например, бифасы, остроконечники, скребла, скребки, листовидные острия и др. (рис. 1, *3, 5*; 2, *3, 6, 8, 9*). Такие орудия обычно составляют основу тип — листов Ф. Борда, Д. Сонвий — Борд и Ж. Перро. Так, решая вопрос о том, является ли данное орудие законченным или нет, целесообразно обращать внимание на следующие признаки: степень выраженности общей формы орудия и ее деталей, объем обработанных поверхностей, угол между двумя смежными плоскостями, глубина негативов снятий, характер рельефа обеих сторон, наличие тонкой обработки, морфологические особенности ретуши, присутствие следов износа от работы и т. п. Надо иметь в виду, что поскольку на мастерских и стоянках-мастерских происходили поиски, отбор, опробование первичного материала, а также разные стадии его обработки, в частности изготовление большого количества орудий, то уместно будет считать, что в инвентаре данных памятников окажутся многочисленные незаконченные в разной степени изделия и заготовки. Исключительно много незаконченных топоров в инвентаре памятников эпох неолита (Гурина Н. Н., 1976, с. 64—69) и бронзы (Schild et al., 1977). Несомненно, присутствуют они и в индустрии практически всех палеолитических мастерских и стоянок-мастерских. Необходимо различать собственно незаконченные орудия и заготовки. Первые — это чаще всего неполучившиеся, сломанные, забракованные по причине плохого сырья, т. е. изделия, выброшенные, непригодные для дальнейшей обработки и превращения их в те или иные орудия. Правда, встречается немало незаконченных изделий, оставленных по непонятным для исследователя причинам. Укажем, что неполучившиеся и вообще незаконченные орудия, например топоры, наконечники, характерны для многих неолитических и энеолитических памятников разных территорий. Так, тысячи бракованных топоров выявлены в неолитических мастерских Западной Белоруссии. Неудавшиеся наконечники типа Фолсом и Кловис весьма часто неизбежно получаются в силу разных причин в практике даже опытных экспериментаторов (Callahan E., 1979, p. 70—133). Собственно заготовка — это изделие, качественное по сырью, а также имеющее выраженную, нередко стандартную форму и близкие приемы обработки, соответствующие габариты, т. е. пригодное для дальнейшего превращения его в орудие.

Понятие «эталонная», или типичная форма применимо прежде всего к материалам мастерских и стоянок-мастерских, другими словами, таких памятников, где осуществлялось направленное изготовление в большом количестве каких-то определенных в типологическом отношении орудий — профильных типов, в частности, скребков, бифасов и т. п. К примеру, в инвентаре мастерской позднего палеолита по изготовлению орудий Бирючья балка 1а эталонной формой и профильным типом являются листовидные острия. Уместно будет считать, что все остальные типы орудий с двусторонней обработкой окажутся на деле незаконченными листовидными остриями и их заготовками.

Не менее важным понятием является «модель орудия» (Матюхин А. Е., 1988, с. 24—30). Оно означает совокупность одновременно общих и специфических диагностических признаков, с помощью которых определенная категория или тип отличаются один от другого, в частности, бифас от топора, скребло от скребка, резец от проколки и т. д. Так, при характеристике моделей бифаса и треугольного острия можно выделить три уровня. На первом осуществляется вычленение общих структурных элементов орудия — верхнего и нижнего концов,

боковых краев с выделенными на них рабочими, аккомодационными, пассивными участками. На втором уровне происходит выделение, например, таких признаков: усложненная форма изделий, согласованность общей формы и ее деталей, характер локализации, соответствующая сочетаемость основных структурных элементов орудия, наличие двусторонней обработки, разных приемов и способов изготовления, сложность самого технологического процесса и др. Наконец, к числу диагностических признаков можно отнести, например, для бифасов следующие: 1) разнообразие общей формы и ее деталей, 2) нижняя часть орудия более массивная, чем верхняя, 3) разнообразие формы верхнего конца, 4) приуроченность рабочей и аккомодационных зон к разным структурным участкам орудия, 5) значительный диапазон основных метрических показателей (длина/ширина, длина/толщина, ширина/толщина), 6) более выпуклый и неровный рельеф обработанных поверхностей, 7) особенности макроследов износа от работы и характер их локализации. Специфические признаки для треугольных острий иные: 1) ограниченное число вариантов общей формы и ее деталей, 2) треугольные или подтреугольные очертания верхнего конца, 3) ограниченное число вариантов формы основания, 4) строго определенное расположение рабочей и аккомодационной частей, 5) плоский рельеф обработанных поверхностей, 6) наличие весьма тонкой обработки, 7) использование характерных приемов обработки основания, 8) ограниченный диапазон метрических показателей, 9) возможное несоответствие общей формы, ее деталей, с одной стороны, и метрических показателей — с другой.

Приведенные здесь признаки, несомненно, нуждаются в дополнении и уточнении. Видно, что основным показателем отличия являются определенные метрические соотношения, в меньшей степени — характер обработанных поверхностей, приемы изготовления и выделения отдельных элементов орудий. При этом речь идет, главным образом, о законченных, готовых формах. Однако при сравнении невыразительных бифасов, с одной стороны, и грубых, незаконченных треугольных острий — с другой — возникают определенные трудности. Здесь надо принимать во внимание самые разнообразные соотношения не только отдельных метрических показателей друг с другом, но и с общей формой отдельных структурных элементов орудий, а также наличие особых приемов обработки некоторых участков изделий, в частности, основания. Так, изделие подтреугольной формы, массивное в сечении, с неровным рельефом обработанных поверхностей, вогнутым основанием, срезанным ударным бугорком и т. д. будет при описании названо (неудавшимся) треугольным острием, а не бифасом с учетом таких признаков, как общая форма, а также форма основания и острия, технологические особенности обработки и др. Из всех метрических признаков диагностическим оказался только один — соотношение длины к ширине. Важна внутренняя согласованность и увязка этих и других близких признаков в пределах данной модели орудия.

Дадим краткую характеристику некоторых упомянутых выше категорий двустороннеобработанных изделий. Подчеркнем, что выделение таких орудий, как нуклевидные, орудия с уплощенным корпусом и орудия с утонченным основанием, в качестве самостоятельных типов вполне оправданно, поскольку они характерны для инвентаря памятников, где присутствуют листовидные и треугольные острия. Другое дело, что у многих из них обработка одной из сторон бывает минимальной. Начнем с нуклевидных форм (рис. 3). В целом это довольно крупные изделия, изготовленные, главным образом, из желваков, валунов, плиток, кусков камня, а также массивных отщепов. Нередко присутствуют в инвентаре стоянок-мастерских, но прежде всего мастерских и мастерских-стоянок обычно с такими формами, как бифасы, топоры, треугольные и листовидные острия, и другими сложными двустороннеобработанными орудиями. Хотелось бы обратить внимание на этот типологический контекст, т. е. соотношение определенных типов изделий. В культурно-хронологическом отношении это памятники всего каменного века и начала эпохи бронзы. У рассматриваемых предметов одна, чаще обе поверхности

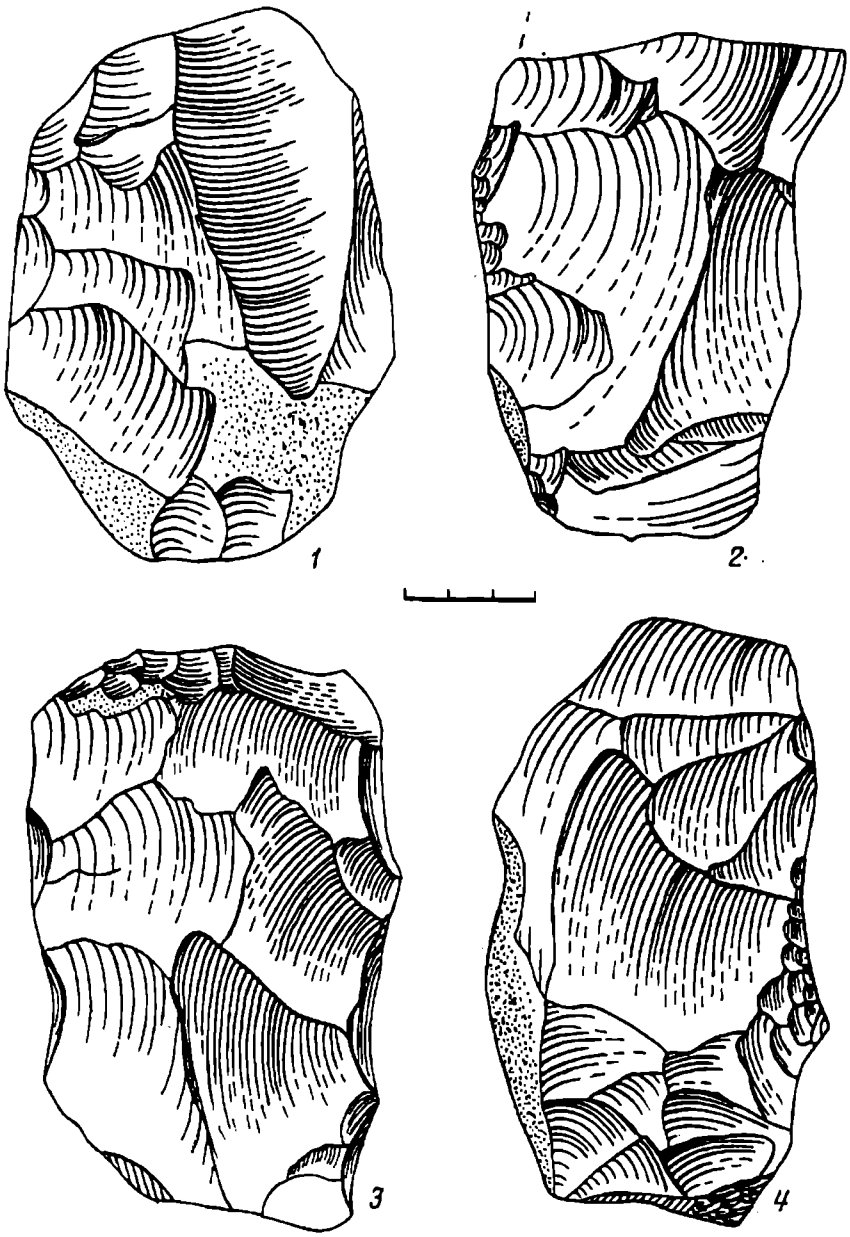

Рис. 3. Нуклевидные формы. *1* — ашель Палестины; *2* — Бирючья балка 2 (поздний палеолит); *3* — Донг-Кхой (Вьетнам, эпоха бронзы); *4* — Карповцы (Белоруссия, неолит)

покрыты негативами крупных сколов. На очень многих изделиях имеются ударные площадки, подготовленные преднамеренно или случайно получавшиеся (грань, поверхность облома, крутой участок края и т. п.). С них скалывались отщепы. Характерно, что у многих изделий подобного рода из индустрий ашеля, мустье, позднего палеолита, неолита и бронзы наиболее интенсивной обработке подвергалась плоская сторона (Matioukhine A. E., 1990, p. 148; Матюхин А. Е., Григорьева Г. В., 1981, с. 235—241). Нередко ею становилась брюшковая поверхность отщепа. Такой технологический прием облегчал уплощение исходной заготовки. В целом у данных орудий структурные компоненты модели того или иного орудия не выражены. Поэтому у них, как правило, отсутствуют сколы оформления и прежде всего ретушь. Перед нами орудия, оставленные на самой ранней стадии обработки, т. е. стадии специального уплощения исходных заготовок. Небезынтересно, что нуклевидные изделия из ашельской стоянки Сатани-Дар (бифасы), мустьерской мастерской — стоянки Муселиево (листовидные

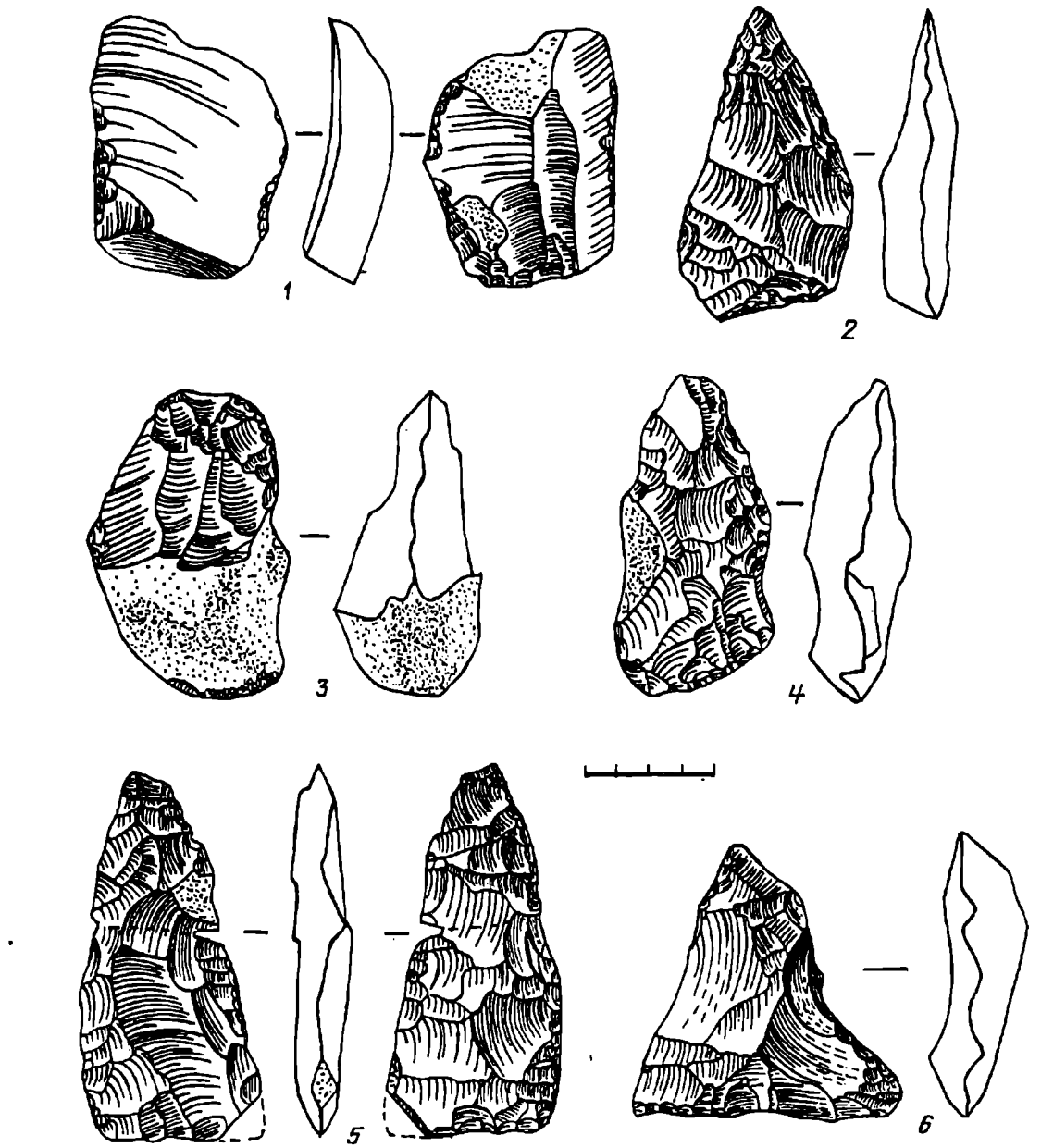

Рис. 4. Законченные и назаконченные орудия. *1* — орудие с уплощенным корпусом (Бирючья балка 2); *2, 3* — бифасы типичные (Бирючья балка 2); *4* — бифас атипичный (Бирючья балка 2); *5* — незаконченное треугольное острие (Бирючья балка 2); *6* — незаконченное треугольное острие (Бирючья балка 1в)

острия), бифасы из позднепалеолитической мастерской-стоянки Бирючья балка 2 (треугольные острия), поселения эпохи бронзы Донк-Кхай (топоры) и шахт-мастерских из Красного села (топоры) по своим технологическим приемам обработки и морфологии весьма похожи друг на друга. Все они не закончены и оставлены на начальной стадии обработки. Заметим, в частности, что многие заготовки топоров и их незаконченные, неполучившиеся формы из ряда памятников позднего времени Вьетнама были ошибочно приняты за бифасы, колуны, чопперы и нуклеусы ашельского времени (Борисковский П. И., 1966, с. 144—160). Наличие стадии первичного уплощения при изготовлении различных сложных орудий с двусторонней обработкой наглядно подтверждается на примерах моделирования наконечников типа Кловис (Callahan E., 1979, p. 41—115) и типа Фолсом (Frison G. C., Bradley B. A., 1980, p. 47).

Несколько похожи на нуклевидные формы орудия с уплощенным корпусом

и орудия с утонченным основанием. И те, и другие ранее специально не выделялись. Однако на близкие изделия так или иначе обращали внимание отдельные исследователи (Любин В. П., 1977, с. 170—178). Показательным также представляется выделение скребел с утонченным корпусом (Любин В. П., Джафаров А. К., 1986, с. 74—77; Джафаров А. К., 1983, с. 52, 53). Орудия с уплощенным корпусом обычно изготовлены из отщепов и пластин (рис. 4, *1*). Они имеют нередко массивное сечение или какие-то неровности рельефа, что и вызывает проведение специальной технологической операции — уплощение (исправление) исходной заготовки. Сколы уплощения снимались с подготовительных ударных площадок. Практиковалось также выравнивание рельефа брюшковой поверхности отделов путем снятия мелких сколов. Рассматриваемые орудия обычно многочисленны в мастерских и мастерских-стоянках мустьерского и позднепалеолитического времени, где происходило изготовление двустороннеобработанных орудий и в первую очередь треугольных и листовидных острий.

Орудия с утонченным основанием представлены практически во всех случаях изделиями из отщепов и пластин (рис. 2, *10*). Первобытный мастер ставил перед собой задачу выровнять брюшковую поверхность путем снятия ударного бугорка или других неровных участков в зоне основания предполагаемого орудия. Это осуществлялось часто со специально подготовленных ударных площадок с помощью относительно крупных сколов. В этом случае рассматриваемое изделие похоже на предыдущее. Сколы обычно укороченные и, как правило, локализуются непосредственно в зоне основания. Они снимались как параллельно, так и перпендикулярно продольной оси отщепа или пластины. В отдельных случаях кроме брюшковой обработке подвергалась тыльная поверхность исходной заготовки или только последняя. Весьма показательно, что орудия с утонченным основанием в инвентаре многих памятников представлены в основном обломками.

Атипичные орудия с двусторонней обработкой многочисленны в тех коллекциях, где присутствуют всякого рода двустороннеобработанные формы. Обычно эти орудия причисляют к бифасам, двустороннеобработанным остриям, скреблам с двусторонней обработкой и т. п. Эти атипичные формы представляют интерес именно с технологической точки зрения. К данной категории мы относим изделия, у которых структурная модель, отдельные ее компоненты, а также общая форма выражены недостаточно определенно, чтобы можно было уверенно связывать с той или иной категорией или типом. Изготовлены они из желваков, валунов, кусков камня и массивных сколов. Ф. Борд подобного рода изделия относил в отдельных случаях к частично двустороннеобработанным орудиям (Bordes F., 1961., fig. 48, *9*). Они могут иметь значительный объем обработанной поверхности или, наоборот, небольшой. Нередко на одной или обеих сторонах фиксируются негативы крупных сколов, снятых, видимо, с целью уплощения корпуса исходной заготовки (рис. 1, *2*). В ряде случаев крупные сколы снимались с ударной площадки. Кроме крупных, на боковых краях, верхнем и нижнем концах может присутствовать нерегулярная ретушь, которая не оформляет и не выделяет основные структурные компоненты орудия. Для рассматриваемых орудий характерны глубокие негативы снятий, неровный рельеф обработанных поверхностей и заметно извилистые боковые края. Угол заострения последних колеблется часто в пределах 70—90°. Другими словами, рабочие лезвия как таковые у них не выделены. Встречаются изделия, у которых относительно регулярной ретушью оформлены один или оба боковых края. Они похожи на скребла. Однако такие признаки, как утонченное основание и выравнивание брюшковой поверхности, указывают на то, что перед нами более сложное, чем скребло, орудие. Нечто похожее изображено на рис. 1, *1*. Типологически это изделие затруднительно для определения. Его можно назвать одновременно орудием с частичной двусторонней обработкой, конвергентным скреблом с утонченным основанием и комбинированным орудием. Однако, учитывая конкретный технолого-морфологический контекст индустрии, из которой оно происходит, перед нами незаконченное треугольное острие или его заготовка.

Рассматривая группу скребел, отметим, что во многих коллекциях мастерских и мастерских-стоянок они весьма невыразительны и в силу этого разнообразны. Отметим, что в инвентаре прежде всего мастерских-стоянок встречаются также и типичные скребла. Особый интерес представляют бифациальные, угловатые, конвергентные и двойные скребла. Как правило, это грубо оформленные изделия с неровными краями. У некоторых из них частично или полностью удален ударный бугорок или произведено выравнивание поверхности путем снятия некрупных сколов (рис. 1, *1*). У отдельных экземпляров на одном крае сохраняются ударные площадки, из чего следует, что ретуширование, нередко тщательное, происходило не с целью оформления рабочего лезвия, а их подготовки. Отметим, что изделия, похожие на скребла, могут встречаться в инвентаре памятников неолитических и эпохи бронзы (рис. 1, *5*).

Кратко остановимся на бифасах. Они ложны не только в морфологическом и технологическом отношении, но также по своей содержательной природе. В инвентаре многих мастерских, например, мустьерской мастерской по изготовлению листовидных острий Калитвенка 1а, а в равной мере в позднепалеолитических мастерских и мастерских-стоянках в балке Бирючьей у хутора Кременского и др. памятниках выделены бифасы, разные по своим типам, характеру морфологической выраженности и приемам изготовления. Классические бифасы, по Ф. Борду, здесь встречаются довольно редко (рис. 4, *2*). Чаще всего представлены неклассические бифасы (рис. 1, *4, 5*; 4, *3, 4*). Следует обратить внимание на присутствие в инвентаре позднепалеолитических мастерских и мастерских-стоянок в балке Бирючьей бифасов аббевильского облика (рис. 4, *3*). Это законченные, функционально значимые орудия. Весьма характерны грубые бифасы с неровным рельефом и искривленным профилем (рис. 1, *4*; 4, *4, 6*). Это явно незаконченные, технологически значимые орудия. Показательно и то, что в инвентаре всех упомянутых памятников присутствует большое количество обломков бифасов, а также массивных бифасов зауженных пропорций и листовидных бифасов (рис. *5*, *1в-г*). Длина таких удлиненных бифасов, например, из мастерской Бирючья балка 1а составляет 15—20 см. Характерны бифасы с вогнутым основанием (рис. 1, 4).

Перейдем теперь к листовидным и треугольным остриям. Часто их обозначают термином «двустороннеобработанные орудия», или «наконечники». Использование последнего наименования кажется менее предпочтительным по своей отчетливой функциональной определенности. В палеолитоведении имеются работы по типологии листовидных и треугольных острий (Freund G., 1952; Straus L. G., 1977, p. 206—212; Sirakova S., 1990, p. 63—78) и технологии их изготовления (Pelegrin J., 1981, p. 4—7; Hahn J., 1990, p. 79—93). Так, треугольные острия можно разделить по форме на изделия в виде равнобедренного треугольника, а также умеренно удлиненные, заметно удлиненные и подтреугольные (рис. 2, *1, 3—6, 8—9*). Основание может быть прямым, слегка выпуклым, слабо вогнутым, умеренно и заметно вогнутым. В отдельных памятниках стрелецкой культуры, а также в Бирючьей балке 2 присутствуют экземпляры длиной 2—4 см (рис. 2, *3, 4*). Некоторые острия поражают своими исключительно правильными очертаниями и тщательной обработкой (рис. 2, *3—4, 6, 8—9*). У них представлена эталонная форма данного орудия. Отметим, что собственно законченных и целых форм в индустриях мастерских и мастерских-стоянок не так уж много. Основная часть треугольных острий представлена различными обломками, а также большим числом грубых, невыразительных экземпляров (рис. 2, *1—2, 7*). Несмотря на то, что типовая модель данного конкретного орудия у них выражена, эталонная форма отсутствует. Они часто массивны при зауженных пропорциях, имеют неровные края, глубокие негативы снятий, несогласованность отдельных деталей общей формы и даже целых компонентов модели орудия.

Перейдем теперь к вопросам интерпретации выделенных категорий и типов. На этой стадии исследования необходимо учитывать данные петрографии, планиграфии находок, эксперимента, ремонтажа, функционального и типологического

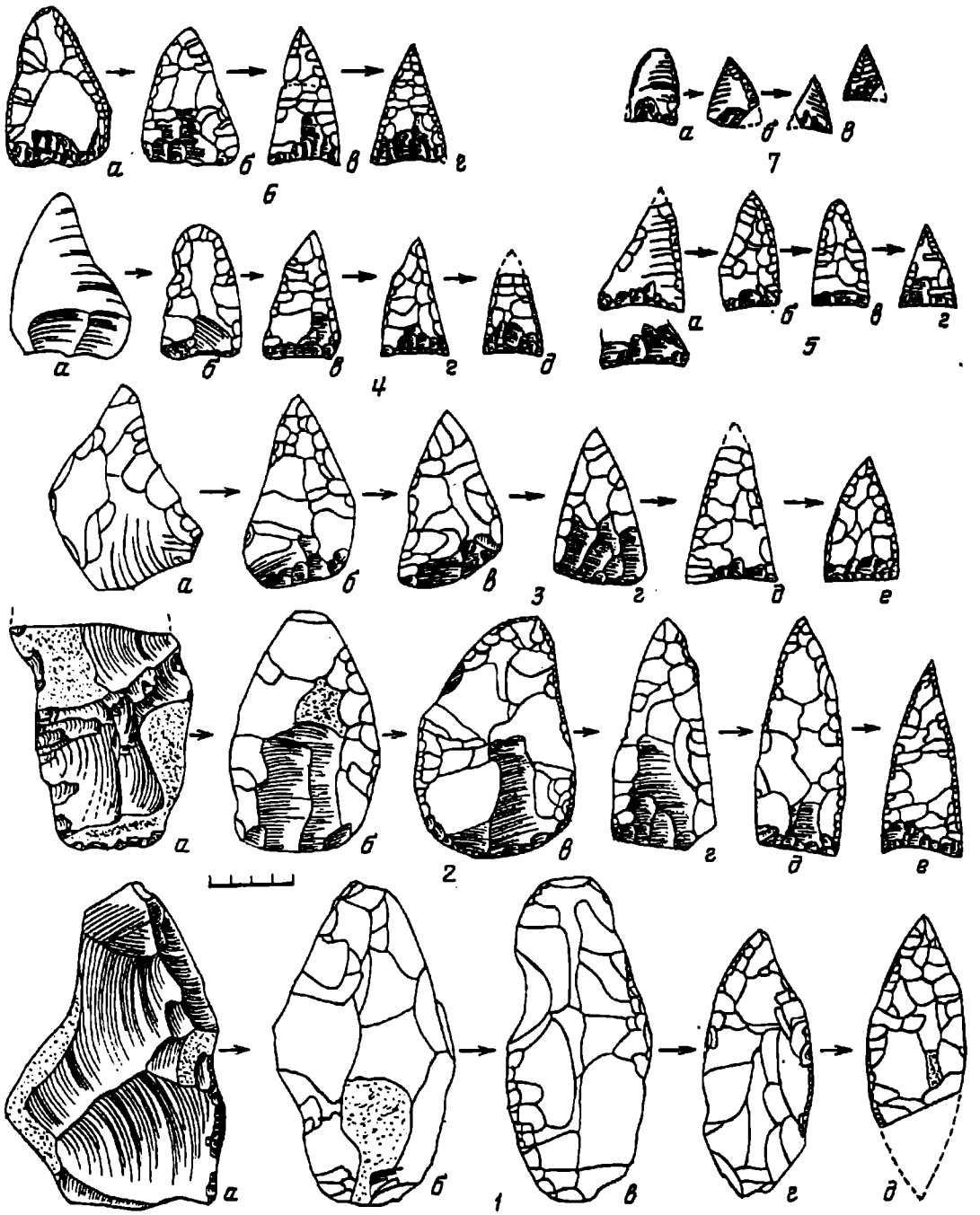

Рис. 5. Варианты редукционных рядов (стадии формирования треугольных острий в ходе их изготовления). *1, 3—7* — Бирючья балка 2; *2* — Бирючья балка 1а

анализа. Эти методы, по нашему мнению, слагают основу технологического, или, по-другому, морфолого-технологического подхода. Конечно, не всегда удается использовать в силу тех или иных причин весь приведенный комплекс методов. Главная цель технологического подхода, по-другому, первобытной технологии — реконструкция конкретных технологических процессов (технологий) во всей их сложности и многообразии, начиная с поисков и добычи сырья, через все стадии его обработки, например, изготовления орудий с помощью разных приемов и способов до их использования, подправки и выброса (Матюхин А. Е., 1977, с. 3; 1983, с. 134—187). Технологический подход является одним из основных приемов интерпретации каменных изделий. Технология обработки материалов понимается как живой и стадиальный процесс, в ходе которого осуществляется

рсализация практических навыков, опыта, знаний, мастерства, манеры исполнения, традиций и целей древних изготовителей через сложную психо-операционную систему: контроль отдельных производственных актов, операций, приемов и способов, соблюдение элементарных технологических и физических норм и правил, проявления интуиции, инерции, автоматизма, проб, ошибок и т. п. Первобытная технология как реальный процесс не может быть сведена к управлению ударным импульсом со стороны изготовителя (Гиря Е. Ю., 1993). В действительности это осуществимо лишь в рамках современной индустриальной технологии при использовании специальной программы. Е. Ю. Гиря допускает элементарную логическую ошибку, пытаясь задачи первобытной технологии как науки, знания и возможности современного человека перенести на прошлое, внедрить в сознание и практику древнего изготовителя (Матюхин А. Е., 1994б, с. 64). Совершенно неоправданно человека каменного века ставить в полную зависимость от каких-то мифических и непонятных «технологических необходимостей» и «физических законов расщепления». Известно, что главное в научном исследовании — это в конечном итоге понимание исследуемых объектов. Применительно к каменным изделиям оно может быть достигнуто в ходе функционального, а в данном случае технологического подхода. Последнее осуществимо путем реконструкции всего технологического процесса. К этому отдельные исследователи пришли в последние десятилетия (Матюхин А. Е., 1977; Bradley B. A., 1977, p. 107). Сам последовательный процесс изменения изделия во время его обработки получил название «операционные цепи» (Pelegrin J. et al., 1988, p. 33—62; Boëda E. et al., 1990, p. 43—80), или «редукционная последовательность» (Bradley B. A., 1975, p. 5—13). Каждое изделие, отдельные его признаки и свойства рассматриваются непосредственно в контексте всех составляющих технологического процесса. Кроме того, и самое изделие принимается как система, как процесс. При интерпретациях, кроме учета технологического контекста, надо принимать во внимание конкретный типологический контекст индустрий, функциональный тип и производственный профиль изучаемого памятника, а также понятия «модели» и «эталонных форм» тех или иных изделий.

Обратимся непосредственно к рассматриваемым орудиям. Многие нуклевидные формы, происходящие из разных памятников каменного века, не могут быть признаны законченными орудиями, поскольку у них не представлены ни определенная структурная модель, ни типологически выраженная и закрепленная общая форма. Конкретно — это незаконченные бифасы, топоры, треугольные и листовидные острия, оставленные на самой начальной стадии обработки, а точней, в ходе предварительного уплощения исходных заготовок. Заметим, что в процессе уплощения изделий нередко возникают выразительные и в том числе леваллуазские отщепы. Совершенно очевидно, что в изделиях, оставленных на стадии первичного уплощения, трудно угадать форму будущего орудия, например, листовидного острия. В равной мере это относится к орудиям с уплощенным корпусом и орудиям с утонченным основанием. В таком случае приходится исходить из производственного профиля памятника, конкретного технолого-морфологического контекста его индустрии.

Среди бифасов многие грубые, но оформленные изделия являются законченными, функционально значимыми орудиями, структурная модель которых отчетливо выражена (рис. 1, *3*; 4, *5*). Они могли использоваться, например, для разделки туш животных, рубки кости, рога или дерева. В то же время некоторые грубые экземпляры могут оказаться незаконченными бифасами, топорами, треугольными или листовидными остриями. Можно привести много примеров подобного рода. Так, в селетских памятниках центральной Европы бифасы нередко являются незаконченными листовидными остриями (Barta J., 1960, с. 301—307; Prosek A., 1953, с. 174—177). Что касается неклассических, но выразительных в морфологическом отношении бифасов (кстати, классических тоже), то здесь наиболее существенным окажется их трасологический анализ. Во всяком случае некоторые изделия, найденные даже в индустриях с листовидными или треу-

гольными остриями, будут в силу отчетливо выраженной модели, целесообразной и типичной формы функционально значимыми орудиями, в частности, ножами, скреблами, рубящими орудиями и т. п. Что касается мастерских и мастерских-стоянок, то основная часть грубых невыразительных бифасов является на деле незаконченными и неполучившимися листовидными и треугольными остриями. Яркий пример — инвентарь мастерских в балке Бирючьей.

Атипичные орудия с двусторонней обработкой — это предметы, оставленные на самой начальной стадии оформления основных структурных компонентов таких, например, орудий, как бифасы, колуны, топоры, треугольные и листовидные острия (рис. 1, *2*). Вызывает возражение попытка отдельных авторов подобные изделия на стадии описания называть наконечниками, поскольку это противоречит строгим правилам типологического анализа. Прав М. Ленуар, который назвал некоторые незаконченные солютрейские острия изделиями с двусторонней ретушью (Lenoir M., 1990, p. 354). При интерпретации атипичных орудий с двусторонней обработкой важен учет не только структурной модели, но и целостной эталонной формы, ее даталей, наличие отчетливо выделенных рабочих и аккомодационных элементов.

Касаясь скребел, например с двусторонней обработкой, укажем, что наиболее выразительные экземпляры являются функционально значимыми, готовыми орудиями, и не только в инвентаре стоянок, но также мастерских. Это подтверждается прежде всего трасологическим анализом данных орудий. Правда, в случае с выразительными скреблами, например, из специализированных неолитических и мастерских эпохи бронзы, где происходило изготовление, скажем, топоров, их следует рассматривать как технологически значимые, т. е. незаконченные орудия и их заготовки (рис. 1, *6*). С другой стороны, имеющиеся в инвентаре многих палеолитических мастерских невыразительные конвергентные, бифациальные и двойные скребла окажутся незаконченными листовидными или треугольными остриями. В первую очередь это относится к скреблам, у которых срезан ударный бугорок, вообще отработано основание или произведено выравнивание брюшковой поверхности. Некоторые скребла уместно относить к числу пробных орудий или изделий, у которых обработанный край на деле является неиспользованной ударной площадкой. Такие орудия встречаются в инвентаре многих мастерских.

В заключение остановимся на треугольных и листовидных остриях. Исходя из проведенного выше описания, эти орудия оправданно будет разделить на готовые, т. е. законченные, а также незаконченные, в частности, неполучившиеся, сломанные или оставленные в силу разных (неизвестных) причин формы. Неполучившиеся орудия, очевидно, свидетельствуют о неумении или невозможности древних мастеров добиться симметрии орудий, нужных пропорций, их эталонной формы, например, при уплощении изделий в целом или отдельных их частей. Последняя операция нередко заканчивалась нарушением заданных пропорций или чрезмерным уменьшением размеров. У некоторых орудий не удалось выделить верхний конец или соответствующим образом уплощить их корпус. Орудие могло получиться слишком узким при его значительной массивности, или оно имеет отчетливо неровный рельеф обработанных поверхностей и сильно искривленный профиль. Облом орудий связан как с плохим качеством сырья, так и нарушением некоторых технологических норм и правил обработки. Листовидными или треугольными остриями можно называть те орудия, у которых представлена в эталонном или незаконченном виде типическая структурно-морфологическая модель. Вышеупомянутые названия применительно к таким орудиям, как нуклевидные орудия, грубые бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой и др. уместны только на стадии интерпретации и предполагают незаконченные их формы.

Таким образом, логично будет считать, что имеющиеся в инвентаре некоторых мастерских такие изделия, как нуклевидные формы, орудия с уплощенным корпусом, орудия с утонченным основанием, атипичные орудия с двусторонней обработкой, грубые атипичные бифасы, отдельные конвергентные, бифациальные,

угловатые и двойные скребла, бифациальные остроконечники и др., являются в действительности незаконченными орудиями, например треугольными или листовидными остриями, оставленными (брошенными) на разных стадиях изготовления в силу определенных причин, о чем говорилось выше. И это, главным образом, не заготовки, а неудавшиеся, неполучившиеся орудия. Хотя первые, несомненно, присутствуют. Однако основания их часть уносилась за пределы мастерских или превращалась здесь же в законченные орудия. В качестве примера уместно сослаться на упоминавшуюся уже позднепалеолитическую мастерскую Бирючья балка 1а, в инвентаре которой среди 25 тыс. кремневых изделий выявлено около 100 орудий. Это нуклевидные формы, грубые атипичные бифасы в основном зауженных пропорций, листовидные бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой и др. Орудия из отщепов единичны. Нуклеусы практически отсутствуют. Почти все листовидные острия представлены обломками. Перечисленные формы дают наглядное свидетельство о направленном процессе изготовления листовидных острий, точней их заготовок. То же можно сказать и в отношении мастерской Бирючья балка 1в, для инвентаря которой характерны два профильных типа — скребки, но прежде всего — треугольные острия. То же и для мастерской-стоянки Бирючья балка 2, где основным профильным типом являются треугольные острия.

Говоря о конкретных технологических и морфологических признаках, которые объединяют происходящие из мастерских такие орудия, как грубые бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой, орудия с уплощенным корпусом, орудия с утонченным основанием, некоторые сложные скребла, укажем на следующие: преобладающая обработка основания, в частности, срезание ударного бугорка, его прямые или вогнутые очертания, одновременная обработка основания, а также одного или обоих краев, удлиненные пропорции изделий, их соответствующие метрические показатели, одинаковые способы и приемы обработки прежде всего отдельных участков орудий и др. Что касается нуклевидных форм, многих бифасов и атипичных орудий с двусторонней обработкой, а также конвергентных, двойных и бифациальных скребел без специфических признаков, т. е. в целом изделий, не имеющих четко выраженных отмеченных выше признаков, то их отношение к одному технологическому процессу будет определяться общей, но важной методической посылкой, а именно наличием определенного технолого-морфологического контекста. Сказанное в известной мере может относиться к таким орудиям, как некоторые односторонние грубые боковые, двойные, конвергентные и угловатые скребла, выемчатые и зубчатые формы, а также отщепы с ретушью. Отдельные из них, несмотря даже на относительно тщательную ретушь, в индустриальном контексте мастерских и стоянок-мастерских вполне могут оказаться пробными орудиями и иметь отношение к изготовлению, например, треугольных и листовидных острий.

Одним из вариантов реконструкции процессов изготовления орудий (операционных цепей) в ходе интерпретации является составление технолого-морфологических или редукционных рядов. Они отражают не только последовательность, но прежде всего динамику технологических процессов и в том числе формообразования орудий. Редукционные ряды напрямую связаны с технолого-морфологическим контекстом конкретной индустрии и объединяют типологически разные, но близкие по своей внутренней технологической связи изделия, поскольку они принадлежат к разным стадиям единого процесса изготовления разнообразных сложных орудий. Этот вопрос нашел отражение в литературе (Матюхин А. Е., 1977; 1983, с. 170—174; Bradley B. A., Stanford D. J., 1987, p. 405—439; Dibble H. L., 1987, p. 181; Baumler M. F., 1988, p. 255—274). Рассмотрим редукционные ряды, имеющие отношение к процессу изготовления треугольных и листовидных острий, происходящих из позднепалеолитических мастерских Бирючья балка 2 и Бирючья балка 1а. В первом случае изготовление, например, треугольного острия начинается с получения их желвака или куска камня нуклевидной формы (рис. 5, *1*). При дальнейшей обработке формируется модель, скажем, бифаса,

представленного несколькими типами и соответственно технологическими ступенями. Наконец, в процессе непрерывной обработки оформляется модель треугольного острия с рядом его типов (ступеней) и завершается получением его типичной формы. Второй вариант демонстрирует пример, когда процесс начинается с изготовления конвергентного скребла из скола-заготовки и продолжается через формирование модели треугольного острия с несколькими типами (ступенями) и завершается изготовлением эталонной формы острия (рис. 5, *5*). В третьем случае модель треугольного острия формируется с первых технологических актов. В качестве исходных заготовок выступают выразительные отщепы (рис. 5, *6, 7*). Число редукционных рядов может быть продолжено (рис. 5, *1—7*) и увеличено. Аналогичные редукционные ряды могут быть представлены применительно к процессам изготовления бифасов, топоров и других сложных орудий и не только с двусторонней обработкой. Интересным и пока неясным остается вопрос о конкретном содержании редукционных рядов. Какие причины обусловливали их число, характер и последовательность в разных индустриях: традиции, манера исполнения, привычки, стиль, особенности сырья и т. п.?

Таким образом, индустрии мастерских и стоянок-мастерских дают интересные сведения относительно природы некоторых сложных орудий каменного века. В зависимости от типа памятника, его производственного профиля, конкретного технолого-морфологического контекста содержание прежде всего грубых атипичных форм будет неодинаково. Так, если в инвентаре мастерских грубые атипичные бифасы и, например, конвергентные скребла будут незавершенными треугольными или листовидными остриями, то в индустрии стоянок данные орудия могут оказаться законченными, функционально значимыми орудиями. Трудней обстоит дело с нуклевидными орудиями, орудиями с уплощенным корпусом и др. Здесь, как впрочем и в вышеописанном случае, значительная роль принадлежит трасологическому исследованию этих изделий. В данной статье мы стремились показать сложную, динамичную и неоднозначную природу некоторых изделий. Ее выяснение является одной из важных задач, стоящих перед исследователями каменного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисковский П. И., 1966. Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме//Археология Старого и Нового Света. М.

Гиря Е. Ю., 1933. Технологический анализ пластинчатых индустрий. Автореф. дис...канд. ист. наук. СПб.

Гурина Н. Н., 1976. Древние кремнеобрабатывающие шахты. Л.

Джафаров А. К., 1983. Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку.

Любин В. П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Л.

Любин В.П., Джафаров А. К., 1986. Новая разновидность скребел с утонченным корпусом в инвентаре Тагларской мустьерской стоянки//Палеолит и неолит. Л.

Матюхин А. Е., 1977. Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий: Автореф. дис...канд. ист. наук. Л.

Матюхин А. Е., 1983. Орудия раннего палеолита//Технология производства в эпоху палеолита. Л.

Матюхин А. Е., 1988. Макроорудия из палеолитических мастерских//СА. № 2.

Матюхин А. Е., 1990. О спорных вопросах датировки палеолитического местонахождения Гора До во Вьетнаме//СА. № 2.

Матюхин А. Е., 1994а. Технология фрагментации сколов//Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб.

Матюхин А. Е., 1994б. Многослойный памятник Бирючья балка 2//Донские древности. Вып. 2. Азов.

Матюхин А. Е., Григорьева Г. В., 1981. Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач//СА. № 2.

Barta J., 1960. K problemu lystovitych hrotov typu Moravany-Dlha//Slovenska Archeologia. V. VIII. N 2.

Baumler M. F., 1988. Core Reduction Flake Production and the Middle Paleolithic Industry of Zobiste (Yougoslavia)//Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. The University Museum University of Pennsylvania. Philadelphia.

Boëda E., Geneste J.-M., Meignen L., 1990. Identification de chînes opératoires lithiques du paléolithique ancien et moyen//Paleo. N 2.

Bordes F., 1961. Typologie du paléolithique ancien et moyen. T. 2. Bordeaux.

Bradley B. A., 1975. Lithic Reduction Sequences: a Glossary and Discussion//Lithic Technology: Making and Using Stone Tools. Paris.

Bradley B. A., 1977. Experimental Lithic Technology with Special Reference to the Middle Palaeolithic. Dissertation. Cambridge University Ph.

Bradley B. A., Stanford D. J., 1987. The Claypool Study the Horner Site: the Type Site of the Cody Cultural Complex. Academic Press: London.
Cahen D., Karlin C., Keeley L. H., Van Noten F., 1980. Méthodes d'analyse technique, spatiale et fonctionnele d'ensembles lithiques//Helinium. T. XX.
Callahan E., 1979. The Basics of Biface Knapping in the Eastern Flutted Point Tradition a Manual for Flint Knappers and Lithic Analysis//Archaeology of Eastern North America. V. 7. N 1.
Dibble H. L., 1987. Comparaisons des séquences de réduction des outils moustériens de la France et du Proche-Orient//L'Anthropologie. T. 91. N 1.
Freund G., 1952. Die Blattspitzen des paläeolothikus in Europa. Bonn.
Frison G. C., Bradley B. A., 1980. Folsom Tools and Technology at the Hanson Site Wyoming. The University of New Mexico Press. Albuquerque.
Geneste J.-M., Plisson H., 1990. Technologie fonctionnelle des pointes à cran colutrèennes: l'apport des nouvelles donnes de la grotte de Combe Sauneire (Dordogne)//Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du paléolithique superieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie 1989. Études et Recherches archéologique de l'université de Liege. N 42. Liege.
Hahn J., 1990. La technologie des pointes bifaciales de Rörshain et leurs relations avec l'Allemagne du Sud//Feuilles de pierre. Les industries à piontes foliacées du paléolithique supérieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie, 1989. Études et Recherches archéologique de l'université de Liege. N 42. Liege.
Kozlowski J. K., 1980. Technological and Typological Differentiation of Lithic Assemblages in the Upper Palaeolithic: an Interpretation Attempt//Inconventional Archaeology. New Approaches and Goals in Polish Archaeology. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk.
Lenoir M., 1990. Le solutréen des pays de la faciale Atlantique Aquitaine//Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie 1989. Études et Recherches archéologique de l'universlté de Liege. N 42. Liege.
Leroi-Gourhan A., 1988. Dictionnaire de la Préhistoire. Presses Universitaires. Paris.
Matioukhine A. E., 1990. Les formes bifaciales d'ateliers et de stations-ateliers//Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du paléolithique superieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie 1989. Études et Recherches archéologique de l'Universite de Liege. N 42.
Pelegrin J., 1981. Experiments in Bifaciale Work//Flintknappers' exchange. V. 4. N 1.
Pelegrin J., Karlin C., Bodu P., 1988. «Chaines opératoires»: un outil pour le préhistorien//Technologie préhistorique. Notes et monographies technique. N 25. Paris.
Prosek A., 1953. Szeletien na Slovensku//Slovenska Archeologia. R. 1.
Sirakova S., 1990. The Leafpoints of Muselievo//Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie, 1989. Études et Recherches archéologique de l'université de Liege. N 42. Liege.
Schild R., Krolik H., Moscibrodzka I., 1977. Kopalnia krzemienia czekoladowego z przelom neolitu i epoki brazu w Polanach Kolonlach. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk.
Straus L. G., 1977. Pointes solutréennes et l'hypothèse de territorialisme//Bulletin de la société Préhistorique Francaise.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

A. E. MATUKHIN

PECULIARITIES OF THE ANALYSIS OF THE STONE AGE BIFACIAL TREATMENT

Summary

The article deals with the bifacial treatment technology. The tools include bifaces, axes, atypical tools with bifacial treatment, bifacial, foliacee and triangular points, some types of scrapers, points etc. They were found mostly in the flint workshops of the different Stone Age stages, mainly in the Palaeolithic ones. Investigating the stone artifacts it's important to take into conciderations the functional and industrial type of the sites as well as the specific typological context of their industries and the results of the technological reconstructions. The author grounds several important analysis' concepts including the "typical shape" and the "model of tool". At first the author gives a brief description of the different categories of the tools (fig. 1—4) and then their interpretation. Different atypical bifacial shapes discovered in the industries of many flint workshops are the unfinished tools. For example the triangular and leaf-shaped points left on the different stages of the treatment. On the opposite many of these artifacts were the functional, finished tools. In conclusion the author discussed the dynamics of the making technology and the shape of the triangular and leaf-shaped points. They mean the inner, context likeness of the typologically different, but technologically and functionally close tools.

Н. Я. МЕРПЕРТ

О ПЛАНИРОВКЕ ПОСЕЛКОВ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ВЕРХНЕФРАКИЙСКОЙ ДОЛИНЕ (Южная Болгария)

Слои раннего бронзового века вскрываются в Южной Болгарии достаточно давно, фактически начиная с первых раскопок теллей Верхнефракийской долины на рубеже XIX и XX вв. (Jerome P., 1901, p. 328—349; Seur G., Degrand A., 1906, p. 359—432; Colignon M., 1901, p. 553, 802; 1903, p. 81—87). С конца 20-х годов они стали рассматриваться как стратиграфически и культурно особые феномены, знаменующие в ряде случаев заключительный период существования многослойных поселений этого региона, да и Балканского полуострова в целом. Исследования их носили вначале весьма ограниченный характер. Но все же они способствовали созданию первоначального фонда данных и самому выделению культуры указанного периода на данной территории, а также обусловили первые опыты общей ее характеристики, периодизации и исторического осмысления. В этом плане должны быть отмечены прежде всего раскопки поселений Юнаците (Миков В., 1940, с. 55—82), Веселиново (Миков В., 1941, с. 200 сл), Михалич (Миков В., 1948, с. 7—23), Караново (Micov V., 1959, p. 88—97), Разкопаница (Детев П., 1950а, с. 171—190), Капитан Димитриево (Детев П., 1950б, с. 1—24), Быково (Детев П., 1954, с. 151—193), Кирилло-Мефодиево (Rodenwaldt G. et al., 1943, s. 61) и др. Материалы этих раскопок, их анализ исследователями, как и их стратиграфические и планиграфические наблюдения (Детев П., 1963, с. 5—25), широко использовались при изучении праистории как Балкано-Дунайского региона, так и Юго-Восточной Европы в целом (Milojčič VL., 1949; Childe V. G., 1956, p. 45—48; Georgiev G. I., 1961, s. 45—100).

Однако о планировке поселений раннего бронзового века и их общей структуре по данным отмеченных раскопок судить трудно в силу ограниченности вскрытых площадей и крайне слабой сохранности деревянно-земляных конструкций, прослеженных лишь в отдельных случаях на разрозненных участках поселений. Были получены определенные данные о характере построек, отдельных чертах организации поселений (прежде всего о фортификациях (Мерперт Н. Я., 1972, с. 46—55)), некоторых конструктивных приемах (Миков В., 1940, с. 55—82). Но общих представлений о планировке не было. Более того, то же следует сказать и о памятниках сопредельных районов Балканского полуострова, в том числе раскопанных в последние десятилетия (Аргисса-Магула, Кастанас, Ситагри, Дикили-Таш). В этом аспекте они уступают памятникам как эгейского (Терми, Полиохни, Эмпорио и др.), так и северо-западноанатолийского регионов (Троя, Демирчиуйюк), М. Сефериадес справедливо отмечает, что среди эгейских теллей порядок расположения домов может быть с достаточной четкостью установлен лишь в Терми и Полиохни, подчеркнув при этом глубокое различие их идентичных на первый взгляд планировок и возможность альтернативных интерпретаций последних (Séfériades M., 1985, p. 84). Согласно одной из них, каждый квартал указанных поселений состоял из серии связанных между собой или непосредственно смежных жилищ. Согласно другой, квартал состоял из отдельных домов, сопровождавшихся дворами и вспомогательными помещениями. Решение этого

© Н. Я. Мерперт, 1995 г.

дискуссионного вопроса крайне важно, поскольку планировка поселка, основные ее принципы, функциональное определение построек и их соотношение отражают не только организацию застройки, но и структуру самого коллектива, осуществившего эту застройку. При этом особое значение приобретает определение места каждой постройки в общей жилищной и хозяйственной системе с равным вниманием и к разделяющим их участкам, также тесно связанным с этой системой, особенно в условиях сравнительно теплой южной зоны, где значительная часть жизни протекает вне жилищ (Seferiades M., 1985, p. 150).

Все это требует должной целенаправленности и соответствующего масштаба исследований, о чем до недавнего времени в интересующем нас регионе говорить было трудно.

Между тем тот же М. Сефериадес подчеркивает, что по размерам своим северобалканские телли заметно превосходят как часть эгейских, так и большинство анатолийских. Приведенные им сравнительные данные их площадей достаточно показательны, несмотря на приблизительный характер ряда подсчетов, подчеркнутый самим автором (Seferiades M., 1985, p. 84). В Балканском регионе отмечены: Эзеро (29 000 м²) [1], Караново (40 000 м²), Юнаците (14 000 м²), Капитан Димитриево (11 000 м²), Дикили-Таш (45 000 м²), Парадими (22 000 м²); в Эгейском — Полиохни (43 000 м²), Терми (7000 м²); в Анатолийском — Гиссарлык (7000 м²), Кара Агжач-Тепе (8000 м²), Кум-Тепе (18 000 м²), Беджик-Тепе (5000 м²). Естественно, исследования наиболее значительных по площади поселений наиболее ответственны и перспективны в рассматриваемом аспекте, поскольку, повторяю, речь идет о поселенческих и социальных структурах, обусловивших самый факт формирования таких феноменов. Разработка соответствующих вопросов требует прежде всего вскрытия весьма широких сплошных площадей, охватывавших «ключевые» участки поселков и дополненных при необходимости системой вспомогательных раскопов для выяснения специфики прочих районов и места их в общей структуре поселения.

В этом плане определенный интерес представляют данные раскопок двух крупных теллей Верхнефракийской долины — Эзера у г. Новой Загоры и «Плоской могилы» у с. Юнаците близ Пазарджика. На обоих проведены исследования весьма значительного масштаба: на Эзеро вскрытая площадь превысила 3300 м², на «Плоской могиле» у Юнаците она близка к 2000 м². В обоих случаях исследовались и примыкавшие к теллям участки. Должное внимание уделялось и особенностям всей поселенческой системы районов расположения теллей (Мерперт Н. Я., Молчанов А. А., 1991, с. 129—142).

Результаты раскопок Эзера полностью опубликованы (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979), что позволяет мне коснуться их весьма кратко, ограничившись суммарной характеристикой планировки поселка раннего бронзового века и его специфики. Информативность данного объекта для рассматриваемой проблемы достаточно велика, хотя и неравнозначна для разработки конкретных ее вопросов.

Здесь впервые для Балканского полуострова констатирована двучастность поселения раннего бронзового века, наличие верхней и нижней его частей. Верхняя, представленная 13 строительными горизонтами, располагалась на самом холме и была опоясана оборонительной стеной с каменным основанием и ориентированными по странам света воротами, оформленными в виде вытянутых «входных коридоров» (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979, с. 121—131). Подобные фортификационные конструкции хорошо известны в Эгейско-Анатолийском регионе, в том числе в поздних горизонтах Трои I и в Трое II, особенно выразительно в Трое II-е (Blegen C. W., 1963, p. 63). Дома этой части поселка располагались как изолированно, так и сопряженными блоками. Строгой преемственности планировки в последовательных строительных горизонтах слоя раннего бронзового века не отмечено. Вообще данные, касающиеся расположения жилищ и их группировки в Эзере, ограничены и нерегулярны, что не позволяет

[1] Эта цифра завышена: по моим подсчетам, площадь Эзера не превышала 20 000 м².

судить об основных принципах их планировки. Лишь в 4-м горизонте открыт достаточно четко представленный блок из четырех сопряженных жилищ, ступенчатое (по горизонтали) расположение которых было, очевидно, подчинено конфигурации оборонительной стены, в непосредственной близости от которой они располагались (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979, обр. 48, 60а, 61). Наличие подобного блока можно предполагать и в 5-м горизонте (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979, обр. 49). В более ранних горизонтах отдельные следы жилищ позволяют говорить о наличии рядов как изолированных, так и смежных построек, тяготевших к периферии верхней площадки телля и располагавшихся вблизи обводной оборонительной стены. Центральная же часть оставалась свободной или же была занята легкими вспомогательными сооружениями, прежде всего многочисленными пифосообразными сосудами-зернохранилищами, а также печами для выпечки хлеба. Обычно печи и пифосы составляли единые комплексы, перекрытые легкими навесами. Такой характер центра верхней площадки холма весьма специфичен. Концентрация здесь зерновых запасов, превышавших, несомненно, нужды населения этой части поселка, позволяет предполагать особую роль последней. В этой связи отмечу, что площадь ее превышала 7000 м^2, ориентировочное число домов — не более 20, а число жителей — от 120 до 150 человек. Число же как печей, так и пифосов на центральном участке в некоторых горизонтах превышало 80.

Вторая, нижняя часть поселения опоясывала холм у его подножья и была окружена второй, внешней оборонительной стеной. Возможно, она связана с ростом населения поселка, не умещавшегося уже на верхней площадке. Но возникла она достаточно рано и представлена шестью горизонтами. Этот своего рода «посад» поселения заметно отличался от верхней его части. Он был густо застроен ординарными домами. Ни специальных скоплений сосудов-зернохранилищ, ни связанных с ними подсобных сооружений здесь не зафиксировано. Площадь этого «посада» охватывала не менее 12 000 м^2. О числе находившихся здесь домов судить трудно, поскольку в пределах его был вскрыт лишь один участок площадью 420 м^2.

Во всяком случае, в Эзере встречен один из вариантов двучастного поселения. Верхняя его часть — своеобразный «акрополь» — выделена расположением на холме, особым, организованным планом застройки, наличием своей внутренней фортификационной системы, концентрацией продовольственных запасов. Нижняя часть — «посад» занимала примыкавшие к холму участки, носила чисто жилой характер, но также была укреплена, располагаясь между собственной внешней и окружавшей «акрополь» внутренней стенами. Поселение же в целом имело две концентрические оборонительные системы и две основные структурные единицы (Георгиева Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979, обр. 81). Что касается конкретных элементов внутри каждой из них и принципов их планировки, то здесь данные Эзера значительно менее определенны и носят лишь ориентировочный характер.

Тем большее значение имеют данные, полученные в ходе новых широких раскопок «Плоской могилы» близ с. Юнаците, проводимых с 1976 г. Археологическим институтом БАН и Пазарджикским историческим музеем, а с 1981 г.— совместной Болгаро-Российской экспедицией (Катинчаров Р. В., Мацанова В., 1993, с. 155—173; Мерперт Н. Я., 1989, с. 148 сл.; Merpert N., 1994, p. 41—46). Прежде всего подчеркну, что здесь также зафиксирована двучастность поселка раннего, а далее и среднего бронзового века. Верхняя его часть располагалась на вершине холма диаметром от 110 до 130 м и высотой до 12 м над уровнем поля. Холм, первоначально, возможно, природный и выраженный очень слабо, далее резко возрос за счет значительного (не менее 4 м) культурного слоя предшествующего энеолитического периода. Площадь верхней его площадки не превышала 0,75 га. Нижняя же часть поселения занимала примыкавшие к холму (более всего с западной стороны) участки поля. Таким образом, и здесь можно говорить об «акрополе» и «посаде». Весьма показательно соотношение их

размеров. Площадь «акрополя» не превышала 7000 м², тогда как площадь «посада», документированная данными аэрофотосъемки, серии шурфов и пересекавших этот участок многочисленных хозяйственных траншей, приближалась к 4 га. Такая двучастность сохранялась на протяжении достаточно длительного периода бронзового века: культурный слой на поле заметно превышает 2 м, причем уровень материка еще не достигнут, что не позволяет судить о наличии нижней части поселка в энеолите. Не менее показательны и прочие различия между верхней и нижней частями поселения. Нижняя, в отличие от таковой от Эзера, не укреплена и представляет собой открытое селище. «Акрополь» же имеет фортификационную систему, состоящую из рва глубиной до 3 и шириной до 4 м, и мощного палисада, основу которого составляли три ряда массивных кольев, вкопанных в специальную подсыпку (вал), примыкавшую к внутреннему гласису рва. Система эта имела дугообразную форму и отсекала верхнюю площадку «акрополя» со стороны северного и прежде всего западного склонов: последний был наиболее пологим и плавно переходил в напольную часть, что делало «акрополь» особенно уязвимым с этих сторон. Со стороны же чрезвычайно высоких и крутых восточного и южного склонов столь серьезных дополнительных укреплений не требовалось. Но и здесь «обороноспособность акрополя» была усилена, чему определенным образом способствовало расположение сочлененных домов, стоявших вдоль края площадки и обращенных к нему торцовыми тыльными стенами, составлявшими почти сплошную линию.

При всех трудностях определения очертаний конкретных конструкций удалось выяснить целую их систему на сплошном участке, что позволяет с большей четкостью, чем в Эзеро, говорить об общих принципах планировки «акрополя». Наиболее показательны в этом отношении нижние строительные горизонты, тем более что они связаны с периодом самого создания первоначальных поселков раннего бронзового века, непосредственно сменивших более раннюю и резко отличную от них энеолитическую застройку.

Слой «Плоской могилы» исследован на площади свыше 1700 м², охватившей значительную часть восточной половины «акрополя». Центральная часть площади прорезана траншеей (25(В — З) × 10 м), вскрытой В. Миковым в 1939 г. (Миков В., 1940). Документация этих раскопок, к сожалению, не сохранилась. Вопросы планировки могут рассматриваться лишь на основании данных новых раскопок Исторического музея г. Пазарджика и Болгаро-Российской совместной экспедиции, охвативших сохранившиеся участки, т. е. большую часть юго-восточного и северо-восточного секторов «акрополя». На всей этой площади раскопки доведены до финального горизонта энеолитического слоя. Слой бронзового века исследован полностью. Мощность его достигала 6 м. Внутри слоя выделено 17 строительных горизонтов, которые, в свою очередь, отмечены рядом локальных перестроек и несколькими уровнями полов, с каждым из которых был связан свой комплекс сооружений интерьера.

Стратиграфические показатели дают все основания утверждать, что застройка раннего бронзового века велась здесь непосредственно на развалинах последнего энеолитического поселка, скорее всего сразу же после его гибели, связанной с вторжением новых этнокультурных групп, пресекших многовековое развитие местных раннеземледельческих неоэнеолитических культур. Если учесть многочисленные (ныне около 60) останки погибших при этом жителей финального энеолитического поселка, можно заключить, что новая застройка в полном смысле слова велась на костях. С самого начала она была подчинена единому плану, достаточно четко прослеженному уже в начальном для раннего бронзового века 17-м строительном горизонте. Тогда же была создана упомянутая фортификационная система, продолжавшая функционировать в период пяти нижних горизонтов (17—13). Далее ров был засыпан, а через постоянно оседавшую засыпь его был переброшен настил (или мост) из горбылей. И лишь в средних, а более в верхних горизонтах начались попытки застройки этого участка. Постройки в укрепленной части «акрополя» были заметно больше и конструктивно

сложнее обычных домов рассматриваемого периода, известных по раскопкам Эзера и других поселений, где размеры прямоугольных жилищ не превышали 9 × 5 м. Здесь же подобные постройки были сочленены и составляли единые конструкции длиной до 20 м (и более). Наряду с обычной турлучной конструкцией домов, при которой основу стен составляли ряды кольев, далее оплетавшихся ветвями и покрывавшихся с обеих сторон глиняной обмазкой, здесь зафиксировано регулярное крепление стен крупными камнями и горизонтально расположенными бревнами, а в одном случае камнями было выложено основание дома по всему его периметру. Оформление полов не ограничивалось глиняной обмазкой, в ряде случаев встречены остатки покрытия из горбылей и досок. Прежде всего это касалось специальных построек-зернохранилищ, на полах которых сохранились значительные скопления обгоревшего зерна, в том числе и целых колосьев. Такие зернохранилища найдены в нескольких строительных горизонтах, причем специфично расположение их на одних и тех же традиционных участках. Создается впечатление концентрации на «акрополе» крупных зерновых запасов, возможно, определенной части прибавочного продукта, получаемого земледельцами поселка. То же следует сказать и о наиболее ценных находках — высококачественной керамике (чернополированных аскосах и др.), украшениях, металлических изделиях. Все это позволяет предполагать особую роль «акрополя» в структуре поселения. Соответственно закономерна постановка вопроса и о сложной социальной структуре создателей поселка, о делении их на «элитарную» и «эгалитарную» группы, о безусловном выделении правящей верхушки, без наличия которой все отмеченные особенности поселения были бы необъяснимыми (Korfmann M., 1983, s. 252).

Но перейду к самой планировке. Основу ее составляли длинные блоки прямоугольных домов, соединенных общими (иногда двойными) стенами в единое конструктивное целое. При этом продольные оси каждого из сочлененных домов были перпендикулярны продольной оси всего блока. Такие системы сочлененных жилищ располагались в один ряд вдоль края верхней площадки холма, подчиняясь его конфигурации. Фактически они подчинены круговой планировке, что подчеркивается и хозяйственными постройками, как легкими, так и достаточно массивными, составляющими второй, внутренний круг сооружений «акрополя» и расположенными строго параллельно жилищам. Более того, в некоторых случаях они находились на одной продольной оси с конкретными жилищами, входившими в состав блоков внешнего кольца. Центр же «акрополя», хотя и на ограниченной площади, весь рассматриваемый период оставался практически свободным от застройки.

Такой принцип организации поселка в корне отличался от абсолютно господствовавшей в предшествовавшем энеолитическом периоде линейной планировки с густой застройкой всего пространства прямыми параллельными рядами жилых домов (Тодорова Х., 1986, с. 167—178). Вместе с тем он представляется достаточно четко выработанным уже в период создания первоначального поселка раннего бронзового века, что позволяет предполагать привнесение его извне.

Остановлюсь на конкретном претворении этого принципа в планировке нижних строительных горизонтов слоя бронзового века. Предварительно отмечу, что для всех их уровней характерен заметный спад с севера к югу, превышавший 2 м и связанный, очевидно, с рельефом участка, лежащего в основании культурных слоев. В силу этого нижняя поверхность 17-го строительного горизонта у северного края холма определена на глубине —4,5/—4,7, у южного же (в 100 м от первого) —6,9 м. Отмеченная выше планировка с наибольшей четкостью представлена в юго-восточном секторе «акрополя». Здесь же картина была и наиболее сложной, поскольку постройки в пределах одного горизонта подверглись ряду серьезных перестроек и в каждой из них зафиксировано по несколько уровней полов, нижние из которых в отдельных случаях углублены в энеолитический слой.

Основной конструкцией этого участка являлся блок из пяти сочлененных домов (рис. 1). Он расположен на краю площадки почти по всей дуге сектора.

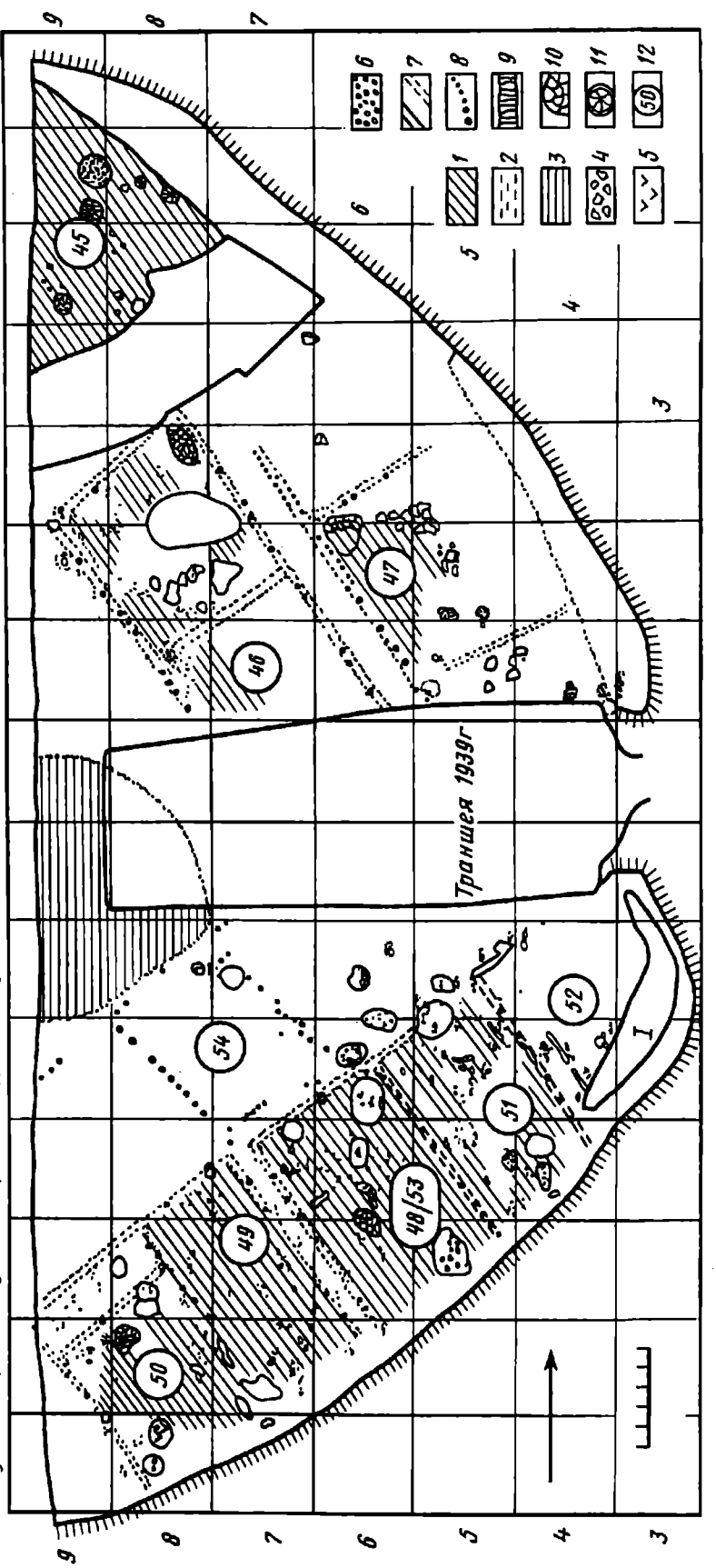

Рис. 1. План расположения конструкций 17-го строительного горизонта слоя раннего бронзового века восточной половины тепля «Плоская могила». I — римская подпорная стена; *1* — утрамбованные участки полов; *2* — глиняная обмазка полов и площадок; *3* — заполнение котлованов; *4* — камни; *5* — зольные скопления; *6* — галька субструкций печей, пифосов и площадок; *7* — следы стен; *8* — ямки от кольев основы стен; *9* — деревянный настил; *10* — поды печей; *11* — пифосы; *12* — номера конструкций (эти же условные обозначения для рис. 2—5)

Длина блока 34 м, ширина свыше 11 м. Блок ориентирован с ЮЗ на СВ, составлявшие его дома — с ЮВ на СЗ (рис. 1). Входы в дома с СЗ. Все дома прямоугольны и близки по размерам. Приведу основные их параметры.

Дом 50 — крайний с юго-запада. Размеры 11,50 × 7 м. Разделен двумя поперечными перегородками на три помещения. Прослежено не менее четырех уровней полов, с каждым связаны печи, очаги, «пифосы» для хранения зерна и воды, скопления зерна, площадки для его сушки.

Дом 49. Размеры 11,5 × 7,0 м. Число полов то же, сохранились остатки древесного их покрытия. Те же сооружения интерьера и скопления зерна. Первоначально дом был отделен от предыдущего узким интервалом, после перестройки они сомкнулись и разделялись лишь общей стеной.

Дом 48/53. Здесь фиксируются два уровня конструкции — верхняя № 48, нижняя № 53. Глубины их соответственно —6,4 и —6,7 м. На обоих уровнях стены укреплены крупными камнями и горизонтальными бревнами. Размеры 11,0 × 7,4 м. Прослежены остатки древесного покрытия полов. Интерьер стереотипен. Помещение разделено тремя поперечными перегородками. Имеется зерно, в том числе в специальной яме.

Дом 51. Размеры 10,5 × 7,5 м. Стены укреплены камнями и бревнами. Три уровня полов. Те же сооружения интерьера и скопления зерна.

Дом 52. Размеры 10,0 × 6 м (не полные, поскольку дом нарушен траншеей 1939 г.). Три уровня полов. Сохранность строительных остатков очень слабая. Интерьер разрушен. Вопрос о продолжении блока к СВ остается открытым, но оно сомнительно: судя по аналогиям (Демирчиуйюк и др.), на месте траншеи могли находиться восточные ворота «акрополя».

К северо-западу от рассмотренного блока, на внутренних участках юго-восточного сектора, примыкавших к центральной части поселения, фундаментальных построек не было. Полностью отсутствовали пятна обмазанных глиной полов и строительные развалы. Но легкие хозяйственные сооружения здесь были. Из них наиболее четко выражено сооружение 54, расположенное в непосредственной близости от отмеченного выше жилища 48/53, на одной продольной оси с ним. Размеры его 8 × 6 м, все стены маркированы рядами ямок от кольев. Полное отсутствие следов печей и очагов и характер пола (серая единообразная поверхность без следов перегноя) резко отличает эту постройку от жилых домов. Существование на этом участке и других столь же легких конструкций документировано обрывками рядов ямок для кольев, отдельными очагами и основаниями пифосов. Несомненно, и они связаны со вспомогательными хозяйственными постройками. В свою очередь, каждая из последних была связана с определенным жилым домом. Абсолютно аналогичная ситуация зафиксирована М. Корфманном при раскопках западноанатолийского поселения раннего бронзового века Димирчиуйюк (Korfmann M., 1983, abb. 343).

Как уже отмечалось, траншея 1939 г. заметно нарушает целостность наших представлений о планировке «акрополя». Но за ее пределами, в северо-восточном секторе последнего, соответствующие свидетельства оказались достаточно выразительными, несмотря на сравнительно слабую сохранность строительных остатков, обусловленную обилием ям, перекопов и нор животных.

Чрезвычайно плотная застройка зафиксирована между траншеей и фортификационной системой, причем она является прямым продолжением рассматриваемого плана.

Здесь также расчищены остатки длинного блока совмещенных жилищ, расположенного вдоль края площадки и соответственно ориентированного с ЮВ на СЗ. Южный его край разрушен траншеей 1939 г., северный — перекопами и эрозией. Сохранившаяся часть конструкции в длину превышает 16, в ширину — 9 м. Отмечены слабые следы двух поперечных стен, разделявших отдельные дома, однако в силу плохой сохранности строительных остатков и отмеченных разрушений определить общее число домов не представляется возможным. Поэтому

блок маркирован единым номером 47. С каждым домом связаны остатки печей и очагов.

Второе крупное сооружение (46) расположено западнее и отделено от первого 2-метровым проходом. Его южный край также разрушен траншеей. Сохранившаяся длина около 15 м, ширина свыше 8 м. Три перегородки делят его на отдельные помещения. Пол тщательно обмазан глиной и перекрыт деревом, что засвидетельствовано обгоревшими жердями и плахами. Из сооружений интерьера отмечены лишь пифосы, ни печей, ни очагов нет. Многочисленные и весьма значительные скопления зерна позволяют видеть в постройке массивное зернохранилище. При его сооружении не исключено частичное переиспользование предшествующего энеолитического дома. Сооружение 46 непосредственно подходило к фортификационной системе. Более того, возможно, что палисад был сооружен несколько позже и перекрыл северный край постройки, после чего, уже в период 16-го горизонта, последняя была сокращена в длину.

Застройка продолжалась и за пределами фортификационной системы, у северного края площадки. Здесь открыта жилая конструкция 45, непосредственно перекрывшая энеолитический дом 4. Она ориентирована с Юв на СЗ, подчиняясь общему плану внешнего кольца жилых построек. С западной стороны она уходит за пределы раскопа, с северной разрушена эрозией. Длина ее не менее 10 м. Колья основы стен укреплены крупными камнями и бревнами. Пол утрамбован и обмазан глиной. Интерьер обычен: печь с укрепленным камнями подом, очаги, пифос, площадка для сушки зерна.

Вполне вероятно, что постройка 45 входила в состав уходящего к западу, на не вскрытый еще участок блока, подобного рассмотренным выше. А если это подтвердится, то общая структура поселка окажется еще более сложной, ибо две части, укрепленная и неукрепленная, будут выделены уже внутри самого «акрополя».

Еще раз подчеркну, что указанные выше особенности планировки двух исследуемых секторов «акрополя» преемственно сохраняются, хотя и с определенными, иногда достаточно существенными модификациями, в ряде последующих строительных горизонтов слоя бронзового века по меньшей мере вплоть до 11-го. Здесь можно с уверенностью говорить о подчинении этой планировки четко выработанным и весьма стойким принципам.

Так, в 16-м строительном горизонте (нижняя поверхность 4,45 м у северного, 6,2 м у южного конца площадки) в юго-восточном секторе раскрыт блок жилищ, также состоявший из пяти сочлененных жилых домов 41, 42, 42-а, 44, 44-а и сохранивший как расположение, так и размеры и прочие основные параметры предшествовавшего ему блока 17-го горизонта (рис. 2). Вместе с тем он отличен от последнего некоторым расширением домов, перестройкой ряда стен, новыми сооружениями интерьера. Сохранились и следы легких хозяйственных построек (43), связанных с определенными жилыми домами. Прямая преемственность планировки зафиксирована и для северо-восточного сектора. Основное жилое сооружение между траншеей 1939 г. и фортификационной системой — дом 38 является прямым продолжением во времени конструкции 47 17-го горизонта. Он также состоял из пяти сопряженных жилищ, четкой фиксации которых препятствует состояние строительных остатков, включая полы и сооружения интерьера. И здесь 2-метровый проход отделяет жилище от расположенного западнее большого зернохранилища 35 с деревянным покрытием пола, серией больших пифосов и значительными скоплениями зерна как внутри последних, так и на полах. Обе постройки вскрыты частично: южные их участки разрушены траншеей 1939 г., северные — перекопами и норами. Сохранившаяся длина первой около 17 м, ширина 6 м, второй — соответственно 10,5 и 9,25 м. Легкие же хозяйственные сооружения распространились и западнее, вплоть до участков, непосредственно примыкавших к центру площадки (постройка 40). Фортификационная система была усилена палисадом, сооруженным, очевидно, в период 16-го строительного горизонта. Дом же 45, построенный на крайнем северном участке еще в период 17-го

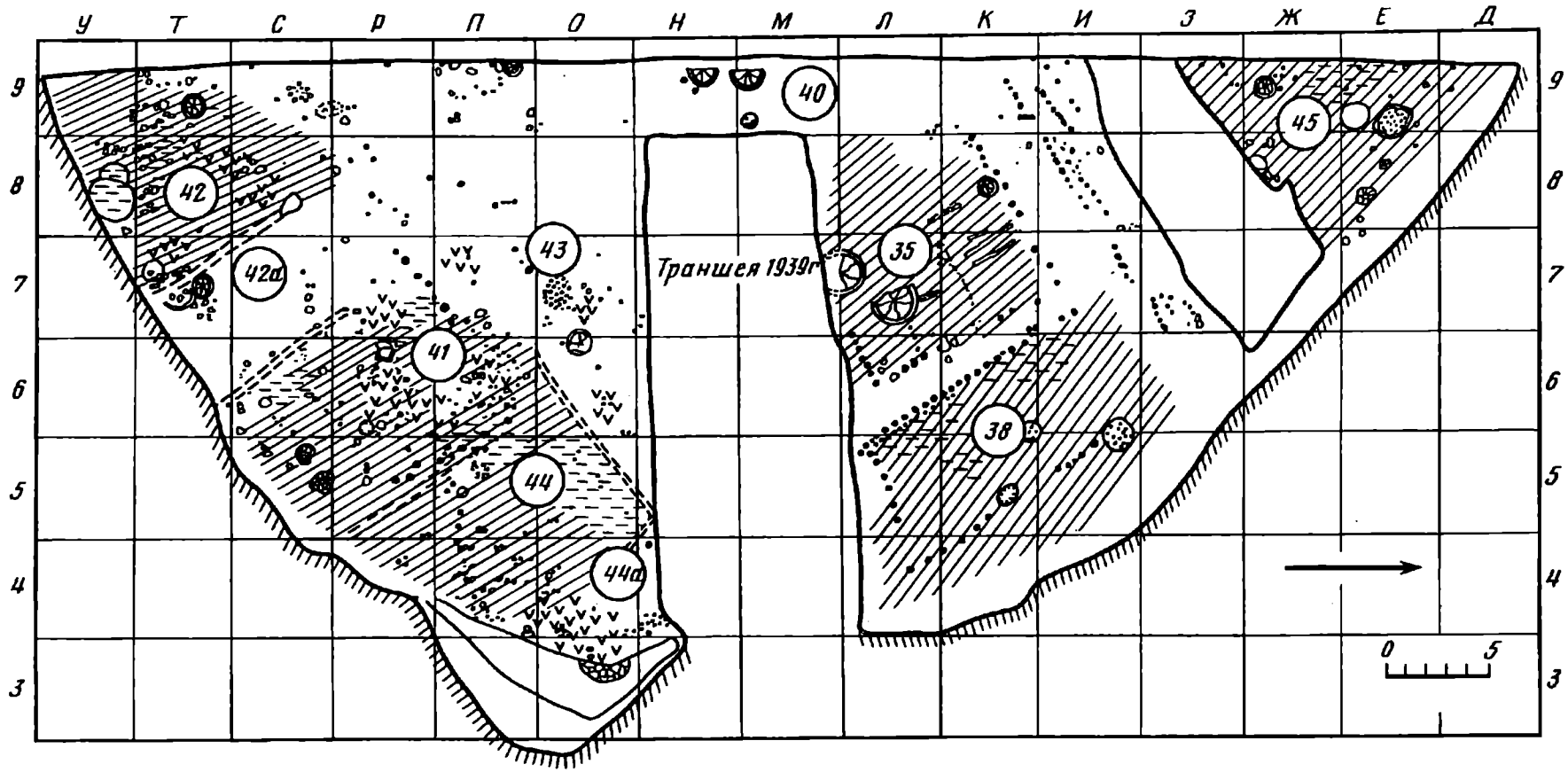

Рис. 2. План расположения конструкций 16-го строительного горизонта

горизонта, не претерпел никаких изменений, кроме сооружения новых полов и соответственно новых или реконструированных сооружений интерьера.

Планировка 16-го строительного горизонта (уровень нижней поверхности —4,2 м у северного, —6,7 м у южного конца площадки) также отличается полной преемственностью по отношению к предшествующим и является прямым их продолжением. Конструкции подверглись лишь локальным перестройкам, вызванным, очевидно, очередным пожаром, следы которого перекрывают верхние полы построек 1 -го горизонта. И здесь в юго-восточном секторе расчищены остатки расположенного вдоль края площадки блока домов длиной свыше 30 и шириной свыше 10 м (30/31). Блок в целом, как и отдельные его дома, подвергся неоднократным и существенным реконструкциям, что наряду с особо значительной степенью разрушений не позволяет с должной достоверностью определить разделяющие дома стены. В силу этого весь блок маркирован указанными номерами, а интерьеры, связанные с четырьмя уровнями его полов, рассмотрены обобщенно. Они в целом повторяют стереотип предыдущих сооружений 17-го и 1 -го горизонтов (печи, очаги, пифосы, площадки для сушки зерна), но отличаются особо крупными пифосами (диаметром до 1,8 м) и прямоугольными вместилищами для зерна. Юго-западная стена блока была дугообразной, что позволяет предполагать здесь наличие апсиды. За ней узкий проход отделяет конструкцию от следующего блока 32, большая часть которого уходит за пределы раскопа, в западный его борт, еще раз подтверждая кольцевое расположение жилых домов вдоль края площадки «акрополя». Площадь же сектора к северо-западу от последних, как и в предыдущих горизонтах, занята хозяйственными сооружениями, как легкими (33), так и достаточно массивными (29-а), расчищенными лишь частично у самого западного борта раскопа. Последние отделялись от жилого блока 32 «улочкой» шириной до 2 м, тщательно замощенной галькой, толщина слоя которой превышает 10 см.

В северо-восточном секторе большие конструкции 3 и 34 сменили сооружения 38 и 36 предшествующего горизонта, унаследовав их расположение, характер и взаимосвязь. Первая была жилой и сохранила основные параметры дома 38. Вторая, отмеченная особо значительными скоплениями обугленного зерна, в том числе необмолоченных колосьев, была массивным зернохранилищем и повторяла конструктивные особенности постройки 34 (деревянное покрытие пола и пр.). Далее к западу располагались легкие хозяйственные сооружения 37 и 39, занявшие место подобной же постройки 40 1 -го горизонта. И вновь очень мало изменился дом на крайнем северном участке исследуемой площади, получивший в этом горизонте номер 27 и сменивший дом 46. Здесь дело ограничилось реконструкцией стен здания, созданием новых полов и сооружений интерьера. Расположение, ориентировка, пропорции и основные размеры остались прежними.

Таким образом, в 16-м строительном горизонте сохранились все основные принципы планировки, характерные для первоначальных поселков раннего бронзового века. Прямая преемственность здесь совершенно очевидна.

В 14-м строительном горизонте (нижний уровень у северного края площадки —4,0, у южного —6,6 м) общая схема планировки, зафиксированная для предшествующих уровней, сохраняется полностью (рис. 3). В юго-восточном секторе заметным перестройкам подвергается конструкция 16-го горизонта 30/31. Длина ее несколько сокращается, аспида с юго-западной стороны исчезает и заменяется обычной торцовой стеной. В остальном же новая постройка сохраняет расположение, форму и прочие показатели упомянутой конструкции. Это также блок сочлененных домов, имеющий форму вытянутого вдоль края площадки прямоугольника длиной до 2 и шириной свыше 9 м. Число домов не менее четырех, но разделяющие их стены сильно разрушены. Четко выделяются лишь две части блока, ввиду чего он маркирован двойным номером 24/2 . Определено не менее трех уровней полов, на каждом из которых найдены печи, пифосы, обмазанные глиной площадки, скопления зерна.

С запада проход, достигавший 8 м ширины, отделял этот блок от следующего

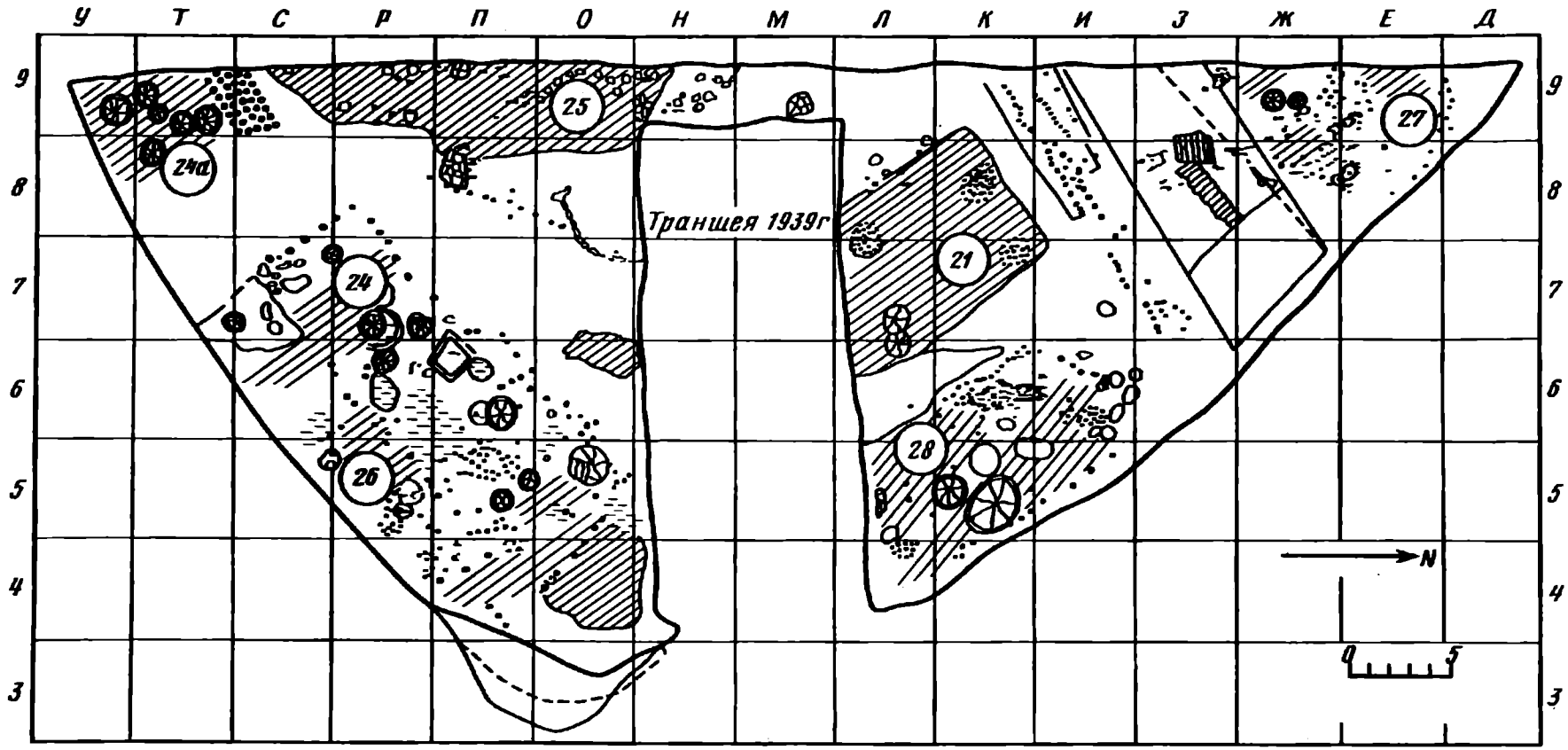

Рис. 3. План расположения конструкций 14-го строительного горизонта

— 24-а, уходящего в западный борт раскопа и фланкированного с севера отмеченной уже для предшествующего горизонта замощенной галькой «улочкой». Севернее последней вскрыта часть уходящего в западный борт массивного, скорее всего хозяйственного (судя по отсутствию печей) сооружения 25. Пространство между ним и жилым блоком 24/26 содержит лишь следы легких вспомогательных построек.

В северо-восточном секторе место принадлежавших 15-му горизонту жилого блока 36 и зернохранилища 34 заняли сохранившие основные их параметры и функциональное назначение постройки 28 и 21, причем последняя отмечена большими скоплениями зерна. Оборонительная система продолжала функционировать. Крайний северный дом за пределами последней не претерпел существенных изменений, ввиду чего ему оставлен прежний номер 27. Все строительные остатки 14-го горизонта прокалены.

13-й строительный горизонт (нижняя поверхность у северного края площадки —3,65, у южного —5,35 м) отличается рядом существенных перестроек, но и в его период основная схема застройки сохраняется (рис. 4). В юго-восточном секторе крайний юго-западный дом 23, сменивший постройку 24-а и уходящий в борт раскопа, прослежен в длину на 12 м при ширине 8 м. Проход между ним и следующим к востоку блоком 18 сузился до 1,5 м. Последний же блок занял место конструкции 24/26. Длина его около 24, ширина в среднем 8 м. И здесь стены между отдельными домами полностью разрушены, точное число домов не установлено (их не менее трех). Среди обычных сооружений интерьера выделяется очень большое круглое сооружение (зернохранилище?) диаметром около 3,5 м. Остатки печей и пифосов зафиксированы во всех ориентировочно намеченных домах.

Как и в предыдущем горизонте, у западного борта сектора, севернее жилого блока 23, расчищены остатки массивного хозяйственного сооружения 19, унаследовавшего расположение и основные параметры постройки 25 13-го горизонта.

В северо-восточном секторе дома 14-го горизонта 28 и 21 были сменены также унаследовавшими их основные показатели конструкциями 20 и 21-а. Первая представляла собой жилой блок, нарушенный, как и предшествовавшие ему, траншеей 1939 г. Сохранившаяся часть имела размеры 13,5 × 7,5 м. Очень слабо сохранившиеся следы стен позволяют говорить о наличии внутри блока не менее двух домов, каждый из которых был разделен поперечной перегородкой на два помещения. Определены два уровня полов с деревянным покрытием. Интерьер обычен и засвидетельствован весьма четко (две печи, ряд пифосов, площадки для сушки зерна). Особо следует отметить значительное число сосудов, сконцентрированных на одном участке вместе с обугленными жердями, что позволяет предполагать наличие специальной подставки (деревянного стеллажа) для сосудов.

Расположенная западнее, за узким проходом, конструкция 21-а по форме была близка квадрату. Размеры ее 12,5 × 11,5 м. Основание ее стен по всему периметру было выложено крупными камнями, лежавшими сплошной полосой. Пол тщательно обмазан глиной и перекрыт деревом. Многочисленные пифосы и скопления зерна позволяют считать постройку традиционным для этого участка зернохранилищем. Зафиксированы свидетельства его реконструкции с сокращением размеров до 9,5 × 9,0 м. Оборонительная система сохранялась, но отмечена попытка засыпки рва и сооружения перекрывшего его настила.

На крайнем северном участке жилая постройка 22 сменила дом 27. Она имела форму прямоугольника размерами 9,5 × 8,5 м, ориентированного по длинной оси с ЮВ на СЗ. Внутренняя продольная перегородка делила ее на два помещения. Интерьер жилища включал большую округлую печь, два пифоса, большие скопления обугленного зерна на деревянных настилах.

Все строительные остатки этого горизонта (как фактически и всех предыдущих) прокалены в результате большого пожара, охватившего исследуемую часть «акрополя».

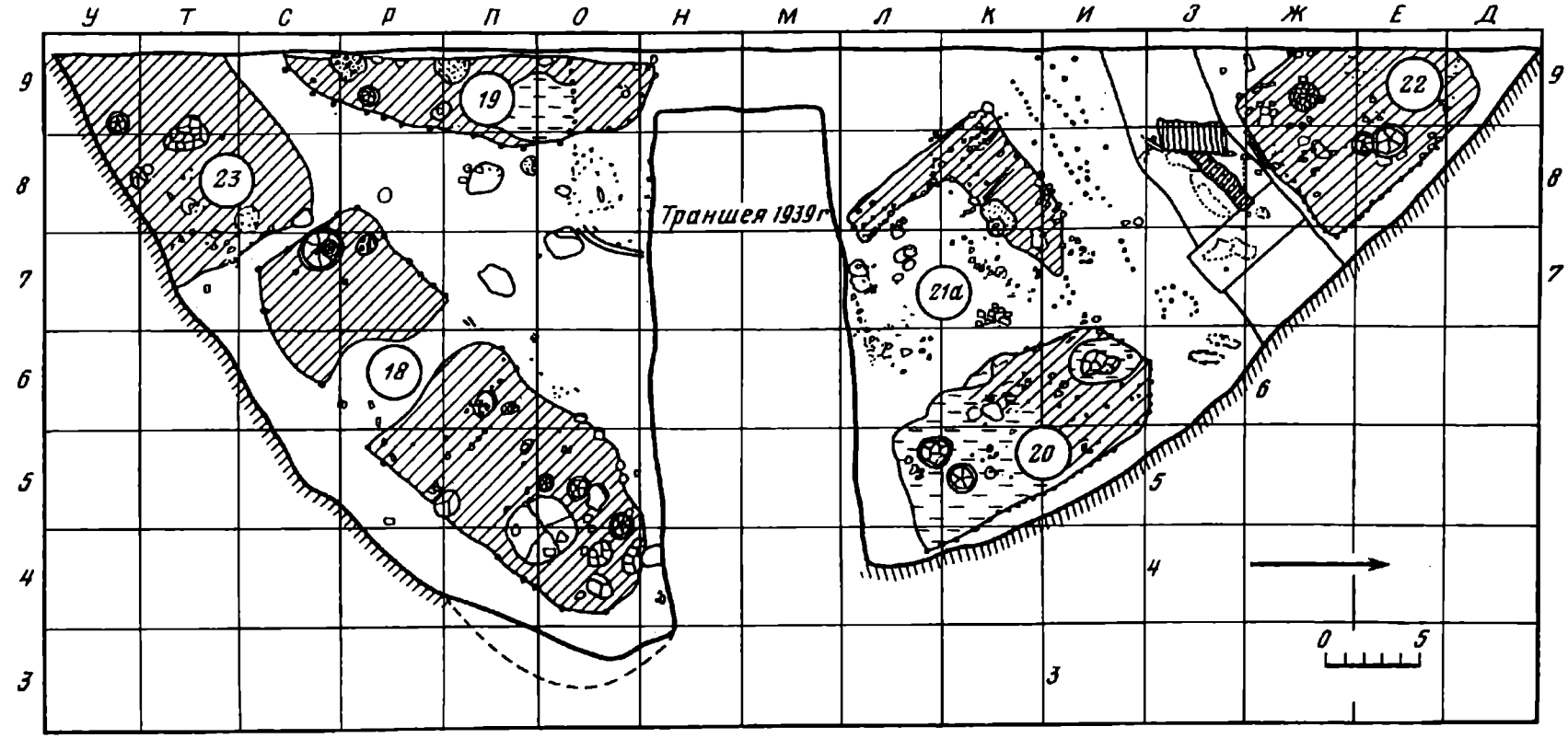

Рис. 4. План расположения конструкции 13-го строительного горизонта

Конструкции последующих горизонтов прослежены значительно менее четко. Но все же есть основания утверждать, что те же принципы планировки сохранялись и далее. Во всяком случае, это касается 12-го горизонта (нижняя поверхность —3,4 у северного —5,15 м у южного края площадки) (рис. 5). Для него характерны заметные перестройки. Оборонительная система прекратила существование. Ров был засыпан, застройка распространилась как на эту засыпь, так и на участок разрушенного палисада. Но как жилые блоки (13 и 15), так и монументальная хозяйственная постройка (14) юго-восточного сектора сохранили свое расположение и конструктивные особенности. То же следует сказать и об основных сооружениях северо-восточного сектора (16 и др.).

Приведенные данные шести последовательных строительных горизонтов слоя раннего бронзового века «Плоской могилы» свидетельствуют о чрызвычайной прочности и длительном сохранении рассмотренных принципов планировки. Следует согласиться с М. Корфманном, подчеркивающим, что соединение индивидуальных домов в единые блоки придавало последней четкость и стабильность, способствовало прочности конструкций и теплоизоляции в зимнее время, сокращало затраты сил и материалов при строительстве (Korfmann M., 1983, s. 189—194). К этому надо добавить и уже отмечавшееся выше значение подобной планировки в аспекте обороноспособности поселка, заметно усиливавшейся обращенной к краю площадки сплошной линией торцовых стен домов.

Как уже отмечалось выше, система сопряженных и тяготевших к краю площадки жилищ находит аналогии в ряде синхронных «Плоской могиле» поселений, в том числе в нескольких горизонтах Эзера (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я. и др., 1979, рис. 48, 49). Это не позволяет считать безусловным заключение М. Сефериадеса о том, что индивидуальные постройки связаны с использованием в качестве основного строительного материала земли и дерева (Фракия, Восточная Македония), а сочлененные — камня (Северо-Западная Анатолия, Лесбос, Хиос, Лемнос) (Séfériades M., 1985, p. 145). Во Фракии, прежде всего на «Плоской могиле», мы встречаемся с достаточно четко выраженными системами сочлененных жилищ, сооруженных из дерева и земли (глины). И весьма показательно, что ближайший аналог представленной здесь и рассмотренной выше планировке мы находим в архитектуре поселения раннего бронзового века Демирчиуйюк в Северо-Западной Анатолии (рис. 6, *2*), где в единых конструкциях сочетались все виды материалов: стены домов из кольев, глины и сырцового кирпича возводились на каменных основаниях (Korfmann M., 1983, s. 189—194). Поселение это отнесено к анатолийскому раннему бронзовому веку 1—2, т. е., согласно радиокарбонным датам некалиброванного значения, конец первой — вторая половина III тыс. до н. э. (Korfmann M. (Herausgeber), 1987, s. XV, *4—13*). В целом оно синхронно Эзеру и соответствующему слою «Плоской могилы» (отмечу, что и здесь выделено 17 строительных горизонтов, из них 15 — раннего бронзового века). Четырехугольные дома Демирчиуюйка торцовыми стенами были обращены к краю площадки и примыкали к окружавшей последнюю оборонительной стене. В целом они составляли кольцо, расчлененное на четыре блока. Последние разделялись четырьмя воротами, ориентированными по странам света. Каждый блок состоял из сопряженных построек с общими продольными стенами, одновременно поддерживавшими крыши двух домов (в некоторых случаях, как и на «Плоской могиле», стены были двойными) (Korfmann M., 1983, abb. 343).

Близость принципов планировки Демирчиуйюка и рассмотренных поселков Верхнефракийской долины несомненна. В Эзеро зафиксирована аналогичная оборонительная стена с тем же расположением и оформлением ворот. В «Плоской могиле» каменной стены нет, а основу оборонительной системы составляют ров и палисад. Вопрос о расположении ворот здесь пока не ясен. Одни ворота могут быть ориентировочно намечены у северного края площадки, где их маркируют разрыв в палисаде и деревянный мост (или настил), перекинутый через ров. Вторые, судя по общей планировке вскрытой части «акрополя», могли находиться у восточного края, в устье траншеи 1939 г. В случае справедливости такого

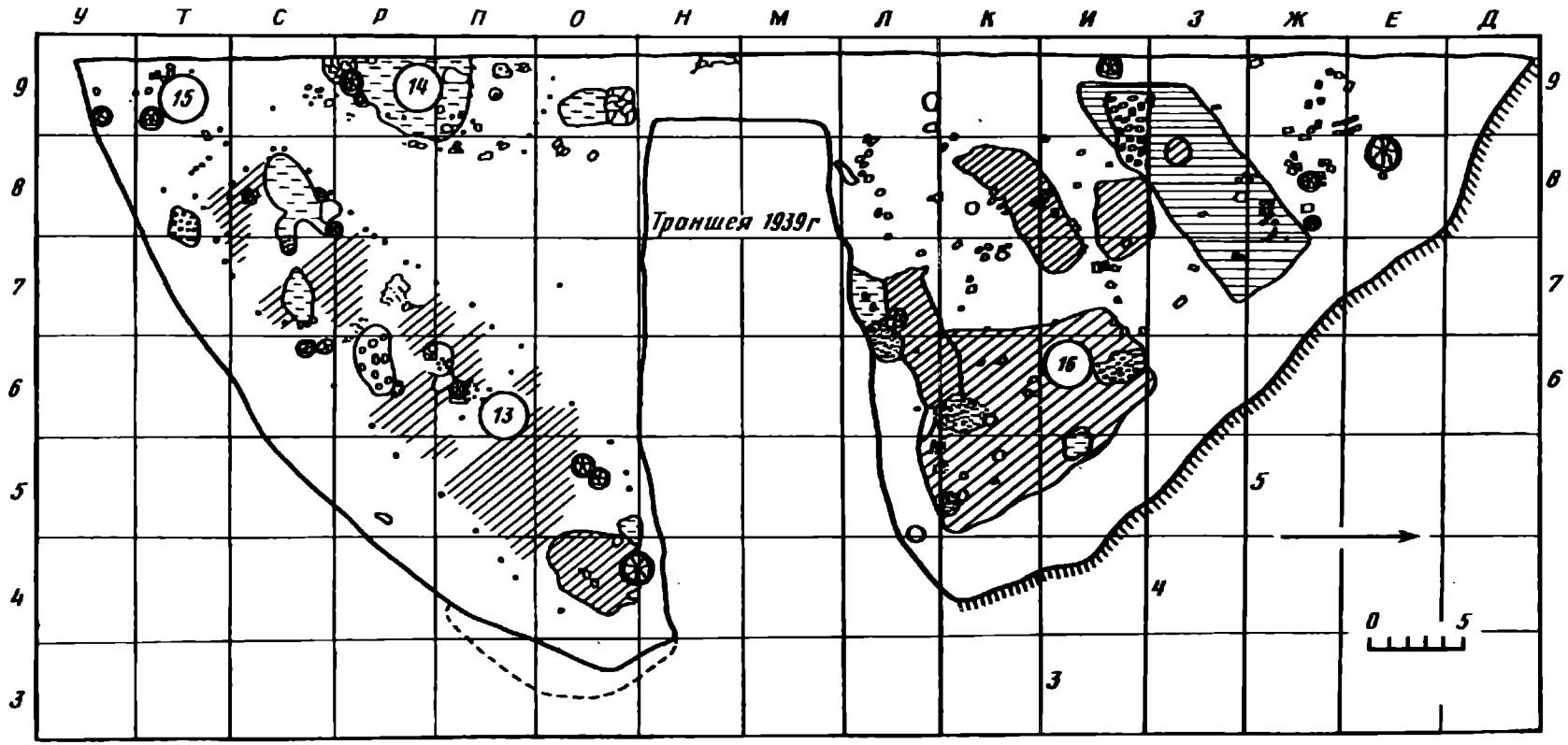

Рис. 5. План расположения конструкций 12-го строительного горизонта

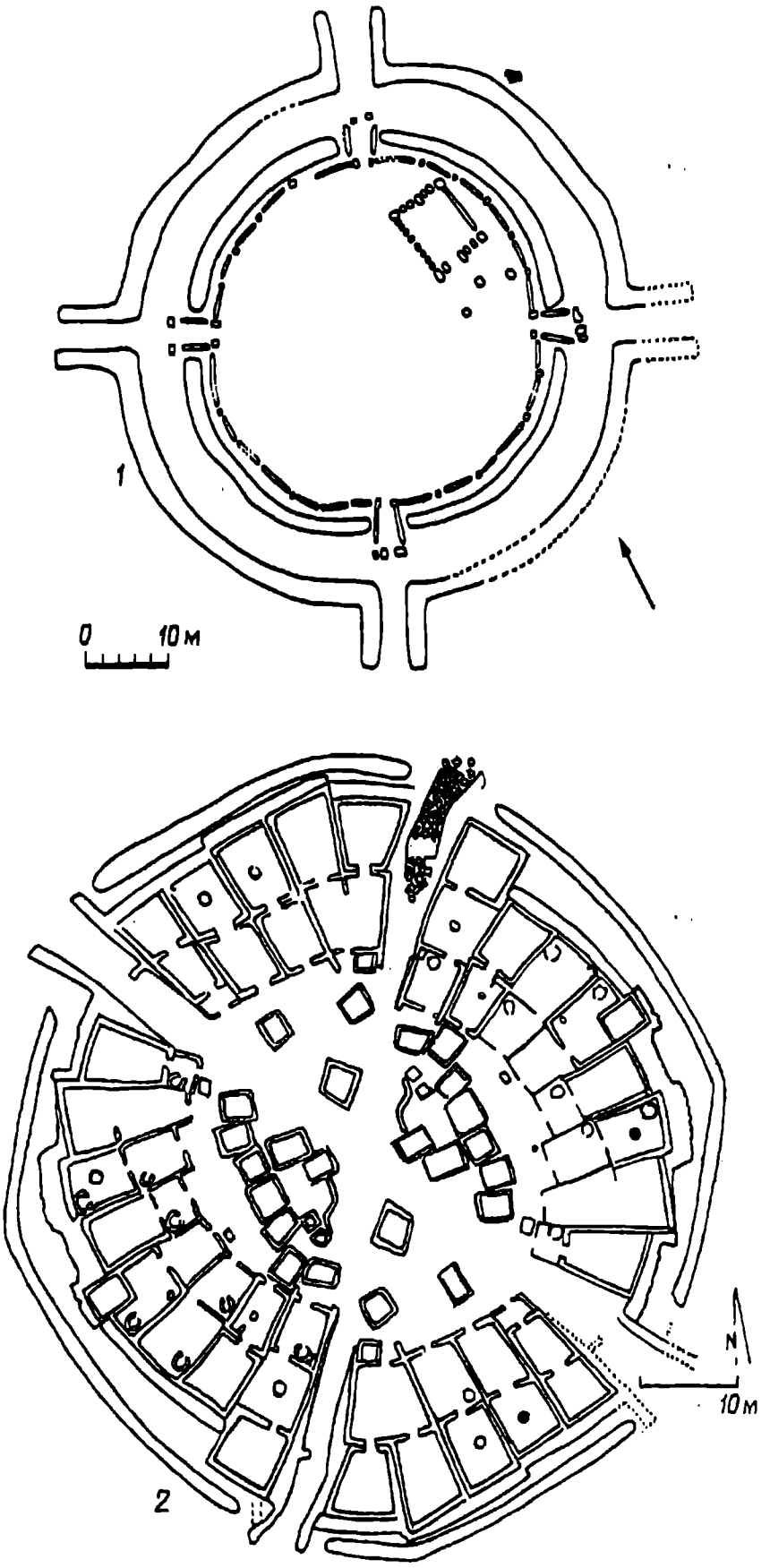

Рис. 6. Округлые укрепленные поселения IV—III тыс. до н. э. в Средней Европе и Анатолии: *1* — Бучаны, Юго-Западная Словакия, лендельская культура (по Bujna J., Romsauer P., 1986, Abb. 2); *2* — Демирчиуйюк, Северо-Западная Анатолия (по Korfmann M., 1983, Abb. 343)

предположения идентичность планировки «Плоской могилы» и Демирчиуйюка становится еще более рельефной. И еще один документирующий ее факт. В Демирчиуйюке центр поселения, обрамленный отмеченными блоками домов, был свободен от фундаментальных построек. Лишь часть его была занята легкими хозяйственными сооружениями, прежде всего зернохранилищами, расположенными на одной оси с определенными домами, что, по мнению исследователя поселения М. Корфманна, подчеркивает индивидуальный характер хранилищ в каждом хозяйстве. Абсолютно такая же картина документирована выше и для «Плоской могилы».

Есть все основания заключить, что к началу раннего бронзового века был выработан и получил широкое распространение стереотип укрепленных округлых поселков со свободной площадью в центре, окруженной хозяйственными постройками, а далее кольцом жилых сооружений, примыкавших к оборонительной системе или к крутым склонам холма. В рассматриваемый период ареал этого стереотипа охватил всю Анатолию (Троя I — начало II и Демерчиуйюк на северо-западе, Афродисиас и Караташ-Семейюк I—II на юго-западе, Машат и Алишаруйюк в Центральной, Пулур-Сакиол в Восточной Анатолии), Киликию (Тарс — I фаза раннего бронзового века), Эгейю (Терми на Лесбосе, Полиохни на Лемносе, Герайон на Самосе) и, как мы видим, Балканский регион, прежде всего Верхнефракийскую долину. Особо подчеркну, что памятники последней хронологически ни в коей мере не уступали памятникам прочих отмеченных регионов. Наличие здесь слоев, не только синхронных Трое I, но и несколько ей предшествовавших, было постулировано при разработке периодизации материалов Эзера (Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я и др., 1979, с. 306—315, 497—519) и ныне подтверждено находками в 17—16-м горизонтах «Плоской могилы», позволяющими говорить о комплексном сходстве с материалом Ситагри IV. Пока еще я не располагаю радиокарбоновыми датами для этих горизонтов, но достаточно показательно распределение наиболее достоверных дат, полученных Берлинской лабораторией для последующих горизонтов раннего бронзового века: 15-й горизонт: Bln 3679—2330 ± 60 до н. э.; 13-й горизонт: Bln 3671—2230 ± 50 до н. э.; 10-й горизонт: Bln 3669—2140 ± 50 до н. э.; 9-й горизонт: Bln 3665—2150 ± 50 до н. э.; 9-й горизонт: Bln 3666—2120 ± 50 до н. э. (все даты даны в некалиброванном значении).

Процесс формирования этого стереотипа достаточно сложен. М. Кофманн предлагает именовать его «анатолийской поселенческой схемой» и подчеркивает, что в основе последней лежит принцип открытого двора с группирующимися по его сторонам помещениями, характерный прежде всего для Ближнего Востока, давно и прочно укоренившийся там. В самой Анатолии корни этой схемы уходят в глубокую древность, вплоть до начала V тыс. до н. э. (Хаджилар, фаза I). Развитие ее прослеживается в IV тыс. до н. э. (Мерсин, слой XVI в Киликии, халколитические слои Бейджесултана в Юго-Западной Анатолии) (Korfmann M., 1983, s. 223—235). Роль анатолийских культур в сложных интеграционных процессах энеолита и бронзового века не только Малой Азии, и Юго-Восточной и Средней Европы безусловна и ныне получила весьма существенные подтверждения в результате новых полевых исследований в Северо-Западной Анатолии (Roodenberg J., et al., 1989—1990, p. 61—144) и Восточной Фракии (Özdogan M., et al., 1991, p. 59). Но в целом отмеченные процессы не могут рассматриваться односторонне, как результат решающих анатолийских воздействий. Они носили сложный и многокомпонентный характер и обусловливались прежде всего активным взаимодействием ряда культурных групп обоих континентов, ряда различных культурных традиций, перекрещивавшихся в такой четко выраженной контактной зоне, как Балканский и Западно-Анатолийский регионы. Это касается и формирования здесь поселений с рассмотренной выше специфической планировкой.

Округлые укрепленные поселки с такой планировкой появляются на Балканах (имеется в виду прежде всего Верхнефракийская долина) уже при переходе от

энеолита к раннему бронзовому веку, в период Трои I и даже ранее его. Как уже отмечалось, они сменяют абсолютно иную традицию местных энеолитических поселений с линейно-прямоугольной планировкой. И появляется эта новая архитектурная схема вместе со столь же новыми и не менее резко отличными от балканского энеолита культурными элементами, связанными, однако, не только с Анатолией, но и со Средней и Восточной Европой. В этой связи важно подчеркнуть, что в энеолите последних двух регионов по меньшей мере с IV тыс. до н. э. также известны и округлые укрепленные поселки, и «входные коридоры», и радиальная планировка со свободным от застройки центром (рис. 6, *1*). В этом плане достаточно показательны поселения лендельской культуры (Bujna J., Romsauer P., 1986, s. 27, abb. 1, 2; Němejkova-Pavúkova V., 1986, s. 177—183, abb. 2; Marek F., Pleslova-Štikova E., 1986, p. 1), культуры моравской расписной керамики (Kovárnik J., 1986, s. 2), трипольской культуры (Черныш Е. К., 1982, табл. XIX, LXXIX, *123*). Обращает на себя внимание сочетание на Балканах близких анатолийским каменных фортификаций (Эзеро, Михалич, Караново, Кубрат, Мечкюр и др.) (Мерперт Н. Я., 1972, с. 46—55) с оборонительными системами, состоявшими из рвов и палисадов, находящих ближайшие аналогии в лендельской и других названных средне- и восточноевропейских культурах.

Поэтому процесс формирования близких схем планировки укрепленных поселений Юго-Восточной Европы и Анатолии в раннем бронзовом веке мог носить полилинейный характер и интегрировать давние традиции вступивших во взаимодействие различных культур. В задачу настоящей статьи не входит анализ вещевого материала рассмотренных поселений. Но отмечу все же сочетание и в Эзеро и в «Плоской могиле» типичных элементов европейских культур (прежде всего баденской, а также воронковидных кубков, шнуровой керамики и боевых топоров и др.) с анатолийскими (троянскими). Определенная гибридизация этих элементов отмечалась неоднократно (Yakar J., 1981, p. 96; Mellink M., 1978, p. 319, 320) для различных периодов древнейшей истории. Особая же ее активизация в раннем бронзовом веке совершенно закономерна: она обусловлена формированием в этот период циркумпонтийской зоны, охватившей оба региона (Мерперт Н. Я., 1988, с. 7—36; Черных Е. Н., 1988, с. 37—57). Приведенные выше данные балканских поселений — еще одно свидетельство этих процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Димитров Г. Д., 1979. Езеро. Раннобронзовото селище. София.

Детев П., 1950а. Селищната могила Разкопаница//ИАИ. Т. XVII. София.

Детев П., 1950б. Селищната могила Банята при Капитан Димитриево//ГНМПл. Вып. II. Пловдив.

Детев П., 1954. Селищната могила при с. Биково//Годишник на музенте в Пловдивски окръг. София.

Детев П., 1963. Стратиграфия на селищните могили в Южна България//ГНМПл. Т. V. Пловдив.

Катинчаров Р. В., Мацанова В., 1993. Разкопки на селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко//Праисторически находки и изследования. Сборник в памет на проф. Г. И. Георгиев. София.

Мерперт Н. Я., 1972. Древнейшие каменные крепости Болгарии//Новое в археологии. М.

Мерперт Н. Я., 1988. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий в циркумпонтийской зоне//Древний Восток. Этнокультурные связи. М.

Мерперт Н. Я., 1989. Раскопки многослойного поселения у с. Юнаците в Южной Болгарии//Первобытная археология. Киев.

Мерперт Н. Я., Молчанов А. А., 1991. Градостроительная структура прафракийских поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балканского полуострова (по данным археологических и нарративных источников)//Terra Balkanika. Т. VI. София.

Миков В., 1940. Селищната могила при Юнаците (Пазарджишко)//ГПНБМ 1937/1939. София.

Миков В., 1941. Селищната могила от бронзовата епоха до с. Веселиново//ИАИ. Т. XIII. София.

Миков В., 1948. Праисторическото селище до с. Михалич, Свиленградско//РП. Т. I. София.

Тодорова Х., 1986. Каменно-медната епоха в България. София.

Черных Е. Н., 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы//Древний Восток. Этнокультурные связи. М.

Черныш Е. К., 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии//Энеолит СССР. Археология СССР. М.

Blegen C. W., 1963. Troy and Troyans. London.
Bujna J., Romsauer P., 1986. Siedlung und Kreisanlage der Lengyel-Kultur in Bučany//Internat. Sympos. Lengyel-Kultur, Nitra. Wien.
Childe V. G., 1956. Anatolia and Thrace. Some Bronze Age Relations//AS. VI.
Collignon M., 1901, 1903. Rapport sur les fouilles, exécutées par M. Degrand dans la vallée de la Toungja en Bulgarie//CRAI. Paris.
Georgiev G. Il., 1961. Kulturgruppen der Jungstein- und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien)//L'Europe à la fin de l'^age de la pierre. Prague.
Jerome P., 1901. L'époque néolithique dans la vallée du Tonsus (Thrace)//RA. II. Paris.
Korfmann M., 1983. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. I. Archietektur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein.
Korfmann M. (Herausgeber), 1987. Demircihüyük. B. II. Naturwissenschaftliche Untersuchungen. Mainz am Rhein.
Kovárnik J., 1986. Zur Frage der Verbreitung der Kreigräben in der Kultur mit Märischer Bemalter Ceramik in Kreise Znojmo//Internat. Sympos. Lengyel-Kultur, Nitra. Wien.
Marek F., Pleslova-Štikova E., 1986. Geophysical Prospection in Bohemia//Archaeology in Bohemia 1981—1985. Prague.
Mellink M., 1978. Archaeology in Asia Minor//AJA. № 82.
Merpert N., 1994. The problem of transition from the North Balkan eneolithic to the Early Bronze Age in the Upper Thracian valley.//Europa Indo-Europea. Roma.
Mikov V., 1959. The prehistoric mound of Karanovo//Archaeology. V. XII.
Milojčić Vl., 1949. Chronologie der Jüngeren Steinzeit Mittel- und Süd-osteuropas. Berlin.
Němejkova-Paúkova V., 1986. Siedlung und Kreisgrabenanlagen der Lengyel-Kultur in Svodin (Südslowakei)//Internat. Sympos. Lehgyel-Kultur, Nitra. Wien.
Özdogan M., Yukata Miyake, Özbaşaran Dede N., 1991. An interim report on excavations at Yarimburgaz and Toptepe in Eastern Thrace//Anatolika. № XVII. Leiden.
Rodenwaldt G., Bittel K., Goethert F., Gerasimov T., 1943. Erster vorläufiger Bericht über Ausgrabung bulgarischer Grabhügel//AA. LVIII.
Roodenberg J., Thissen L., Buitenhuis H., 1989—1990. Preliminary Report on the Archaeological Investigations at Ilipinar in NW Anatolia//Anatolica. № XVI. Leiden.
Seur G., Degrand A., 1906. Exploration de quelques tells de la Thrace//Byll. correspondances helléniques. V. XXX. Paris.
Séfériades M., 1985. Troi I. Matériaux pour l'étude des sociétés du Nord-Est Egéen ou début du Bronze Ancient. Paris.
Yakar J., 1981. The Indo-Europeans and their Impact on Anatolian Cultural Development//J. Indo-European Studies. V. 9. № 1—2.

Институт археологии РАН,
Москва

N. J. MERPERT

CONCERNING THE PLANNING OF THE EARLY BRONZE AGE SETTLEMENTS OF THE UPPER THRACIAN VALLEY (the Southern Bulgaria)

Summary

The large excavations of the Southern Bulgarian tells permit to determine the peculiarities of the structures and plannings of the settlements dated to the different periods including the Early Bronze Age (the end of the 4th — the first half of the 3rd millennium B. C.). This period was marked by the very sharp general ethno-cultural changes inside the Balkan region. The principals of the organization and planning of the settlements changed also. The most important of the settlements became two-partial consisted of the upper part („acropolis") and the lower part occupying the fields neighbor to the tell. The „acropolises" had a rounded structure and the stone or wooden and earth fortification lines. The dwellings were connected with each other in the long blocks surrounding the tell's upper ground along its edge. The solid and light economic buildings (first of all the granaries) formed the second, inner ring. The center was free of the buildings. This kind of planning was completely different from the previous Eneolithic settlements structure. Its appearance was connected with the quick activisation of the traditions belonging to the different regions and cultural groups (first of all the ones of the Middle Europe and the Western Anatolia) typical for the time of Zircumpontic zone forming. In the Balcan region it was especially obvious.

В. Г. ЗУБАРЕВ

ХАРАКТЕР ИСКАЖЕНИЙ И ОБЩАЯ КАРТИНА СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА В «ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РУКОВОДСТВЕ» КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ

Задачей данной статьи является выяснение характера искажений содержащихся в «Географическом руководстве» сведений по Северному Причерноморью на основе самих этих сведений. В исследованиях «Географического руководства» и использовании его данных с самого начала определяются несколько направлений: во-первых, это критика труда с позиции современной науки; во-вторых, простой пересчет, без учета возможных искажений или же без объяснения последних; в-третьих, филологический анализ текста Птолемея и сопоставление его данных с данными других источников и археологическим материалом. Несмотря на успехи античной археологии в последние десятилетия, вызвавшие новый всплеск интереса к древним географическим источникам, подход к изучению сведений Птолемея почти не претерпел существенных изменений. В подавляющем большинстве методы работы с текстом восходят либо к Ю. Кулаковскому, либо к Ф. А. Брауну, причем предпочтение отдается последнему. Оба этих метода практически не приемлемы для сильно искаженных районов, где сведения Птолемея используются лишь как вспомогательный материал, содержащий общие с другими источниками названия географических объектов, что, безусловно, является недооценкой их самостоятельного значения.

В основе предлагаемой методики лежат два основных положения. Во-первых, сведения Клавдия Птолемея сами по себе реальны и относительно точны в рамках принятой им системы координат. Внутри отдельных зон, в той или другой мере соответствующих определенным группам источников, сохраняются пропорции между отдельными пунктами, т. е. расстояния между ними изменены в соответствии с общим увеличением или уменьшением зоны. Во-вторых, если в основу расчетов положить расстояния между достаточно локализуемыми пунктами и соотнести их с предполагаемыми координатами Птолемея, можно определить значение реальной величины одной минуты, учитывающее общую степень искаженности внутри зоны и позволяющее избежать необходимость определения размера стадия и соотнесения величины градуса Птолемея с современной системой координат.

В представлении Птолемея Ойкумена расположена в интервале долгот (в принятой им системе) от 0 до 180° и в интервале широт от 20° ю. ш. до 63°30′ с. ш. Если точно следовать указаниям Птолемея, то географическая сетка координат, выполненная в простой конической проекции, будет выглядеть примерно так, как показано на рис. 1. Выделен район Северного Причерноморья.

Анализ источниковедческой базы «Географического руководства» позволяет выделить в рамках Северного Причерноморья, по крайней мере, шесть зон. Разработанная мной методика позволяет выяснить общую картину и характер

© В. Г. Зубарев, 1995 г.

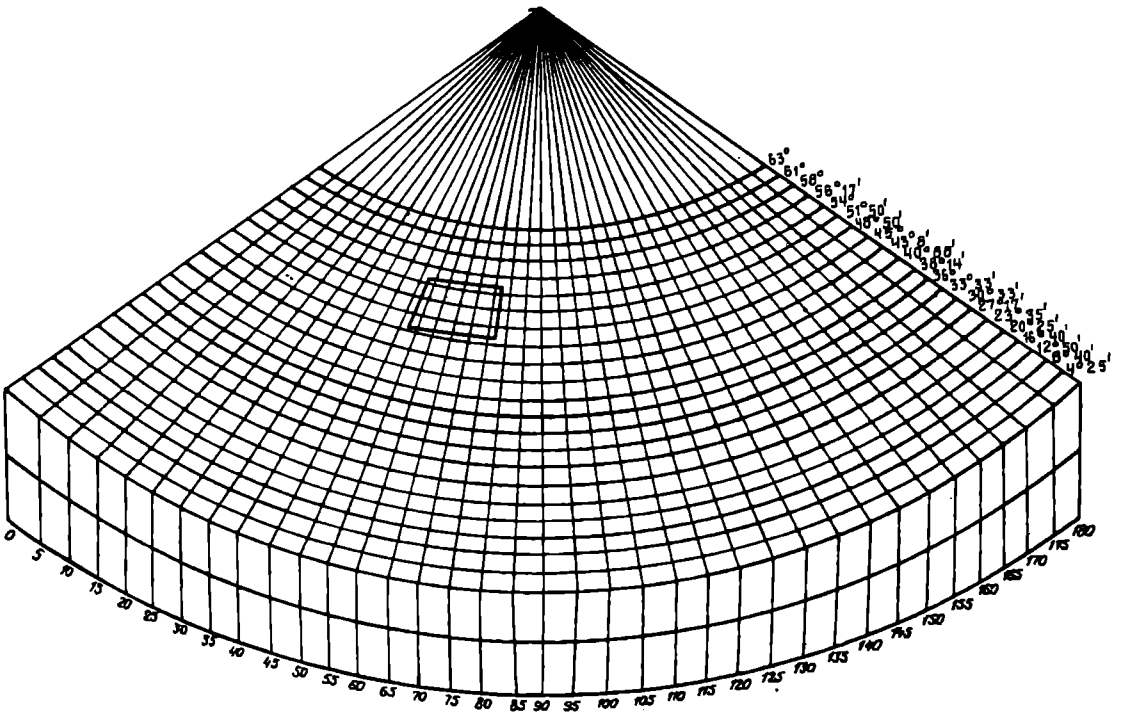

Рис. 1. Географическая сетка координат в простой конической проекции по Клавдию Птолемею

искажений внутри них и определить реальную величину одной минуты широты и долготы (Зубарев В. Г. и др., 1987).

Первая зона

В «Географическом руководстве» в ее рамках названо пять прибрежных пунктов (две реки — Тира и Аксиак, два города — Фиска и Гарпис, одна деревня — Гермонактова) (Ptol., III, 10, 7), шесть населенных пунктов внутри материка и два острова (Ptol., III, 10, 8). В качестве опорных пунктов мы выбрали устья трех рек — Истра (Дуная), Тиры (Днестра), Борисфена (Днепра) и г. Тиру, достаточно точно локализуемый на месте современного Белгорода-Днестровского. Если соединить между собой устья выбранных рек, следуя указаниям Птолемея, то они располагаются относительно друг друга примерно так, как показано на рис. 2, *1*: Истр и Тира на одной долготе, Борисфен несколько восточнее. Действительное их положение показано на рис. 2, *2*. Можно предположить, что здесь мы имеем налицо несоответствие между понятиями «выше» и «ниже» и «север — юг» в античной географии. Расстояния по широте и долготе следует, на наш взгляд, сравнивать так, как это показано на рис. 2, *3*, так как именно эти направления соответствуют расположению рек в «Географическом руководстве».

Таблица 1

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1′	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Истр — Борисфен	105′	70′	200	37,5	1,9	0,54
Истр — Тира	55′	—	106	—	1,9	—
Тира — Борисфен	50′	70′	94	37,5	1,88	0,54
Тира — Тира (город)	—	20′	—	10	—	0,5

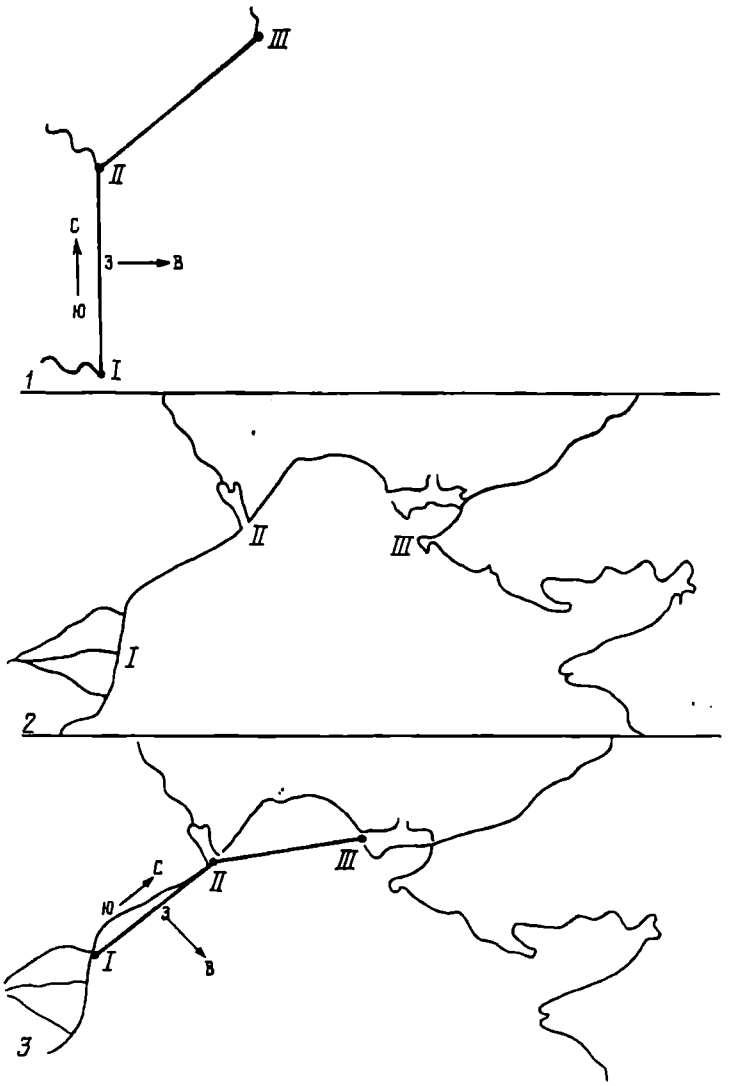

Рис. 2. Схема основных искажений I зоны (I — Истр; II — Тира; III — Борисфен)

Выяснив это, определим реальную величину одной минуты широты и одной минуты долготы первой зоны (табл. 1).

Таким образом, величина одной минуты для этой зоны по широте составляет 1,9 км, а по долготе — 0,53 км. Зная эту величину, можно попробовать определить размер одного стадия. 60 мин широты у Птолемея равны 500 стадиям, что соответствует, если использовать реальную величину 1 мин, 114 км. Отсюда получаем размер стадия — 228 м. С учетом вероятности погрешности при расчетах на крупномасштабной карте, а также допустимой погрешности Птолемея, можно предположить, что здесь использовался так называемый длинный стадий, равный 210 м. Что касается долготы, то вряд ли Птолемей использовал для нее стадий другого размера, однако простой расчет дает нам цифру, почти в 2 раза меньшую (примерно 106 м). Вероятнее всего, это свидетельствует о двухкратном увеличении первой зоны по долготе на карте Птолемея.

Вторая зона

Она включает 23 прибрежных пункта и 22 пункта внутри страны (Ptol., III, 5, 12; III, 5, 13; III, 6, 2). В качестве опорных мы использовали три: Ольвию, или Борисфен, находящуюся под 57°—49°; береговую линию перешейка у Каркинитского залива, находящуюся под 60°20′—48°20′, и Херсонес с координатами 61°—47°. Если соединить эти пункты между собой, сохраняя

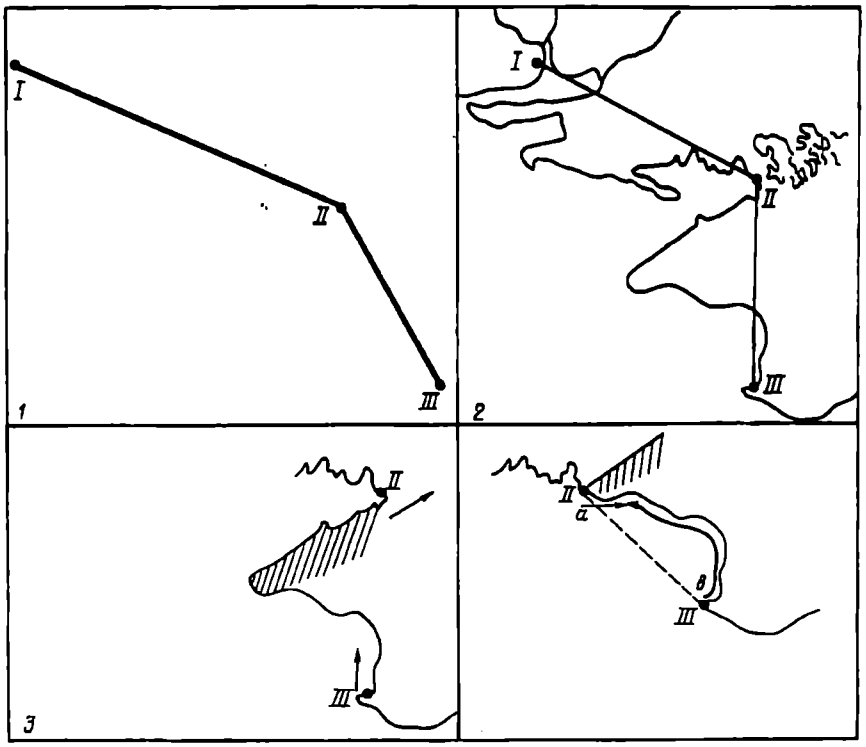

Рис. 3. Схема основных искажений II зоны: *1*, *2* — I — Ольвия; II — перешеек; III — Херсонес; *3* — II — перешеек; III — Херсонес; *а* — долгота; *в* — широта

направление и пропорции Птолемея, то мы получим схему, показанную на рис. 3, *1*. Наложив ее на современную карту (рис. 3, *2*), можно увидеть, что если район между Борисфеном и перешейком в основном совпадает, то участок северо-западного Крыма и Херсонес Таврический Птолемея имеют существенное расхождение. На карте Птолемея полностью исчез Тарханкутский полуостров, в то же время г. Херсонес, в действительности располагавшийся на одной почти долготе с перешейком, сильно смещен к востоку (на 40′). Объяснить это можно тем, что через Каркинитский залив существовал как прямой, так и каботажный путь (Агбунов М. В., 1987). Прямой путь значительно короче и минует перешеек. Видимо, Птолемей воспользовался для определения координат прямым путем через залив, минующим большую часть Тарханкутского полуострова. Однако в этом случае географ все равно должен был учитывать небольшой отрезок оконечности этого полуострова (около 35 км). Можно предположить, что именно этот участок соответствует долготе между перешейком и Херсонесом у Птолемея. Оставшийся же путь вдоль побережья соответствует широте между этими пунктами (рис. 3, *3*). Причем, как это видно по схеме, Херсонес оказался как бы подтянут к северо-востоку (за счет исчезновения Тарханкутского полуострова). Этот факт следует учитывать при расчетах между Херсонесом и Ольвией. Долготе Птолемея здесь будет соответствовать сумма расстояний: между Ольвией и перешейком, с одной стороны, и между перешейком и Херсонесом (35 км) — с другой. Широте же также соответствует сумма расстояний: между Херсонесом и перешейком (вдоль побережья до Тарханкутского полуострова) и между Тарханкутским полуостровом и Ольвией по прямой. Долгота между перешейком и Ольвией определяется расстоянием между перешейком (Перекопом) и Ольвией вдоль побережья. Интересен тот факт, что расстояние по прямой от Тарханкута и вдоль побережья от перешейка практически одинаково. Возможно, это и привело к такому искажению на карте?

После этих предварительных замечаний определим реальную величину одной минуты по широте и по долготе для этой зоны (табл. 2).

Итак, для второй зоны 1 мин широты равна примерно 1,875 км, а 1 мин

Таблица 2

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1′	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Ольвия — перешеек	40′	200′	75	160	1,875	0,8
Перешеек — Херсонес	80′	40′	150	35	1,875	0,875
Ольвия — Херсонес	120′	240′	225	195	1,875	0,813

долготы 0,83 км. 500 стадиям 1° широты соответствуют в действительности 112,5 км. Отсюда следует, что и для этой зоны использовался длинный 210-метровый стадий. При этом сохранилось незначительное увеличение по долготе (в 1,2 раза). Размер 1° долготы здесь меньше, чем в предыдущей зоне (Ptol., карта Европы VIII).

Третья, четвертая и пятая зоны

Понять ситуацию внутри этих зон невозможно, не разобрав общей картины искажения Херсонеса Таврического. Вот так выглядит Херсонес Птолемея (рис. 4). Простого сравнения с картой современного Крымского полуострова достаточно, чтобы увидеть, сколь значительно искажен этот район в «Географическом руководстве» (рис. 4, *2*).

Отправной точкой наших рассуждений станут несколько необъяснимых, на первый взгляд, противоречий в сведениях Птолемея, а также местоположение городка Тафра.

В описании внутренней части Херсонеса Таврического Тафр занимает крайнее западное положение. Характерное название помогает, но одновременно и усложняет его локализацию. Напрашивается вывод, что вблизи него должны находиться какие-то земляные укрепления. В «Географическом руководстве» это место помещено рядом с перешейком, отделяющим весь Херсонес Таврический. Самое простое — предположить, что Тарф следует искать где-то на Перекопе. Именно так обычно и поступают.

В то же время допустимо предположение, что со стороны оз. Бики указан не Перекопский, а какой-то другой перешеек: Ак-Монайский (у Феодосии) или Узунларский перешеек на Керченском полуострове. Первое предположение приведет в итоге к большому смещению ориентации полуострова и, в целом, сильно исказит картину. Если следовать второму, то тогда Тафр надо искать не на Перекопе, а вблизи Узунларского вала в восточном Крыму.

Ни Птолемей, ни его информаторы (за исключением, пожалуй, Геродота) не выделяют в Крыму Керченский полуостров. Начав описание по периплу действительно от района Перекопа, Птолемей впоследствии сбился и брал в каждом случае (разные источники!) за исходные разные перешейки с валами. Выбор в качестве такого перешейка Узунларского с соответствующим валом, тянущимся с севера на юг, прекрасно объясняет восточное (а не южное, как должно быть с Перекопом) расположение относительно него всех прочих координат. Тем более, что Узунларский вал, безусловно, существовал во времена, предшествовавшие Птолемею, а наличие древнего вала на Перекопе всеми допускается, но никем не доказано.

Если же предположить, что все пункты внутри Херсонеса, находясь к востоку от вала с городком Тафром, должны быть локализованы в восточной части Керченского полуострова, то как объяснить, что, за исключением Илурата, все они одновременно расположены западнее Феодосии? Видимо, Птолемей располагал двумя источниками: один из них включал описание Керченского полуострова (Европейского Боспора) с востока на запад, а второй — объезд всего Крымского

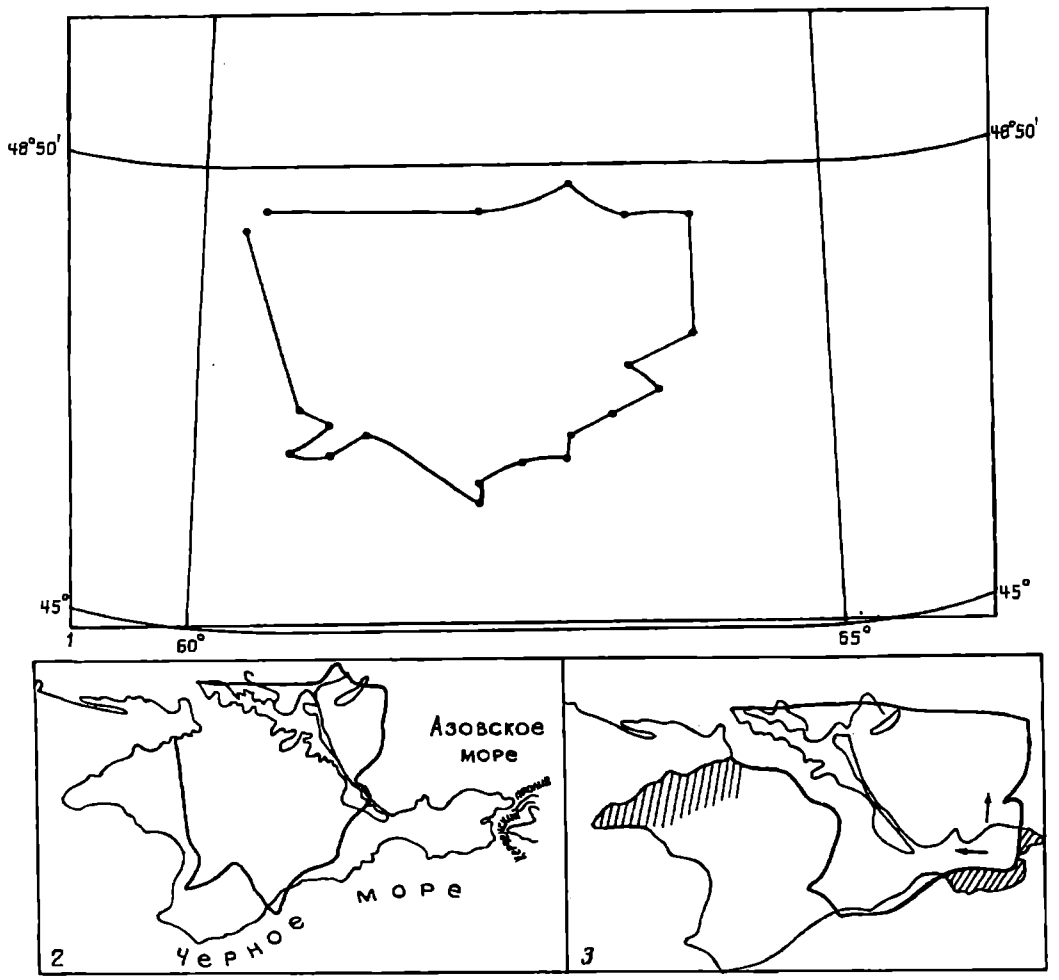

Рис. 4. Схема основных искажений III—IV зон

полуострова (Херсонеса Таврического) с запада на восток. Первый источник заканчивался Узунларским перешейком, а второй начинался Перекопом. Приняв два разных перешейка за один, Птолемей должен был ликвидировать несоответствие в размерах. Возможно, больше доверяя второму источнику, он сохранил размеры северо-западного и южного Крыма, меньшие же размеры Керченского полуострова (точнее будет сказать — его части между Узунларским валом и Керченским проливом) были растянуты по широте и долготе до Перекопа. Так северное побережье Керченского полуострова оказалось на одной широте с Перекопом и даже севернее его (Зенонов Херсонес), а пункты, должны быть восточнее Феодосии, сместились к западу от нее. При этом, чтобы не искажать общей картины, расстояния между отдельными пунктами получили адекватное увеличение.

Нет на карте Птолемея и северо-восточного выступа Керченского полуострова. Его разворот к северу-западу стал неизбежным после помещения Парфения на побережье Меотиды и смещения южного побережья Крымского полуострова к северу-востоку.

Северо-восточное смещение южного побережья явилось результатом «исчезновения» с карты Птолемея Тарханкутского полуострова (о чем говорилось при разбросе второй зоны). В результате Феодосия резко приблизилась к Керченскому проливу, а пункты, указанные в периплах южнее и юго-западнее Нимфея (Тазос, Китей, Порт-Акра, Киммерий), вообще оказались в море. Чтобы устранить это недоразумение, Птолемей сдвинул эту часть побережья внутрь полуострова к северу и северо-западу. Причем разместил их соответственно конфигурации берега, на котором они были расположены, так, что пункты, находящиеся на

одной (или почти на одной) долготе с Нимфеем, но южнее его, оказались на одной с ним широте, но западнее, а остальные еще и севернее. Так города, хорошо известные по периплам как прибрежные, — Киммерий, Китей, Порт-Акра — оказались в степи.

Если учесть все указанные выше искажения Крымского полуострова, мы получим карту, практически идентичную той, что предлагает нам «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (рис. 4, *3*).

Обратимся теперь непосредственно к «городкам» глубинки. Прежде всего в их число естественно не входили оказавшиеся там по воле Птолемея прибрежные пункты: Киммерий, Порт-Акра, Китей, Тазос. Вместе с тем присутствие их среди прочих косвенным образом свидетельствует, что они находились в восточной части Керченского полуострова.

Присмотревшись к последовательности «городков» глубинки и их географическим координатам, отметим одну любопытную особенность. Описание этих пунктов идет как бы по спирали: сверху вниз (с севера на юг) и одновременно с запада на восток в следующем порядке: Тафр, Тарона, Постигия; потом опять в том же направлении: Пароста, Бион, Илурат; затем — Сатарха, Бадатий, и наконец, Аргода и Табана. Объяснение этому может быть только одно: перед нами использованные Птолемеем карты основных дорог европейского Боспора. Неведомый автор периэгесты сначала указал пункты с запада на восток самой северной дороги, начинавшийся от загадочного Тафра. Затем вернулся и в том же порядке описал «города» на следующих дорогах. Все они шли именно в этом направлении, а не с севера на юг, как если бы они тянулись от «Перекопского» перешейка. Дороги вели из глубины степей от Асандровых укреплений к побережью пролива, столице и крупным городам. Конечные пункты указаны в периплах, и повторяться Птолемей не стал.

Третья, четвертая и частично пятая зоны входят в рамки Херсонеса Таврического, поэтому они, безусловно, отражают общую картину искажения полуострова. Следовательно, можно предположить, что реальная величина одной минуты, учитывающая эти искажения, должна быть одинаковой во всех трех зонах для всех пунктов в рамках Херсонеса Таврического.

В качестве опорных точек для этих зон мы использовали точно локализованные археологически Пантикапей, Нимфей, Китей, а также Зенонов Херсонес, локализация которого представляется достоверной. При этом необходимо пояснить некоторые моменты. Во-первых, между Китеем и Пантикапеем 105′ долготы. Между Нимфеем и Пантикапеем 25′ широты. А так как Китей оказался на одной широте с Нимфеем на расстоянии 90′ к западу от него, то эти 90′, по-видимому, включают и реальную широту и долготу. Широта между Пантикапеем и Китеем складывается из широты между Пантикапеем и Нимфеем (25′) и между Нимфеем и Китеем (x'). Поскольку Китей оказался внутри полуострова к западу от Нимфея (вместо юго-запада), то 105′ долгота — это расстояние между Пантикапеем и Китеем по широте. Следовательно, за вычетом 25′, мы должны получить расстояние по широте между Нимфеем и Китеем, т. е. 80′. В таком случае расстояние по долготе между Китеем и Нимфеем составит $90' - 80' = 10'$. Таким образом, Нимфей в «Географическом руководстве» оказался на 10′ ближе к Пантикапею, т. е. в действительности он отстоит по долготе на $15' + 10' = 25'$.

Во-вторых, кроме Тасоса и Китея «внутри» полуострова оказались и Порт-Акра с Киммерием, поэтому, возможно, к северу сдвинуты некоторые пункты собственно «глубинки»: Пароста, Постигия, Тарона, Тафр — на 20′ (расстояние между Порт-Акрой и Киммерием). Чтобы не нарушать общей картины, Птолемей вынужден был приблизить на те же 20′ и прибрежные пункты, в первую очередь Нимфей. В итоге расстояние по широте между Пантикапеем и Нимфеем следует увеличить на 20′, и оно в общей сложности составит 45′.

Перейдем непосредственно к определению реальной величины 1 мин широты

Таблица 3

Опорные пункты	Расстояния в минутах по Птолемею		Соответствующее им расстояние, км		Значение 1′	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Пантикапей — Зенонов Херсонес	50′	60′	13,5	10,5	0,27	0,175
Пантикапей — Нимфей	45′	25′	12,2	4,3	0,27	0,172
Нимфей — Китей	64′	10′	19,5	1,7	0,3	0,170
Пантикапей — Китей	109′	35′	32,5	5,9	0,3	0,170

и долготы: 1 мин долготы для этого района в «Географическом руководстве» составляет 11/20 1 мин широты. Следовательно, перемещая расстояние по долготе, Птолемей должен был увеличить количество соответствующих ему градусов и минут. Чтобы получить действительное расстояние по широте, мы должны проделать обратную работу и в итоге получим, что 80′ долготы, соответствующие расстоянию по широте между Нимфеем и Китеем, соответствуют 44′ широты. С учетом увеличения на 20′ расстояние по широте, таким образом, составит 64′ (табл. 3).

Итак, реальная величина одной минуты для пунктов третьей, четвертой и пятой зон, входящих в рамки Херсонеса Таврического, по широте составляет приблизительно 0,29 км, а по долготе 0,172 км. Каким же стадием пользовался Птолемей по Херсонесу Таврическому? Если мы попробуем определить его обычным способом, каким пользовались до сих пор, то получим явно нереальные результаты: 34,8 м по широте и 37,5 по долготе. Вместе с тем полученные размеры вновь подтверждают наше предположение о «растяжке» на карте Птолемея территории Восточного Крыма, как в широтном, так и в долготном направлениях. Чтобы выяснить действительный размер стадия, нужно определить общий коэффициент искажения для этого района. Общий коэффициент искажения представляет собой отношение действительных размеров территории, подвергшейся увеличению, и предполагаемых после такого увеличения размеров той же территории. В данном случае это территория Восточного Крыма между Нимфеем и Узунларским валом. Действительное расстояние между Нимфеем и началом Узунларского вала по широте составляет 15 км. Эта территория была растянута в «Географическом руководстве» до широты современного Перекопа, т. е. увеличилась примерно до 90 км. Таким образом, коэффициент искажения по широте равен 6 (данная территория увеличена Птолемеем в 6 раз). Расстояние между теми же пунктами по долготе в действительности составляет 26 км. Однако, как показывают исследования, так называемые Сиваши никогда не были морем. Арабатская стрелка появилась при более низком уровне моря, когда край суши располагался восточнее современного берега Сивашей, и затем постепенно сдвинулась к западу. Воды лагуны, связанные с морем, повышались и распространялись по понижениям суши (Зенкович В. П., 1958). Допустимо предположить, что во времена Птолемея Арабатская стрелка была несколько восточнее, а сами Сиваши выглядели несколько иначе, чем сейчас. Во всяком случае, вряд ли западная граница Азовского моря была в те времена западнее современной Арабатской стрелки. Поэтому участок Восточного Крыма между Нимфеем и Узунларским валом не мог быть растянут по долготе дальше, чем до Арабатской стрелки в ее нынешнем состоянии. Таким образом, указанное расстояние увеличено в «Географическом руководстве» не более, чем до 150 км, и коэффициент искажения по долготе равен 5,8 (т. е. данная территория увеличена Птолемеем в 5,8 раза).

Учитывая этот коэффициент, можно определить действительную величину

одного стадия. По широте она составит 208,8 м, а по долготе — 217,5 м. Таким образом, и для этих трех зон использовался длинный 210-метровый стадий.

Определенных пояснений требует включение в пятую зону пунктов, помещенных Птолемеем за перешейком по побережью Меотийского озера до устья Танаиса (Ptol., III, 5, 4). Последовательность размещения этих пунктов относительно перешейка такова: первые три (Новая крепость, устье р. Пасиака и г. Лиан) расположены над перешейком и к северо-западу от него; остальные идут в обратном порядке с запада на восток. Но западнее и севернее перешейка не может быть пунктов у Меотийского озера (тем более, что Птолемей в данном случае конкретизирует перешеек — «у реки Каркинита»). Можно предположить, что здесь мы имеем дело с периплом Меотийского озера (Азовского моря) с европейской стороны. Причем объезд начинался от Пантикапея, затем следовал до Узунларского вала (перешейка) и продолжался дальше, вплоть до Танаиса. Следовательно, отсчет пунктов нужно вести не от Перекопа, как это обычно делалось (Рыбаков Б. А., 1979), а от Узунларского перешейка и рассматривать все последующие пункты как продолжение одного перипла, начатого от Пантикапея. Именно это положение и привело к включению всех пунктов европейского побережья Меотиды в одну зону с северо-восточным побережьем Керченского полуострова.

Растяжка этого побережья до района, по крайней мере, Арабатской стрелки привела к тому, что пункты, которые должны находиться на Крымском побережье Азовского моря, оказались к западу и северо-западу от Перекопского перешейка. Остальные же пункты сохранили свое прежнее положение на северном побережье Азовского моря. Следовательно, определенная выше величина 1 мин для третьей, четвертой и пятой зон будет действительна только для пунктов Крымского побережья Азовского моря. Оставшийся же участок не подвергался в «Географическом руководстве» такому искажению, как Херсонес Таврический, и поэтому реальная величина минуты здесь должна быть иной. Определить ее величину, опираясь на оставшиеся в пятой зоне пункты, невозможно, так как мы не можем в настоящее время выделить из них хотя бы два опорных в силу их недостаточно убедительной локализации. Однако это не значит, что определить ее вообще пока невозможно. Можно достаточно уверенно предположить, что для этого участка может быть использована величина 1 мин для северо-восточного побережья Керченского полуострова без поправки на общее искажение Крымского полуострова (ведь оба эти участка — часть одного перипла). Однако как определить, подвергалось ли вообще какому-либо искажению северное побережье Азовского моря? Помощь здесь может оказать сопоставление со второй зоной, которая, так же как и пятая зона, является частью Европейской Сарматии и включена в рамки одной с ней карты Европы VIII.

Во второй зоне практически отсутствует искажение и по широте, и по долготе, точнее, это искажение столь незначительно, что при локализации им можно пренебречь. Вполне логично будет допустить, что подобная картина сохраняется и в соседнем регионе. Отбросив коэффициент искажения как по широте, так и по долготе, определим величину 1 мин для прибрежных пунктов по Меотиде. По широте она составит 1,74 км (во второй зоне — 1,875 км), а по долготе — примерно 1 км (во второй зоне — 0,83 км). Впрочем, возможно и влияние искажения Керченского полуострова.

Шестая зона

Она включает в себя 36 прибрежных пунктов. Из них только 18 являются населенными. Кроме них, сюда входят 10 пунктов во внутренней части. В качестве опорных в этой зоне мы использовали: восточное устье р. Танаис, устье р. Вардана, Фанагорию, Гермонассу и Синдскую гавань.

Шестая зона, пожалуй, не менее сложная и запутанная, чем район Херсонеса Таврического. Во-первых, чтобы не нарушать общей картины, Птолемей вслед

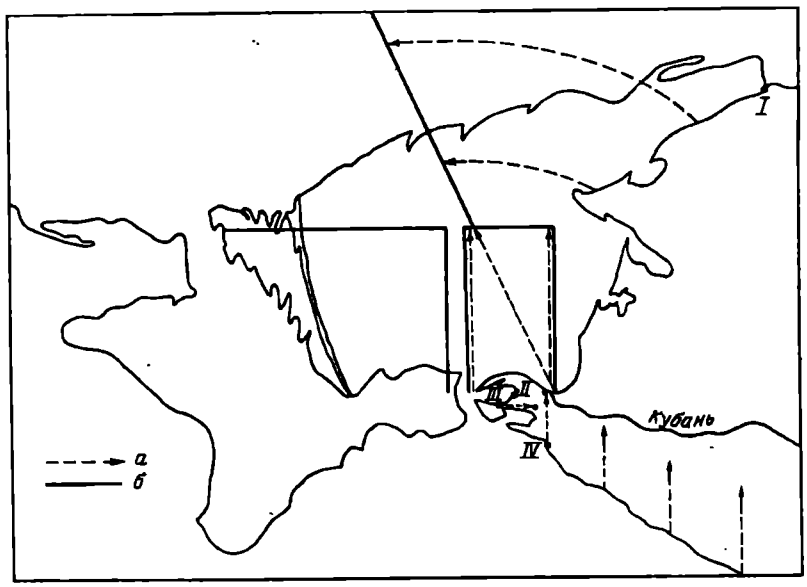

Рис. 5. Схема основных искажений V—VI зон: I — Дон (Танаис); II — Фанагория; III — Гермонасса; IV — Синдская гавань; *а* — направление переноса; *б* — примерное расположение на карте Птолемея

за Керченским полуостровом вынужден был поднять до того же уровня и Таманский (рис. 5). Во-вторых, налицо явное несоответствие положения восточного побережья Меотиды в «Географическом руководстве» и действительной картины соответствующего побережья Азовского моря. Координаты пунктов у Птолемея здесь даются в следующем порядке: с севера на юг и с запада на восток вначале и с востока на запад в конце. Причем территория южного побережья и Таманского полуострова достаточно точно выделена на карте Птолемея, начинаясь примерно с устья р. Вардан (современной Кубани) (Ptol., V, 8, 5). Простого взгляда на современную карту достаточно, чтобы обнаружить явное несоответствие. От устья Дона до Кубани побережье отклоняется не в восточном, а в западном направлении. В «Географическом же руководстве» большинство пунктов расположены к востоку от устья Дона, т. е. Меотида у Птолемея вытянута не в северо-восточном, а в северном и даже, возможно, в северо-западном направлении.

Какова причина такого несоответствия? Если речь идет о синхронном повороте всего Азовского моря, включая его Крымское побережье, то картина вовсе не будет такой, какой ее нам дает «Географическое руководство»: Крымский полуостров окажется как бы перевернутым, а Таманский полуостров разместится не против, а над Керченским полуостровом, юго-восточное побережье Черного моря вытянется в северо-восточном направлении, а южное побережье Азовского моря окажется в районе Арабатской стрелки, т. е. станет западным. Ничего подобного у Птолемея нет. В общей картине у него все осталось на своих местах, изменилось лишь направление, в котором вытянуто Азовское море. Скорее всего, в «Географическом руководстве» развернуто к северу только северо-восточное побережье, а остальные его участки сохранили свою прежнюю ориентацию. В чем же причина такого искажения?

«Растяжка» Керченского полуострова к северу и западу, поднятие до того же уровня Таманского полуострова с неизбежностью поставили перед Птолемеем задачу «подъема» и Азовского моря, так как иначе большая его часть «поглощалась» бы сушей (см. рис. 5). Если это сделать чисто механически, не меняя ориентации, то произойдет значительное увеличение расстояния до юго-восточного побережья Черного моря, что приведет в свою очередь к нарушению общих размеров и пропорций между отдельными регионами (в частности, между Европейской и Азиатской Сарматией). Если же развернуть северо-восточное побережье к северу, то освободится место для синхронного поднятия юго-восточного побережья Черого моря, что позволит сохранить основные пропорции неизмененными. Возможно,

последствием такого поднятия явилось то, что Синдская гавань оказалась на одной широте с Фанагорией (см. рис. 5). Изменилось и положение Гермонассы: во-первых, она оказалась южнее Синдской гавани (Анапы), а во-вторых, еще и восточнее Фанагории. Впрочем, здесь не исключена и простая перестановка долготы и широты. Таковы, на наш взгляд, общие искажения и их причины в рамках шестой зоны.

Для того чтобы определить реальную величину одной минуты для этой зоны, необходимо предварительно попытаться идентифицировать соответствующее расстояние на карте Птолемея и на современной карте.

Первая пара опорных пунктов — устья рек Танаиса и Вардана, устья Дона и Кубани. Расстоянию по широте в 370′ у Птолемея должно соответствовать аналогичное расстояние между Доном и Кубанью на современной карте, равное примерно 200 км. В то же время по долготе устья этих рек в результате разворота оказались сближенными. По-видимому, долготе Птолемея (60′) здесь может соответствовать расстояние от устья Кубани до поворота побережья Азовского моря к северу, равное примерно 30 км.

Вторая пара опорных пунктов: устье реки Вардана — Фанагория. Сложность индентификации здесь заключается в том, что между устьем Вардана и Фанагорией, в силу указанных выше причин, оказалась Синдская гавань, в то время как на самом деле она находится почти на одной долготе с устьем Кубани. Можно предположить, что у Птолемея 210′ долготы между устьем Вардана и Фанагорией включают расстояние между Синдской гаванью и устьем Вардана, а также расстояние между Варданом и Фанагорией. Между устьем Вардана и Синдской гаванью в «Географическом руководстве» 150′, следовательно, между устьем Вардана и Фанагорией остается только 60′ (210′ – 150′), которым и соответствует 30-километровый отрезок по долготе между устьем Кубани и Фанагорией. Расстояние же по широте между этими пунктами может быть соотнесено с расстоянием между Фанагорией и побережьем Азовского моря к северу от нее (примерно 17 км).

Третья пара — Фанагория — Гермонасса. Здесь, вероятнее всего, соотношение широты и долготы не нарушено. Разница лишь в том, что западная по отношению к Фанагории долгота Гермонассы оказалась смещенной к востоку.

Четвертая пара опорных пунктов — Гермонасса и Синдская гавань. Прежде всего, если наше предположение об адекватном перемещении Гермонассы с запада к востоку от Фанагории верно, то расстояние Гермонасса — Синдская гавань должно определяться как сумма расстояний Гермонасса — Фанагория — Фанагория — Синдская гавань, т. е. 30′ + 60′ = 90′. Что касается широты, то она должна каким-то образом входить в это тройное отношение между Гермонассой, Фанагорией и Синдской гаванью. Однако Фанагория и Синдская гавань у Птолемея на одной широте, а 20′ широты — это расстояние между Гермонассой и Фанагорией. Неиспользованными у нас остались только 30′ — расстояние по долготе между Гермонассой и Синдской гаванью, которое, по-видимому, в действительности соответствует широте между этими пунктами, причем на современной карте эта широта аналогична расстоянию между Гермонассой и Черноморским побережьем (а на до широты Анапы, так как юго-восточное направление этого побережья у Птолемея отсутствует). Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что 1° долготы для этой зоны составляет 7/12 1° широты, следовательно, 30′ долготы соответствует примерно 18′ широты.

Исходя из этого, определим величину 1 мин широты и 1 мин долготы для шестой зоны (табл. 4).

Таким образом, 1 мин широты для этой зоны равна примерно 0,54 км, а 1 мин долготы — 0,51 км. Отсюда следует, что величина одного стадия по широте составит 64,8 м, а по долготе 104,8 м. Такие размеры стадия свидетельствуют о том, что данный район имеет существенные искажения в сторону увеличения как в широтном, так и в долготном направлениях. Попробуем определить ко-

Таблица 4

Опорные пункты	Расстояния в минутах		Соответствующие им расстояния, км		Величина 1, км	
	широта	долгота	широта	долгота	широта	долгота
Устье Танаиса — устье Вардана	370′	60′	200	30	0,54	0,5
Устье Вардана — Фанагория	30′	60′	17	30	0,57	0,5
Фанагория — Гермонасса	20′	30′	10	15	0,5	0,5
Гермонасса — Синдская гавань	18′	90′	10	50	0,5	0,55

эффициент искажения по широте. Для этого используем реальные и искаженные размеры Таманского полуострова, растянутого на карте Птолемея до широты Перекопа. Действительные размеры полуострова не превышают с севера на юг 37,5 км, в то время как «растяжка» до Перекопа увеличила их по крайней мере до 125 км. Отсюда коэффициент искажения по широте составит 3,3 (т. е. данный район увеличен на карте Птолемея примерно в 3,3 раза). Действительная же величина стадия, использованного Клавдием Птолемеем в этой зоне, равна 213,8 км. Таким образом, и здесь мы имеем дело с длинным 210-метровым стадием. Что касается коэффициента искажения по долготе, то выделить более или менее точно рамки возможной территории для сравнения пока не удается. Однако вряд ли для расчетов по долготе использовался какой-либо размер стадия, и потому можно допустить, что с запада на восток этот район имеет двухкратное увеличение на карте Птолемея.

Итак, мы рассмотрели все шесть выделенных зон и теперь можем представить общую картину искажения Северо-Причерноморского региона. Наиболее сильному искажению подвергся район Крымского полуострова. На Херсонесе Таврическом у Птолемея «исчез» Тарханкутский полуостров, в результате чего к северо-востоку сдвинулось все последующее побережье. Это привело к сильному сближению Феодосии и Пантикапея и «выпадению» из общей картины всего юго-восточного побережья Керченского полуострова (пункты, должные находиться здесь, помещены Птолемеем внутрь полуострова). Это же смещение привело к развороту северо-восточного выступа к северо-западу от Пантикапея. Совмещение Узунларского и Перекопского перешейков еще больше запутало картину и привело к «растяжке» северо-восточного участка Керченского полуострова к северу и западу соответственно в 6 и 5,8 раз. Это не могло не отразиться на других районах. Таманский полуостров вслед за Керченским на карте Птолемея растянут к северу до широты Перекопа. Это привело к смещению Азовского моря значительно дальше на север и одновременному развороту северо-восточного его побережья к западу. Поднятие Азовского моря повлекло за собой аналогичное перемещение северо-восточного Причерноморья или, по крайней мере, части его, включающей район современной Анапы. Кроме того, весь этот район увеличен на карте Птолемея в 3,3 раза по широте и в 2 раза по долготе.

Двухкратное увеличение по долготе имеет также первая зона (между устьями Дуная и Днепра). В то же время по широте этот район практически не подвергся искажению (крайне незначительное уменьшение можно отнести за счет допустимой погрешности при расчетах).

Что касается участка северо-западного Причерноморья от устья Днепра до Перекопа, то он в Географическом руководстве практически не подвергся какому-либо искажению (незначительным уменьшением по широте и столь же незначительным увеличением по долготе можно пренебречь). Возможно, аналогична картина и северного побережья Азовского моря (от района Перекопа до устья Дона), поскольку он так же, как и северо-западное Причерноморье, включен Птолемеем в рамки одной карты Европы VIII.

Как показали расчеты, реальная величина 1 мин как по широте, так и по долготе прямо зависит от степени общего искажения района и потому может быть применена лишь в его пределах. В то же время величина стадия, по крайней мере для Северного Причерноморья, у Птолемея едина и составляет 210 м (Зубарев В. Г., 1991).

Разумеется, все сказанное не исчерпывает многообразия картины «Географического руководства». Но оно, на наш взгляд, дает наиболее приемлемое объяснение тем искажениям и противоречиям, которыми полон этот труд, и позволяет надеяться на достаточно полное соотнесение сведений Клавдия Птолемея с реальной действительностью.

Сопоставление сведений Птолемея с точно локализованными на основании других источников или археологических данных памятниками внутри каждой из шести выделенных зон позволило определить степень искажения и его характер, на основе чего стало возможным вычисление реальной величины 1 мин долготы и широты с учетом всего комплекса искажений. Этот предварительный анализ текста «Географического руководства» позволяет автору приступить к локализации подавляющего большинства географических наименований, основываясь практически только на данных Птолемея. Этой конкретной локализации пунктов и их историко-археологическому содержанию и будет посвящен следующий этап работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агбунов М. В., 1987. Античная лоция Черного моря. М.

Зенкович В. П., 1958. Берега Черного и Азовского морей. М.

Зубарев В. Г., 1991. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., МПГУ.

Зубарев В. Г., Масленников А. А., 1987. Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею//СА. № 3.

Рыбаков Б. А., 1979. Геродотова Скифия. М.

Тульский педагогический колледж,
Тула

V. G. ZUBAREV

DISTORTIONS AND THE WHOLE PICTURE OF THE NORTHERN PONTIC AREA IN "GUIDE TO GEOGRAPHY" BY PTOLEMY

Summary

The author analyzed the studies of "Guide to Geography" by Ptolemy and marked out six zones in the Northern Pontic area. He also determines the distortions in them, the real value of one minute which takes into account the distortions and can be used only for a certain zone. He determines the value of the stadium which is common at least for the Northern Pontic area and forms 210 m.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

МСТИСЛАВЛЬСКИЙ ДЕТИНЕЦ В XII—XIV ВЕКАХ

Крупный смоленский княжеский центр Мстиславль (Белоруссия) был основан, судя по курганам, в сравнительно заселенной местности южной части Смоленского княжества, у самой границы кривичей и радимичей (Алексеев Л. В., 1978, рис. 2), в землях, населенных более всего радимичами (Алексеев Л. В., 1980а, рис. 2), отошедших к Смоленску, очевидно, в конце 1120-х годов (Алексеев Л. В., 1980б, с. 152), и на них были организованы личные домениальные владения Ростислава Смоленского с центрами Ростиславль (Рославль), и Мстиславль[1] (Алексеев Л. В., 1976а). В уставе Ростислава 1136 г., где названы смоленские податные центры, об этих городах речи нет (Древнерусские..., 1976, с. 141—144) — они, следовательно, возникли позднее. Мстиславль впервые упоминается летописью под 1156 г.: подавив на Десне разбушевавшегося там Святослава Всеволодовича, Изяслав Давыдович Киевский вторгся в пределы его союзника Ростислава, вызвал на помощь Святослава Ольговича Новгород-Северского и «ту стояща, у Мстиславля, сотвориша миръ» (Ипатьевская..., 1962, стб. 485). Нам ясно: Мстиславль возник между 1136 и 1156 гг., строил его Ростислав (что подтвержается и в летописном сборнике XVI в. (Щапов Я. Н., 1972, с. 285). Далее город упоминается в последнем документе комплекса смоленских епископских грамот — в грамоте «О погородье и почестье», которую удается датировать 1211—1218 гг. (Алексеев Л. В., 1979; с. 100; 1980а, с. 24). Здесь Мстиславль — сравнительно крупный центр, который по вносимому им епископии погородью (300 гривен) стоит среди прочих провинциальных центров на третьем месте после княжеского Торопца и торговой Копыси и на третьем месте по «почестью» (очевидно, плата за «честь» архиерейской службы) после Дорогобужа и Ростиславля (Алексеев Л. В., 1979, с. 99). В XIII в. Мстиславль отошел к Литве и, находясь на границе Литвы и Руси, стал предметом постоянных военных столкновений литовских и русских князей. В XIV в., после смерти смоленского Ивана (при нем Мстиславль опять был у Руси), «Ольгерд Гедиминович приходил ратию к Смоленску и град Мстиславль взял и наместника в нем посадил...» (1359 г.) (Патриаршая..., 1965а). Город перешел к Литве, стал центром крупного удельного княжества (куда входили Могилев, Кричев, Княжицы, Тетерин и др.). По сметри Ольгерда (1377) в Мстиславле утвердился его сын Лугвений-Симеон (1377—1431) — родоначальник рода литовских князей, игравших заметную роль в борьбе Литвы и Москвы в XV — XVI вв. Женатый на дочери Дмитрия Донского, сам православный, Лугвений, в противовес другим князьям, не изменил веры в угоду Ягайле, в Мстиславле на детинце он построил Николаевский Нагорный монастырь, а укрепляя городские окрестности, возвел Пустынский (1380) и Онуфриевский (1407) монастыри. В 1386 г., во время пира в Кракове литовских князей на свадьбе у Ягайло, Святослав Иванович Смоленский пытался вернуть Мстиславль Руси, но князья немедленно прискакали из Кракова. В битве под стенами города у р. Вехры (ее наблюдали испуганные мстиславцы со стен) литовцы победили смолян, а смоленский князь был убит (Патриаршая..., 1965б,

[1] Настоящая работа представялет прямое продолжение нашего исследования о культово-оборонных сооружениях, обнаруженных в раскопках города на восточной стороне улицы № 3 (Алексеев Л. В., 1993). Здесь речь о застройке западной стороны этой улицы.

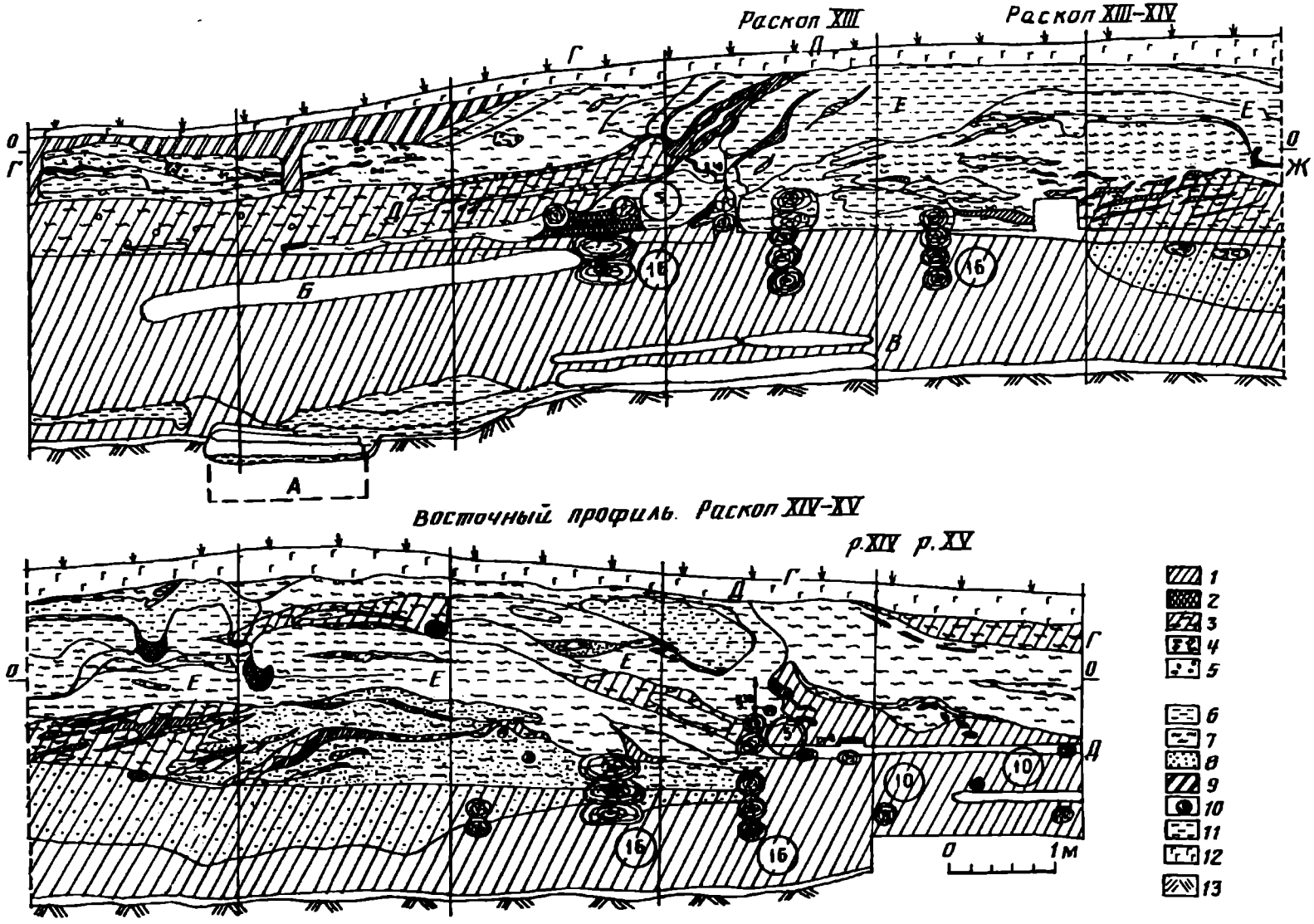
© Л. В. Алексеев, 1995 г.

с. 91, 92). Город, по-видимому, был сильно укреплен. В 1430 г. Сигизмунд I осаждал вновь русский Мстиславль 26 дней, но безуспешно (Белорусско-Литовские..., 1980, с. 58, 107 сл.); то же и с тем же успехом повторилось в 1432 г. — тот же король держал осаду 3 недели (Любавский М. К., 1900, с. 78). Позднее город стал вновь литовским, и в 1500 г. его безуспешно осаждал с большим московским войском князь Семен Иванович Можайский (Хроника..., 1975, с. 168), то же повторилось с тем же князем в 1502 г. (Патриаршая..., 1965в, с. 254). В 1508 и в 1514 гг. мстиславльский князь был вынужден сдать свою крепость московскому государю Василию III и служить ему. Король обвинил его в измене, но в конце концов он был прощен (Акты..., 1848, с. 171). В результате — новые войны: Василий III отправляет воевод на «Литовскую землю ко Мстиславлю» (1515 г.) (Разрядная..., 1966, с. 56). Литовская Метрика свидетельствует, что в первой половине XVI в. мстиславльская крепость была сильно укреплена, имела много огнестрельного оружия и наемное войско. В 1529 г. здесь предстояло срубить 20 городней, для чего были привлечены люди из городов Могилева, Кричева, Чечерска, Пропойска, Олучиц, прочие укрепления делали сами мстиславцы (Ткачов М. А., 1987, с. 139). И опять бои: в 1534 г. русские воеводы «ничого вчинити ему (замку) не могли, и за тым добыванием жадного зватяжства не одержали, одно — вежу над и несколько городен с дел збили» (Ткачов М. А., 1987, с. 139). Итак, мстиславльский замок в XVI в. имел несколько башень (одну проездную), много городен. В Ливонскую войну (1558—1583) Мстиславль подвергался осаде три раза, но безуспешно (1552 г.) и 2 раза в 1564 г. (Патриаршая..., 1965г, с. 340, 377, 385). Страшное поражение ждало город 22 июля 1654 г.: после четырехдневной осады войска князя А. Н. Трубецкого двинулись на штурм: «...боярин и воевода князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи город Мстиславль взял и высек и выжег, а пробил в нем больши пятина-десяти (15) тысяч...» (Акты..., 1836, с. 128), причем был взят и выжжен не только замок, но и «паркан (острог) и город» (Историко-юридические материалы..., 1893, с. 438). С тех пор интенсивная жизнь на детинце прекратилась, он несколько раз, как кажется, восстанавливался, но былого значения уже не имел (Ткачов, 1987, с. 143).

Итак, в средние века Мстиславль был сравнительно крупным городом. Сначала он был центром княжеского домена, затем удельного княжества и, наконец, воеводства. В эпоху развитого средневековья это был крупный торговый и политический центр попеременно то Руси, то Литвы. Наши археологические раскопки, проводившиеся на скромные средства Могилевского музея в течение 15 (с перерывами) сезонов, позволяют наметить основные вехи в истории мстиславльского детинца.

Замковая гора высотой 20 м расположена на правом высоком берегу р. Вехры, в некотором отдалении от нее, среди глубоких оврагов. С северо-востока ее омывает ручей Здоровец, с юго-востока, где ныне дамба, некогда был подъемный мост. Округлая площадка (около 60 ар) по периметру была окружена валом (его следы видны с востока). У въезда, где концы вала составляют, очевидно, род захаба (Алексеев Л. В., 1993, рис. 1), была, видимо, упомянутая проездная башня. На юг и юго-запад от крепости к ней примыкал за рвом неукрепленный посад площадью до 4,5 га (XII—XIII вв.), где М. А. Ткачовым и О. А. Трусовым найдены стеклянные браслеты, шиферные пряслица и др. (Ткачоў М. А., Трусаў А. А., 1992, с. 13, 14). В черте города были и курганы (Краснянский В. Г., 1912, с. 80). Сейчас на памятнике высятся четыре дома с усадьбами, вся его площадь занята огородами. О раскопках на детинце мы неоднократно сообщали в печати (Алексеев Л. В., 1962, 1963, 1971, 1976б, 1980б, 1982, 1983, 1993 и др.).

Культурные отложения детинца имеют среднюю мощность 3,3 м. Его верхняя часть в центре немного выпахана, и земля сдвинута к валам (они также распаханы). Под огородным слоем (40 см) слой мощностью до 40 см имеет перепады и всхолмления, он в значительной степени (и более всего у валов)

Раскоп XIII
Раскоп XIII–XIV
Восточный профиль. Раскоп XIV–XV
р.XIV
р.XV
А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
0
1м
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

отражает крупное разрушение крепости в XVII в. (очевидно, в 1654 г.) (рис. 1). Здесь попадаются изразцы первой половины XVII в. (см. Розенфельдт Р. Л., 1969, с. 180, рис. 1, *1*), более поздние изразцы (например, Трусов О. А., 1988, рис. 90) встречаются за пределами детинца; осколки чугунных ядер, каменные «ядра» диаметром до 25—30 см, замки типа Е, иногда внушительных размеров, осколки чернолощеных кувшинов XVII в. (Алексеев Л. В. 1976б, с. 48, рис. 3, *16, 17*) и др. На глубине 80 см темно-серый слой переходит в коричневый, оторфовавшийся, с глубины 120 см прослеживаются остатки деревянных построек, а на глубине 140 см удается выделить единовременные горизонты-ярусы (по замощениям уличных настилов). На глубине 2 м (10-й штык) сохранность дерева позволяет получить первые дендродаты. Корректировать единовременные горизонты, как всегда, помогают следы больших пожаров. Их оказалось три: первый след — конец XII в. над материком; второй — на глубине 11-го штыка (начало XIV в); третий — на глубине 8-го штыка (середина XIV в., очевидно, пожар 1359 г.). Приведем весьма условную схему стратиграфии отложений и находок (таблица, обозначения замков и ключей по Б. А. Колчину — каждое соотвстствует одному предмету, подсчеты браслетов по раскопкам XIII—XIV, где настилы улицы 3 гарантировали большей частью от перекопов).

Культурный слой условно членится нами на три части — отложения «доярусные» (возникшие до появления уличных настилов), «ярусные» (образовавшиеся на них) и «надъярусные» (отложившиеся в слоях, где дерево из-за близости к поверхности не сохраняется). Выше — земля современных огородов без находок.

Материк — светло-серая глина без естественных западин. Нарушен лишь в раскопках XIII—XIV, XVI—XVII[2] могильными ямами с погребениями первопоселенцев Мстиславля (гробы из толстых колотых досок, углубленных в материк слегка ниже высоты гробов, крышки которых оказываются ниже поверхности материка лишь на 5—10 см. Кое-где материк нарушен погребами.

Доярусные отложения рассматриваются по двум уровням — нижнему «надматериковому» (штыки 16-й и 15-й) и верхнему «предъярусному» (штыки 15-й и 14-й).

1. *Надматериковый уровень* представлен слоем сильно перегнившего дерева (в раскопах I, II, XXII, XXIII) сильно перемешан с навозом и щепой). Находки на материке и над ним непосредственно датируют первое поселение: ключ А второго вида (круглая лопаточка) I.П.15 (рис. 2, *12*) — XI — конец XII в.; большой бронзовый бубенец II.О.15 (рис. 2, *2*), по Подболотьевскому могильнику — XII в. (Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967, с. 137); позолоченная подвеска в

[2] Автор копает древнерусские города по арной сетке, разбитой на плане памятника (ар — раскоп). Обозначения — римская цифра — раскоп, 25 квадратов ара — буква (северная линия квадратов А—Д, западная АЕЛРХ). По арной сетке (Алексеев Л. В., 1993, рис. 1) раскопы: I — Ж-3; II — Е-3; III — Д-3; V — В-6; Г — 6; VII — А-7; VIII — Б-7; XIII — Е-4; XIV — Е-5; XV — Е-6; XVI — Ж-4; XVII — Ж-5; XVIII — Д-4; XIX — Д-5; XX — З-4; XXI — З—5; XXII — З—3; XXIII — З—2; XXIV — З—1. В раскопах XXI—XXIV разрабатывались лишь квадраты АЕЛРХ (разрез вала). По недостатку средств траншея эта была доведена до слоев XIV в. и лишь в отдельных местах — до материка. Как удалось понять, вал был насыпан одновременно с возникновением города. Шифры сооружений: римская цифра — раскоп, арабская — номер постройки в раскопе. Шифры находок: римская цифра — раскоп, буква — квадрат, арабская цифра — штык (пласт).

Рис. 1. Разрез культурного слоя мстиславльского детинца по восточной стенке раскопов XIII—XV.
1 — культурный слой; *2* — древесный тлен; *3* — золистый культурный слой; *4* — обожженая глина и обломки кирпича; *5* — уголь, слой пожара; *6* — глина; *7* — древесный культурный слой со следами золы; *8* — песок; *9* — поздний культурный слой; *10* — дерево; *11* — суглинок; *12* — дерновый слой; *13* — материк.
Цифры в кружках: *5* — церковь-донжон XIII-*5*; *10* — бревенчатая мостовая улицы № 10; *16* — церковь-донжон XIV-16; *А* — погребение в материке; *Б* — разбросанные бревна сооружения XIV-16; *В* — бревна сооружений над материком времени первого пожара (рубеж XII—XIII вв.); *Г* — слой гибели XII-*5*б 22 июля 1654 г.; *Д* — слой гибели XIII-*5*а в пожаре 1654 г.; *Е* — слоистое заполнение XIII-*5*

Схема пожаров и находок в слоях мстиславльского детинца (по предварительным данным) *

Штык (пласт)	Ярус	Дата построек	Церкви-донжоны	Предметы культа	Типы замков, ключей	Стеклянные браслеты	Стрелы		Век	Примечания
							простые	арбалетные		
1—2					Огородные слои					
3			XIII—5^6	П	БГЕЕЕ		4	1		
4			XIII—5^6	К	ГЕЕЕЕЕ		3	4	XV	2 крюка от арбалета, варган
5			XIII—5^6		ЕЕЕЕ		1			2 энколпиона XV в.
6			XIII—5^6	П	В	1	4			Писало
7	А		XIII—5^6	П	Г					2 части свинцовой кровли
8	ХХБХ	XXX	XIII—$5^а$Х	КПХХХ	ГЕХХ	XXXX	Х 1 Х	ХХ 1 Х	XXX	3-й пожар, 1359 г. Плинфа другого храма, 7 крестовключенных подвесок, бронзовый котел
9	В		XIII—$5^а$	К	$ВВВВ_1В_1$	10	1		XIV	Костяной топорик с орнаментом, горшковый изразец
10	Г	1325 1318 1316 1307	XIII—$5^а$	ППП К крышечка от кадила (?)	ВВВ Г					Обломок арабского бокала с позолотой
11	ХДХ	XXX 1296 1291	XXXXX XIV—16	$ХХБ_2ХВ_2Х$	$ХХБВ_2Х$	ХХ 11 Х	XXX	XXX		2-й пожар начала XIV в.
12	Е	1261 1262	XIV—16		ББ В	17		1		Шиферное кольцо с обратной надписью «ИТАЖЪВ»
13	Ж	1249 1238	XVI—23	Лампада	$ВВВВ_2$	23	1			Берестяная грамота, энколпион в шелковом мешочке (конец XII в.)
14		1229 1223 1221	XIV—23			34			XIII	
15		1204	XIV—23		БББВ	10	1			Серебряная иконка-привеска конца XII в.
		XXXXX	XXXXXXX	XXXXXX	XXXXXXX	XXXXX	XXXXXX		XXXXXXXX	1-й пожар над материком
16			1-я церковь-донжон	Диск подсвечника	А				XII	

* Условные обозначения: К — фрагмент колокола, П — поливная плитка пола, А—Е — типы замков по Б. А. Колчину (каждая буква соответствует одной находке); XXX — обозначен слой пожара.

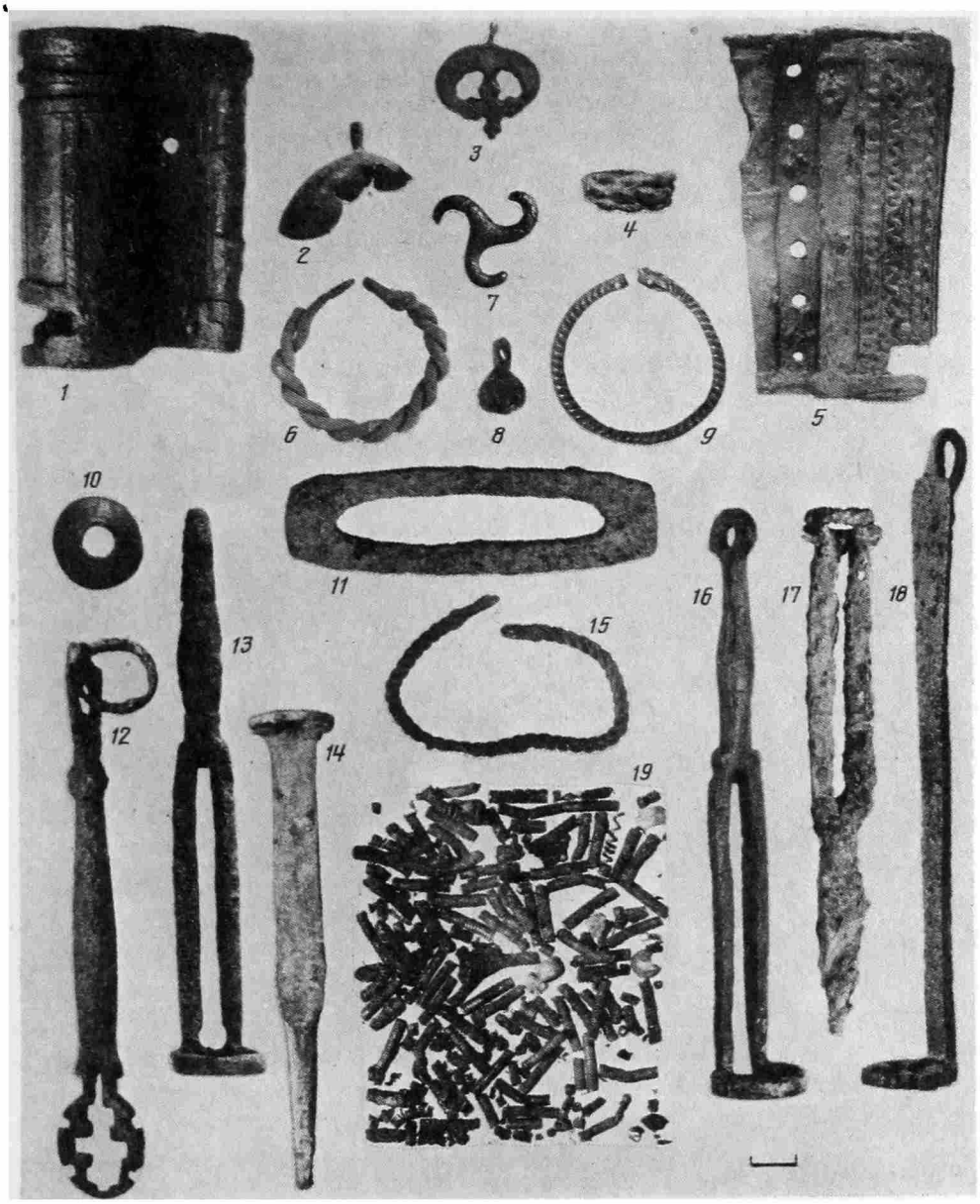

Рис. 2. Находки из ранних слоев детинца.
1, *5* — замки типа Б; *2* — крупный бронзовый бубенец; *3* — бронзовая крестовключенная подвеска; *4* — бронзовый перстень; *6*, *9* — бронзовые браслеты; *7* — бронзовая подвеска, позолоченная; *8* — мелкий бронзовый бубенец; *10* — свинцовый грузик весом 11,750 г; *11* — железное кресало; *12* — ключ типа А второго вида; *13*, *14*, *16*—*18* — ключи типа Б; *15* — бронзовый проволочный браслет; *19* — часть рассыпавшегося украшения из бронзовых проволочек и бусин. *1*—*5*, *7*, *8*, *11*—*18* — из нижнего доярусного слоя (конец XII — начало XIII в.); *6*, *9*, *10* — из верхнего доярусного слоя (вторая четверть XIII в.)

виде сегнерова колеса XXII. Л. 16 (рис. 2, *7*) — рубеж XII и XIII вв. (Рыбаков Б. А., 1949, рис. 24; Седова М. В., 1981, с. 154, рис. 60, *11*, *12*). Сегнерово колесо в слоях 1230—1240 гг. имеет иной вид (Штыхов Г. В., 1975, с. 70, рис. 34, *9*). Каких-либо построек на этом древнейшем горизонте возникновения города не обнаружено.

Несколько выше материка в раскопах VI и XVII были выявлены следы сгоревших строений — первый городской пожар. В раскопе XVII это остатки сгоревшей первой церкви-донжона с погребениями внутри (Алексеев Л. В., 1993, с. 219, рис. 2). В раскопе VI на этом уровне была найдена обгоревшая курица от крыши VI.?.14, 15 (рис. 3, *1*). В раскопе II сохранились остатки каких-то строений, ориентированных по странам света — угол сруба из бревен, сложенных в

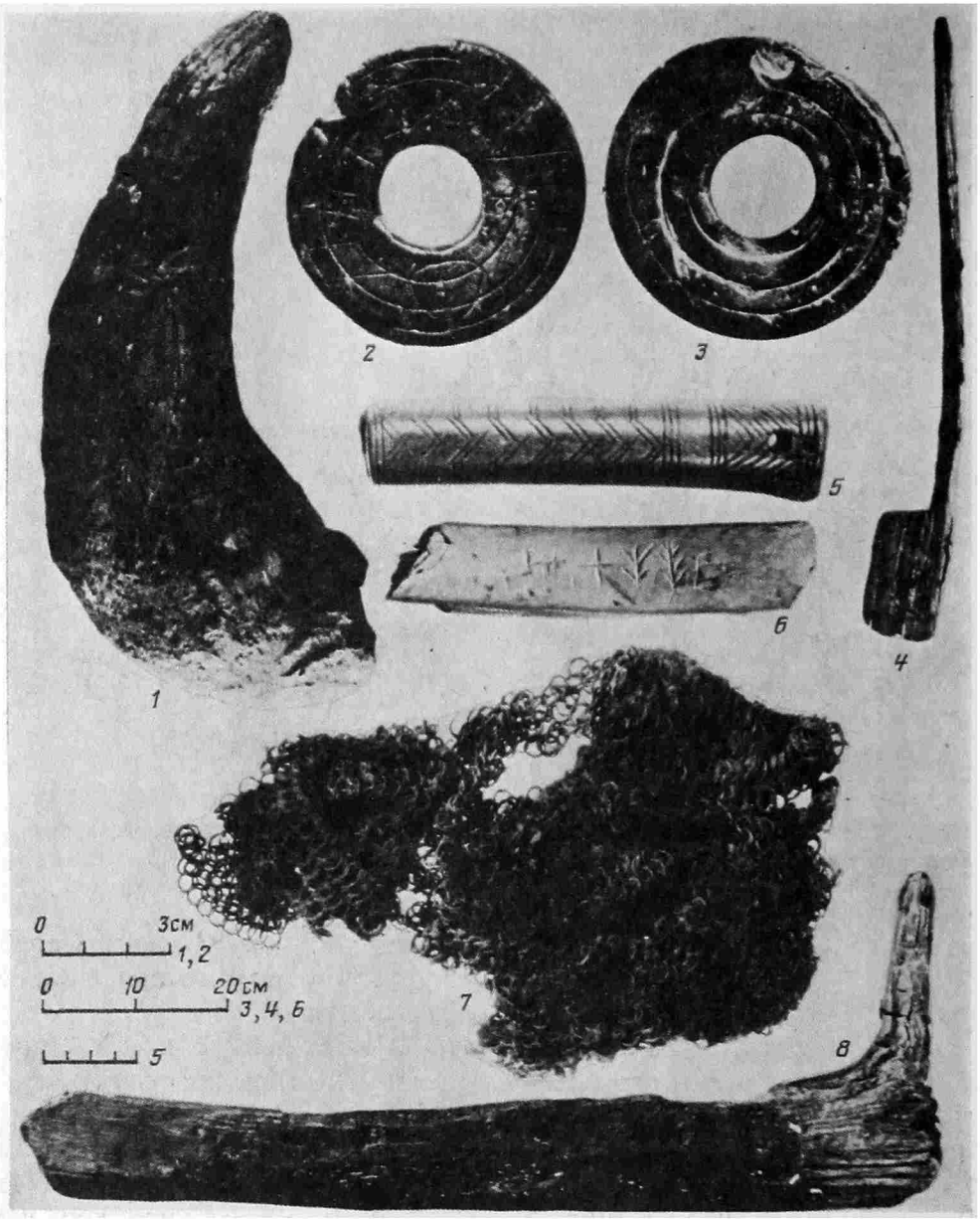

Рис. 3. Находки из различных слоев мстиславльского детинца.
1 — фрагмент обгорелой строительной курицы; *2*, *3* — кольцо розового сланца с буквами «ИТАЖ» «ЪВ» («въжати»?); *4* — деревянная лопата; *5* — костяная рукоять ножа с орнаментом; *6* — костяная рукоять с процарапанными значками; *7* — часть кольчуги; *8* — шпангоут от лодки; *1* — из слоя пожарища над материком (конец XII — начало XIII в.); *2*, *7* — из яруса Е (1260-е годы); *4* — из яруса Г (1307—1325 гг.); *5* — из яруса В (1330—1340-е годы); *6*, *8* — из яруса Д (пожарище начала XIV в.)

обло II-73. Через эти остатки вскоре прошел бревенчатый частокол II-74, ориентированный так же (Алексеев Л. В., 1993, рис. 2). Фрагмент другого частокола из более мощных бревен расчищен в северной части раскопа I (I-38), он шел с юго-востока на северо-запад и разделял, видимо, две усадьбы, одна из которых была у самого северного вала [2]. Юго-западная часть раскопа I была нарушена до материка погребом I-40, запущенным в землю на 10 венцов, зарытым в 1291 г. (Алексеев Л. В., 1993, рис. 2). В том же раскопе северо-восточнее расчищено замощение I-50 с дендродатой 1204 г. (Алексеев Л. В., 1976б, рис. 4, *2*; 1993, рис. 2).

[2] В раскопах XIII, XIV, XVI, XVII на одном и том же месте найдено пять последовательно возникавших церквей-донжонов (Алексеев Л. В., 1993).

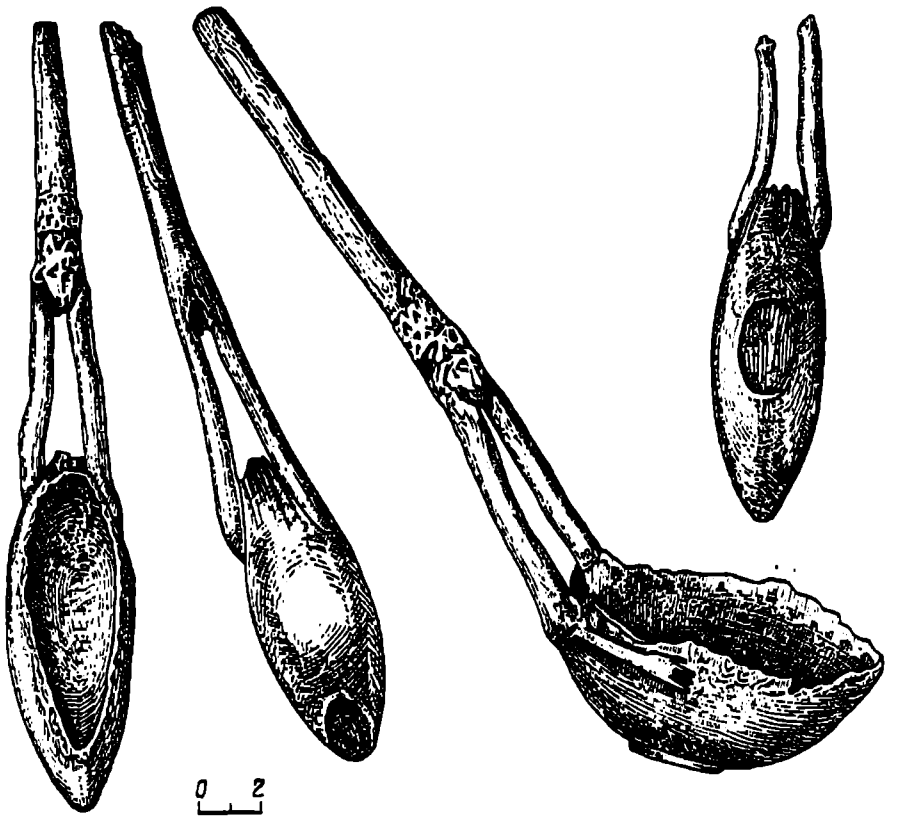

Рис. 4. Деревянный ковш с рукояткой в виде головы и рук человека из надматерикового слоя (конец XII — начало XIII в.)

Находки этого уровня разнообразны и имеют узкую дату. Серебряная круглая иконка-подвеска с тисненым изображением Богоматери с младенцем Христом на восковой мастике XX.А.15 (Алексеев Л. В., 1993, рис. 4, *1*) стилистически датируется, по свидетельству М. В. Седовой, концом XII и рубежом XII—XIII вв. Можно думать, что подобные предметы были распространены шире, чем полагала М. В. Седова (Седова М. В., 1974, с. 191—194), но были иного типа. Прямые аналогии нашей находке пока неизвестны, отдаленное же сходство заметно с более поздними киевскими медальонами (Корзухина Г. Ф., 1954, с. 113, табл. XXXIV, *9*), что, возможно, указывает на ее южнорусское, вероятно киевское, происхождение. Из находок, связанных с военным делом, на этом уровне укажем булаву, аналогия которой из Райковецкого городища датируется XII — первой половиной XIII в. (Кирпичников А. Н., 1966, с. 48, 130, табл. XXV, *3*). Отметим бронзовую крестовключенную лунницу II.Н.15 (рис. 2, *3*) (Алексеев Л. В., 1976б, рис. 2, *5*), по Н. П. Журжалиной, дата ее — XII в. (Журжалина Н. П., 1961, с. 123); более отдаленные аналогии — из Риги — XIII в. (Мугуревич Э. С., 1965, с. 91, табл. 38). С этого уровня происходят четыре самшитовых гребня I.М.15; I.С.15; XIII.Т.15; XIII.Ч.15. Подобные гребни в это время в Новгород не попадали из-за «половецкого заслона» (Рыбина Е. А., 1971, с. 263; 1978). Сюда эти предметы попали, очевидно, волжским путем. В Мстиславле большинство из них прямоугольные, с «вогнутыми краями» (в Новгороде — 1220 г.— XV в.; см. Колчин Б. А., 1982, с. 165, очень редки). С этого же уровня происходит бронзовая чашечка подсвечника XIII. М. 16 (Алексеев Л. В., 1993, рис. 4, *7*), аналогичная новогрудской (Гуревич Ф. Д., 1981, с. 104, рис. 80, *1*), куски деревянных точеных сосудов с резким зигзаговым орнаментом по наружной стороне XIII.?.14—15 и без него XIII.В.16. Уникален резной ковш с ручкой в виде человека с протянутыми руками, найденный в раскопе XIX над самым материком (рис. 4). На этом уровне найдены замки и ключи типа Б, датируемые

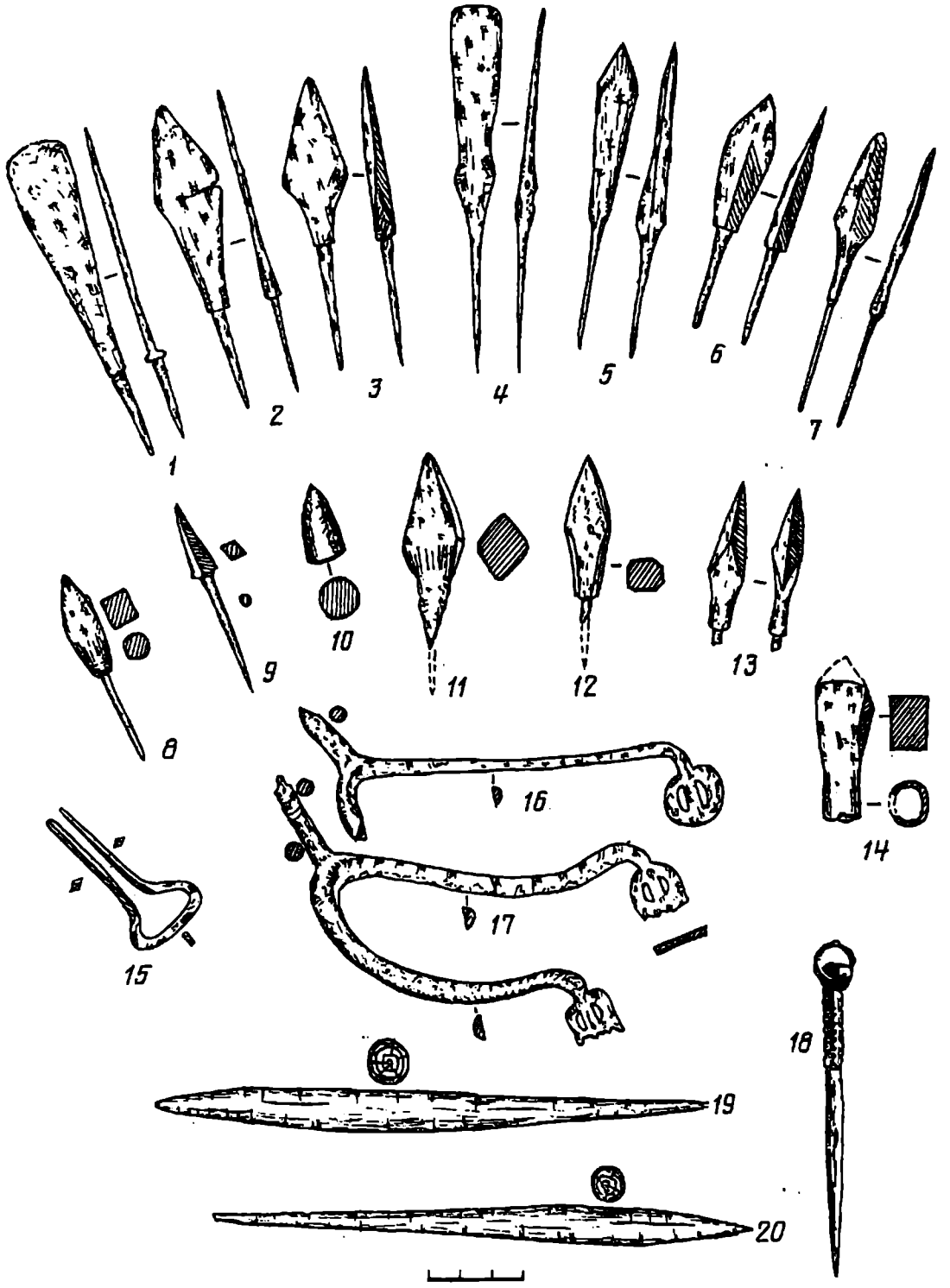

Рис. 5. Находки из разных уровней культурного слоя детинца.
1—5, 11—14 — железные наконечники стрел; *6, 8, 9* — костяные наконечники стрел; *10* — шахматная фигурка из кости (пешка?); *15* — железный варган; *16, 17* — железные шпоры; *19, 20* — веретена; *18* — бронзовая «булавка» (?). *1* — «подогородный» слой (XV в.); *2* — огородный слой; *3, 4, 9, 11* — «надъярусный» слой (XV в.); *5, 14* — из яруса Б (пожар 1359 г.); *6* — из яруса Е (1260-е годы); *7, 8* — из «надматерикового» слоя (верхняя его часть — начало XIII в.); *10, 12, 13, 15, 18* — из «подогородного» слоя (XV в.); *16* — из яруса Г (1307—1325 гг.); *19, 20* — из расчистки старых раскопов

Б. А. Колчиным XII—XIII вв.— I.П.15; XIII.Л.15 №15 и XIII.М.15 №24), и лишь один замок типа В — середина XII—XIV в. Отметим также железный наконечник стрелы XIII.Л.15 (рис. *5*, *7* — тип 33 А. Ф. Медведева, XII — первая

половина XIII в. (Медведев А. Ф., 1966, табл. 23, 24)) и костяной стрелы XVI.Г.15 (рис. 5, *8*).

2. *Верхний уровень доярусных отложений* имеет тот же характер, строения в нем так же редки и ориентированы по странам света. В юго-восточной части раскопа I на месте замощения I-50 (1204 г.) — настил I-51 (1223 г.), от которого сохранились лаги (Алексеев Л. В., 1993, рис. 3; 1980а, с. 171, рис. 22). Западнее — квадратная в плане клеть II-33а (2,8×2,85) 1221 г.; южнее — фрагменты восточной части сруба XIII-32 1229 г., вероятно, квадратного в плане, со стороной 4,75 м, положенного на землю без «стульев». Внутри — меньший срубик XIII-29 (2,95×2,95 м), углы которого были положены на камни-стулья. Дата его бревен — 1229 г. (бревна предыдущего сруба во вторичном использовании). Западнее — клеть II-33а (2,8×2,85 м) 1221 г.; южнее — фрагменты восточной части сруба XIII-32. Усадеб еще мало, и их размеры, очевидно, достаточно велики; частоколы редки. Лишь западнее сруба XIII-32 горизонтальные бревна в одну линию указывают на один из частоколов (о подобных бревнах см. Засурцев П. И., 1963, с. 45). Из доярусных сооружений наиболее интересна постройка в два дубовых венца XIV-23 в юго-восточной части раскопанной площади. Как мы пытались доказать, это остатки второй церкви-донжона, построенной на этом месте (Алексеев Л. В., 1993, с. 219, рис. 3, *7*).

Из находок особенно интересны фрагменты стеклянных арабских расписных бокалов I.3.14 — 4 фрагмента; I.0.14 — 9 (Алексеев Л. В., 1980а, с. 89, рис. 12). Осколки подобных сосудов попадались и выше (I.Ш.12; XVIII.З.10; XX.Е.11). Они принадлежали сосудам, имеющим форму расширяющегося кверху стакана, вероятно, на кольцевом валике (подобный в Новогрудке происходил из Раккских мастерских) (Гуревич Ф. Д. и др., 1968, с. 14, 15). Рисунок мстиславльского сосуда строже, изящнее, впечатление таково, что сначала он наносился золотом и затем, после обжига, в его промежутки запускался толстый слой синей эмали. Сосуд имел два орнаментальных фриза, но при его росписи использовались иные цвета: нет обязательной для новогрудского сосуда красной контурной линии поверх золотой росписи, а это, кажется, характерно именно для раккской посуды более всего (там же). Тем не менее новогрудский сосуд датируется теми же XII—XIII вв., что и сосуд из Мстиславля. С этих же глубин происходят железные светцы XIII.З.14 и XIII.Л.15, замки и ключи V.Ш.14 (тип Б), XIII.З.14 (тип В), железные наконечники стрел XIII.Л.14 (тип 33 А. Ф. Медведева) — первая половина XIII в. (Медведев А. Ф., 1966, табл. 23, 24); XIII.Б.14 (тип 38,3, XIII—XIV вв., возможно, вторая половина XII в.) (Медведев А. Ф., 1966, с. 64) (рис. 6, *10*).

Ярусные отложения имеют постоянные дендродаты [3]. Они начали наслаиваться в 1230—1240-х годах. На детинце появились уличные мостовые, что значительно облегчило определение единовременных поверхностей. Построек больше, частоколы указывают на усадьбы отдельных хозяев. Дендродаты датируют ярусы в пределах 20 лет.

Строительный ярус Ж наиболее ранний, образовался, когда застройка стала сплошной, с запада подошла к кладбищу неподалеку от часовни XVI-23, временно сменившей церковь-донжон (Алексеев Л. В., 1993), и между ней и застройкой возникла улица 3. Кладбище еще не насчитывало столетия, там лежали отцы и деды мстиславцев, но надобность в улице была, очевидно, такой, что ее деревянная мостовая прошла даже по западным могилам. Улица шла с юга на север с изгибом в середине к востоку. В южной части раскопанной площади (раскоп XV) к ней подходила мостовая еще одной улицы — 10-й, застеленная

[3] Между самой древней и самой поздней дендродатами (1204 г.— 13-й ярус и 1291 г.— 10-й ярус) расчищено четыре яруса мостовых. Таким образом, за 87 лет сменилось 4 — 41/2 яруса. Отметим: по свидетельству Н. Б. Черных, мстиславльские древние деревья беспрецедентно быстро росли, и часто случалось, что весьма толстые деревья имели ничтожное количество камбиальных колец, что крайне затрудняет определение дендродат.

Рис. 6. Находки разных уровней культурного слоя детинца.
1— 11 — железные наконечники стрел; *12*, *16* — бронзовые ножны меча или сабли; *13* — перекрестье меча; *14*, *15* — крюки спускового механизма арбалета; *17* — часть бронзового котла (диаметр 34 см). *1* — из яруса Ж (1230—1240-е годы); *2* — из «подогородного» слоя (XV в.); *3*, *14*, *15* — из нижней части «подогородного» слоя (начало XV в.); *4*, *13* — из яруса Е (1260-е годы); *5*, *9*, *12* — из «подогородного» слоя (уровень XVI в.?); *6* — из «надъярусного» слоя (XV в.); *7* — из «подогородного» слоя (XV, м.б. XVI? в.); *8* — из яруса В (1330—1340-е годы); *10* — из «надматерикового» слоя, верхняя часть слоя (начало XIII в.); *11* — из слоя второй половины XIV в. (ярус А); *16*, *17* — из яруса Б (с пожаром 1359 г.)

бревнами одновременно с ней. Эта улица отделяла кладбище с часовней от южной застройки.

На западной стороне улицы 3 теперь стояли почти одинаковые по размерам сооружения (рис. 7). Самое южное — XIV-17 — квадратная в плане изба со стороной 3,45 м, сохранившаяся на пять венцов с дендродатами 1244 и 1249 гг. По периметру ее окружала низкая завалинка, заполненная землей, сдерживаемая от расползания горизонтальными жердями, положенными за кольями, вбитыми в землю. У дверного проема в северо-западном углу — довольно мощная бревенчатая субструкция печи с частоколом у подпечной ямы. Внутренность избы до четвертого венца забита глиной, и переводины пола, укрепленные в

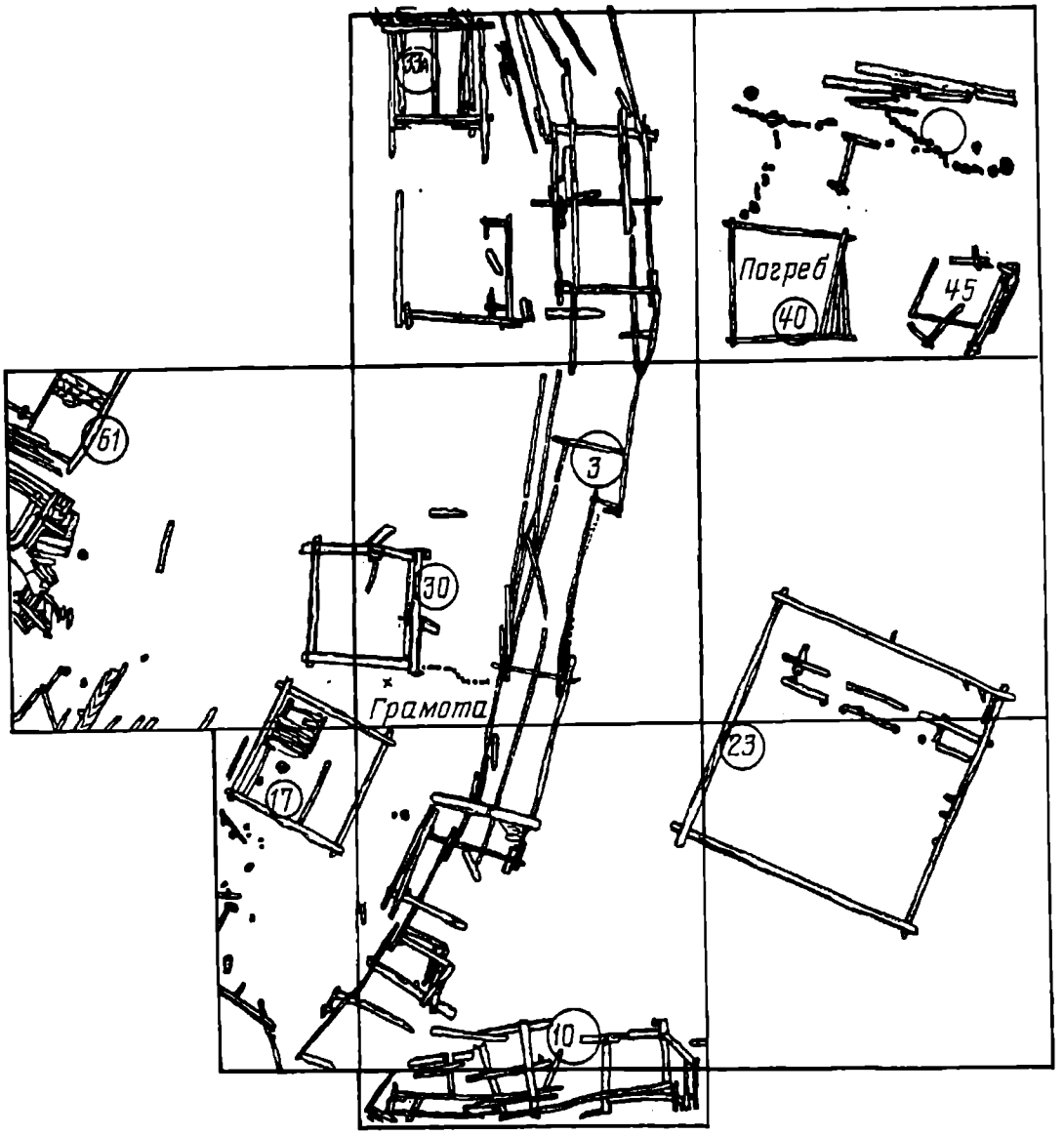

Рис. 7. План раскопов I, II, XIII—XIX на уровне яруса Ж (1230—1240-е годы). *3Ж*, *10Ж* — остатки деревянных покрытий улиц 3 и 10; *17* — сруб XIV-17 (1244—1249 гг.); *23* — остатки временной часовни (XVI-23); *30* — сруб XIII-30 (1238—1244 гг.); *33а* — сруб II-33 (1249 г.); *40* — погреб 1291 г.; *45* — остатки настила 1245 г.; *61* — остатки дома XVIII-61 со следами глинобитной печи

стенах, были положены прямо на глину. Остальные постройки — хозяйственные клети: XIII-29 (о которой говорилось), XIII-30 (1238, 1244 гг.), II-33 (1249 г.). Частокол между XIII-30 и улицей 3 отмечал границу между северной и южной усадьбами. Западнее XIII-30 и XIII-29 раскопанная площадь не была застроена. Если южная усадьба принадлежала хозяевам дома XIV-17, то северная — хозяевам дома XVIII-61, слабые следы которого расчищены в северо-западном углу раскопа XVIII (рис. 7), его большая часть — за пределами раскопа. Его печь, положенная непосредственно на землю, имела подпечную яму, огражденную, как и в XIV-17, полукругом жердей. Севернее часовни в юго-восточном углу раскопа I был расчищен бревенчатый настил 1245 г. (Алексеев Л. В., 1993, рис. 6).

Повышение интенсивности жизни на детинце проявилось и в значительно большем количестве индивидуальных находок. Те из них, которые удается датировать, относятся к концу XII — первой половине XIII в. Здесь обнаружены берестяная грамота, найденная у сруба XIII-30 и относящаяся, следовательно, к 1230—1240 гг. (Алексеев Л. В., 1983), энколпион в шелковом мешочке VI.Е.13 (Алексеев Л. В., 1980а, с. 175, рис. 25, *2*, *5*), так называемая цера XVI.К.13

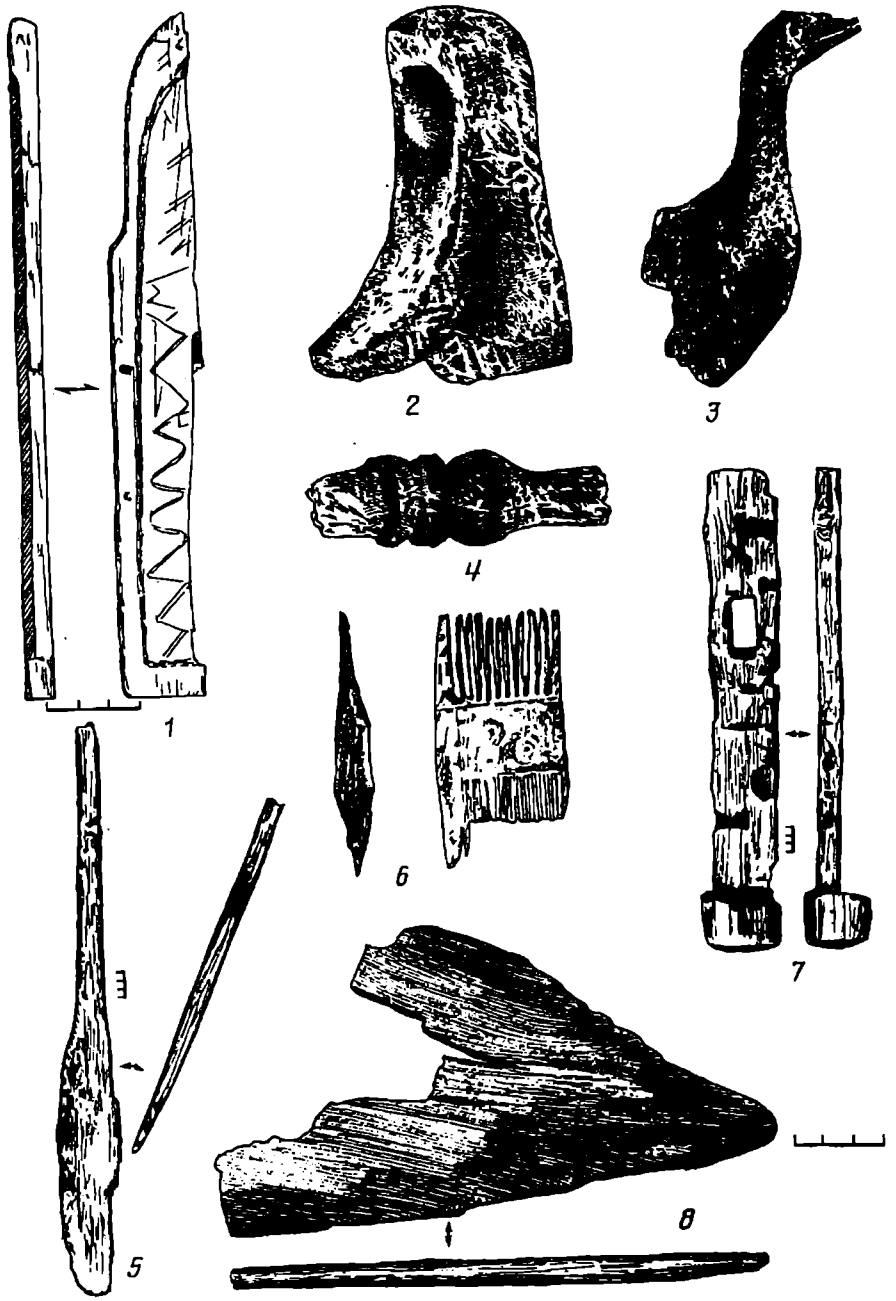

Рис. 8. Находки из разных культурных отложений детинца.
1 — так называемая цера; *2* — костяной топорик с орнаментом; *3* — ручка глиняного ковша; *4* — деревянная поделка; *5* — весло; *6* — самшитовый гребень; *7* — ножка деревянной кровати; *8* — деревянный лемех обгорелой крыши. *1* — из яруса Ж (1230—1240-е годы); *2* — из яруса В (1330—1340-е годы); *3* — из нижней части «подгородного» слоя (XV в.); *4*, *8* — из яруса Б (пожарище 1359 г.); *5* — из яруса Ж; *6* — из яруса В; *7* — из яруса Е (1260-е годы)

(рис. 8, *1*), шпора XIII.Ц.13 (XII — первая половина XIII в.) (Кирпичников А. Н., 1973, с. 70; Медведев А. Ф., 1959, с. 190, 191), тройной браслет из серебряной проволоки с концами в виде петель XIII.Р.13 (рис. 2, *6*), замок B_2 (с 1230 г.) V.Е.Л.; три дужки замков В (VI.Е.13, № 20; VI.Е.13, №23; XVIII.Щ.13), бронзовая пряжка с расширенными концами I.Ш.13 — XII—XIV вв. (Сергеева З. М., 1977). Интересны фрагменты стеклянного бокала, подобные описанным,— XIV.Б.13 (такие же были и выше — XIV.Х.12; XX. Е. 11), его роспись близка к описанным бокалам. На этом же уровне части амфор-корчаг XIII.Ц.13, костяной трапециевидный гребень II.С.13, также прямоугольный с накладками XIII.С.13, шарнирные ножницы XIII.Е.13, костяная пластина с тремя лопастями II.И.13

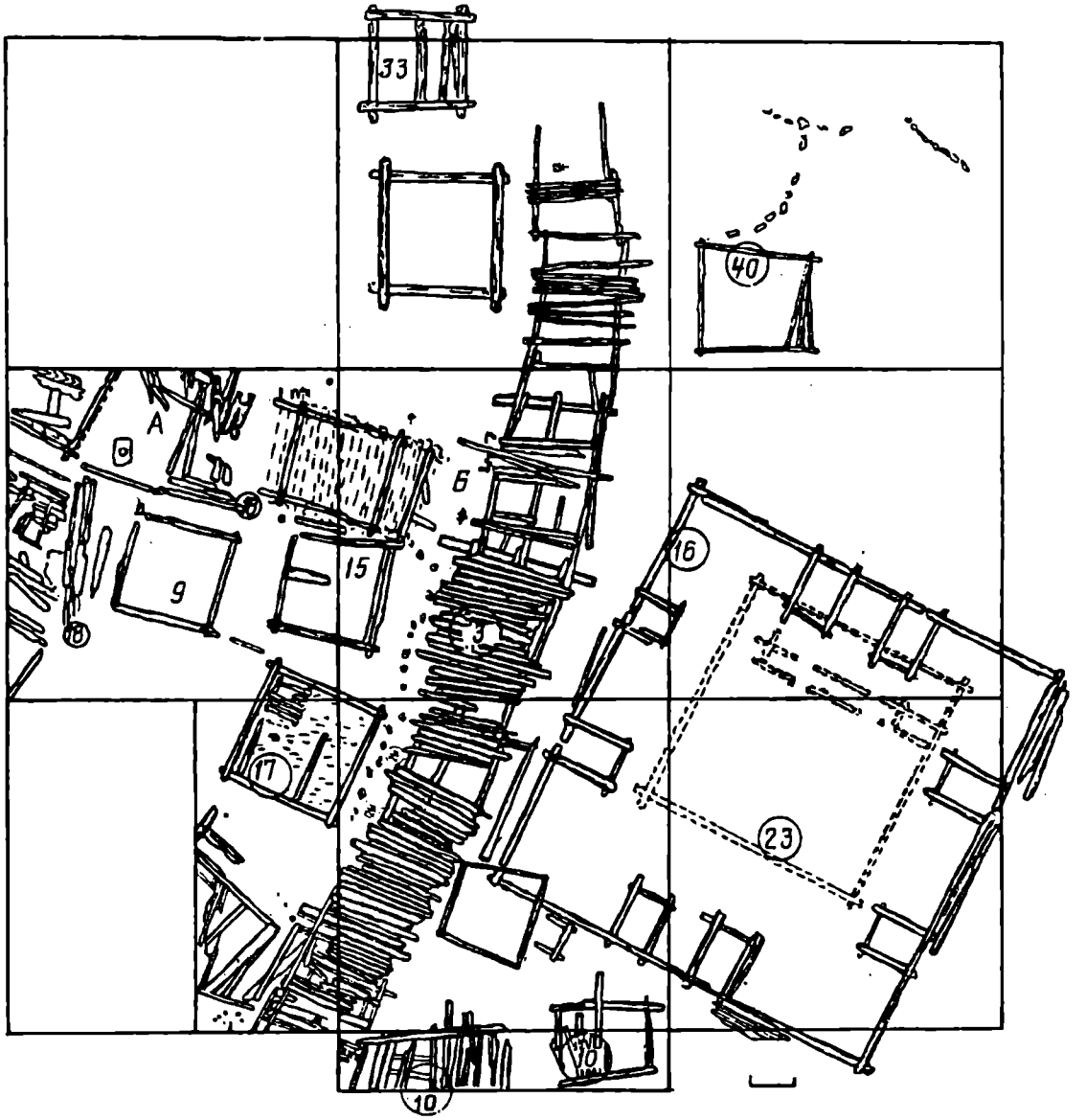

Рис. 9. План раскопов I, II, XIII—XIX на уровне яруса Е (1260-е годы).
3, *10* — мостовые улиц 3 и 10; *33* — клеть; *40* — погреб 1291 г.; *9*, *15а*, *17* — постройки западной стороны улицы 3; *16* — остатки церкви-донжона XIV-16; *4* — погреб XVI—XVII вв.; *18* — «венчатая ограда» двора дома XIV-17; *А* — остатки туалета за венчатой оградой; *Б* — столбы ворот въезда в усадьбу. Пунктиром дана постройка 23 из яруса Ж

(Алексеев Л. В., 1976б, с. 48, рис. 3, *7*), писало II.И.13 (11-й тип А. Ф. Медведева, в Новгороде вторая половина XII — середина XIII в.) (Медведев А. Ф., 1960, рис. 3, *11*; Алексеев Л. В., 1976б, рис. 2, *10*). Из многочисленных предметов религии — бронзовая лампада XVIII.А.13 (Алексеев Л. В., 1993, рис. 4, *4*), аналогии — из Гродно, Слободки, Волковыска, Бородинского городища и др. Ярус Ж датируется 1230—1240 гг., о чем свидетельствуют находки.

Ярус Е. Еще более интенсивное строительство отразил ярус Е (рис. 9). На улицах 3 и 10 настелена бревенчатая мостовая из бревен 1261—1262 гг. Ряд прежних построек заменен новыми, много следов плетней (по западной стороне улицы 3 и т. д.). Прослеживаются прежние две усадьбы западной стороны улицы 3, частично выявились границы двора дома XIV-17: с востока плетень из березовых кольев вдоль улицы 3, с севера и запада забор из толстых горизонтальных бревен с концами, впущенными в пазы низких столбов — XVIII-18 (рис. 9). Аналогии этой «венчатой ограде» найдены в Минске (Загорульский Э. М., 1982,

с. 188), где она датируется также 1260—1270 гг. (Загорульский Э. М., 1982, с. 142). Вся северная часть половины двора была занята хозяйственными постройками (XVIII-9 — хлев, XVIII-20 — амбар и т. д.). Въезд во двор с запада (не раскапывался). Севернее расчищена другая усадьба с воротами на улице 3. Столбы ворот были укреплены дополнительными бревнами, забитыми вместе со столбами (рис. 9, *Б*). Большая часть усадьбы и здесь за пределами раскопов. От ворот вел на запад бревенчатый настил на двух лагах (на чертеже показан пунктиром). Здесь расчищены остатки двух хозяйственных построек (рис. 9). В северном углу раскопа XVIII выявилась часть дома усадьбы XVIII-61а с остатками глинобитной печи, положенной прямо на землю, и с подпечком, огражденным полукруглым частоколом. Между домом XVIII-61а и забором XVIII-18 в углу лежала широкая доска от двери с круглым отверстием в центре — отхожее место (рис. 9, *А*).

На восточной стороне улицы 3 в это время высилось новое сооружение — церковь-донжон XIV-16, поставленная в технике трехстенных срубов (Алексеев Л. В., 1993, рис. 8). С севера ее ограждала изгородь из толстых бревен (частично сохранившихся в раскопках).

Находок в ярусе Е довольно много. Из датирующих — замки и ключи Б — II.О.12; VI.И.12; типа В — I.Ц.12; втульчатый наконечник арбалетной стрелы XVIII.У.12 (рис. 6, *4*) — самый ранний арбалетный наконечник в Мстиславле (тип 5 А. Ф. Медведева, известный лишь из Новгорода, из слоя XIII в. (Медведев А. Ф., 1966, табл. 31, *5*); перекрестье сабли V.О.12 (рис. 6, *13*), аналогии которому известны из Сахновки (Кирпичников А. Н., 1966, с. 94, № 34, 36); костяной наконечник стрелы V. Ф. 12 (рис. 5, *6*); обрывок кольчуги VI.Р.12 (рис. 3, *7*); бронзовый плетеный перстень V.Ч.12 (середина XII—XIV в., рис. 2, *4*); кольцо из розового сланца («шифера») с обратной надписью в двух местах «НТАЖ...ЪВ» («въжати»?) XIII.Л.12 (Алексеев Л. В., 1980б, с. 357); ножка деревянной кровати XVI.О.12 (рис. 8, *7*); грабли XIX.?.12; точеная деревянная чарка с диаметром устья 10 см XVIII.Ш.12; два ножа с деревянными ручками XVIII.Б.12 и XVIII.В.12; костяная пластина с циркульным орнаментом XVIII.П.12 и др. Интересна деревянная чаша на ножке, точеная XVIII.В.12; ее аналогия найдена в тайнике Десятинной церкви в Киеве 1241 г., что близко и к нашей дате (Каргер М. К., 1958, табл. XCI); также деревянные чаши простые: XIII.Ш.12; XVIII.С.12; XIX.Ф.12 и др. Укажем также железные щипцы VI.Е.12, веретено V.К.12.

Исходя из указанных дендродат, ярус Е отложился в 1260—1270-х гг.

Ярус Д. В этом ярусе все описанные выше сооружения погибли в пожаре. Как можно понять, допожарная застройка этого яруса осуществлялась с прежней густотой, все новые сооружения стояли на прежних местах (Алексеев Л. В., 1993, рис. 7). Лишь дом XIV-17 удалось отстоять — на нем не было следов пожара, и он сохранился на пять венцов. Рядом с ним — остатки хозяйственной постройки XIII-15а, а западнее, на месте сруба XVIII-9, сруб XVIII-5а, сгоревший в пожаре. Все эти постройки были окружены плетнем и, следовательно, входили в состав того же двора. Северный двор-усадьба этой стороны улицы 3 теперь принадлежал хозяевам дома XIII-13, южный угол которой (без следов печи в той части сооружения, которую удалось исследовать) был также расчищен. Но это, несомненно, был дом: он стоял на том же месте, где раньше стояли дома, а строительство этого уровня было еще достаточно стабильным. Удалось ли отстоять этот дом от пожара — неизвестно, но вблизи него сгорела малая клеть XVIII-4. Подобное небольшое сооружение II-65 стояло у улицы 3 (его бревна 1296 г.). Его, правда, скоро разобрали, оставив в земле лишь южную часть нижнего венца (Алексеев Л. В., 1993, рис. 7), и на том месте немного севернее срубили постройку большого размера (она-то и погибла в пожаре, который был, следовательно, позднее 1296 г.). В северной части этой стороны улицы 3 по-прежнему высился сруб II-33, возможно, в пожар не попавший (Алексеев Л. В., 1993, рис. 7). В восточной стороне улицы 3 церковь-донжон XIV-16 также погибла в пожаре, у ее западной части снаружи были расчищены бревна,

сброшенные с нее и сильно обгоревшие, как и многие части стен (Алексеев Л. В., 1993, рис. 7), что позволило определить дневную поверхность пожара.

Находок в ярусе Д немного — площадь после пожара, видимо, перед новым строительством (ярус Г) расчищалась. Из датирующих вещей — замки типа В — VI.Л.11 и типа $В_2$ — V.Ц.11 (XII — начало XIV в.); янтарная ромбическая бусина V.В.11; шпангоут ладьи V.К.10—11 (рис. 4, *2*), аналогии ему известны из Новгорода (Колчин Б. А., 1968, табл. 52, *5*).

Датировка яруса Д определяется из двух допожарных дат (1291 г. — погреб I-40; 1296 г. — сруб II-65) и одной послепожарной (1307 г. — сруб XIII-15). Значит, пожар бушевал на детинце во второй раз между 1296 и 1307 гг. и, по-видимому, перед самым 1307 г. Как для первого, так и для второго пожаров свидетельств в письменных источниках найти не удалось. Если считать, что каждый ярус в городе (судя по уличным мостовым) возобновлялся в среднем раз в 20 лет, то мостовые улицы 3 и 10 были настелены, видимо, в 1280-х годах, а в начале XIV в., перед 1307 г., сгорели. Итак, датировка яруса Д — 1280—1290-е годы (может быть, до начала XIV в.).

Такова первичная характеристика древнейших напластований мстиславльского детинца. Город возник, как мы видели, в середине XII в., его строителем был князь Ростислав. Первоначально памятник не был заселен интенсивно, чем, вероятно, можно объяснить почти полное отсутствие в нем вещей, датирующихся только XII в. Окончил он свое существование в 1654 г. под ударами войск царя Алексея Михайловича. Сейчас белорусскими археологами О. А. Трусовым, М. А. Ткачовым и А. А. Метельским высказана плодотворная мысль, что до возникновения «града Ростислава Мстиславича, где-то здесь уже существовало поселение (X—XI вв.). Отсутствие выразительных следов этого времени скорее всего связано с городской застройкой XII в. и последующими перепланировками, которые, возможно, его уничтожили» (Трусаў А. А. и др., 1990, с. 81). Авторы основываются на том, что при их работах к северу от детинца ими была найдена керамика X—XI вв., — там, на городском посаде, застройки не было, полагают они, и следы первоначального поселения сохранились. У нас на горе, на детинце, таких материалов пока не встречено. Кажется правдоподобным, что, пока не было крепости, на горе (где сложно было с водой) первоначально не селились. Впрочем, будущие исследования детинца, вероятно, прольют окончательный свет на этот вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л. В., 1962. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии//СА. № 4.

Алексеев Л. В., 1963. Городище «Девичья гора» в Мстиславле//КСИА. Вып. 94.

Аляксееў Л. В., 1971. Старажытны Мсціслаў//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 1.

Алексеев Л. В., 1976а. Домен Ростислава Смоленского//Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М.

Алексеев Л. В., 1976б. Древний Мстиславль//КСИА. Вып. 146.

Алексеев Л. В., 1978. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX—XIII вв.//Древняя Русь и славяне. К 70-летию академика Б. А. Рыбакова. М.

Алексеев Л. В., 1979. Периферийные центры домонгольской Смоленщины//СА. № 4.

Алексеев Л. В., 1980а. Смоленская земля в XI—XIII вв. М.

Алексеев Л. В., 1980б. Раскопки в Мстиславле//АО за 1979 год. М.

Аляксееў Л. В., 1982. Берасцяная грамата//Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2.

Алексеев Л. В., 1983. Берестяная грамота из древнего Мстиславля//СА. № 1.

Алексеев Л. В., 1993. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле//РА. № 4.

Акты, собранные в библиотеках России. 1836. Т. IV. СПб.

Акты Юго-Западной и Западной России. 1848. Т. 2. СПб.

Белорусско-литовские летописи. 1980//ПСРЛ. Т. 35. М.

Гуревич Ф. Д., 1981. Древний Новгрудок. Л.

Гуревич Ф. Д., Джан-Полодян Р. М., Малевская М. В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.

Древнерусские княжеские уставы XI—XII вв. 1976. М.

Журжалина Н. П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка//СА. № 2.

Загорульский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода//МИА. № 123.

Ипатьевская летопись. 1962//ПСРЛ. Т. 2. М.
Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. 1893. Витебск.
Каргер М. К., 1958. Древний Киев. М.; Л.
Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие//САИ. Вып. Е1—36. Т. II.
Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Вып. Е1-36. Л.
Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. Вып. Е1-55.
Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей//Новгородский сборник — 50 лет раскопок в Новгороде. М.
Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.
Краснянский В. Г., 1912. Город Мстиславль. Вильна.
Любавский М. К., 1900. Литовско-русский сейм. М.
Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Привески-бубенчики//Тр. ГИМ. Вып. 43. М.
Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого//МИА. № 65.
Медведев А. Ф., 1960. Древнерусские писала X—XV вв.//СА. № 2.
Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы VIII—XIV вв.//САИ. Вып. Е1-36.
Мугуревич Э. С., 1965. Восточная Латвия и русские земли в X—XIII вв. Рига.
Патриаршая, или Никоновская, летопись. 1965а.//ПСРЛ. Т. X. М.
Патриаршая, или Никоновская, летопись. 1965б.//ПСРЛ. Т. XI. М.
Патриаршая, или Никоновская, летопись. 1965в.//ПСРЛ. Т. XII. М.
Патриаршая, или Никоновская, летопись. 1965г.//ПСРЛ. Т. XIII. М.
Разрядная книга 1475—1596 гг. 1966. М.
Розенфельдт Р. Л., 1969. Белорусские изразцы//Древности Восточной Европы. К 70-летию А. П. Смирнова. М.
Рыбаков Б. А., 1949. Древности Чернигова//МИА. № 11.
Рыбина Е. А., 1971. Из истории южного импорта в Новгород//СА. № 1.
Рыбина Е. А., 1978. Археологические очерки истории новогородской торговли. М.
Седова М. В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси//Культура средневековой Руси. К 70-летию М. К. Каргера. Л.
Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
Сергеева З. М., 1977. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси//КСИА. Вып. 150.
Ткачов М. А., 1987. Замки Белоруссии. Минск.
Ткачоў М. А., Трусаў А.А., 1992. Старажытны Мсціслаў. Минск.
Трусов О. А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв. Минск.
Трусаў А. А., Ткачоў М. А., Мяцельскі А. А., 1990. Некатарыя вынікі археалагічнага вывучэння акольнага горада Мсціслава XII—XIII ст. ст.//Весці Акадэміі навук БССР. Сер. грамадскіх навук. № 2. Мінск.
Хроника Быховца. 1975//ПСРЛ. Т. 32. М.
Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск.
Щапов Я. Н., 1972. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г.//Новое в археологии. К 70-летию А. В. Арциховского. М.

Институт археологии РАН,
Москва

L. V. ALEXEEV

MSTISLAVL'S FORTRESS IN THE 12th—14th CENTURIES

Summary

The article deals with the results of the excavations in Mstislavl's fortress. The city was founded by Prince Rostislav of Smolensk on the right bank of the Vekhra river (the Dnieper river basin) between 1136 and 1156. The building in the fortress was chaotic, but there was a donjon in the northern part used as a church in the peace time. The buildings perished during the fire at the end of the 12th century. The most ancient dendrodate of the fortress is 1204. The first streets were paved with wood. They appeared in the fortress in 1230-40s and were repaved seven times. In 1260s the fortress saw an intensive building: a strong oak donjon and the other buildings were constructed. There were also several farmsteads. The numerous finds from the fortress illustrate the life of the city very well. Its population included merchants, craftsmen etc. The burch bark letter and a reliquary cross in a tiny silk bag were found in the layers dated to the 1200-1240s. The ring with "ИТАЖЪ" inscription made of a pink slate was discovered in the 1260s layers.

Ю. А. ЛИХТЕР, Д. О. ОСИПОВ

МОСКОВСКАЯ КЕРАМИКА И МОСКОВСКОЕ КЕРАМИЧЕСКОЕ РЕМЕСЛО

Планомерное изучение московской керамики началось в середине 30-х годов при археологических работах на строительстве метрополитена. Среди материала, представлявшего большей частью случайные находки, М. В. Воеводский выделил три основных группы керамики и определил время их бытования (Воеводский М. Б., 1936).

В дальнейшем исследования московской керамики продолжили М. Г. Рабинович (1949; 1971) и Р. Л. Розенфельдт (1968). М. Г. Рабинович при выборе признаков для определения типа отказался от опоры на форму венчика сосуда и отдал предпочтение более общим, по его мнению, признакам, пригодным для определения любого фрагмента сосуда, таким как цвет, структура, звонкость черепка (Рабинович М. Г., 1971, с. 15).

В отличие от М. Г. Рабиновича, Р. Л. Розенфельдт обратил основное внимание на форму сосудов. Предложенные первым 16 типов он свел к шести основным и внутри них систематизировал формы всех известных к тому времени керамических сосудов. В работе была поставлена цель изучить историю гончарного производства, однако в основном исследование свелось к характеристике продукции и набора форм. Технологические сюжеты затрагиваются лишь попутно.

В 1991 г. вышел сборник, посвященный проблемам хронологии и классификации московской керамики, подготовленный сектором археологии Москвы ИА РАН (Московская керамика, 1991). Авторы статей, вошедших в этот сборник, ввели в научный оборот большое количество керамического материала, собранного за последние годы. В нем, пожалуй, впервые в истории изучения московской керамики основное внимание уделено эволюции форм горшка — наиболее распространенного в это время вида посуды.

Как видим, в изучении московской керамики сделано многое: выделены основные типы теста, формы, предложена схема развития наиболее массовой формы.

Как нам представляется, для характеристики ремесленного производства недостаточно зафиксировать типы керамики и формы изделий. Не меньшее значение имеет развитие технологических навыков: способов подготовки теста, формовки, обработки поверхности, качества обжига. До нас не дошло ремесленных трактатов, фиксирующих уровень знаний московских гончаров, но в нашем распоряжении имеется их продукция, которая также может послужить источником для решения проблем подобного рода. Вещь, вышедшая из рук ремесленника, сохраняет следы эволюции промысла (Джонс Дж., 1976, с. 31).

Чтобы выявить эти следы и оценить их значение, необходим более широкий подход к изучению вещей, направленный на исследование общих закономерностей их изготовления и бытования. Как нам представляется, наиболее предпочтительным в данном случае может быть системный подход. В соответствии с ним в вещи могут быть выделены такие подсистемы, как материал, технология, морфология и функция. Эти подсистемы хотя и связаны между собой, но развиваются в соответствии с собственными закономерностями (Щапова Ю. Л. и др., 1990, с. 5). Эволюция неравномерна, две подсистемы не могут развиваться

© Ю. А. Лихтер, Д. О. Осипов, 1995 г.

одновременно (Реймерс Н. Ф., 1991, с. 172), необходимо выяснить, как они соотносятся. В данном случае такой подход позволяет отделить изучение формы вещей от изучения техники их изготовления, а затем выяснить, как они взаимодействуют. Функция вещей требует специального рассмотрения и в данной работе не рассматривается.

Как нам представляется, имеет смысл еще раз обратиться к уже опубликованным материалам по московской керамике и посмотреть на них с точки зрения новых методик изучения вещей.

Развитие керамической технологии было рассмотрено Э. В. Сайко. Используя разнообразные данные по среднеазиатскому гончарству, исследовательница выявила общие закономерности развития керамического ремесла (Сайко Э. В., 1982). На каждом этапе изготовления керамической посуды (подготовка материала, формовка, обработка поверхности, обжиг) мастер должен владеть определенными навыками работы с материалом. Так, подготовка теста связана с требованиями к его пластичности, что в свою очередь зависит от типа круга. При этом особое значение имеет вид отощителя (Сайко Э. В., 1982, с. 12, 18). Степень возможной сложности контура изготавливаемого сосуда, как и его размеры, зависит от скорости круга и пластичности теста (Сайко Э. В., 1982, с. 112). Применение различного рода покрытий (ангобов, поливы) требует умения соединять материалы, обладающие разными свойствами (Сайко Э. В., 1982, с. 14). Использование того или иного режима обжига связано с умением управлять его газовой средой. Переход к более сложным технологическим приемам возможен только после освоения более простых. Сложные конструкции появляются только после освоения секретов приготовления хорошо формуемого на кругу теста и высококачественного обжига (Сайко Э. В., 1982, с. 50; Лукич Г. Е., 1979, с. 39).

Обратимся к типологии керамики, предложенной М. Г. Рабиновичем. Он выделяет следующие типы московской керамики: 1) поливная, 2) ангобированная, 3) чернолощеная, 4) мореная, 5) белая, 6) красная, 7) краснолощеная, 8) серая, 9) среднеазиатская, 10) курганная, 11) городищенская, 12) серая, 13) красная ранняя, 14) поливная ранняя, 15) раннекруговая, 16) амфоры (Рабинович М. Г., 1971, с. 15—27). Эти типы характеризуют, по сути, не керамику производства московских гончаров, а массовые находки в культурном слое Москвы, которые могут быть использованы для датировки его различных горизонтов. Это объясняет включение в схему наряду с керамикой московского производства привозной посуды, а первоначально и стекла (2, тип 12).

К сожалению, в основу выделения типов положены различные признаки: характер обработки поверхности (типы 1, 2, 7, 14), цвет теста (типы 5, 6, 8, 12, 13), режим обжига (тип 4), режим обжига и характер обработки поверхности (тип 3), состав примесей (типы 10, 11), место производства (тип 9), место производства и форма (тип 16), время бытования (тип 15). Время бытования служит также дополнительным признаком при выделении типов 13 и 14.

Тем не менее типы, выделенные М. Г. Рабиновичем, дают возможность установить известные в московской керамике типы керамического теста, способы обработки поверхности и газовые режимы обжига.

Рассмотрим типы керамики, выделяемые по цвету и качеству теста и составу примесей. Тип 5 — белая керамика. Черепок тонкий, тесто с примесью песка, обжиг горновой, но попадаются и плохо обожженные фрагменты. Основные формы — кувшины, горшки, корчаги (Рабинович М. Г., 1971, с. 19). Тип 6 — красная керамика. Черепок средней толщины, звонкий, глиняное тесто однородное, с примесью песка, обжиг большей частью горновой. Основные формы — горшки, кувшины, миски, плошки-светильники (Рабинович М. Г., 1971, с. 20). Тип 8 — серая керамика. Тесто рыхлое, с примесью крупного песка, обжиг, вероятно, не в горне, а в печи. Единственная форма — горшок (Рабинович М. Г., 1971, с. 22). Тип 10 — керамика так называемого курганного типа — черепок средней толщины, звук глуховатый, тесто со значительной примесью крупной дресвы,

обжиг печной. Единственная форма — горшок (Рабинович М. Г., 1971). Тип 11 — городищенская керамика. Звук глуховатый, тесто с примесью песка, обжиг печной. Единственная форма — горшок (Рабинович М. Г., 1971, с. 24). Тип 12 — серая толстостенная керамика. Звук глуховатый, тесто с примесью крупного песка, обжиг горновой, иногда печной. Единственная форма — горшок (Рабинович М. Г., с. 24, 25). Тип 13 — красная ранняя керамика. Черепок тонкий, рыхлый, звук глухой, обжиг, по всей вероятности, печной. Единственная форма — горшок (Рабинович М. Г., 1971, с. 25). К перечисленным типам близка раннекруговая — тип 15: черепок средней толщины, звук глухой, тесто с примесью крупного песка, дресвы, иногда шамота; обжиг печной, слабый. Основные формы — горшок, миска (Рабинович М. Г., 1971, с. 25, 26). Кроме того, автор выделяет промежуточную группу красно-серой керамики (Рабинович М. Г., 1971, с. 22).

М. Г. Рабинович отмечает возможную генетическую связь между раннекруговой, серой, курганной, городищенской и красной ранней керамикой. Объединению их в единый тип «русская городская средневековая керамика» мешают, по его мнению, различия в примесях и цвете теста (Рабинович М. Г., 1971, с. 27). Этот аргумент не представляется нам достаточно убедительным. Состав примесей зависит от требований к пластичности теста, что, в свою очередь, определяется типом гончарного круга (Лукич Г. Е., 1979, с. 12, 18). Цвет теста зависит в большей степени от обжига и от почвенных условий.

Характер соотношения типов московской керамики можно проследить по хронологической таблице керамических комплексов, опубликованной в сборнике «Московская керамика» и воспроизведенной нами в левой части гистограммы (Московская керамика, 1991, с. 58). Расположение керамических типов в таблице демонстрирует, что до XIV в. идет смена одного типа другим. Курганная керамика вытесняется серой, которая, в свою очередь, уступает место красной. С конца XIV в. можно отметить сосуществование различных керамических типов: красная гладкая, краснолощеная, ангобированная, чернолощеная, мореная, белоглиняная — гладкая и грубая.

Из этого можно сделать вывод, что мы имеем дело с направленным и необратимым изменением качества керамического теста — от так называемой курганной с рыхлым и глухим черепком до красной с черепком плотным и звонким. После этого появляются и сосуществуют типы керамики, характеризующиеся разными газовыми режимами обжига: красная (обжиг окислительный), мореная и чернолощеная (обжиг восстановительный); разными видами поверхностной отделки: лощение, ангобирование. При этом качество теста у всех них достаточно высокое.

Помимо характеристики теста М. Г. Рабинович приводит формы сосудов, характерные для того или иного типа керамики. На основании приводимых им данных можно сделать вывод, что до появления красной керамики господствуют горшки и иногда миски. Формы московской керамической посуды имеет смысл рассмотреть более подробно.

Ю. Л. Щапова предложила принципы изучения морфологии вещей (Щапова Ю. Л., 1991). По ее мнению, при анализе морфологии помимо формы (внешнего контура) существенное значение имеет конструкция. Конструкция складывается из конструктивных элементов (часть вещи, выделенная морфологически), каждый из которых имеет ту или иную форму.

Для посуды Ю. Л. Щапова наметила следующий путь изучения конструкции. У сосуда можно выделить 10 конструктивных элементов: *край* (срез сосуда, включающий верхнюю часть венчика, горла или тулова с измененным сечением); *венчик* (верхняя часть сосуда с момента изменения контура, но не более 1/7 высоты тулова); *горло* (верхняя часть сосуда с момента изменения контура, более 1/7 высоты тулова); *тулово* (условно объем, открытый сверху и снизу); *дно* (поверхность, ограничивающая сосуд снизу); *поддон* (нижняя часть сосуда с момента изменения контура, диаметр которой больше 0,75 диаметра дна); *ручка* (элемент для держания сосуда); *ножка* (нижняя часть сосуда с момента

		Простые	Сложные		Усложненные
			Ручка	Носик	Ручка и носик
Основа	Просто	1	13	25	37
	Поддон	5	17	29	41
	Ножка	65	69	73	77
	Под-ножка	49	53	57	61
	Ножка+подножка	9	21	33	45
Основа+венчик	Просто	2	14	26	38
	Поддон	6	18	30	42
	Ножка	66	70	74	78
	Под-ножка	50	54	58	62
	Ножка+подножка	10	22	34	46
Основа+горло	Просто	3	15	27	39
	Поддон	7	19	31	43
	Ножка	67	71	75	79
	Под-ножка	51	55	59	63
	Ножка+подножка	11	23	39	47
Основа+венчик+горло	Просто	4	16	28	40
	Поддон	8	20	32	44
	Ножка	68	72	76	80
	Под-ножка	52	52	60	64
	Ножка+подножка	12	24	36	48

Рис. 1. Конструктивная классификация керамики

Таблица 1

Набор конструкций

№ п. п.	Конструкция (комбинация конструктивных элементов)	№ конструкции
001	Основа	01
002	Основа + венчик	02
003	Основа + горло	03
004	Основа + венчик + горло	04
005	Основа + поддон	05
006	Основа + венчик + поддон	06
007	Основа + горло + поддон	07
008	Основа + венчик + горло + поддон	08
009	Основа + ручка	13
010	Основа + венчик + ручка	14
011	Основа + горло + ручка	15
012	Основа + венчик + горло + ручка	16
013	Основа + поддон + ручка	17
014	Основа + горло + поддон + ручка	19
015	Основа + венчик + носик	26
016	Основа + венчик + поддон + носик	30
017	Основа + ручка + носик	37
018	Основа + венчик + ручка + носик	38
019	Основа + горло + ручка + носик	39
020	Основа + венчик + горло + ручка + носик	40
021	Основа + венчик + поддон + ручка + носик	42
022	Основа + горло + поддон + ручка + носик	43
023	Основа + венчик + горло + поддон + ручка + носик	44
024	Основа + ножка	65
025	Основа + ножка + ручка	71
026	Основа + горло + ножка + ручка	79

изменения контура, диаметр которой меньше 0,5 диаметра дна); *подножка* (нижняя часть сосуда с момента изменения контура, диаметр которой больше 0,5 диаметра дна, но меньше 0,75); *носик* (элемент для выливания содержимого; слив — приспособление для выливания, размещаемое на краю сосуда, также считается носиком).

Край, тулово и дно составляют основу сосуда, остальные конструктивные элементы могут к ней прибавляться. Число возможных сочетаний основы с другими конструктивными элементами может быть вычислено по формуле 2^n, где n — число конструктивных элементов, прибавляемых к основе. У сосудов $n = 7$, т. е. $2^7 = 128$. Таким образом вычисляется число возможных конструктивных классов сосудов, простейший из которых состоит из одной основы, а наиболее сложный — из основы, венчика, горла, поддона, ручки, ножки, подножки и носика (Лихтер Ю. А. и др., 1991, с. 9, 10; Щапова Ю. Л., в печати). Предложенную классификацию можно рассматривать как генеральную для всех возможных сосудов. В конкретной культуре будет представлена только какая-то их часть. Однако сопоставление выделенного набора с генеральной классификацией поможет точнее выявить его специфику.

Рассматривая с этой точки зрения конструкции московской керамической посуды, мы учитываем классы от 1 до 80, так как последующие, включающие различные комбинации поддона, ножки и подножки друг с другом, в московской

Таблица 2

Конструкции

№ п. п.	№ конструкции	Функциональная форма	Хронология, века
001	01	Миска	XII—XIII
002	01	»	XV—XVI
003	01	»	XV—XVI
004	01	»	XVIII
005	01	Сковорода	XVI—XVII
006	01	Таз	XVII
007	01	Лохань	XVIII
008	01	Корчага	XVI, вторая половина — XVII, середина
009	02	Миска	XV
010	02	»	XVI
011	02	»	XVI
012	02	Кастрюлька	XVI—XVII, первая половина
013	02	»	XVII, конец — XVIII, начало
014	02	Таз	XVII, конец
015	02	Банка помадная	XVIII
016	02	Горшок	XI—XIV
017	02	»	XII—XIII
018	02	»	XII—XIII
019	02	»	XIII—XIV
020	02	»	XIV
021	02	»	XV
022	02	Горшок	XV
023	02	»	XV
024	02	»	XV, конец — XVI, вторая половина
025	02	»	XV—XVI, начало
026	02	»	XV—XVI, начало
027	02	»	XV—XVI, начало
028	02	»	XV—XVI
029	02	»	XV, конец — XVI
030	02	»	XVI
031	02	»	XVI—XVII
032	02	»	XVII
033	02	»	XVII
034	02	»	XVII
035	02	»	XVII, конец — XVIII, начало
036	02	»	XVII, конец — XVIII, первая половина
037	02	»	XVII—XVIII
038	02	»	XVII, вторая половина — XVIII
039	02	»	XVIII, первая половина
040	02	Корчага	XV
041	02	»	?
042	02	»	XV—XVI, первая половина
043	02	»	XVI
044	02	Чернильница	XVI
045	03	Кубышка	XV, конец — XVI
046	03	»	XVI, начало

Таблица 2 (продолжение)

№ п. п.	№ конструкции	Функциональная форма	Хронология, века
047	03	Кубышка	XVII
048	03	»	XVII
049	03	»	XVII
050	03	»	XVII, конец — XVIII, начало
051	03	Чернильница	XVII
052	04	Кубышка	XV
053	05	Чашечка	XV—XVII
054	05	»	XV, конец — XVI, начало
055	05	»	XVI
056	06	Миска	XVIII
057	06	Чашечка	XV—XVI
058	06	»	XV—XVI
059	06	»	XVI
060	06	Банка помадная	XVII, конец — XVIII, начало
061	06	Горшок	XVII—XVIII
062	06	»	XVII, вторая половина — XVIII
063	06	»	XVIII—XIX
064	07	Кубышка	XVII, конец — XVIII, начало
065	07	Фляга	XV, конец — XVI, начало
066	07	»	XV, конец — XVII, начало
067	08	Кубышка	XVII—XVIII, конец
068	13	Миска	XVIII
069	13	Кастрюлька	XIV—XV
070	13	Лохань	XVI
071	13	Светильник	XVI—XVII, начало
072	13	»	XVII
073	14	Кастрюлька	XVII—XVIII
074	14	Кастрюлька	XVII, конец — XVIII, начало
075	14	Черпачок	XV
076	14	»	XIV—XV, начало
077	14	Светильник	XIV—XVI, начало
078	14	»	XVIII
079	14	Кувшин	XVI, середина
080	15	»	XII—XIII
081	15	»	XII—XIII
082	15	»	XIV—XV
083	15	»	XVI, начало — середина
084	15	»	XVIII, вторая половина
085	15	»	XVIII, вторая половина — XIX, вторая половина
086	15	Кувшин-кружка	XVI, начало
087	16	Кувшин	XII—XIII
088	16	»	XVIII, вторая половина
089	17	Миска	XVIII
090	17	Кружка	XVIII
091	18	Умывальник	XVIII, начало

Таблица 2 (окончание)

№ п. п.	№ конструкции	Функциональная форма	Хронология, века
092	19	Кувшин	XVII, конец — XVIII
093	19	»	XVIII
094	19	»	XVIII
095	19	Фляга	XVI, конец — XVII, начало
096	26	Горшок со сливом	XVII, середина — XVIII, начало
097	26	»	XVIII, середина
098	26	»	XVII—XVIII
099	26	Противень	XVIII, начало
100	30	Горшок со сливом	XV—XVI
101	37	Кувшин-кружка	XIV—XV
102	37	»	XV, конец
103	37	Сковорода	XVI—XVIII
104	38	Кувшин-кружка	XIV—XV
105	38	»	XV—XVI
106	38	»	XV—XVI
107	39	»	XV
108	39	»	XV, конец — XVI, начало
109	39	Кувшин	XV, конец — XVI
110	39	»	XV—XVI
111	39	»	XVI
112	39	»	XVI
113	39	»	XVI
114	39	»	XVI, вторая половина
115	39	»	XVI, конец — XVII
116	39	»	XVII
117	39	»	XVII, вторая половина — XVIII, первая половина
118	39	Кумган	XVI, начало
119	40	Кувшин	XV—XVI, начало
120	42	Умывальник	XVIII
121	43	»	XVIII
122	43	Кумган	XV—XVI, начало
123	44	Кувшин	XVIII, вторая половина
124	44	Кумган	XVII, конец — XVIII, начало
125	65	Бочонок	XVII, конец — XVIII, начало
126	71	Кувшин	XVIII
127	71	Фляга	XVI
128	71	»	XVI—XVII
129	71	»	XVII, середина
130	71	»	XVII—XVIII, начало
131	79	Умывальник	XV, конец — XVI
132	79	»	XV—XVI

керамике не встречаются и вообще очень редки. На схему, предложенную Ю. Л. Щаповой, мы наложили определения конструкций вещей, опубликованных у Р. Л. Розенфельдта (рис.1). Из возможных 80 классов в своде Р. Л. Розенфельдта представлено 26 (табл. 1).

Внутри конструктивных классов возможно разнообразие по форме тулова (округлое, плоское, зооморфное, граненое), строению носика (трубчатый, же-

Таблица 3

Функциональные формы

№ п. п.	Функциональная форма	№ конструкции	Хронология
015	Банка помадная	02	XVIII
060	»	06	XVII, конец — XVIII, начало
125	Бочонок	65	XVII, конец — XVIII, начало
016	Горшок	02	XI—XIV
017	»	02	XII—XIII
018	»	02	XII—XIII
019	»	02	XIII—XIV
020	»	02	XIV
021	»	02	XV
022	»	02	XV
023	»	02	XV
024	»	02	XV, конец — XVI, вторая половина
025	»	02	XV—XVI, начало
026	»	02	XV—XVI, начало
027	»	02	XV—XVI, начало
028	»	02	XV—XVI
029	»	02	XV, конец — XVI
030	»	02	XVI
031	»	02	XVI—XVII
032	»	02	XVII
033	»	02	XVII
034	»	02	XVII
035	»	02	XVII, конец — XVIII, начало
036	»	02	XVII, конец — XVIII, первая половина
037	»	02	XVII—XVIII
038	»	02	XVII, вторая половина — XVIII
039	»	02	XVIII, первая половина
061	»	06	XVII—XVIII
062	»	06	XVII, вторая половина — XVIII
063	»	06	XVIII—XIX
096	Горшок со сливом	26	XVII, середина — XVIII, начало
097	»	26	XVIII, середина
098	»	26	XVII—XVIII
100	»	30	XV—XVI
012	Кастрюлька	02	XVI—XVII, первая половина
013	»	02	XVII, конец — XVIII, начало
069	»	13	XIV—XV
073	»	14	XVII—XVIII
074	»	14	XVII, конец — XVIII, начало
008	Корчага	01	XVI, вторая половина — XVII, середина
040	»	02	XV
041	»	02	?
042	»	02	XV—XVI, первая половина
043	»	02	XVI
090	Кружка	17	XVIII

Таблица 3 (продолжение)

№ п. п.	Функциональная форма	№ конструкции	Хронология
045	Кубышка	03	XV, конец — XVI
046	»	03	XVI, начало
047	Кубышка	03	XVII
048	»	03	XVII
049	»	03	XVII
050	»	03	XVII, конец — XVIII, начало
052	»	04	XV
064	»	07	XVII, конец — XVIII, начало
067	»	08	XVII, конец — XVIII
079	Кувшин	14	XVI, середина
080	»	15	XII—XIII
081	»	15	XII—XIII
082	»	15	XIV—XV
083	»	15	XVI, начало — середина
084	»	15	XVIII, вторая половина
085	»	15	XVIII, вторая половина — XIX, вторая половина
087	»	16	XII—XIII
088	»	16	XVIII, вторая половина
092	»	19	XVII, конец — XVIII
093	»	19	XVIII
094	»	19	XVIII
109	»	39	XV, конец — XVI
110	»	39	XV—XVI
111	»	39	XVI
112	»	39	XVI
113	»	39	XVI
114	»	39	XVI, вторая половина
115	»	39	XVI, конец — XVII
116	Кувшин	39	XVII
117	»	39	XVII, вторая половина — XVIII, первая половина
119	»	40	XV—XVI, начало
123	»	44	XVIII, вторая половина
126	»	71	XVIII
086	Кувшин-кружка	15	XVI, начало
101	»	37	XIV—XV
102	»	37	XV, конец
104	»	38	XIV—XV
105	»	38	XV—XVI
106	»	38	XV—XVI
107	»	39	XV
108	»	39	XV, конец — XVI, начало
118	Кумган	39	XVI, начало
122	»	43	XV—XVI, начало
124	»	44	XVII, конец — XVIII, начало
007	Лохань	01	XVIII

Таблица 3 (окончание)

№ п. п.	Функциональная форма	№ конструкции	Хронология
070	»	13	XVI
001	Миска	01	XII—XIII
002	»	01	XV—XVI
003	»	01	XV—XVI
004	»	01	XVIII
009	»	02	XV
010	»	02	XVI
011	»	02	XVI
056	»	06	XVIII
068	»	13	XVIII
089	Миска	17	XVIII
099	Противень	26	XVIII, начало
071	Светильник	13	XVI—XVII, начало
072	»	13	XVII
077	»	14	XIV—XVI, начало
078	»	14	XVIII
005	Сковорода	01	XVI—XVII
103	»	37	XVI—XVIII
006	Таз	01	XVII
014	»	02	XVII, конец
131	Умывальник	79	XV, конец — XVI
132	»	79	XV—XVI
091	»	18	XVIII, начало
120	»	42	XVIII
121	»	43	XVIII
065	Фляга	07	XV, конец — XVI, начало
066	»	07	XV, конец — XVII, начало
095	»	19	XVI, конец — XVII, начало
127	»	71	XVI
128	»	71	XVI—XVII
129	»	71	XVII, середина
130	»	71	XVII—XVIII, начало
057	Чашечка	06	XV—XVI
058	»	06	XV—XVI
054	»	05	XV, конец — XVI, начало
053	»	05	XV—XVII
055	»	05	XVI
059	»	06	XVI
044	Чернильница	02	XVI
051	»	03	XVII
076	Черпачок	14	XIV—XV, начало
075	»	14	XV

лобчатый), пропорциям (сосуды открытые, полуоткрытые, закрытые). Однако в данном случае мы сосредоточили наше внимание на изучении именно конструктивного разнообразия, не вникая в более мелкие детали.

Эти конструкции можно сопоставить с функциональными формами, такими как горшок, миска, кувшин (табл. 2). Однозначного соответствия здесь не наблюдается, каждой конструкции может соответствовать несколько форм. Даль-

нейшее упорядочение таблицы по функциональным формам сосудов дает возможность установить, что более сложные конструкции, соответствующие какой-либо из функциональных форм, хронологически более поздние (табл. 3). Если взять, например, миску, то соответствующие ей номера конструкций будут иметь следующие даты: № 1, основа — XII—XIII вв.; №2, основа с венчиком — XV—XVI вв.; №6, основа с венчиком и поддоном — XVIII в.

Гистограмма, на которой имеющиеся в московской керамике конструкции выстроены в соответствии со временем их появления, позволяет увидеть это более отчетливо. Появление новых, более сложных конструкций имеет скачкообразный характер. Скачки происходят в XII в. (конструкции № 1, 15, 16), в XIV, XV, XVI вв. Наибольшее число новых конструкций появляется в XV в. (№ 4—6, 30, 39, 40, 43, 79). Сопоставление времени появления новых конструкций, со временем появления тех или иных типов керамики (рис. 2) позволяет сделать вывод, что скачки в конструктивном разнообразии совпадают с появлением новых типов керамики.

Помимо разнообразных форм сосудов и типов керамики внимание исследователей привлекает разнообразие контуров среза венчика горшка (края, в нашей терминологии). Особое внимание уделяют этой теме авторы неоднократно упоминавшегося сборника «Московская керамика». В сущности, принципиальное разнообразие форм края не слишком велико: плоский, острый или выпуклый срез, валики с одной стороны (внешней или внутренней), с двух сторон, без валика. Сходные формы встречаются и у курганных, и у серых, и у красных горшков. Выделить преобладающие у того или иного типа формы довольно трудно, так как авторы не приводят процентных соотношений (Московская керамика, 1991, с. 13, 17, 24, 45). Форма края зависит в первую очередь от способа срезания излишней глины при формовке горшка (Сарычев И. Г., 1991, с. 163, 164). Для выяснения, с чем связана разница технических приемов при выполнении этой операции, необходимо специальное исследование.

Таким образом, в московской керамической посуде прослеживается три варианта изменений. 1. Улучшается качество теста, появляются новые способы обработки поверхности. Красная гладкая керамика вытесняет предшествующие типы. 2. Появляются новые, более сложные конструкции, причем они не вытесняют старых, а сосуществуют с ними. 3. В разнообразии срезов венчиков горшка не наблюдается какой-либо направленности; без дополнительных исследований трудно сказать, меняется их процентное соотношение или появляются какие-либо новые формы среза.

Чтобы установить связь выявленных нами изменений между собой, эмпирических знаний о московской керамике недостаточно. Необходимо обратиться к теории эволюции. Современные эволюционисты выделяют два типа эволюции: макроэволюция, проявляющаяся на уровне видообразования и характеризующаяся необратимостью изменений, и микроэволюция, действующая внутри вида и имеющая обратимый характер. Возникающие при этом изменения относительно просты и их направление легко изменяется (Грант Э., 1991, с. 334, 335).

Оценивая с этой точки зрения перечисленные изменения, можно сказать, что улучшение качества теста и усложнение конструкций можно рассматривать как макроэволюцию. Изменения формы края, как нам представляется, не выходят за пределы микроэволюции (индивидуальной изменчивости).

Развитие керамического ремесла — направленный процесс освоения материала и технологии, проходящий в несколько этапов (Сайко, 1982, с. 164). Как нам представляется, курганная, серая, красно-серая, красная грубая, красная гладкая являются шагами на первом этапе этого процесса. Невозможность установить критерии выделения каждого из перечисленных типов является следствием постепенности перехода. Видимые изменения состава примесей и постепенное улучшение качества теста, зафиксированное на промежуточных стадиях, косвенно указывают на изменения типа гончарного круга, возможности которого к XIV в. были, вероятно, хорошо освоены.

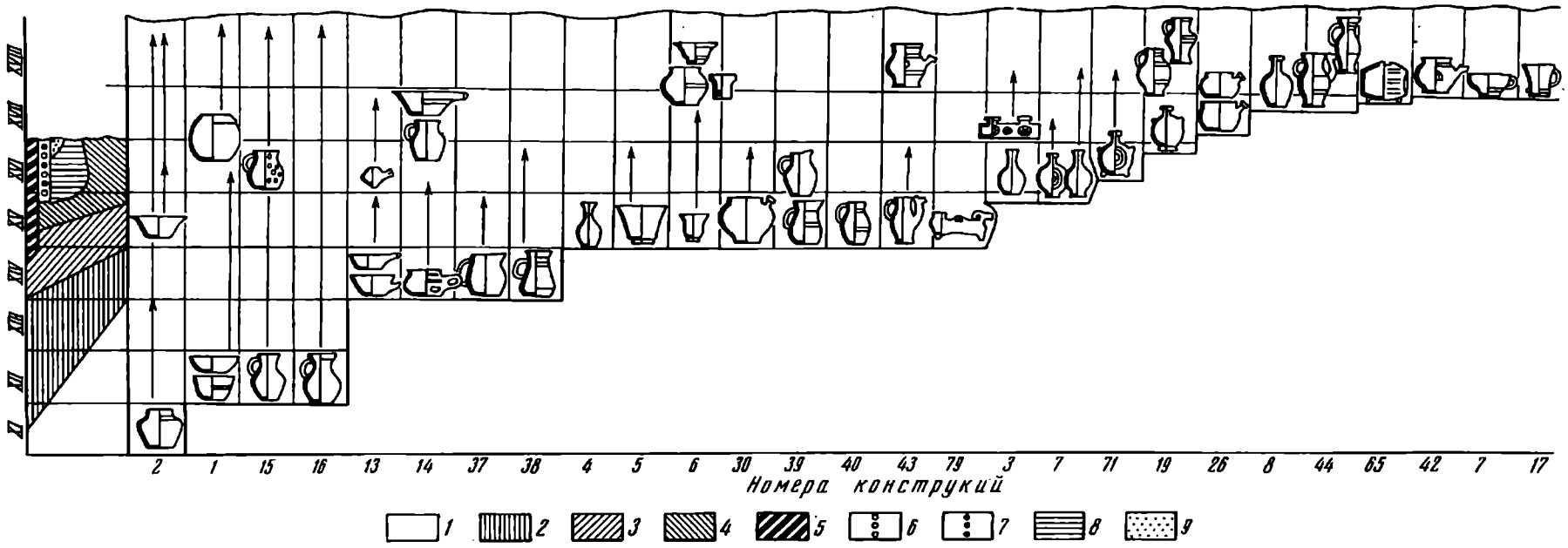

Рис. 2. Гистограмма: *1* — курганная керамика; *2* — серая керамика; *3* — красноглиняная грубая; *4* — красноглиняная гладкая; *5* — краснолощеная керамика; *6* — ангобированная керамика; *7* — чернолощеная и мореная; *8* — белоглиняная грубая; *9* — белоглиняная гладкая

Возможность изготавливать более сложные конструкции мастер получает по мере освоения материалов и усовершенствования технологии. На первом этапе, пока идет освоение материала, возможно производство лишь простых конструкций. Только свобода владения общими техническими приемами мастерства позволяет ремесленнику изготавливать сложные сосуды. Не случайно появление новых конструкций совпадает с появлением новых типов керамики.

Со второй половины XIV в. начинается следующий этап: освоение различных способов обработки поверхности — лощения, ангобирования, глазурования. В середине XV в. происходит освоение восстановительного обжига (производство чернолощеной и мореной керамики), требующего от мастера умения управлять процессом обжига посуды, меняя газовую среду в печи. При этом не имеет значения, заимствована данная технология или открыта гончарами самостоятельно. Освоение заимствованной технологии становится возможным лишь тогда, когда уровень, достигнутый московскими гончарами, позволяет ее воспринять.

В целом эволюция московского керамического ремесла выглядит следующим образом: на первом этапе идет совершенствование гончарного круга, сопровождающееся улучшением качества керамического теста. Здесь можно проследить два скачка: появление серой керамики и появление красной. Этот процесс завершается появлением красного гладкого керамического теста. С появлением серой керамики совпадает появление конструкций № 1, 15, 16, с появлением красной — № 13, 14, 30, 37. Появление самого большого числа новых конструкций (№ 3, 7, 19, 26, 44, 71, 79) следует за освоением восстановительного обжига.

Появление тех или иных керамических конструкций, по нашему мнению, не случайность, а проявление общих закономерностей развития керамического ремесла, развивающегося по единой схеме — освоение круга, освоение разнообразных конструкций, способов обработки поверхности, овладение управлением газовой средой в обжигательной печи.

Таким образом, новый взгляд на, казалось бы, хорошо известные материалы позволяет выявить общий характер и направление эволюции московского керамического ремесла. Наблюдаемая при этом картина может служить дополнительным источником по истории гончарного ремесла Москвы. Это тем более ценно, что в письменных источниках сведения о московском ремесле появляются не ранее XVI в.

На основе полученных выводов можно наметить два направления в изучении московской керамической посуды: изучение керамического теста — характера примесей и состава самой глины; изучение форм сосудов, в первую очередь среза края и изгиба венчика. Как представляется, в ходе изучения форм венчиков было бы полезно рассмотреть процентное соотношение их форм в комплексах разного времени.

В заключение хотелось бы отметить, что в данной работе рассмотрена одна из составляющих московского керамического ремесла, другая составляющая — связи московских гончаров с мастерами соседних регионов (Волжская Булгария, Западная Русь), взаимодействие с которыми сыграло немалую роль в истории московской керамики, требует отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воеводский М. Б., 1936. Глиняная посуда Москвы XV—XVIII веков по материалам, собранным при работах Метростроя//По трассе 1 очереди Московского метрополитена//Изв. ГАИМК. Вып. 132.
Грант Э., 1991. Эволюционный процесс. М.
Джонс Дж., 1976. Инженерное и художественное проектирование. М.
Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды»//Артефакт, программный продукт по археологии. М.
Лукич Г. Е., 1979. Конструирование художественных изделий из керамики. М.
Московская керамика. Новые данные по хронологии, 1991. М.
Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика//МИА. № 12.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы//Древности Московского Кремля. М.
Реймерс Н. Ф., 1991. Популярный биологический словарь. М.
Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. М.
Сайко Э. В., 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.
Сарычев И. Г., 1991. К построению типологии друвнерусской круговой керамики//Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.
Щапова Ю. Л., 1991. Археология и морфология//СА, № 2.
Щапова Ю. Л. Сосуды. Ручное и компьютерное описание (в печати).
Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Столярова Е. К., 1990. Морфология древностей. Киев.

Центр археологических исследований
УГКОИП, Москва

J. A. LIKHTER, D. O. OSIPOV

MOSCOW POTTERY VESSELS AND POTTERY HANDICRAFT

Summary

Besides the types and shapes of the ceramics the technological level is also of great importance to describe the ancient pottery industry. It includes the way of a paste's preparing, modeling, surface treatment and the degree of burnishing. There are no descriptions of Moscow pottery craft, but the production has the traces of its development. They can be distinguished and appreciated with a help of a certain system. It allows to separate the investigations of the shapes from the ones of the production technology. The next step is to find out how they interact. Since the evolution is uneven and two systems cannot develop simultaneously it is necessary to find out their correlation. The authors offer to analyze the works on Moscow ceramics already published with the new methods. The analysis of the pottery types marked out by M. G. Rabinovitch from the technological point of view lets draw a conclusion that a directed and irreversible change of the pottery paste's quality was connected with the pottery wheel change. The authors compared the appearance of the new structures distinguished by J. L. Shchapova's method with the one of the new ceramic types. The authors draw a conclusion that the new structures appear after the new ceramic types. It cannot be an accident but the general law of the potters' handicraft development. This development proceeds by a certain scheme: the mastering of the potters wheel, the different structures of vessels, the surface treatment and then the regulation methods of the gas-environment in the kiln. The principal signs are the types of the ceramic paste and the classes of the vessels' structure, but there are no the directed changes in the variety of the rim shapes. The new approach to the well known objects allows to find out the general character and the direction of Moscow pottery handicraft development.

М. Б. МЕДНИКОВА

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И КРИТЕРИЕВ ПАЛЕОПОПУЛЯЦИИ В АНТРОПОЛОГИИ

Одним из ключевых понятий палеоантропологии является понятие палеопопуляции. Применение популяционного подхода, прочно утвердившегося в физической антропологии при исследованиях современного населения, при соотнесении с данными палеоантропологии часто встречается с большими трудностями. Избежать в какой-то мере этих трудностей может помочь только четкая дефиниция терминов и последовательное соблюдение определенных допущений в анализе.

Так, очевидно, что в состав палеоантропологической серии могут войти скелеты как людей, связанных кровным родством, так и людей, не принадлежавших к одной родовой группе. При малой численности серии, ее плохой сохранности существует опасность, что средние характеристики отражают лишь индивидуальную изменчивость, которая, как известно, может быть весьма значительной. Возможной становится ситуация, когда вариационные ряды одной серии характеризуют в основном индивидуальную изменчивость, другая серия по статусу совпадает с реальной популяцией, третья, более многочисленная,— отражает достаточно абстрактную групповую изменчивость. В этой связи некоторые авторы (Saunders S., 1978, p. 7) полагают, что скелетные выборки практически не репрезентируют внутрипопуляционную изменчивость.

Если даже свести понятие палеопопуляции к одной родовой группе, эта категория окажется беднее по смыслу принятого определения популяции. «Популяция — это минимальная самовоспроизводящаяся группа особей одного вида, на протяжении эволюционно длительного времени населяющая определенное пространство, образующая самостоятельную генетическую систему и формирующая собственное экологическое гиперпространство. Из этого определения вытекает, что популяция — это всегда достаточно многочисленная группа особей, на протяжении большого числа поколений в высокой степени изолированная от других аналогичных групп особей» (Яблоков А. В., 1987, с. 150, 151).

Очевидно, что палеопопуляции, в силу своей немногочисленности, как правило, не удовлетворяют данному определению, представляя собой более мелкие части населения, к которым могут быть приложены различные прилагательные: «экологическая», «ландшафтная», «географическая», «псевдопопуляция», «микропопуляция» и т. д. (Четвериков С. С., 1965, с. 40; Айала Ф., 1984, с. 170, 200).

В генетике под популяцией понимается обычно генетическая система, которую в самой общей форме можно определить как находящуюся в динамическом равновесии систему генотипов (Рычков Ю. Г., Ящук Е. В., 1985, с. 97; Яблоков А. В., 1987, с. 140).

По мнению Ю. Г. Рычкова и Е. В. Ящук (Рычков Ю. Г., Ящук Е. В., 1985, с. 114, 115), модель процесса генетической микродифференциации, регулируемого процессом построения системы популяций у человека, должна учитывать иерархию уровней этой системы, отражающих этапы ее истории и генетическую эквидистантность данных этапов. Авторы объединяют в новой теоретической модели три линии, по которым происходит развитие любой популяции человека: 1) этногенетическое развитие как составляющую исторического процесса, 2) демог-

© М. Б. Медникова, 1995 г.

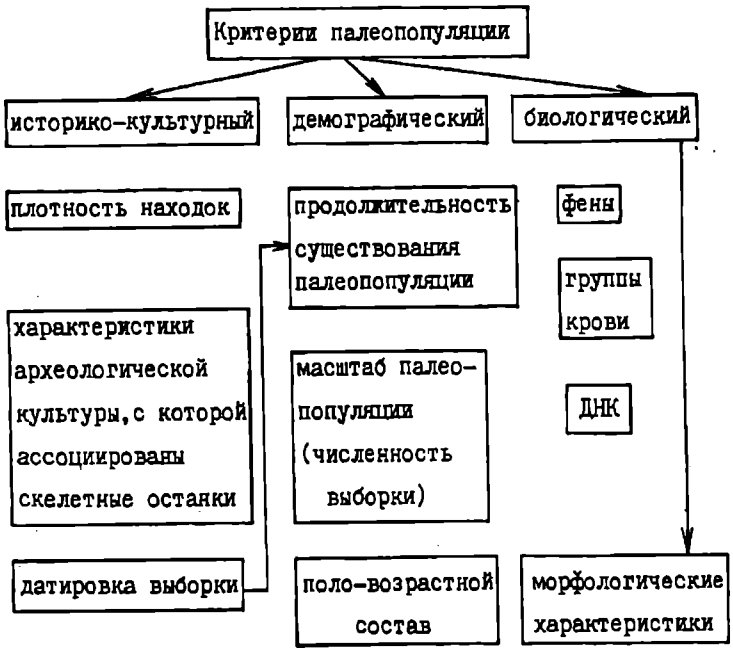

Рис. 1. Критерии палеопопуляции

рафическое развитие на стыке социально-исторического и биологического, 3) генетическое развитие как основу микроэволюции (Рычков Ю. Г., Ящук Е. В., 1985, с. 115).

Как отмечал В. П. Алексеев (Алексеев В. П., 1989, с. 65), генетические параметры на палеоантропологическом материале не определимы, и границы палеопопуляции устанавливаются только с помощью параметров, лежащих вне ее: размеров могильников, сопровождающего погребения археологического инвентаря, конструкции погребений и т. д.

Все же возможность изучения генофонда древнего населения существует. Она открывается благодаря методу ДНК — ДНК гибридизации, позволяющему получить полную генетическую информацию об индивиде при сохранности только костной ткани (Hagelberg E. et al., 1989, p. 485; Hedges R., 1989, P. 213; Hagelberg E. et al., 1991, p. 427—429). Кроме того, недостаточно использованы возможности методики определения групп крови на скелетном материале. Картографирование таких традиционных генетических маркеров, как группы крови, может способствовать установлению реальных популяционных границ в отдаленные эпохи (Перевозчиков И. В., 1974, с. 1—22). К сожалению, упомянутые методики трудоемки и недоступны большинству морфологов.

Поэтому оптимальной модели исследования в настоящий момент наиболее соответствует понятие палеопопуляции, представляющее обобщение понятия палеоантропологической выборки. В этом определении «палеопопуляция — это число объектов, захороненных в одном могильнике, который, судя по сопровождающему его археологическому инвентарю, не представляет собой случайное скопище погребений (например, воинов после битвы) или совокупности ритуальных захоронений (например, жреческое или шаманское кладбище)» (Алексеев В. П., 1989, с. 75).

Для выяснения того, какую из возможных видов изменчивости — индивидуальную, межгрупповую, расовую и т. д.— отражает данная серия, приходится пользоваться косвенными признаками.

На рис. 1 представлены вероятные критерии палеопопуляции, выделяемые нами на основании данных литературы.

Историко-культурный критерий представляет собой исходный уровень, совокупность характеристик, благодаря которым археологи раскапывают данную

дискретную выборку, и включает датировку выборки. Примером воссоздания размеров палеопопуляции на основании одних археологических источников (площади посевных земель и концентрации зернохранилищ) служит исследование П. Холодняка (Holodnak P., 1987, p. 143—152), подсчитавшего численность кельтского населения латенского времени в Северной Богемии.

Демографический критерий палеопопуляции наиболее полно охарактеризован В. П. Алексеевым (Алексеев В. П., 1989, с. 63—90). Продолжительность существования палеопопуляции, более или менее соответствующая жизни двух-трех поколений, максимально приближается к характеристикам реальной популяции. Возможность использования этого критерия связана со степенью разработанности датировок археологических культур. Численность выборки во многом определяет характер наблюдаемой изменчивости биологических параметров. Как отмечается, объем палеоантропологической серии бывает увеличен за счет того, что в ней представлено несколько поколений.

Половозрастной состав погребенных также может служить важной характеристикой. Некоторые специалисты отмечают, что примерно равное число мужских и женских скелетов, достаточное количество детских костяков, значительное общее количество однокультурных захоронений можно рассматривать как свидетельства погребения людей одной группы (Weiss K., 1973, p. 27; Романова Г. П., 1989, с. 67, 68). К сожалению, сохранность материала накладывает ограничения на использование этого метода.

Не до конца выяснена роль посмертного отбора. Так, В. П. Алексеев (Алексеев В. П., 1989, с. 70) вслед за Я. Чекановским склоняется к признанию роли посмертного отбора, при котором женские костяки, более грацильные и, как правило, более подверженные возрастным и патологическим изменениям, хуже сохраняются, чем мужские. Г. Ф. Дебец (Дебец Г. Ф., 1948, с. 23, 25) отрицал значение посмертного отбора. Возможно, на его точку зрения оказали воздействие особенности палеоантропологического материала, относимого к таштыкской эпохе в Минусинской котловине. Как отмечал Г. Ф. Дебец (Дебец Г. Ф., 1948, с. 129), по-видимому, все мужчины в этот период сжигались, а женщины иногда хоронились обычным способом. Вопрос о «популяционном» статусе подобных серий остается открытым.

Биологический критерий палеопопуляции может быть образован несколькими составляющими. Следует упомянуть фены — некоторые дискретно-варьирующие признаки, определяемые наследственной детерминантой (Яблоков А. В., 1980, с. 7). Некоторые авторы (Козинцев А. Г., 1973, с. 136; 1980, с. 75; 1987, с. 79, 80; Рычков Ю. Г., Мовсесян А. А., 1972, с. 114; Чеснис Г., 1986, с. 117; 1990, с. 54; Мовсесян А. А., 1990, с. 31; Anderson T., 1988, p. 529; Kunter M., 1990, p. 78; Saunders S., 1978, p. 10) полагают, что использование подобных маркеров в антропологии весьма перспективно. К сожалению, наиболее ценные признаки, генетическую природу которых можно считать доказанной, очень редки (Saunders S., 1978, p. 25). Как отмечалось выше, существует возможность изучения генофонда населения на молекулярном уровне (группы крови и выделение ДНК из костного материала).

Кроме того, в комплексе со всеми перечисленными критериями могут быть использованы морфологические характеристики. К примеру, вычисление обобщенных расстояний между выборками на основании краниологических параметров уточняет картину дифференциации палеопопуляций (Schwidetzky I., 1972, p. 245, 272; Schwidetzky I., Rosing F., 1976, p. 193, 218).

Недостаточно изученным представляется вопрос о влиянии экологического и культурного гиперпространства на темпы дифференциации палеопопуляций. Большинство работ, посвященных теоретической палеопопуляционной модели, основывается на изучении оседлых земледельческих групп (Федосова В. Н., 1992, с. 57). Для европейской территории показано, что многомерные расстояния между скелетными выборками уменьшаются от неолита до железного века (Schwidetzky I., 1967, p. 174; 1968, p. 61; Schwidetzky I. et al., 1984, p. 31). Феномен уменьшения

популяционных различий ряд авторов объясняют метисацией, имевшей место с доисторического периода (Schwidetzky I. et al., 1984, p. 32). Если это положение верно, то тенденция снижения уровня дифференциации популяций характерна и для других территорий.

Параллельно этому глобальному процессу протекал процесс вычленения локальных групп населения, связанный с общим увеличением численности. На основании исторических письменных источников можно предполагать, что процесс дифференциации локальных групп у степного кочевого населения протекал быстрее, чем у оседлых земледельцев. Так, по мнению С. А. Плетневой (Плетнева С. А., 1990, с. 45, 63, 78), если на начальных этапах крупные группы кочевого населения включали соединение нескольких, в основном патриархальных, родственных семей, по существу близких большесемейным общинам земледельческих народов, причем они могли принадлежать разным этносам (например, болгарам, кипчакам, кимакам), то в дальнейшем, на протяжении исторически короткого промежутка, наблюдался процесс разрушения кровнородственных связей, выделение аилов (больших семей), формирование новых орд, уже не кровнородственных. «Сложный процесс этнообразования постоянно протекал и волновал не только вольные степные объединения, но и уже полуосевших, и даже полностью осевших кочевников... Этот процесс заключался не только в слиянии мелких групп, но и в выделении из старого, давно сложившегося этноса небольших группировок, нередко перераставших в новые этносы. При этом культурные традиции, культовые обряды, общая бытовая культура менялись весьма незначительно» (Плетнева С. А., 1990, с. 82).

Описанные закономерности возвращают нас к необходимости соблюдения при выборе объекта исследования и оценке его статуса комплекса палеопопуляционных критериев. Очевидно, при анализе локальных групп носителей кочевых и полукочевых степных культур единицей исследования остается могильник, хотя и следует учитывать, что численность скелетных останков в подобных выборках и продолжительность существования палеопопуляций у кочевников меньше, чем в большинстве описанных земледельческих серий.

Последующее изучение биологических структур на основании всестороннего анализа скелетных останков, разработка археологических классификаций позволят в будущем выяснить реальные временные и пространственные границы палеопопуляций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айала Ф., 1984. Введение в популяционную и эволюционную генетику. М.

Алексеев В. П., 1989. Палеодемография: содержание и результаты//Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.

Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.

Козинцев А. Г., 1973. Использование дискретно-варьирующих признаков при индивидуальной диагностике//Вопр. антропологии. Вып. 44.

Козинцев А. Г., 1980. Дискретные признаки на черепах эпохи бронзы из Южной Сибири. (К проблемам методики изучения краниологического полиморфизма)//Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVI. Л.

Козинцев А. Г., 1987. Подглазничные швы и их значение для классификации современных человеческих групп. Сообщение 1. Типы подглазничного узора и их частоты в разных группах//Вопр. антропологии. Вып. 79.

Мовсесян А. А., 1990. К вопросу о генетических предпосылках формирования древнерусской народности//Вопр. антропологии. Вып. 84.

Перевозчиков И. В., 1974. Определение групп крови А, В, О у населения Евразийских степей I тыс. до н. э.: Автореф дис. ... канд. биол. наук. М.

Плетнева С. А., 1990. Половцы. М.

Романова Г. П., 1989. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы//Вопр. антропологии. Вып. 82.

Рычков Ю. Г., Мовсесян А. А., 1972. Генетико-антропологический анализ распределения аномалий черепа монголоидов в Сибири в связи с проблемой их происхождения//Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация. М.

Рычков Ю. Г., Ящук Е. В., 1985. Генетика и этногенез. Историческая упорядоченность генетической дифференциации популяций человека (модель и реальность)//Вопр. антропологии. Вып. 75.
Федосова В. Н., 1992. Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости//Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.
Чеснис Г., 1986. Дискретные признаки черепа у людей фатьяновской и балановской культур//Вопр. антропологии. Вып. 76.
Чеснис Г., 1990. Фенетические взаимоотношения средневековых восточных славян по дискретным признакам черепа//Вопр. антропологии. Вып. 84.
Четвериков С. С., 1965. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики//Бюл. МОИП. Т. 70. Вып. 4.
Яблоков А. В., 1980. Фенетика. Эволюция, популяция, признак. М.
Яблоков А. В., 1987. Популяционная биология. М.
Anderson T., 1988. Calcaneus secundaris: an osteological note//Amer. J. Phys. Anthropol. V. 77. № 4.
Hagelberg E., Sykes B., Hedges R., 1989. Ancient bone DNA amplified//Nature. V. 342. № 6249.
Hagelberg E., Gray J., Jeffreys A., 1991. Identification of the skeletal remains of a murder victim by DNA analysis//Nature. V. 352. № 6334.
Hedges R., 1989. History revealed from bones//Nature. V. 337. № 6204.
Holodnak P., 1987. Metodische Probleme bei der Bestimmung von Populationsgrosse in den Latenezeit//Anthropologie (CSSR). V. 25. № 2.
Kunter M., 1990. Mensehliche Skelettreste aus Siedlungen der EL Argar-Kultur. Ein Beitrag der Prähistorischen Anthropologie zur Kenntnis bronzezeitlicher Bevölkerungen Südostspaniens//Madrider Beitrage. B. 18.
Saunders S., 1978. The development and distribution of discontinous morphological variation of the human infracranial skeleton. Ottawa.
Schwidetzky I., 1967. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie des Neolithikums: Ergebnisse der Penrose — Analyse. Das Gesamtmaterial//Homo. B. 18.
Schwidetzky I., 1968. Die Abnahme der Unterschiede zwischen europaischen Bevolkerungen vom 5. vorchrist. bis zum 2. nachchristl. Jahrtausend//Homo. B. 19.
Schwidetzky I., 1972. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropogie der Eisenzeit//Homo. B. 23.
Schwidetzky I., Rosing F., 1976. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Romerzeit (0—500 v. d. z.)//Homo. B. 26.
Schwidetzky I., Wiercinska A., Wiercinski A., 1984. Long-term trends in European populations//Studies in human ecology. V. 6. Warszawa.
Weiss K., 1973. Demographic models for Anthropology//AmA. V. 38. № 2. Pt 2.

Институт археологии РАН,
РАН

M. B. MEDNIKOVA

CONCERNING THE DETERMINATION OF THE PALAEOPOPULATION'S NOTION AND CRITERIA

Summary

The general level of a palaeoanthropological analysis needs a determination of the objective criteria of a palaeopopulation. For the correct estimation of the groups' status the author recommends to review the complex of the palaeopopulation criteria: historical — cultural, demographic, biological. The influence of the ecological and cultural hyperspaces on the processes of the palaeopopulation differentiation seems to be investigated poorly. Basing on certain historical references the author can suppose that the differentiation of the local groups between the nomads was more rapid than among the settled agricultural population.

Дискуссии

В. И. ГУЛЯЕВ, Л. А. БЕЛЯЕВ

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Положение любой науки в определенный период времени можно оценивать, по крайней мере, двояко. Прежде всего, исходя из ее внутренних проблем как развивающейся области знания, характеризуя принятые в данный момент методы накопления информации, основные направления исследований, господствующие теории, возникающие противоречия и дискуссии, особенно по базовым проблемам.

Такой подход интересен главным образом самим представителям данной науки и ученым из смежных областей знания. Однако в эпохи значительных социально-политических и экономических перемен,— а «на дворе» именно такая пора — современников интересуют и другие вопросы, связанные с положением в тех или иных областях науки. Это вопросы ее социального статуса, ее самоопределения (или самоощущения) среди других областей знания и внутри нового социума (в данном случае нового Российского государства), но в первую очередь реальные перемены в ее положении в обществе.

Сюда же, естественно, примыкают вопросы конкретного (внешнего) состояния дел: законодательного обеспечения деятельности ученых, формирования персонального состава «служителей науки», каналы финансирования исследований, вовлеченность фундаментальных разработок науки в реальную жизнь (на уровне формирования идеологии, участия в государственном строительстве и политике, реорганизации образования и др.).

Именно этой, второй, научно-социальной проблематике археологии в современной России посвящены предлагаемые нами исходные соображения. Не сомневаемся, что в той или иной степени они актуальны для всех наших коллег.

Для того чтобы лучше понять нынешнее состояние российской археологии, следует хотя бы в общих чертах оценить ее положение на предшествующем этапе развития, скажем, в 1960-е — начале 1990-х годов (преимуществом избранного периода будет известная субъективность в наших оценках, поскольку они строятся на непосредственных впечатлениях).

Едва обернувшись назад, ощущаешь опасность впасть в ностальгическое любование «прекрасной эпохой». Ведь приходится признать, что в эти годы положение археологии,— во всяком случае, ее общественное положение,— было довольно благополучным. Оно определялось рядом «объективных» факторов, действие которых осознавалось как весьма устойчивое и длительное. Во-первых, археология официально входила в систему общественных, исторических наук, призванных служить основой советской (=«марксистской») идеологии.

Это обеспечивало нашей науке поддержку государства, хотя и накладывало на нее, как и на все общественное знание, определенные обязательства по отношению к его идеологическим запросам. Впрочем, обязательства эти не были особенно обременительными, так как сказывалась специфика материала и отдаленность самой области исследований археологии от сиюминутных проблем.

© Гуляев В. И., Беляев Л. А., 1995 г.

Говоря в самой общей форме, археология помогала доказывать и пропагандировать материалистическое понимание истории. Очень важно при этом отметить, что получалось это у археологии в отличие от многих других исторических дисциплин довольно естественно и солидно (во всяком случае, для взгляда со стороны).

Фейерверк полевых открытий — не только привычного с XVIII в. золота скифских курганов или изящных античных ваз, но и тысячелетних, ранее совершенно неизвестных цивилизаций Средней Азии, Сибири и Кавказа — дополнял академический ореол науки, делал ее успехи сопоставимыми с другими эпохальными свершениями советского общества.

Не случаен известный параллелизм, «увязанность» многих крупных археологических экспедиций и открытий с гигантскими государственными проектами по преобразованию природы, индустриальному строительству, созданию бесчисленных искусственных морей, каналов, плотин и др.

Итак, археология 1960—1980-х годов, опираясь на солидное наследие прошлых лет, была одной из признаваемых необходимыми наук и имела официальную государственную поддержку. Существенным для археологии было то, что она находилась в целом вне идеологических подозрений, а это обеспечивало археологам известную свободу действий.

На практике это означало создание стройной и разветвленной системы археологических учреждений разного уровня. Прежде всего это учреждения в рамках Академии наук СССР и академий наук союзных республик (Институт археологии АН СССР в Москве с отделением в Ленинграде, археологические подразделения в Уральском, Сибирском и Дальневосточном отделениях АН СССР, в академических филиалах в Дагестане и Башкирии; институты археологии АН Украины, Узбекистана, Грузии; сектора археологии в институтах истории других союзных республик). Точно так же во всех автономных национальных образованиях РСФСР существовали НИИ истории, языка и литературы, при которых были группы или подразделения археологического профиля.

Сеть академических и родственных им учреждений дополнялась в Советском Союзе коллективами археологов крупных музеев (Государственного Эрмитажа, ГИМа, ГМИИ и др.), университетов и части педагогических институтов. Особенно крупные археологические центры сложились (или существовали традиционно) на кафедрах археологии Московского, Ленинградского, Воронежского, Новосибирского, Иркутского, Киевского, Тбилисского, Ташкентского и других университетов. Практически все названные коллективы археологов (и в АН СССР, и вне ее) получали достаточную (в «запланированных» рамках) финансовую поддержку непосредственно из госбюджета.

В целом этих средств хватало на полевые и лабораторные исследования, обработку коллекций, хранение материалов, публикацию итогов научных работ.

Кроме того, в соответствии с принятым в 1976 г. законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» государство (в лице Министерства культуры СССР) брало на себя все заботы по выявлению, изучению, охране и использованию археологического наследия (вернее, заботы по организации этих процессов) и обязывало любую государственную организацию выделять необходимые материальные средства на научное изучение археологических памятников в случае проведения работ, угрожающих им порчей или разрушением (рис. 1).

По объему эти средства намного превосходили бюджетные ассигнования на археологию. Именно на этой, хоздоговорной базе смогли возникнуть и развиваться многие учреждения и группы археологического профиля практически по всей стране.

Разумеется, сам закон 1976 г. был по сути дела мало эффективным, его практическое применение было затруднительным из-за отсутствия нормативных актов, однако ощущение достаточной силы центральной власти и общей властной структуры в какой-то мере препятствовало массовому, огульному разрушению древностей.

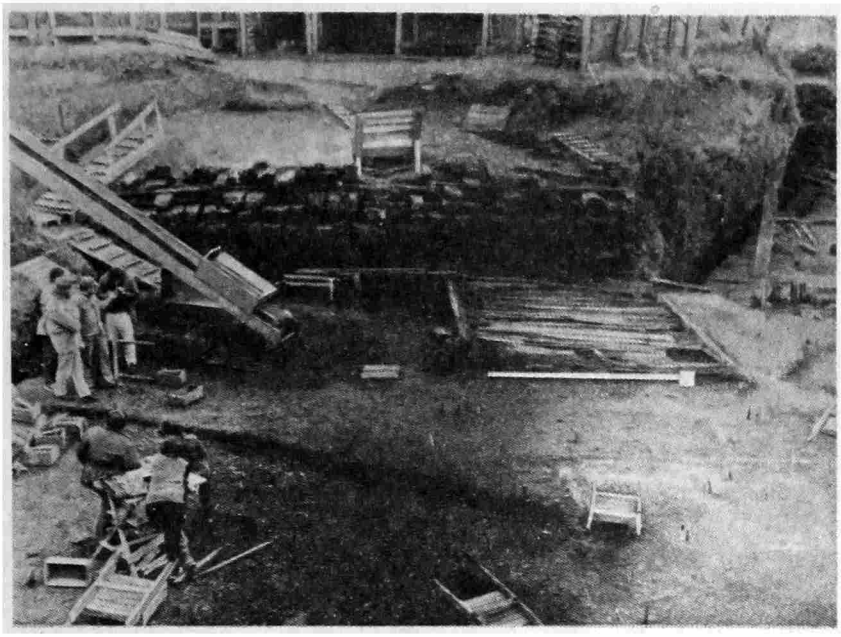

Рис. 1. Новгород. Троицкий VIII раскоп. Хозяйственная постройка XIII в. с сохранившимся полом из досок. В стенке раскопа расчищено несколько ярусов мостовой Чернициной улицы (XIII—XIV вв.).

Таким рисуется положение археологии в государстве при взгляде в недавнее прошлое. Попробуем оценить, что изменилось за последние несколько лет.

В отношениях с властью и теми ее органами, которые могут восприниматься как частичная замена бывших идеологических структур, такие изменения очень заметны. Оставаясь внутри сферы гуманитарных наук, археология вполне разделила с ними то отторжение от «старой», «доперестроечной», «тоталитарной» идеологии, которое открыто проявилось в обществе уже в 1980-х годах. Вместе с этим археология утратила и ряд важных преимуществ, которые она сохраняла в глазах прежнего, советского режима (постулированная материалистическая основа, достаточно принципиальный атеизм и т. п.).

В новых условиях, когда у первых лиц государства стало чуть ли не обязательным личное присутствие на всех торжественных религиозных церемониях, когда церкви и другим религиозным учреждениям легко передаются сохраненные подвижниками-учеными культурные богатства страны (памятники церковной архитектуры, древнейшие иконы и др.), эти археологические добродетели сделались ненужными и даже подозрительными. Очевидно, что с точки зрения новой правящей элиты археология утратила былую актуальность в области формирования необходимых идеологических установок.

Возможность серьезной и быстрой «идеологической перестройки» могла бы, наверное, нас выручить — ведь выручает же она коллег, занимающихся новой и новейшей историей страны! (Например, смена вектора на противоположный в оценке движущих факторов истории или перемена прежней атеистической позиции на сугубо ортодоксальную и фундаменталистскую.) К счастью, соблазн здесь невелик.

В археологии, мало политизированной в прошлом сравнительно с другими историческими науками, такая смена ориентиров не станет сколько-нибудь плодотворной и даже не особенно заметной.

Трудно ожидать привлечения внимания и с помощью сенсационных разоблачений, массовых профессиональных покаяний, публикации в сколько-нибудь широких масштабах ранее запрещенных, написанных «в стол» сочинений, секретных документов и т. п. (Попытка сделать шаг в этом направлении, предпринятая в очерке Л. С. Клейна «Феномен советской археологии» (СПб., 1992), где автор пытается основные этапы общественно-политической жизни Советского Союза

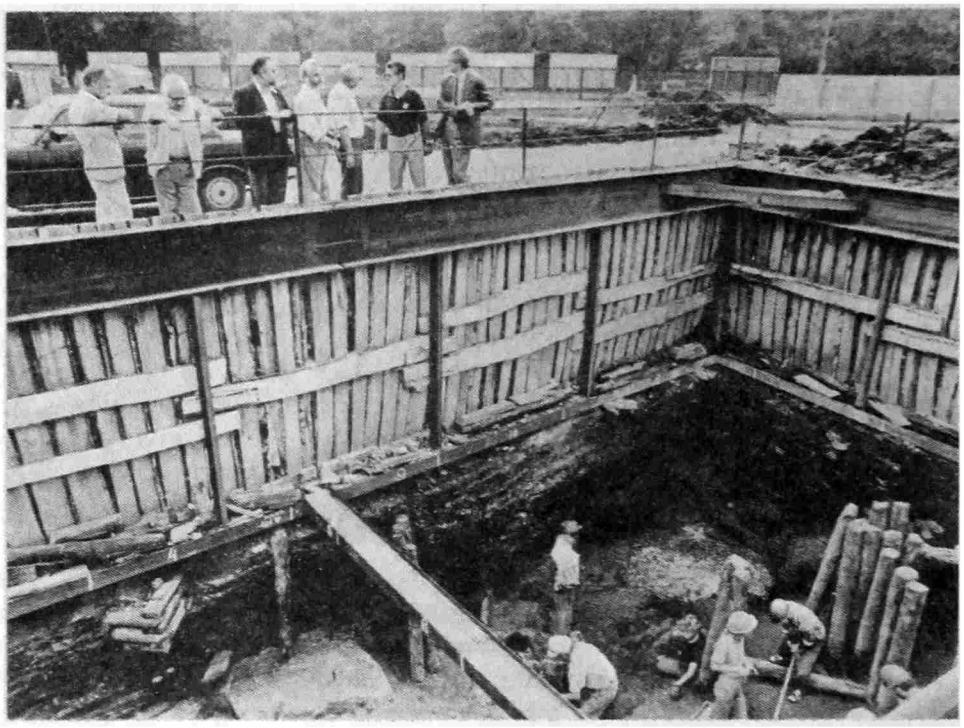

Рис. 2. Москва. Манежная площадь, раскопки 1993 г. (сентябрь)

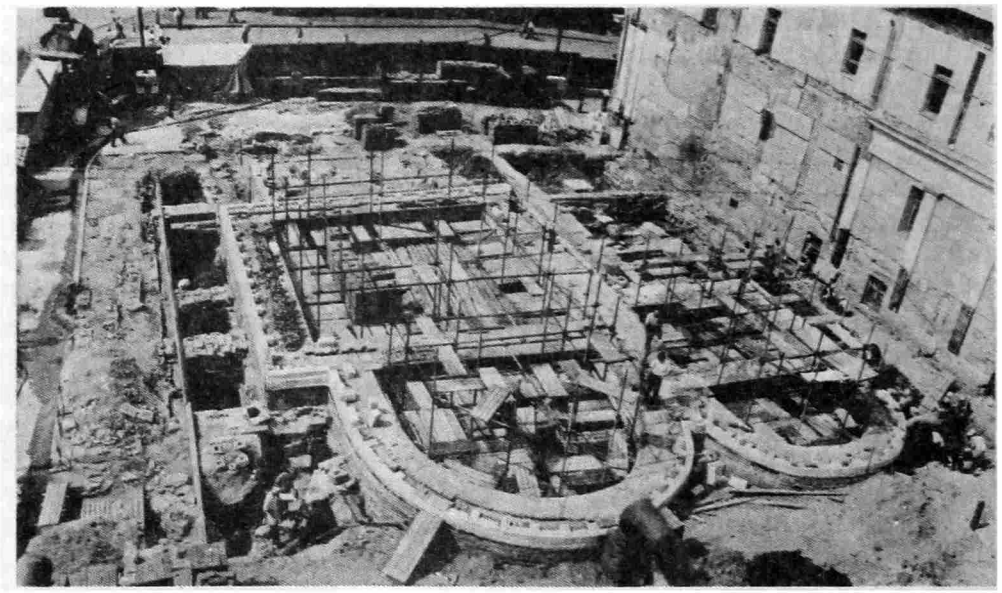

Рис. 3. Москва. Раскопки и реставрация церкви Казанской Божьей Матери на Красной площади

перенести непосредственно в область археологии, кажется не особенно успешной. Направление избрано верно, но сам феномен, конечно, сложнее и интереснее.)

Есть достаточно оснований, чтобы утверждать, что в «постсталинский» период, а особенно в 1960—1980-х годах, археология одной из первых среди гуманитарных наук занялась решением своих собственных проблем, не взирая на частично сохранявшиеся идеологические ограничения.

Продолжим, однако, обзор изменений в отношении общества к археологии. Не подлежит сомнению, что явно ощутимый крен общественного интереса к национальной вообще и локальной истории, а также к проблемам традиции, национальных корней современных государств и этносов скорее ослабляет, чем усиливает, роль археологии (если, конечно, рассматривать ее как источниковедческую, строго научную дисциплину). Общество пока не ставит перед собой задачи восстановления связи с отдаленным, уходящим в глубину тысячелетий миром. (В этом, кстати, одно из отличий ситуации от предшествующих десятилетий, когда построения общих схем развития человечества от его зарождения до средневековья поощрялось в гораздо большей степени, чем занятия историей недавнего прошлого).

Сознание постсоветских социумов занято в основном попытками связать нить настоящего со сравнительно недалекими от нас событиями, найти опорные точки для нового движения в нашем столетии, в XIX—XVII вв. и уже во всяком случае не глубже позднего средневековья. Здесь археология пока мало чем помогает истории (хотя в принципе потенциал поздней, индустриальной археологии велик, и некоторые успехи именно в этом направлении заметны, например явное оживление позднегородской и реставрационной археологии) (рис. 2; 3).

Все же подавляющая масса исследований в археологии всегда касалась (так будет и впредь) гораздо более отдаленных эпох, обычно совершенно нейтральных, можно даже сказать «космополитических» в отношении современных национальных проблем (во всяком случае, при объективном, беспристрастно критическом подходе к материалу). К чести археологов можно заметить, что как научное сообщество, или «творческий цех», они пока не бросились выполнять националистический заказ, достаточно отчетливо звучащий как в Центральной России, так и в бывших республиках СССР.

Наконец, весьма существенные изменения произошли в отношениях между археологией и обществом по вопросу «владения» (подчеркнем: здесь пока именно в л а д е н и е м, а не с о б с т в е н н о с т ь ю) древностями. Прежде всего это касается тех древностей, которые воспринимаются как национальные или конфессиональные местными жителями. До начала 1980-х годов эти древности (для примера — заброшенные храмы России и других республик, церкви и мечети, некрополи и др.) в очень малой степени воспринимались местными сообществами как их реальное владение, их наследие. Скорее к ним можно было применить понятие выморочного имущества, на которое не предъявляет особых прав ни общество, ни государственная власть (охраняющая их «постольку поскольку»). Единственными реальными владельцами этих древностей в период 1940—1970-х годов могли смело считаться ученые (архитекторы, искусствоведы и не в последнюю очередь археологи). Отношение общества к их работам (раскопкам, зондажам и т. п.) было в общем равнодушным, но часто с оттенком доброжелательного интереса и даже искреннего сочувствия (поскольку работа в области конфессиональных древностей тогда воспринималась как некоторая альтернатива официальной идеологии).

В 1980-х годах отношение к таким работам и осуществляющей их науке резко изменилось, и исследования памятников древности выглядят в глазах большинства представителей церкви и объединяемых ею людей как неоправданное, разрушительное экспериментаторство, в лучшем случае излишнее и едва терпимое. Сами памятники уже отнюдь не бесхозны, можно сказать, что «цех ученых» чрезвычайно быстро утратил право уверенного владения ими, которым обладал несколько десятилетий.

Конечно, эта последняя тема — археология и общественное сознание, тем более древности и общество,— не может быть здесь рассмотрена хоть сколько-нибудь подробно, но на ее существование необходимо указать, так как, насколько известно, эта проблема пока еще не отрефлексирована самими археологами.

Итак, ни для общества, ни для государственных или внегосударственных идеологических потребностей археология как одна из фундаментальных истори-

ческих наук не является сейчас зоной естественного притяжения. Более того, она весьма подозрительна упорной тягой к проверяемости выводов, к их научной взвешенности, ко все отчетливее проявляющейся источниковедческой направленности.

Подозрительным выглядит и малый «коэффициент политизации», и сохраняемый в основном атеизм (в лучшем случае скептицизм или неконфессиональность), кажущиеся по меньшей мере странными у представителей гуманитарной сферы.

Можно предположить, что именно этими важными переменами в социальном и государственном статусе археологии объяснимы и изменения в реальной политике властных структур. Конечно, дело не только в этом. Важнейший фактор — положение общества в целом, отношение его к фундаментальному знанию. Однако не последнюю роль играет и то, что общество явно «отворачивается» от археологии.

Посмотрим хотя бы на базовый показатель государственной поддержки — финансирование. Раньше фундаментальная наука финансировалась преимущественно из госбюджета, но с начала 1992 г. такое финансирование свели до минимума (практически в РАН из федерального бюджета поддерживается лишь существование самих ученых, но не их исследовательская деятельность или публикации). Более того, неоднократно слышались угрозы «сверху» упразднить Академию наук как оплот косности, отсталости и бюрократизма.

Не решаемся говорить за всю РАН, но в отношении археологии и памятников, ею изучаемых, такой шаг будет чреват самыми неприятными последствиями, и его можно было бы назвать явно несвоевременным. Прежде всего нужно указать на появление негосударственных видов собственности и грядущую массовую приватизацию земли. В радикально меняющейся ситуации старое законодательство по охране археологического наследия практически уже утратило силу, а новое вряд ли будет принято в обозримом будущем (хотя проекты такого закона были подготовлены еще в сентябре 1993 г.).

Между тем важнейшей, чуть ли не единственной социально значимой, общепризнанной функцией современной археологии в России может и должно стать именно выявление, изучение и сохранение богатейшего наследия, оставленного на ее территории за тысячелетия нашими предками. По самому скромному счету речь идет об огромных культурных (и, необходимо признать, материальных) ценностях.

Уже не секрет, что ежегодно законные и незаконные раскопки приносят тысячи изделий из драгоценных металлов, произведений древнего искусства из кости, камня, стекла и др., которые пользуются на мировом антикварном рынке возрастающим и устойчивым спросом. В результате при утрате контроля за хозяйственной деятельностью на земле государство уже теряет миллиарды рублей.

Конечно, по формально действующему по сей день закону РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1976 г. археологические объекты по-прежнему охраняются государством. Однако для приведения в действие его механизма нужны целые армии профессиональных археологов, в России же они, как, впрочем, и в прежнем СССР, крайне малочисленны. В огромной стране насчитывается в целом около 2 тыс. профессионалов-археологов, а в маленькой Японии их 10 тыс. Даже если прибавить всех практикантов, студентов и краеведов, все равно сравнение будет не в нашу пользу.

В результате мы до сих пор не в состоянии даже правильно оценить количество археологических объектов в стране, следовательно, не можем их эффективно сохранять и изучать. Именно здесь один из важных корней снижения потенциальной роли археологии в жизни российского общества.

За последние годы существенно сократилась работа по общей инвентаризации и паспортизации памятников древности, для большинства археологических объектов не установлены охранные зоны, землепользователи, за редчайшими исключениями, не ставятся в известность о расположении на их землях таких объектов.

Уже сейчас ежегодно разрушаются сотни (а может быть, тысячи, мы не знаем точно) памятников археологии, и процесс, конечно, усилится с началом массовой приватизации земли.

Итак, неладно не только с государственной финансовой поддержкой, но и с законодательной базой современной археологии.

Особого разговора заслуживает проблема коллекций, получаемых в ходе раскопок. Пока их хранение и передача в музеи идет в основном по давно заведенной системе. Однако уже возникают проблемы с правом собственности или хотя бы хранения и владения находок, сделанных на частной земле, на территории переданных в распоряжение тех или иных сообществ памятников, а также оказавшихся на территории других государств (после образования СНГ). Кроме того, музеи стремятся получать лишь наиболее интересные находки, ценные в экспозиционном отношении, отказываясь от больших по объему и «невыигрышных» коллекций массового материала.

Конечно, новые условия открывают и новые возможности. Значительно оживившаяся негосударственная строительная деятельность, например, позволяет вести исследования на средства коммерческих, частных организаций, причем в ряде случаев такие средства достаточно значительны. Однако общий объем хоздоговорных работ по стране явно сокращается и отдельные успешные «археологические кампании» не спасают положения. Кроме того, достаточно часто заказчики заинтересованы в привлечении послушных их воле групп исследователей, а не действительно квалифицированных коллективов, что еще более ослабляет контроль за научным уровнем исследований.

Пока что не дает особенно положительных результатов и новая тенденция в организации археологии как науки. В 1970—1980-х годах, с ростом хоздоговорных исследований, как уже говорилось выше, в регионах появились условия для сложения местных археологических групп и лабораторий. Их развитие было успешным благодаря поддержке центральных учреждений, подготовке там кадров для местных ВУЗов, музеев и органов культуры. Однако впоследствии, когда финансирование через центральные учреждения резко сократилось и средства стали поступать непосредственно в регионы, по их программам и запросам, обнаружились и минусы возникшей ситуации.

Прежде всего ослабли связи центральных институтов — ИА и ИИМК РАН — с коллегами в провинции, особенно в отдаленных областях страны, усилились центробежные тенденции, стал ощутим синдром узкоместнических, локальных интересов.

Нет смысла отрицать необходимость и важность краевой, «земской» науки. Именно в ней спасение, и каждый должен прежде всего «пахать с в о ю пашню». Но далеко не всегда местные археологи совершенны в профессиональном отношении. Лишая центральные учреждения возможности широкого участия в работах на местах, нарождающаяся новая система самостоятельных местных археологических структур закрывает возможности для их дальнейшего научного роста, затрудняет контакты, выводит исследования из-под профессиональной объективной критики. В итоге — падение общего уровня качества исследований.

Близкими причинами объясняется и тенденция к разъединению крупных центральных учреждений страны — традиционное соперничество, поиск административной самостоятельности, представления о собственном и обязательно особом пути к совершенствованию.

При этом нельзя не радоваться, видя многочисленные новые издания, в том числе периодические, начинающие выходить сейчас во многих городах. Однако вызывает крайнее беспокойство состояние центральных археологических изданий, одно за другим останавливающихся из-за отсутствия средств. Так, прекратилось издание «Кратких сообщений Института археологии», серии «Материалы и исследования по археологии», «Свод археологических источников».

Со значительными усилиями после некоторых лет перерыва удалось возобновить издание «Археологических открытий». С большим трудом удается про-

должать работу над последним крупным начинанием российских археологов — 20-томной «Археологией СССР» (вышло 14 томов, 15-й, посвященный неолиту, все еще ждет завершения финансирования). До чего же не хочется видеть это, пусть и не во всем совершенное, издание оборванным на середине!

Суммируя, можно сказать, что мы наблюдаем несомненный кризис археологии, сопоставимый с общим кризисом фундаментальных наук, но имеющий и собственные отличительные черты и причины. Резко падает ее статус в обществе, сокращаются возможности влиять на сохранение и исследование археологического наследия страны.

По-видимому, археология не сможет выйти из кризиса только своими силами. Во всяком случае, это касается финансовых ресурсов, которые у фундаментальных наук всегда крайне ограничены (что верно не только для России, но и для мира вообще, в том числе и для «богатых» стран). Дальнейшая судьба археологии будет во многом зависеть от позиции государства и общества.

Конечно, можно вспомнить расхожее мнение о том, что археология всегда была «наукой богатых людей», (а позднее наукой «богатых стран»). Но ведь и люди, и страны сами решают, богаты они или бедны и до какой степени им «по карману» любая сфера деятельности, без чего нельзя обойтись, а без чего даже следует. Нам кажется, что не только государству, но и самой археологии пора задать себе этот вопрос и задуматься над реальным положением в современном меняющемся мире.

Институт археологии РАН,
Москва

V. I. GULIAEV, L. A. BELIAEV

CONCERNING THE MODERN STATUS OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGY

Summary

The article deals with the modern status of the archaeology in Russia, with its deep crisis caused by a number of objective reasons. First of all it was caused by the changes in the political situation in the country: the collapse of the USSR, transition to the market economy, the changes of the political orientation etc. The authors think that the fortune of the archaeology as well as the whole fundamental Russian science depends on the attitude of the state. In Russia the science has no future without a straight support of the state and the budget financing of the archaeological investigations.

Публикации

Л. В. ГОЛОВАНОВА, Г. Ф. БАРЫШНИКОВ, Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ,
С. А. НЕСМЕЯНОВ

МНОГОСЛОЙНАЯ ПЕЩЕРНАЯ МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА МАТУЗКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(по исследованиям 1985—1989 гг.)

Часть I

На Северном Кавказе в настоящее время известно более 70 среднепалеолитических местонахождений. В их числе только восемь стратифицированных памятников (Монашеская и Баракаевская пещеры, Губский навес № 1 (Аутлев П. У., 1964; Любин В. П., 1977), пещера Ласок (Гиджрати Н. И., 1987), Мезмайская и Матузка (Голованова Л. В., 1988), а также Ильская I—II — стоянки открытого типа (Замятнин С. Н., 1934; Праслов Н. Д., Муратов В. М., 1970; Щелинский В. Е., 1986). Поэтому многослойная пещерная стоянка Матузка, обнаруженная в 1985 г., имеет большое значение для данного региона (рис. 1). Она получила название по р. Матузка (приток р. Пшехи), образующей узкую каньонообразную долину, в правом борту которой находится карстовая полость.

Пещера расположена на абсолютной высоте 720 м у северного края Лагонакского приподнятого массива (плато) верхнеюрских известняков. Этот массив образует западный фронт альпийского и новейшего Центрального сегмента Большого Кавказа (Хаин В. Е., Ломизе М. Г., 1961; Милановский Е. Е., 1968; Несмеянов С. А., 1986а). Пещера находится в 27 км к юго-западу от ст-цы Гуамская. Пещерная полость шириной до 35 м, глубиной около 40 и высотой у входа 20 м (рис. 2) открывается на юго-запад в нижней части каньона Правой Матузки, имеющей северо-западную ориентировку. Русло каньона здесь серией водопадов спускается к подножью Лагонакского плато. Поэтому относительная высота пещеры довольно условно оценивается в 80 м.

Структурно-геоморфологическое положение пещеры. В настоящее время для западной части Большого Кавказа разработана схема довольно детального неотектонического районирования (Несмеянов С. А., 1986а). Она опирается на редкую сеть опорных геолого-геоморфологических профилей, позволившую выявить основные этапы формирования горного рельефа этой территории. Плиоценовые и плейстоценовые подразделения местной стратиграфической схемы образований террасового генетического комплекса датируются здесь с помощью палеонтологических и археологических материалов (Несмеянов С. А., 1986б). Эта схема опирается на несколько детально изученных страторайонов, один из которых — Майкопский охватывает прилегающую к северо-восточному краю Лагонакского плато площадь бассейна среднего течения р. Белой. Здесь расположены стратотипы большинства средне-, верхнеплейстоценовых и голоценовых местных террасовых подразделений и фиксируется расщепление среднеплейстоценовых региональных

© Л. В. Голованова, Г. Ф. Барышников, Г. М. Левковская, С. А. Несмеянов, 1995 г.

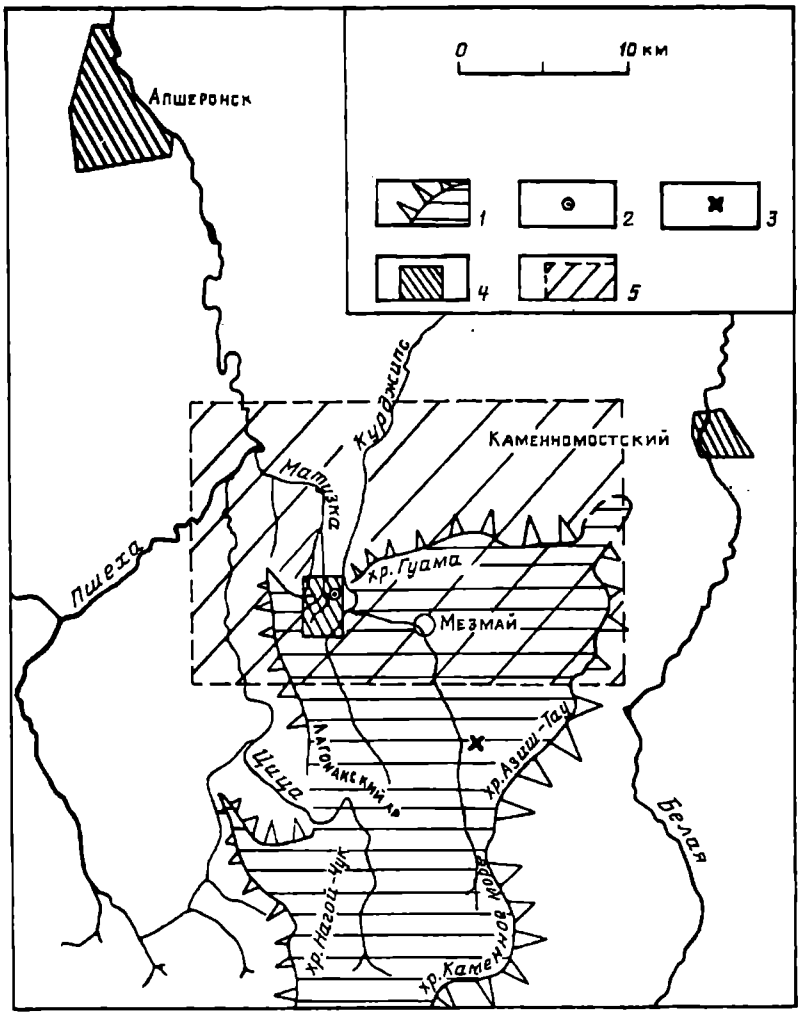

Рис. 1. Схема географического положения пещеры Матузка.
1 — Лагонакское плато и ограничивающие его обрывы; *2* — пещера Матузка; *3* — Мезмайская пещера; *4* — площадь структурно-геоморфологической схемы, изображенной на рис. *5*; *5* — площадь схемы неотектонического районирования, изображенной на рис. 4

геоморфологических уровней (Несмеянов С. А., Голованова Л. В., 1988). Уровни, откартированные на левобережье р. Белой, хорошо прослеживаются на Лагонакском плато, в том числе и в районе рассматриваемой пещерной стоянки. Следует отметить, что индексы используемой ниже местной стратиграфической схемы плейстоцена отражают лишь относительную возрастную последовательность и специфику масштабного комплексирования, а соответственно и расщепления подразделений террасового генетического комплекса. Определение их геологического и абсолютного возраста представляет собой самостоятельную и трудную задачу, для решения которой привлекаются и археологические материалы.

Основные элементы рельефа региона обусловлены новейшими тектоническими структурами блокового типа. Поэтому целесообр[illegible]но показать структурное положение участка, на котором располагается пещерная стоянка Матузка (рис. 3). Рассматриваемый участок находится у северо-западного края приподнятой Мезмайской структурной ступени, которая на севере по Северогуамскому сбросу, обусловливающему северный орографический уступ Лагонакского плато, сопрягается с Черниговским гребнем. На северо-востоке указанная структурная ступень по Южногуамскому сбросу сочленяется с Гуамским горстом, соответствующим Гуамскому хребту, а на западе отделяется Западно/мезмайской флексурой от более приподнятых Матазыкского горста и Западномезмайской структурной ступени.

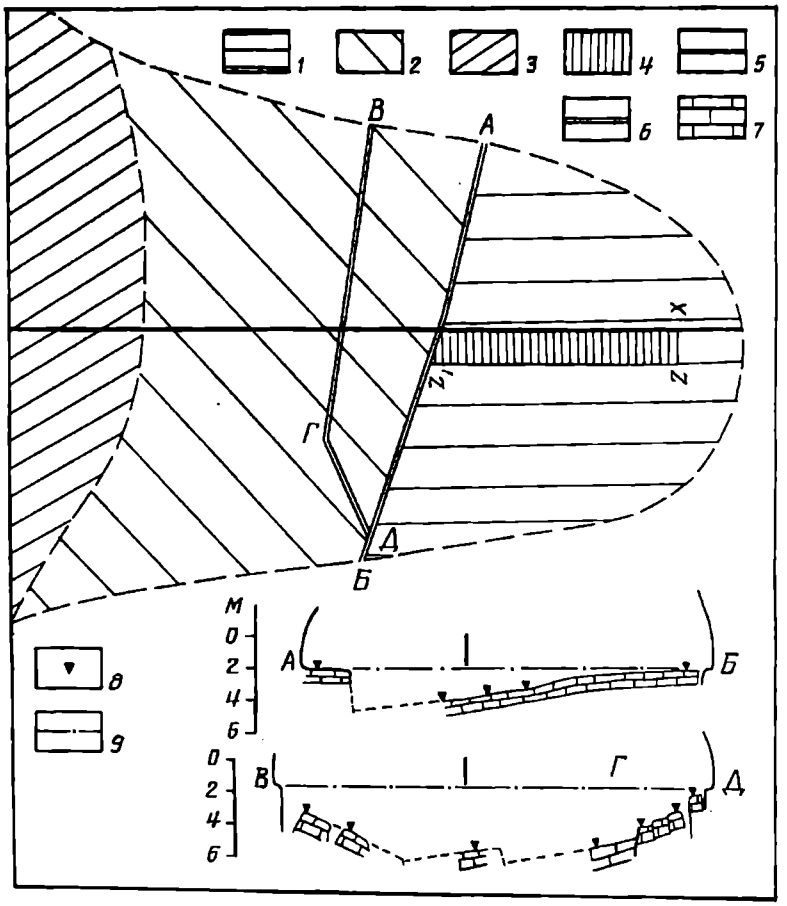

Рис. 2. План пещеры Матузка и схемы деформации пачки известняков, образовавшей пол средней пещерной полости в поперечных сечениях АБ и ВГД.
1—3 — поверхность современного днища пещеры (*1* — субгоризонтальная, *2* — ступенчатый склон, *3* — крутой склон); *4* — раскоп 1985—1989 гг. с обозначением поперечного XZ и продольного ZZ^1 разрезов; *5* — линия продольного профиля; *6* — линии поперечных профилей; *7* — известняки древнего пола средней пещерной полости; *8* — пункты измерения высоты современного положения этого древнего пола; *9* — уровень первоначального положения этого пола

По материалам упомянутой выше системы геолого-геоморфологических профилей, долины правой и левой составляющих р. Матузки врезаны в верхнеплиоценовую («апшеронскую») выровненную поверхность Мезмайской структурной ступени (рис. 4). В пределах этой ступени продольные профили указанных речек четко делятся на две части. В верхних частях их долин выработанные продольные профили, близкие к равновесию, располагаются на древних (ранне-, среднеплейстоценовых) «законсервированных» эрозионных врезах, лишь незначительно их моделируя. Молодая плейстоценовая эрозия локализуется в нижних приразрывных частях долин, где находится серия водопадов, разделенных узкими более пологими участками. Такие перегибы, коррелируясь с перегибами на бортах долин [1] и на эскарпе сбросового обрыва, отражают последовательность эрозионных врезов. Последние с определенной долей условности можно скоррелировать с подразделениями террасового ряда Майкопского страторайона в среднем течении р. Белой (Несмеянов С. А., Голованова Л. В., 1988).

Эрозионный уровень, находящийся непосредственно ниже устья пещеры Матузка, отвечает раннехаджохской террасе р. Белой. Следовательно, первичная пещерная полость, имеющая, скорее всего, карстово-эрозионное происхождение, сформировалась в основном во второй половине раннехаджохского этапа. Эта

[1] Топографические измерения в пещере Матузка и в ее окрестностях производились Л. Т. Лютой.

Предварительная корреляция и датировка аллювиальных и морских террасовых образований Западного Кавказа

Аллювиальные террасовые образования			Морские террасовые образования						
			принятая схема		альтернативные варианты корреляции и датировок				
комплекс	подкомплекс	фаунистический комплекс	терраса Кавказа	абсолютная дата	по Щеглову, 1986		по Чепалыге и др., 1989 и Трубихину, 1987		
Кубанский	Белореченский $0_4^{2б}$	Современный	(Черноморская т)		Черноморский г 10				
	Тульский $0_4^{2а}$								
	Абадзехский 0_4^1	Мамонтовый	(Новоэвксинская р)	Интервал 9—25	Новоэвксинский г	р тарханкутские с р 62/75	Новоэвксинский этап		
Гирейский	Майкопский коррелятные даты 0_3^2 37—47		Сочинская	Интервал 33—67	Карангатский г	Сочинские с 90 р 100	Тарханкутский этап		31,3 ± 0,7; 62,7 ± 2,1
			Агойская			чимитские с 112 р 120	Карангатский этап	Позднекарангатская фаза	
	Вюшатский 0_3^1		Шахейская	Интервал 70—115		шахейские с 130 р 150		Эльтигенская фаза	
Гулькевичский	Хаджохский 0_2^2 $0_2^{2б}$/$0_2^{2а}$	?	Ашейский поздняя	124 ± 3,5	Ашейский г	мамайские р 175 р 185		Тобечикская фаза	э. «Блейк» (100) шкурлатский фаунистический комплекс 146 ± 7
			ранняя	139 ± 4		ашейские с 250			

	Курджипский	$0_2^{1б}$	Хазарский	Пшадская (узунларская)		Узунларский г	р 280 майкопские с 347 р пшадские с 390	Узунларский этап		116 ± 7 хазарская ф э. «Ямайка» (220—230)
	0_2^1	$0_2^{1а}$		Мокридская (древнеэвксинская)		Древнеэвксинский г	р шапсугские с 425 р 525 древнеэвксинские с 592	Древнеэвксинский этап		Лихвинская (гуньклвская) ф
Воздвиженский	0_1			Позднечаудинская		Чаудинский г	р 627 эпичаудинские и позднечаудинские с 688 р 700	Чаудинский этап	Поздняя фаза	Тираспольская (колкотовская) ф

Примечание. г — горизонт, с — слои, т — трансгрессия, р — регрессия, ф — фауна, э — палеомагнитный эпизод; цифры — абсолютные датировки в тыс. лет.

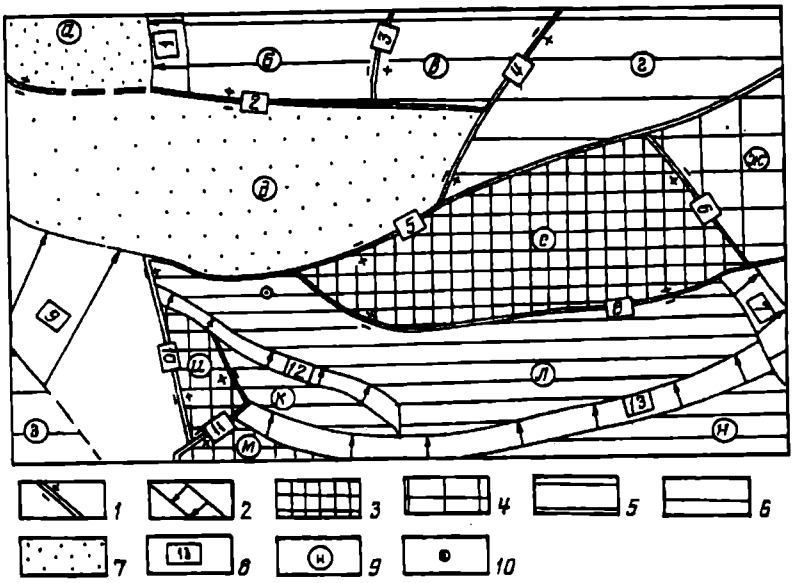

Рис. 3. Схема неотектонического районирования северной части Лагонакского плато и смежной территории.
1 — сбросы (с) с указанием поднятого (+) и опущенного (-) крыльев; *2* — флексуры (ф); *3*, *4* — горсты (г), относительно более (*3*) и менее (*4*) приподнятые; *5*, *6* — структурные ступени (сс), относительно более (*5*) и менее (*6*) приподнятые; *7* — грабены (гр); *8* — цифрами в квадратиках обозначены сбросы и флексуры (*1* — Пшехская ф, *2* — Самурский с, *3* — Курджипский с, *4* — с. Вольчих ворот, *5* — Северогуамский с, *6* — Восточногуамский с, *7* — Буреломная ф, *8* — Южногуамский с, *9* — Измайловская ф, *10* — Западноматазыкский с, *11* — Южноматазыкский с, *12* — Западномезмайская ф, *13* — Камышановская ф); *9* — буквами в кружочках обозначены блоковые структуры (*а* — Хадыженский гр, *б* — Татарская сс, *в* — Хакодзинская сс, *г* — Каменномостская сс, *д* — Черниговский гр, *е* — Гуамский г, *ж* — Сапунский г, *з* — Осиновская сс, *и* — Матызыкский г, *к* — Западномезмайская сс, *л* — Мезмайская сс, *м* — Северолагонакская сс, *н* — Южномезмайская сс); *10* — пещера Матузка

полость в дальнейшем претерпела существенные изменения (обрушение сводов и т. п.), прежде чем приобрела свою современную морфологию.

Для датировки речных террас важно присутствие мамонтовой фауны в гиреевском комплексе, хазарской в гулькевичском и раннеплейстоценового склона Вюста в воздвиженском комплексе (Лебедева Н. А., 1963), приуроченность мустьерских культурных слоев Ильской стоянки к вюшатскому и майкопскому подкомплексам, а также то обстоятельство, что наиболее древние позднеашельские слои Хаджохской стоянки формировались, скорее всего, в середине позднехаджохского (Несмеянов С. А., 1986б; Несмеянов С. А., Голованова Л. В., 1988). Еще большее значение имеет корреляция речных террас с морскими, несмотря на все существующие разногласия в расчленении, корреляции и датировке самих морских террас (табл. 1), а также на определенный пересмотр многих радиоуглеводных датировок по раковинам моллюсков. Указанные обстоятельства обусловливают ориентировочный, приблизительный характер возможных в настоящее время абсолютных датировок. Учитывая сказанное, можно предполагать, что раннехаджохский этап, когда сформировалась первичная пещерная полость Матузки, отвечает интервалу порядка 150—130 тыс. лет.

Основные черты строения пещеры и пещерных отложений. Куполообразный свод пещеры выработан в верхнеюрских известняках, соли которых, наклоненные в боковых стенках пещеры на северо-восток под углом около 5°, группируются в пласты мощностью в 5—10 м. На границах пластов располагаются слои — 0,5—1 м менее прочных известняков. В этих слоях на стенках и своде развиты карстовые ниши. На удалении около 20 м от входа у обеих стенок пещеры сохранились блоки известняка, образующего пол, на который налегают рыхлые осадки, вскрытые раскопом. В поперечных сечениях видно, что этот пол был по крайней мере частично разрушен и, неравномерно деформируясь вместе с

осадками, осел на несколько метров (рис. 2, 5). Разрез включает два голоценовых и 12 плейстоценовых слоев (рис. 6).

	Мощность, см
Слой 1 — супесь черно-серая, с рассеянным угловатым средним щебнем. В слое обнаружена средневековая керамика.	15—30
Слой 2 — супесь темно-коричневая, с рассеянным мелким щебнем, который имеет сглаженные грани и покрыт светло-желтыми блестящими корочками. В слое обнаружены изделия Майкопской энеолитической культуры.	1—17
Слой 3а — суглинок желто-оранжевый, насыщенный средним и мелким щебнем с блестящими корочками и оглаженными гранями. Фауна слоя имеет плейстоценовый облик, встречаются в основном остатки пещерного медведя.	До 31
Слой 3б — суглинок светло-желтый, рыхлый, переполненный щебнем с желтыми блестящими корочками на верхних и пористыми на нижних гранях. Найдены первые достоверно мустьерские изделия.	20—60
Слой 3в — средний темно-коричневый суглинок с рассеянным мелким угловатым щебнем с темно-коричневыми пористыми корочками.	До 27
Слой 4а — супесь ярко-желтая, плотная, в верхних 20 см переполненная мелким угловатым щебнем и дресвой, а ниже включающая большое количество крупного среднего щебня. В северной части разреза ZZ^1 прослеживается обвальный горизонт.	До 80
Слой 4б — суглинок темно-коричневый с рассеянным средним и мелким щебнем. Встречаются натечные корочки, обломки сталактитов.	До 35
Слой 4в — суглинок коричневый, насыщенный средним и мелким щебнем со сглаженными гранями.	До 20
Слой 4г — щебнисто-глыбовый, рыхлый, с линзочками мелкого окатанного щебня и пылеватой серо-коричневой супесью в качестве заполнителя. На нижней стороне обломков развиты пористые корочки. Мелкий щебень часто покрыт бархатистыми корочками бело-желтого цвета. С нижележащим слоем имеет неровную границу.	10—80
Слой 5 — суглинок ярко-желтый, насыщенный угловатым щебнем и дресвой с линзами крупного щебня и отдельными глыбами. У выветрелых обломков поверхность пористая. В кровле слоя 5 по разрезу ZZ^1 наблюдается своеобразный «язык», проникающий в вышележащий слой 4г. Это, по-видимому, связано со сложными процессами осадконакопления и переотложения слоев.	20—70
Слой 5а — суглинок красно-коричневый со средним и мелким угловатым щебнем.	10
Слой 5б — суглинок желтый, насыщенный крупным угловатым щебнем с глыбами.	
Слой 6 — суглинок коричнево-красный, плотный, с рассеянным средним и мелким щебнем и обвальным горизонтом из глыб.	До 70
Слой 7 — суглинок желтый, с редкими сильно выветрелыми обломками средних и крупных размеров. Встречаются обломки с черными (фосфатными ?) корочками и куски «пещерного молока».	90—95
Слой 8а — красно-оранжевый суглинок с небольшим количеством щебня.	10—15
Слой 8 — Мощный горизонт из огромных блоков и глыб известняка. Мощность превышает 2 м и до конца еще не выяснена. Слой, по-видимому, является полом второго этажа.	

По условиям залегания этот разрез делится на две части: два верхних голоценовых слоя наклонены к входу (залегают с резким размывом и несогласием, срезая ближе к выходу из пещеры большинство нижележащих слоев), а плейстоценовые — вглубь. В плейстоценовых отложениях обособляются три пачки (I—III), нумерующиеся в соответствии с последовательностью их формирования. Две верхние (III включает слои 3 и 4, а II — слои 5, 6 и верхи 7-го), разделенные небольшим размывом, представлены осыпным шебнево-глыбовым материалом со скоплениями обвальных глыб. Эти отложения наклонены под углами 15—20°, что обычно для осыпных конусов. Нижняя (I) пачка (низы слоя 7 и слой 8а) сложена наклоннослоистыми суглинками, формировавшимися, по-видимому, при

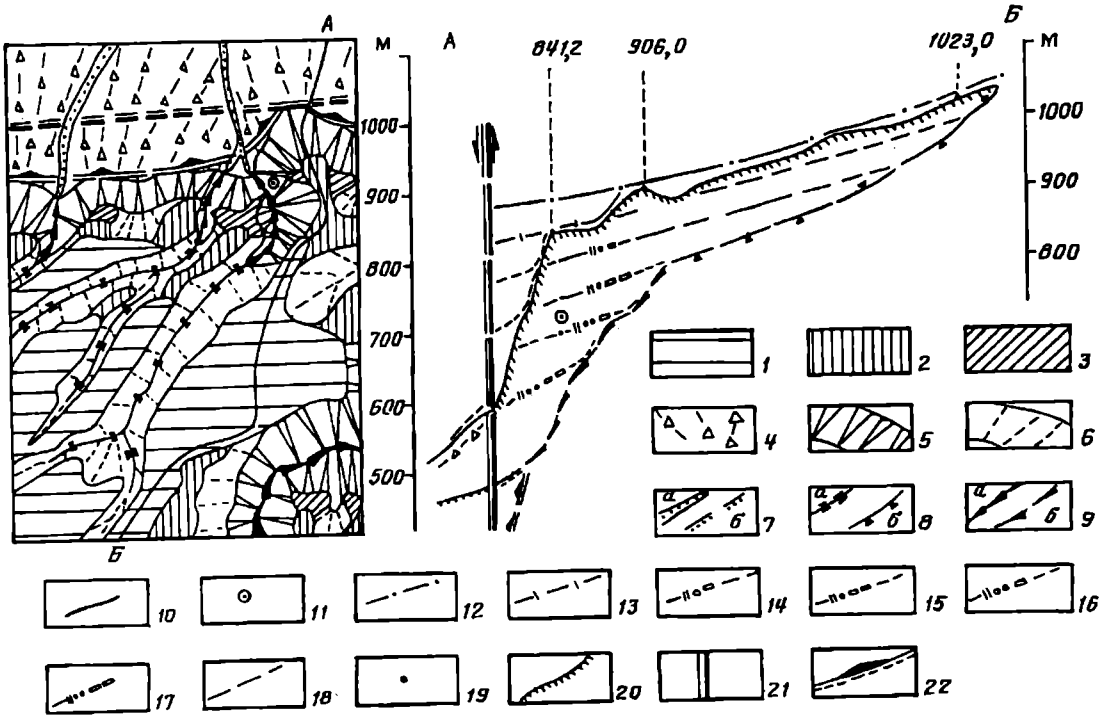

Рис. 4. Структурно-геоморфологическая схема района верховий р. Матузки.
Геоморфологический профиль проведен на схеме по водоразделу рек Матузка и Курджипс и отражает соотношение геоморфологических уровней на правобережье Правой Матузки, где расположена пещерная стоянка. *1—3* — геоморфологические уровни на схеме: *1* — «апшеронский» (шаханский), *2* — воздвиженский (махошевский), *3* — раннекурджипский; *4* — гравитационный предгорный шлейф; *5*, *6* — склоны: *5* — обрывистые в каньонах, *6* — относительно более пологие; *7* — аккумулятивные русла (*а* — на схеме, *б* — на профиле); *8* — «Законсервированные» эрозионные и эрозионно-аккумулятивные русла с древним выработанным профилем равновесия (*а* — на схеме, *б* — на профиле); *9* — «водопадноэрозионные» русла в зоне активной регрессивной эрозии (*а* — на схеме, *б* — на профиле); *10* — линия геоморфологического профиля; *11* — пещерная стоянка Матузка; *12—17* — корреляция геоморфологических уровней; *12* — «апшеронского»; *13* — воздвиженского; *14* — раннекурджипского; *15* — позднекурджипского; *16* — раннехаджохского; *17* — позднехаджохского; *18* — корреляционные линии; *19* — точки измерения высот геоморфологических уровней; *20* — водораздельная поверхность рельефа на профиле; *21* — Северогуамский сброс (стрелки на профиле показывают направление смещений блоков); *22* — циркообразные сбросы, ограничивающие локальные тектонические блоки отседания

малоактивном смыве, близком к плоскостному. Рассеянные в суглинке преимущественно плоские обломки образовались в результате морозного шелушения свода пещеры. Следовательно, отложения этой пачки имеют обвально-делювиальный, а отложения пачек II и III — обвально-осыпной генезис.

Оседание известнякового пола, вскрытого раскопом (слой 8), указывает на существование под ним пещерной полости, днище которой могло сопрягаться с упоминавшимся выше останцом раннехаджохского террасового уровня (рис. 5). Первоначально пещера была, вероятно, трехъярусной за счет двух «козырьков» из пластов более прочных известняков. Наклон мустьерских слоев свидетельствует о существовании привходового осыпного вала, описывавшегося ранее для ряда среднеазиатских стоянок (Ранов В. А., Несмеянов С. А., 1973). На отложения первой фазы формирования этого вала осел известняковый «козырек», вскрытый в основании раскопа. На пологой первичной поверхности указанного «козырька» одновременно с данной фазой осыпных отложений формировались маломощные обвально-делювиальные осадки (пачка I). На втором этапе пещерной седиментации (пачки II и III) конус перекрыл и этот козырек, обрушившийся в середине времени формирования слоя 7. Осыпание сопровождалось неоднократным обрушением фрагментов верхнего «козырька» с образованием обвальных линз. Третий этап обусловлен интенсивной эрозией, разрушившей большую часть террасового останца и налегавший на него привходовый осыпной конус. Не

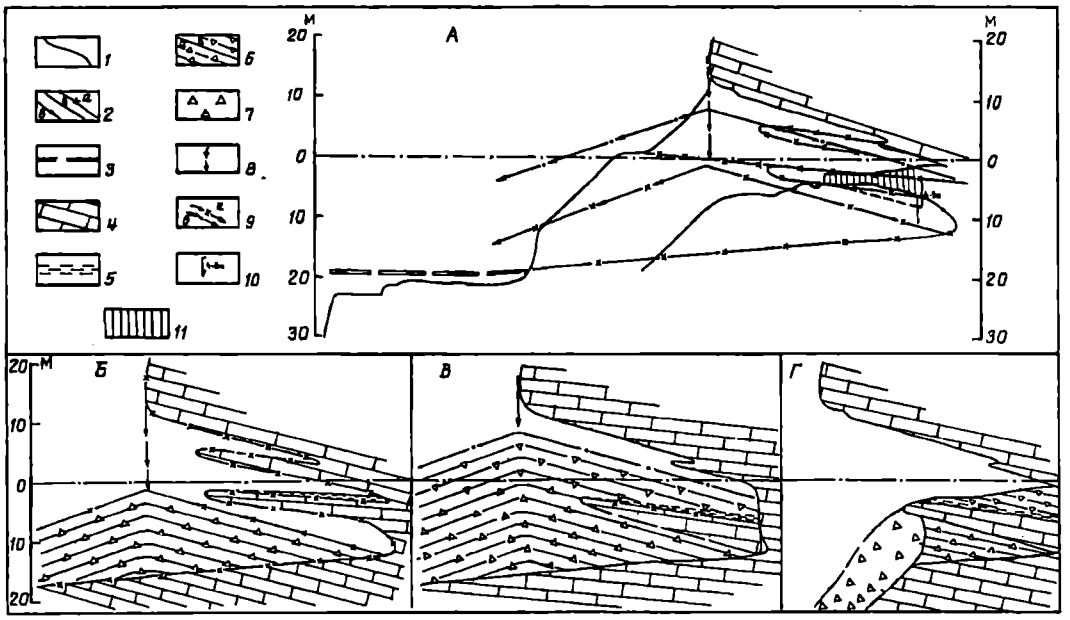

Рис. 5. Предположительные реконструкции основных этапов формирования пещеры Матузка.
А — схема главных материалов, используемых для реконструкций; реконструкции: *Б* — на конец первого этапа, *В* — на конец второго этапа, *Г* — на первую, преимущественно эрозионную первую стадию третьего этапа. *1* — современные контуры; *2* — древние контуры (*а* — на конец первого этапа, *б* — на конец второго этапа, *в* — на первую стадию третьего этапа); *3* — уровень вреза раннехаджохского этапа; *4* — известняки; *5—7* — пещерные отложения: *5* — делювиально-гравитационные, *6* — обвально-осыпные (*а* — первого этапа, *б* — второго этапа), *7* — преимущественно обвальные начала третьего этапа; *8* — трасса поступления осыпного материала; *9* — поверхности осыпных валов (*а* — первого этапа, *б* — второго этапа); *10* — амплитуда обрушения нижнего свода в пещере; *11* — раскоп

исключено, что намеченные этапы соответствуют концу гулькевичского, гирейскому и кубанскому комплексам местной стратиграфической схемы террасовых образований.

Инвентарь. Во всех плейстоценовых слоях, кроме слоя $5^а$, найдены каменные изделия. Мустьерский возраст их не вызывает сомнений. Только слои $3^а$ и $3^в$ не могут быть пока точно датированы археологически, так как в них найдены только чешуйки. В будущем, по мере увеличения коллекций, можно будет более обоснованно говорить о культурной принадлежности индустрий каждого из слоев. Но уже сейчас можно наметить отдельные аналогии индустрии слоя $3^б$ и $4^а$ с широким пластом леваллуазских пластинчатых индустрий Кавказа: памятники хостинской культуры (Векилова Е. А., 1967; Векилова Е. А. и др., 1978), цхинвальская группа памятников (Любин В. П., 1977) и, возможно, индустрия первого зала пещеры Муштулагты лагат (Гиджрати Н. И., 1987). Хотя эти памятники и относят к разным мустьерским культурам, их объединяет общий высокий уровень леваллуазской техники и наличие зубчатых орудий.

Орудия, найденные в слоях $3^б$, $4^а$ (раскопаны на площади около 12 м^2), изготовлены на леваллуазских пластинах или треугольных сколах с ретушированными площадками (рис. 7, *1*, *2*; *5*). Пять орудий зубчатые (рис. 7, *2*, *3*), два — леваллуазские остроконечники (рис. 7, *1*, *5*). В индустрии слоя $4^а$ привлекает внимание обломок плоско-выпуклого бифаса (рис. 7, *4*), по технике обработки и форме близкий орудию (Векилова Е. А., 1967) из Ахштырской пещеры, которую относят к хостинской культуре.

В слоях $4^б$ и $4^в$ (раскопаны на площади около 14 м^2) собрана коллекция (соответственно 13 и 31 экз.) изделий, типологически более близкая мустьерской губской культуре (Любин В. Л., 1977), представленной такими памятниками, как Монашеская, Баракаевская пещеры и Губский навес № 1. 50% коллекции составляют орудия, 40% — чешуйки и мельчайшие обломки (отходы от оформления орудий). Раскалывание нуклеусов и изготовление заготовок на стоянке

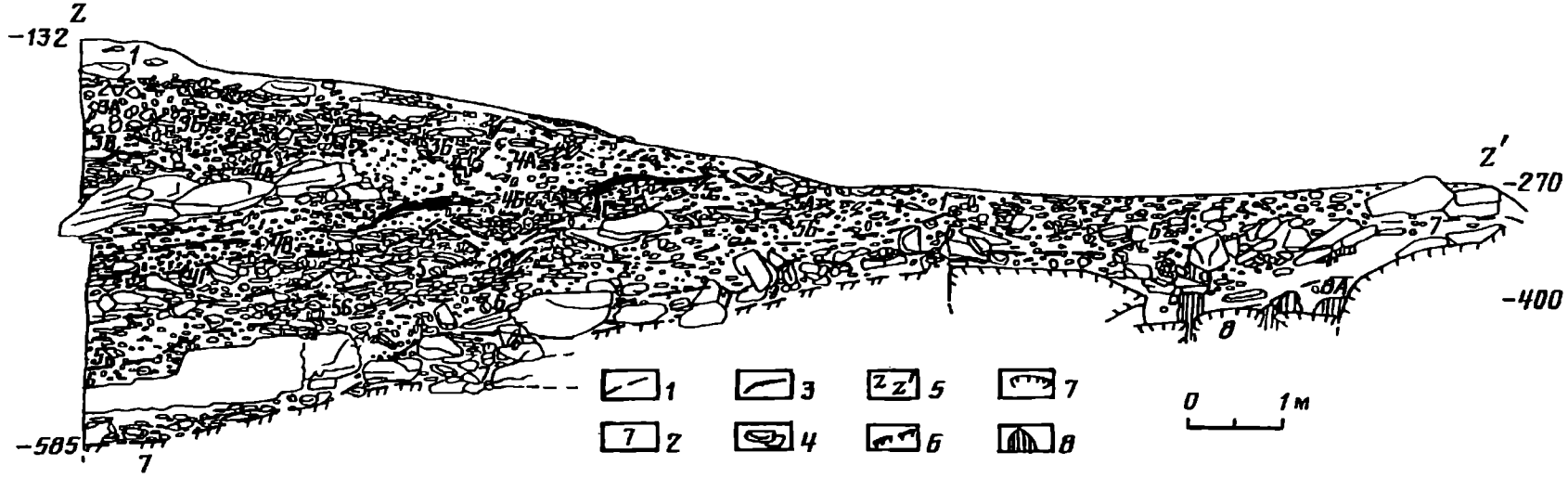

Рис. 6. Продольный разрез ZZ^1 отложений грота Матузка.
1 — границы между слоями; *2* — обозначения слоев; *3* — углистые прослойки в слое 1; *4* — щебень; *5* — обозначение разреза; *6* — нижняя граница разреза; *7* — глыбы, образующие пол второго этажа; *8* — кротовины

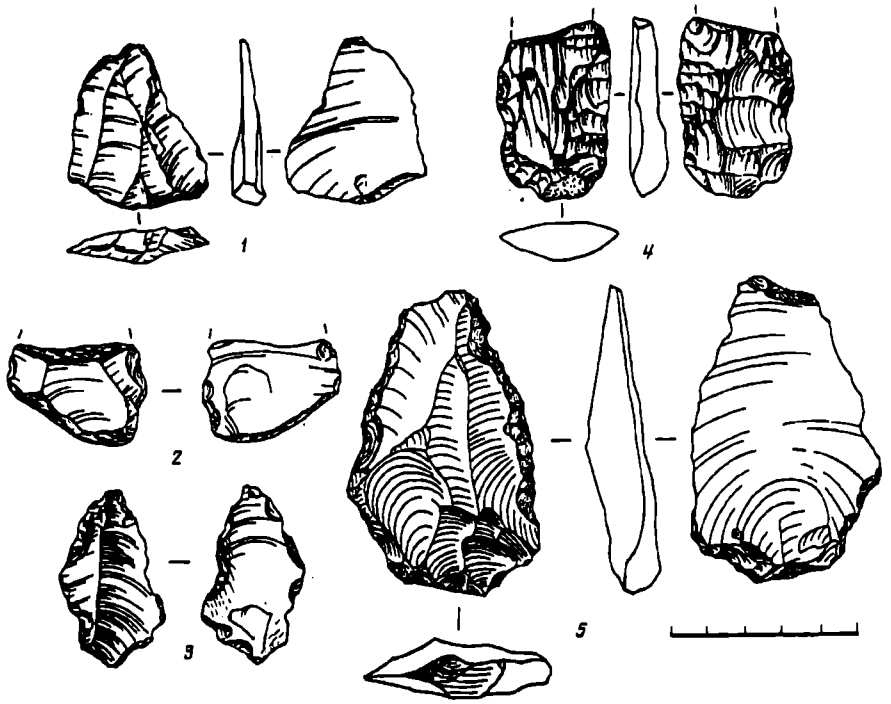

Рис. 7. Стоянка Матузка. Орудия слоя $3^б$ и $4^а$

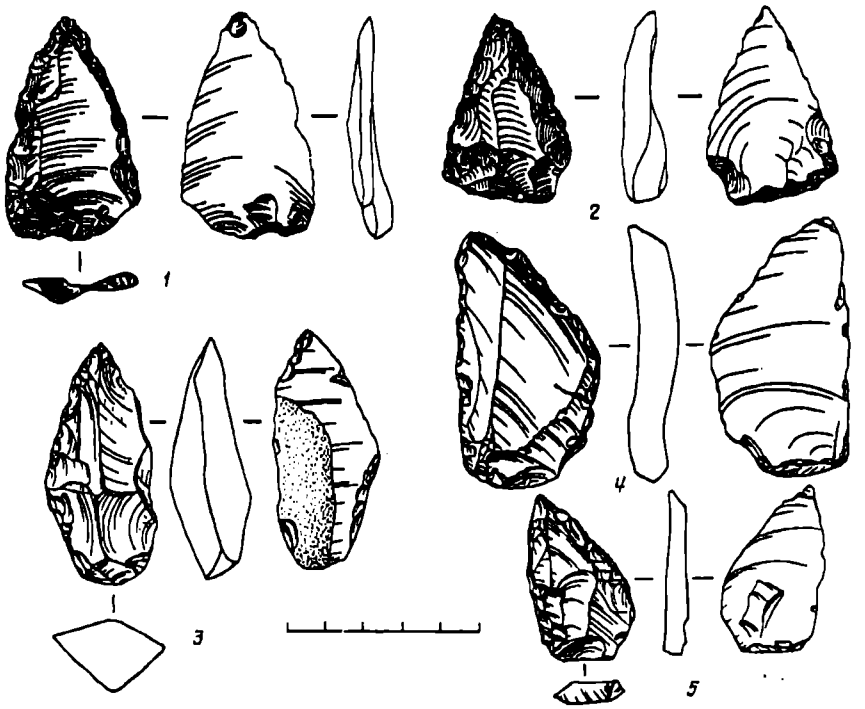

Рис. 8. Стоянка Матузка. Орудия слоя $4^б$ и $4^в$

не производилось, что, по-видимому, отчасти объясняется фациальной изменчивостью памятника, отчасти удаленностью пещеры от выходов сырья. Скудная сырьевая база оказала большое влияние на индустрии всех горизонтов, представленных в Матузке. Вероятно, на протяжении длительного отрезка времени эта пещера служила охотничьим лагерем для мустьерских охотников.

В индустрии слоев $4^б$ и $4^в$ среди орудий преобладают скребла (35%). Среди скребел — угловатые и конвергентные орудия (рис. 8, *5*), представлены простые выпуклые (рис. 8, *3*) и двойные скребла. Велика доля остроконечников — до

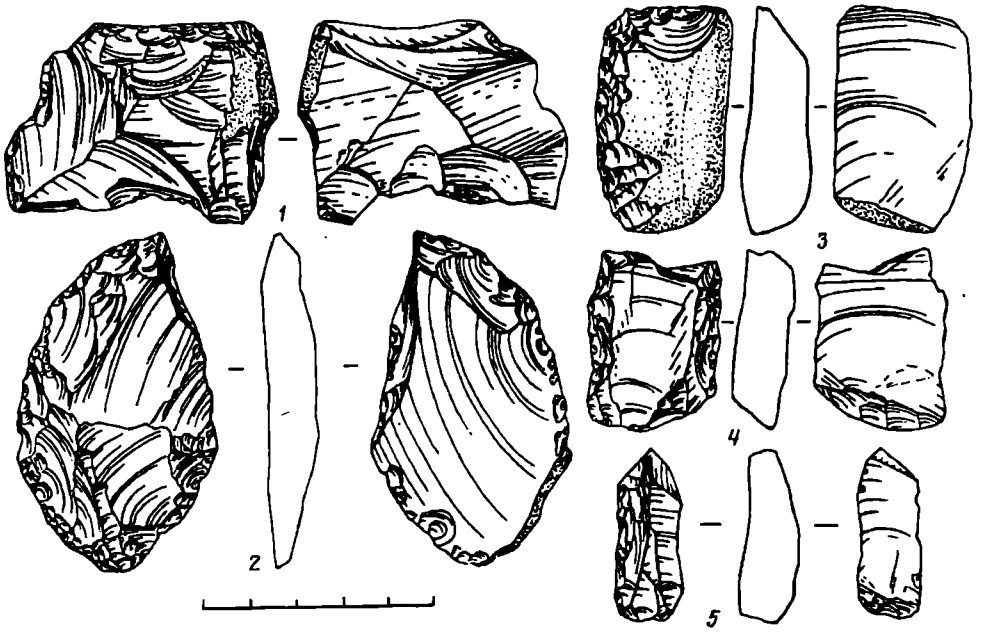

Рис. 9. Стоянка Матузка. Каменные изделия из слоев 5—7

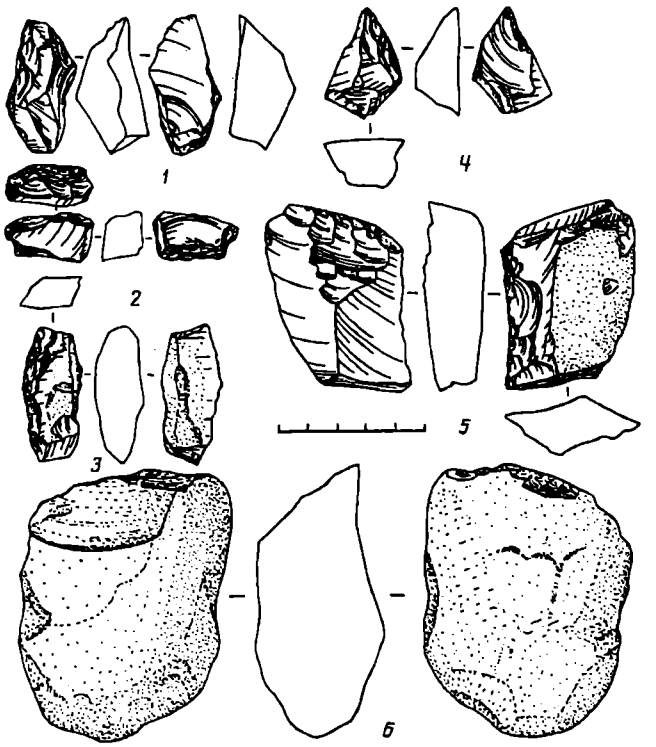

Рис. 10. Стоянка Матузка. Каменные изделия из слоев 5—7

30%. Все они относятся к типу мустьерских ретушированных остроконечников (рис. 8, *1*, *2*). В небольшом количестве имеются ножи с натуральным и ретушированным обушками (рис. 8. *4*), зубчатые орудия. Техника расщепления нелеваллуазская, ретушированные площадки единичны. Предварительно эту индустрию можно классифицировать как мустье типичное фации нелеваллуа.

В нижней пачке отложений (слои 5, 5^6, 6 и 7) к настоящему времени собрана коллекция, включающая 127 предметов. Эти слои раскапывались на всей площади раскопа, но часть из них выклинивается и не распространяется по всей площади (слой 5—16 м², слой 6—24 м²), а слой 7 прокопан по всей площади

(около 30 м²) только первым горизонтом и на 12 м² до подошвы. Комплекс имеет в целом мустьерский возраст, но довольно сильно отличается от вышележащих индустрий даже по общему составу коллекции. Если в вышележащих индустриях преобладали орудия, чешуйки и мельчайшие обломки от обработки орудий при полном отсутствии нуклеусов, то в этом комплексе найдены первые два нуклеуса, отщепы составляют 46,5% от общего состава коллекции. При этом только на 45,8% из них изготовлены орудия. Спецификой данной коллекции является также присутствие в ней достаточно большого количества крупных галек (15 экз., 11,8%), иногда с забитыми концами (отбойники ?), присутствуют разбитые гальки (6 экз., 4,7%), плитки известняка с крупными четкими сколами (2. экз., 1,8%). Чешуйки и мельчайшие обломки составляют 23,6%.

Технологию расщепления можно предварительно характеризовать, исходя из имеющихся нуклеусов и анализа отщепов. Оба нуклеуса и спинки отщепов свидетельствуют о преобладании в индустрии параллельного расщепления (рис. 9, *1*). У нуклеусов площадки гладкие, не ретушированные. У сколов также преобладают гладкие площадки (25%), корочные (16,7%) и точечные (35,4%). Ретушированные единичны (8,3%). Из-за дефицита сырья нуклеусы сильно утилизированы. На рис. 9, *1* представлен двусторонний нуклеус, сильно измененный в процессе расщепления. Второй нуклеус переоформлен в скребло (рис. 10, *5*).

Среди сколов преобладают отщепы с негативами снятий в том же направлении, что и сам скол (47,8%). Пластинчатых только 14,6%. Небольшим числом представлены первичные сколы (12,5%), полупервичные (18,8%), а также с негативами перпендикулярных сколов (2,1%) и продольно-поперечных снятий (2,1%), обломки (2%).

Комплекс орудий нижней пачки отложений стоянки Матузка определяют скребла (46,2%), скребки (17,9%), единичные листовидные наконечники и чопперы (5,1%). Среди скребел абсолютно преобладают простые: 61,1% (рис. 9, *5*; 10, *1, 3*). Двойные скребла единичны (11,1%) (рис. 9, *4*). Угловатые скребла (27,8%) немногочисленны и все атипичны. Интерес представляет только орудие (рис. 9, *3*), у которого два ретушированных края соединяются не под острым углом, а под прямым в виде скребкообразного края. Особую специфику комплексу придают скребки на массивных коротких отщепиках (рис. 10, *2*). Листовидные острия, представленные в коллекции, не завершены. У орудия, изображенного на рис. 9, *2*, правый край обломан, второе острие не завершено и обломано (рис. 10, *4*). Раскопки 1989 г. добавили в коллекцию два чоппера: один галечный (рис. 10, *6*), второй на известняковой плитке. Остальные орудия представлены единичными и невыразительными формами.

Антропология. Из слоя $5^{б}$ (кв. Р-1^{н}) происходит лингвальный фрагмент верхнего правого латерального резца. Выраженная лопатообразная форма и очень сильно развитый лингвальный бугорок типичны для Homo sapiens neanderthalensis (определение А. А. Зубова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аутлев П. У, 1964. Губская палеолитическая стоянка//СА. № 4.

Векилова Е. А., 1967. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—65 гг.//КСИА. Вып. 111.

Векилова Е. А., Гричук В. П., Губнина З. П., Ермолова А. М., Зубов А. А., Муратов В. М., Фриденберг Э. О., 1978. Ахштырская пещера//Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. Путеводитель совместного Советско-французского рабочего полевого семинара. М.

Гиджрати Н. И., 1987. К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Муштулагты лагат) в Северной Осетии//Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Голованова Л. В., 1988. Работы Северо-Кавказского палеолитического отряда//АО — 1986.

Замятнин С. Н., 1934. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения//Тр. II Междунар. конф. ассоциации по изуч. четвертичного периода Европы. Вып. 5. Л.

Лебедева Н. А., 1963. Континентальные антропогенные отложения Азово-Кубанского прогиба и их соотношения с морскими толщинами//ТГИН. Вып. 84.

Любин В. П., 1977. Мустьерские культуры Кавказа.
Милановский Е. Е., 1968. Новейшая тектоника Кавказа. М.
Несмеянов С. А., 1986а. Основные черты неоструктурного районирования Северо-Западного Кавказа//Докл. АН СССР. Т. 291. № 6.
Несмеянов С. А., 1986б. К вопросу о геоморфологическом положении ашельских памятников Закубанья//ВАА.
Несмеянов С. А., Голованова Л. В., 1988. Геоморфологическое положение палеолита в среднем течении р. Белой Майкопского района//ВАА.
Праслов Н. Д., Муратов В. М., 1970. О стратиграфии Ильской стоянки// АО — 1969.
Ранов В. А., Несмеянов С. А., 1973. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе.
Хаин В. Е., Ломизе М. Г., 1961. Поперечные конседиментационные разломы на границе Центрального и Западного Кавказа и распределение фаций мезозоя и кайнозоя//Изв. АН СССР. Сер. геол. № 4.
Щелинский В. Е., 1986. Раскопки мустьерской стоянки Ильская 2//АО — 1984.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

Производственный научно-исследовательский
институт строительства, Москва

L. V. GOLOVANOVA, G. F. BARYSHNIKOV, G. M. LEVKOVSKAYA, S. A. NESMEJANOV

MULTILAYER MOUSTERIAN CAVE SITE MATUZKA IN THE NORTHERN CAUCASUS

Summary

Grotto Matuzka was opened in 1985. The area of the grotto is above 900 sq. m. Nowadays only 12 sq. m are excavated. The cultural layers are more than 5 m thick. The first five meters include 12 Pleistocene layers with the Mousterian tools and 2 Holocene ones with the ceramics. 11 theriophases and 14 phytophases correspond to these layers. The lower of the Mousterian ones are preliminary correlated with the Riss-Wurm, the upper part of the Mousterian layers is dated to the middle Wurm. The Mousterian industries found in the grotto belong to three cultural traditions.

К. А. ДНЕПРОВСКИЙ, С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ, В. Р. ЭРЛИХ

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ «НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ГРУППЫ» У СТАНИЦЫ КОСТРОМСКОЙ В ЗАКУБАНЬЕ

Проблема «новосвободненских памятников» эпохи раннего бронзового века остается остро дискуссионной в истории племен раннего бронзового века Западного Предкавказья в период второй половины IV — первой половины III тыс. до н. э. Само понятие «памятники круга станицы Новосвободной» было введено А. А. Иессеном (Иессен А. А., 1950). Наиболее информативные из них, содержащие великолепный металл, драгоценную утварь, каменные гробницы с перегородкой и отверстием, были обнаружены только в известном урочище «Клады» Н. И. Веселовскиим и А. Д. Резепкиным (Веселовский Н. И., 1898; Резепкин А. Д., 1989; 1991). Не решенным остается вопрос, какие формы керамики характерны именно для этих комплексов, а какие имеют более широкий ареал в рамках майкопско-новосвободненской общности, какова технология керамики новосвободненской группы. Вместе с тем термин «новосвободненская группа памятников» с различной смысловой нагрузкой часто можно встретить в научной литературе. Его используют по-разному, подразумевая круг захоронений с аналогичным металлическим инвентарем, похожими типами плоскодонной посуды. Порой видят в них отражение особой, отличной от майкопской, культуры (Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1974, с. 174—198), а также особой группы комплексов, связанной со своеобразными условиями формирования (Резепкин А. Д., 1991), восходящих к культуре воронковидных кубков. Другие исследователи рассматривают новосвободненскую группу памятников как поздний этап майкопской культуры (Иессен А. А., 1950; Мунчаев Р. М., 1975), видят в формах новосвободненских гробниц отражение связи с дольменной культурой Западного Кавказа (Марковин В. И., 1978, с. 237, 238) или не разделяют такого мнения (Резепкин А. Д., с. 156, 157).

В данной статье предлагается публикация новых находок новосвободненских комплексов из Адыгеи с целью расширить базу источников по столь интересной и спорной проблеме.

В 1991 г. экспедиция Государственного музея Востока под руководством В. Р. Эрлиха провела раскопки нескольких курганов вблизи станицы Костромской (Эрлих В. Р., 1992). В двух курганах были встречены погребения «круга памятников новосвободной». Первый курган находился в урочище «Погуялево», второй входил в состав курганной группы Костромская III, примерно в 3,5 км от станицы Костромской.

Курган 1 группы «Погуляево» (рис. 1) имел в высоту 1,5, диаметр до 40 м. Уровень материка был зафиксирован на глубине 1,8 м. Центральную часть кургана окружал кромлех диаметром по внутреннему краю 20—22, по внешнему 30 м. Максимальная мощность камней составляла 0,8 м. Кромлех, по всей видимости, выполнял роль крепиды. На уровне погребенной почвы в западной части кургана под камнями кромлеха обнаружена узкая полоска земли, усыпанная охрой.

Погребение 1 (рис. 2, *1*) открыто в юго-восточной части памятника. Здесь, на глубине 1,6 м прямо на камнях кромлеха была сооружена мегалитическая

© К. А. Днепровский, С. Н. Кореневский, В. Р. Эрлих, 1995 г.

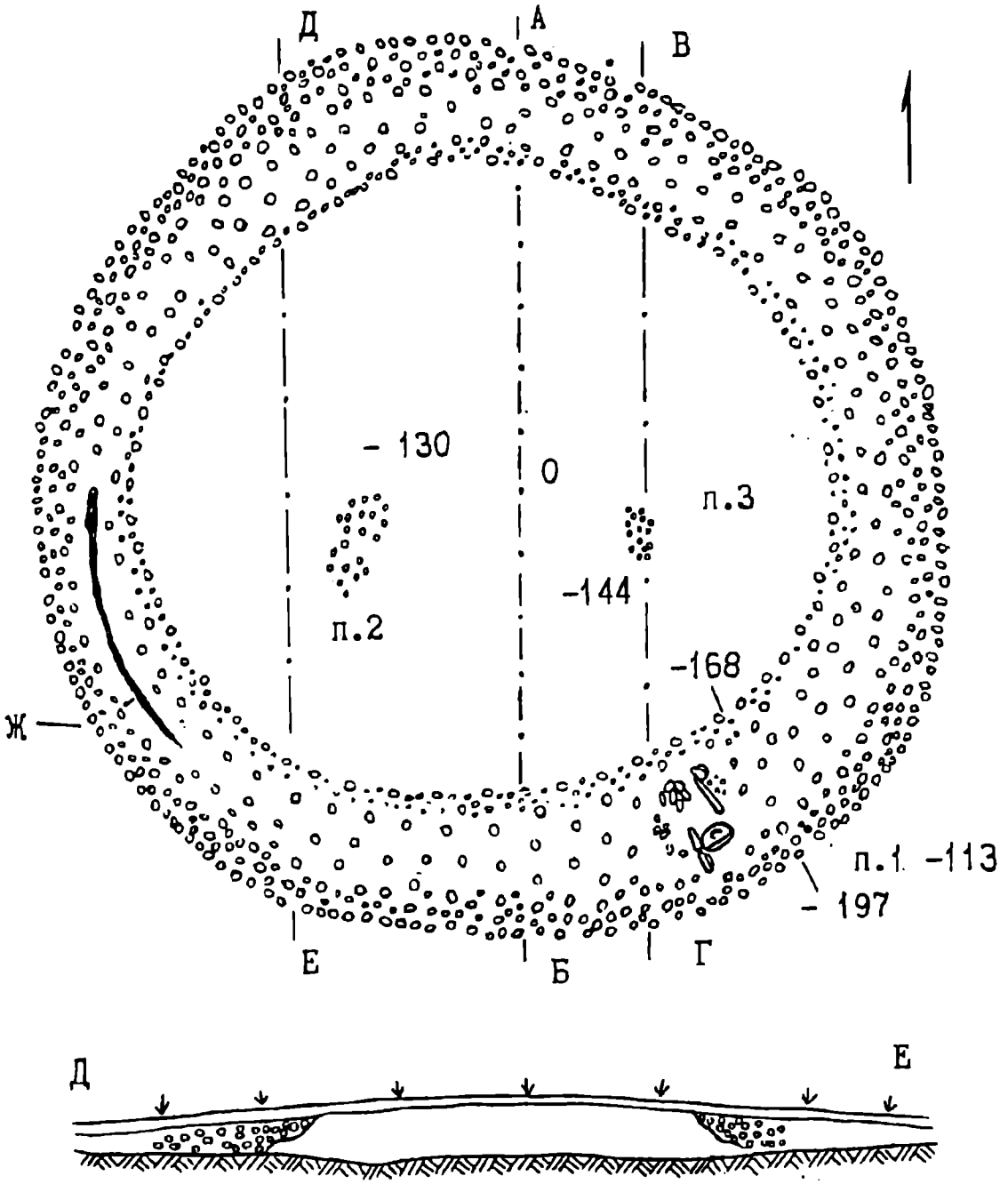

Рис. 1. План кургана 1 близ местности «Погуляево» у ст-цы Костромской
Ж — полоса охры на уровне древней поверхности земли; *Д — Е* — западный профиль бровки; *А — Б*, *В — Г*, *Д — Е* — направления бровок

гробница. Она разрушена в древности. Сохранилась стоящая вертикально одна плита от длинной стенки длиной 1,8 м, перпендикулярно к ней, наклонно, полустояла-полулежала поперечная плита длиной 1,13 м. В ее центре отверстие диаметром 0,4 м. Противоположная стенка разрушена. От нее сохранились только остатки плит, выступающие за поперечную плиту. Дно мегалитического сооружения было выложено крупными валунами и находилось на глубине 2,33—2,44 м. В остатках коридора (?) или портала (?) найдены обломки охристого сосуда, восстановленного частично (рис. 3, 7). Была ли эта конструкция частью гробницы типа мегалитов станицы Новосвободной или дольмена с порталом — сказать трудно. Реконструкция сооружения невозможна.

Погребение 2 (рис. 2, *2*) обнаружено в яме, заполненной речным булыжником. Верхние камни зафиксированы на глубине 1,58—1,73 м. Каменный заклад

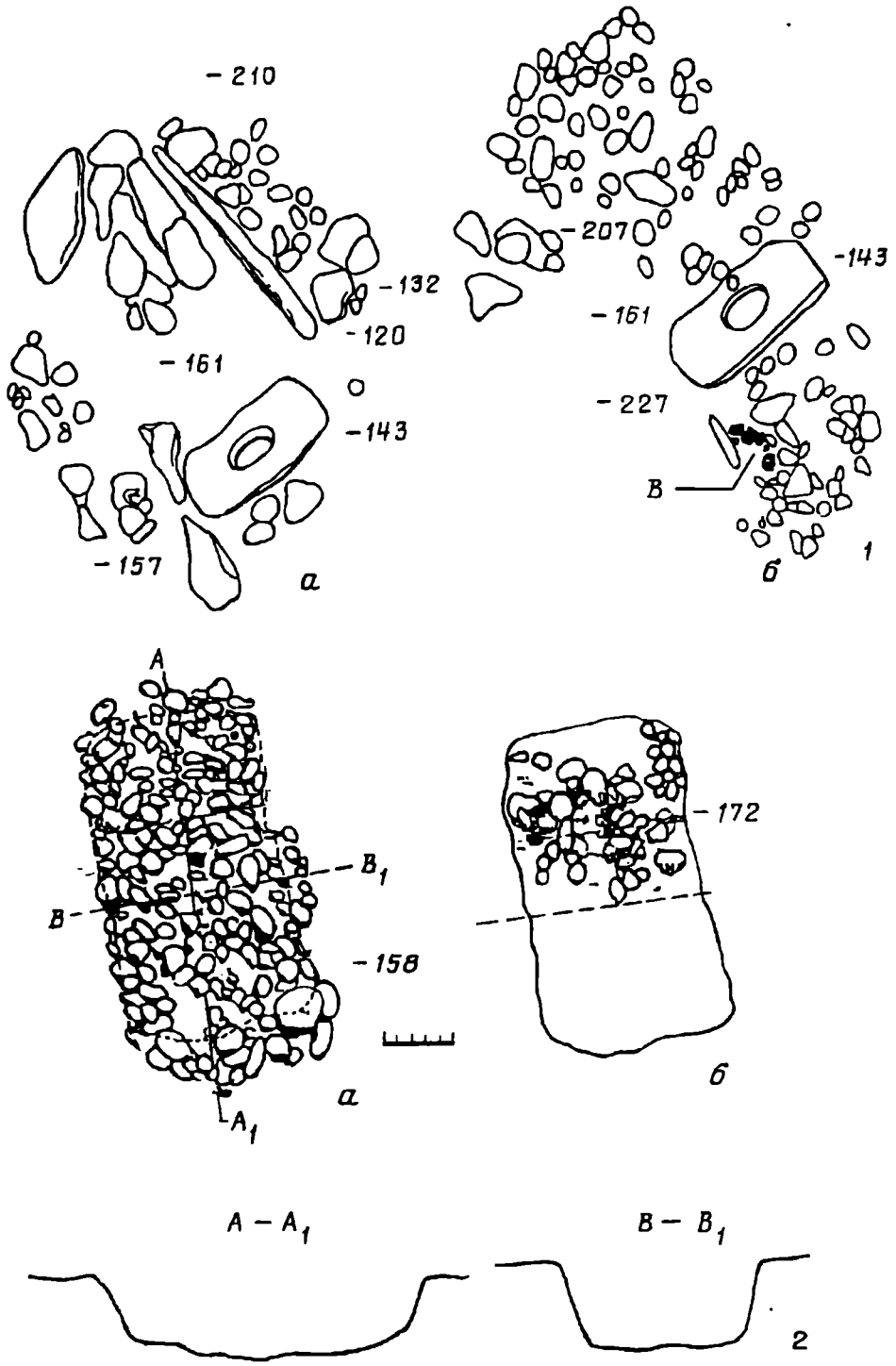

Рис. 2. Погребения в кургане 1 группы «Погуляево» ст-цы Костромской *1* — погребение Погуляево 1/1 (*а* — верхний уровень, *б* — нижний уровень, *в* — керамика); *2* — погребение «Погуляево» 1/2 (*а* — верхний уровень, *б* — нижний уровень)

представлял собой прямоугольник размерами 2,7 × 1,5 м, ориентированный осью по линии СВ — ЮЗ. Стенки ямы имели небольшой скос. Размеры ямы по дну 2,3 × 1,35 м. На дне ямы, на глубине 2,24—2,19 м, найдены развалины чернолощеного и охристого сосудов, лежащих на каменной вымостке среди камней. Первый сосуд черного цвета имел штампованный (нарезной) орнамент по плечикам в виде «елочки». К сожалению, восстановить форму сосудов не представляется возможным из-за плохой сохранности остатков.

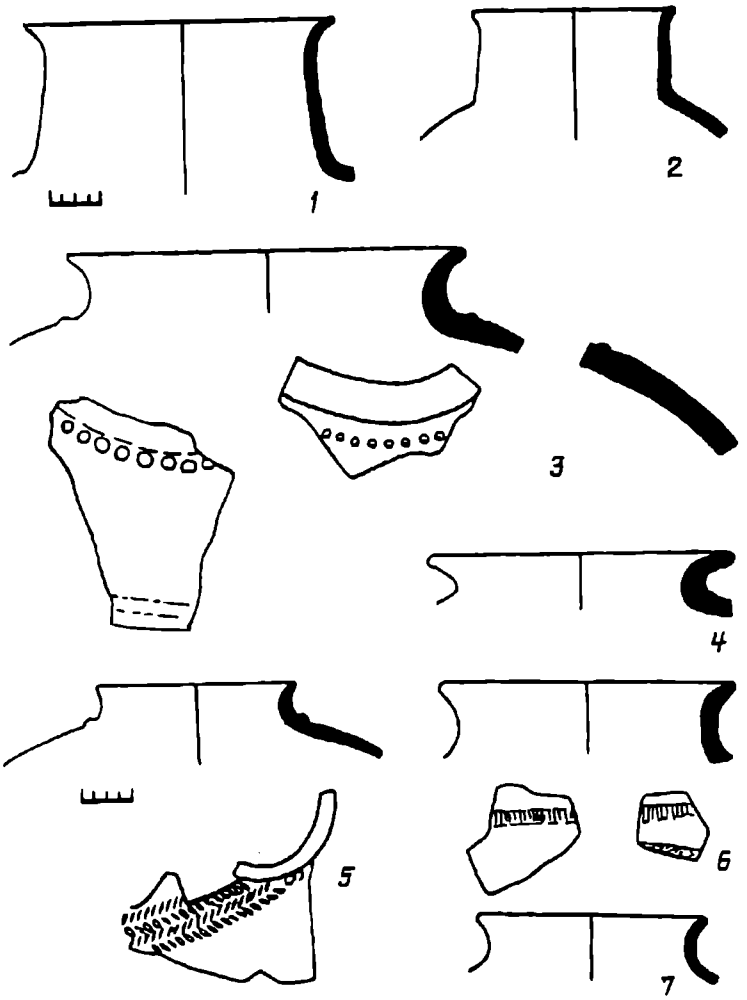

Рис. 3. Керамика из курганов у ст-цы Костромской

Погребение 3 (основное) (рис. 4) было совершено на уровне древней поверхности земли внутри каменной оградки, сложенной из речных валунов. Ее форма напоминает прямоугольник размером 7 × 4 м, ориентированной по оси СВ — ЮЗ. Верхние камни оградки находились на глубине 0,83—0,9 м. Внутри оградка забита специально привезенной ярко-желтой глиной. В глине встречены камни. Больше всего их было у дна могилы. Дно погребения имело некоторый наклон к центру и было устлано камнями. На гальке отмечены пятна охры и древесный тлен. На юго-восточной стенке фиксировались следы деревянных плах. Возможно, они являлись остатками когда-то существовавшего перекрытия. Погребение парное. От костяков сохранился только тлен, зафиксированный на уступчике у восточной стенки оградки. Первый костяк, судя по тлену, был более крупным, находился ближе к центру оградки и лежал головой на юго-восток в скорченном положении на правом боку. О позиции рук судить невозможно. Ближе к краю оградки в районе первого погребенного отмечен тлен второго скелета, менее крупного. Покойный также был положен на правый бок скорченно. В могиле найдены следующие вещи. У юго-восточной стенки обнаружены три бронзовых шила длиной 6,5; 5,1; 5,6 см (рис. *5*, *7—9*) и каменный отщеп (рис. *5*, *6*). В районе плечевой кости скелета 1 находится бронзовый сточенный нож длиной 5,2 см (рис. *5*, *4*). У таза второго скелета лежала бронзовая иголочка длиной 3,2 см (рис. *5*, *2*). В северной части ямы располагалось скопление шести сосудов, стоящих в два ряда. К югу от них находились три горшка. Удалось восстановить некоторые из них (рис. 3, *5*, *6*; рис. 6, *1—3*). Вблизи сосудов расчищены окаменелости в виде цилиндриков (рис. *5*, *3*, *5*) и кости жертвенного животного.

Рис. 4. Погребение 3 в кургане группы «Погуляево»
У — скопление костей в виде тлена двух костяков. *1* — керамика; *2* — следы дерева; *3* — древесный тлен

В северо-восточном углу найдена бронзовая втульчатая вилка с длиной втулки 2,3 см (Рис. *5*, *10*) и бронзовый кинжал длиной 13,6 см (рис. *5*, *1*).

Курган 1 группы Костромская III (рис. 7) имел высоту до 1 м, диаметр до 40 м. Поверхность насыпи подвергалась интенсивной распашке. В насыпи видны камни. Кромлех кургана имеет внешний диаметр 35, внутренний 27 м. В верхней части он состоял из валунов. В нижней встречались каменные плиты. В центральной части кургана на глубине 0,4 м выявлена каменная вымостка прямоугольной формы, вытянутая с севера на юг. Она состояла из речных валунов и тесаных каменных плит. Длина вымостки 8, ширины 5 м (рис. 8). В северной части вымостки на глубине 0,92—0,93 м расчищены развалы четырех сосудов, которые по полевой документации обозначены как скопление 1 (ск.-1) (рис. 6, *4—7*). Они все имели охристый цвет. Вблизи северо-восточного угла вымостки на глубине 0,96 м лежал набор из пяти астрагалов, окрашенных красной краской — охрой, трех каменных шариков разного диаметра: 2; 3,1; 4,1 см (рис. *5*, *13—15*), поделки из рога длиной 13 см (рис. *5*, *12*). Рядом находилась плита, окрашенная красной краской. Костей человека не зафиксировано.

Погребение 1 (рис. 7) располагалось ниже описанного скопления. Его пере-

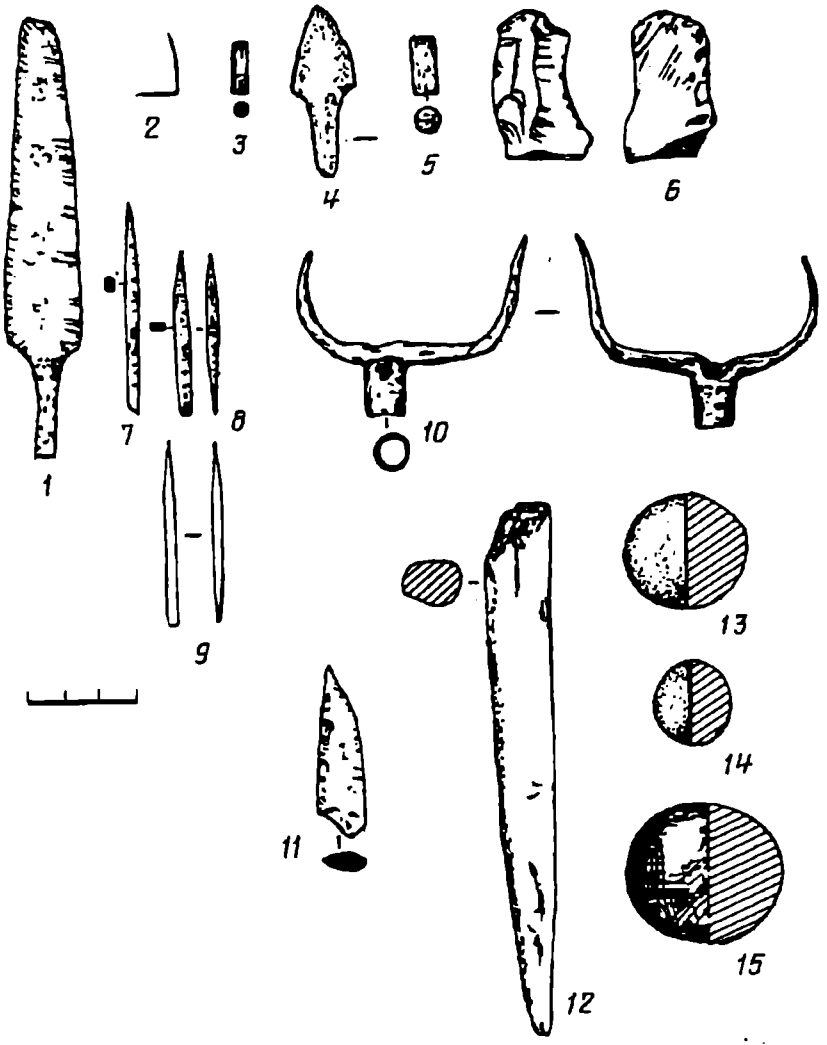

Рис. 5. Находки из погребений в курганах у ст-цы Костромской

крывал каменный заклад, сложенный из речного булыжника и тесаных каменных плит. Верхние камни находились на глубине 1,1 м. Заклад имел форму круга диаметром 8 м. На периферии заклада камни лежали в несколько слоев, достигая в толщину 0,5—0,6 м. В центре, примерно в радиусе 3,5 м, известняковые плиты лежали в один слой и имелись свободные участки от камней. На востоке у внешнего края каменного круга на глубине 1,67 м обнаружены участки прожженного грунта, возможно, след костра. После снятия каменного заклада на уровне древней поверхности на глубине 1,78—1,8 м в северной части погребения найдены развалы трех сосудов, расположенных по линии В — З (рис. 3, *1*, *2*, *4*). Вокруг них сохранились остатки деревянных плах, лежащих в направлении З — В, СЗ — ЮВ. К югу от сосудов расчищены кости человека — длинная трубчатая, а также нижняя челюсть. Рядом с нижней челюстью находился асимметричный каменный наконечник стрелы длиной 4 см (рис. 5, 11), тут же расчищены другие остатки деревянных плах, лежащих в направлении С — Ю.

Погребение 2 (условное) (рис. 7) совершено в яме, зафиксированной с уровня материка на глубине 1,74 м. Яма была засыпана камнем. Она имела овальную форму, размер 1,8 × 1,3 м и ориентирована длинной осью по линии С — Ю с небольшими отклонениями. Каменный заклад состоял из валунов. Стенки ямы сужались книзу. Южная сторона имела небольшой порожек. Дно зафиксировано на глубине 3,15 м от вершины кургана. Костей человека в яме не найдено.

Погребение 3 (условное). Под ним подразумевается комплекс, обнаруженный

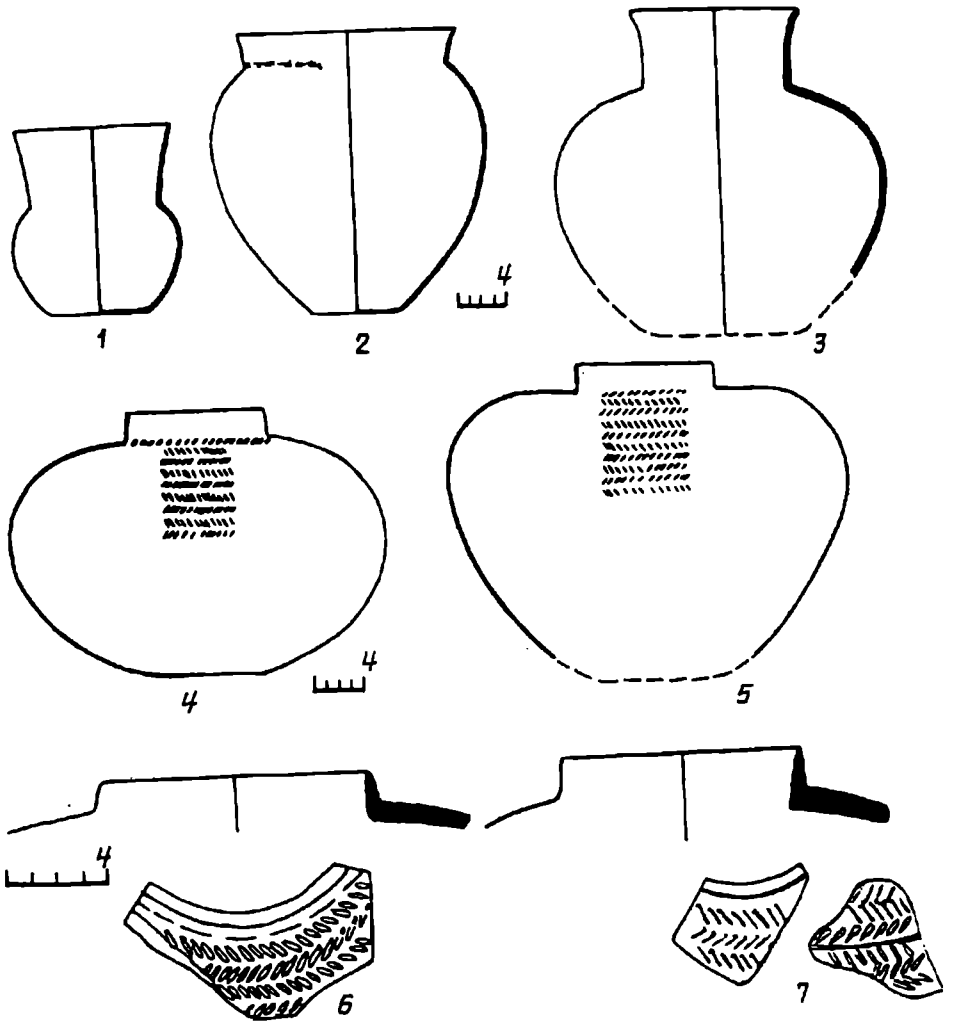

Рис. 6. Керамика из курганов у ст-цы Костромской

в 12 м к юго-востоку от центра кургана, состоящий из обломков сосуда и кости человека. Форма сосуда не восстанавливается.

В 6 м к северо-востоку от центра кургана на глубине 1,94 м выявлено пятно прокаленной глины неправильной формы. В его пределах найдены обломки деревянных плах и куски камня. В полевой документации эти находки обозначены как скопление 2 (ск.-2) (рис. 7). В 13 м к юго-востоку от центра кургана на глубине 1,98 м находился развал красноглиняного толстостенного горшка с максимальным диаметром тулова до 1 м и толщиной стенок до 1 см (рис. 3, *3*). На чертеже это место отмечено как развал керамики № 1 (рк-1).

На расстоянии 12 м на восток от центра кургана на глубине 2,4 м на уровне древней поверхности земли под кромлехом отмечен еще один развал керамики № 2 (рк-2). К сожалению, форма горшка не реконструируется. Основным захоронением в кургане является могила № 1. В какой-то мере к ней по времени близко условное захоронение 2. Остальные комплексы и развалы керамики были впущены в курган, видимо, несколько позже.

При использовании материалов раскопок публикуемых курганов надо иметь в виду, что вследствие обильных дождей вскрытые захоронения были затоплены и часть информации зафиксировать не удалось, прежде всего некоторые детали погребальных сооружений.

Некерамический погребальный инвентарь из костромских курганов находит аналогии в комплексах, традиционно связываемых с новосвободненской группой памятников в Закубанье или «долинским майкопом» на Тереке. Последний

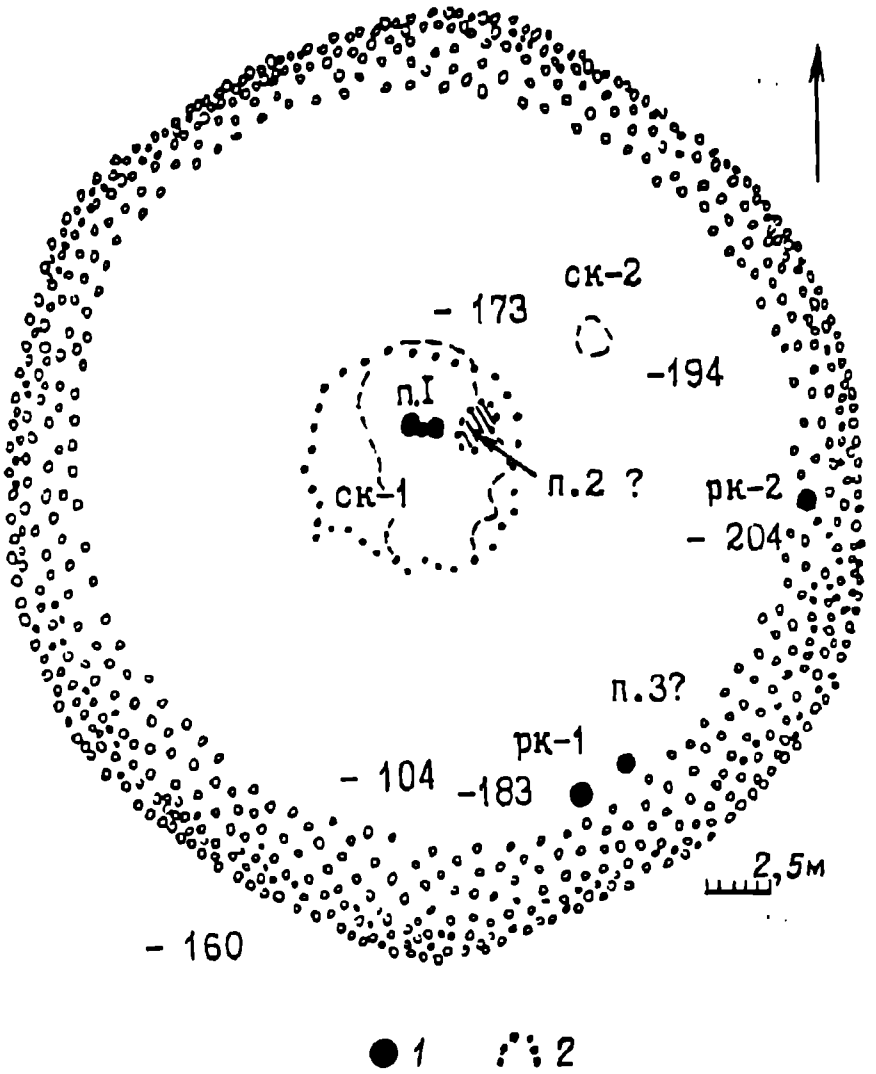

Рис. 7. План кургана 1 у ст-цы Костромской. *1* — керамика; *2* — контур каменной выкладки

термин введен в научный оборот С. Н. Кореневским (Кореневский С. Н., 1991; 1993а). Таковы двурогая вилка, нож и кинжал, наконечники стрелы с асимметричным основанием, каменные шарики, встречаемые только в погребениях закубанских племен новосвободненской группы. Например, каменные шарики известны из раскопок новосвободненских гробниц Н. И. Веселовского (Попова Т. Б., 1963, табл. 1).

Керамический материал изучен под микроскопом с 16-кратным увеличением. Можно заключить, что горшок из погребения 1 кургана 1 курганной группы Костромская III (рис. 3, *2*) изготовлен из чистой глины с органическими добавками. Он ничем по составу теста не отличается от керамики I класса майкопской культуры, для которой было характерно производство на гончарном круге (Кореневский С. Н., 1993а). Поверхность горшка охристая лощеная, видимо, обмазанная с внешней стороны тонким слоем глины, как и сосуды «долинского майкопа» на Тереке. Остальная посуда содержит в составе теста минеральные примеси песка и дресвы, порой того и другого вместе. К минеральным примесям добавлялась примесь органики. Три сосуда реконструированных форм отличаются блестящей черной поверхностью (рис. 6, *1—3*). На одном из них заметна бороздка под венчиком — довольно распространенная деталь майкопской посуды в целом. Она свидетельствует о приставном горле или подражании этому способу изготовления посуды. Другие горшки имеют охристые тона. На некоторых видны

даже красные пятна, вероятно, следы натирания охрой. Фрагменты доньев однозначно свидетельствуют о доминирующей традиции плоскодонности посуды. По реконструированным сосудам можно наметить следующие варианты керамики.

1. Кубок с высоким горлом (рис. 6, *1*). Высота его тулова 9 см, общая высота 14,5 см. Аналогии кубку можно встретить на Псекупском поселении (Ловпаче Н. Г., Дитлер П. А., 1988, табл. VII, *2*) и могильники (Ловпаче Н. Г., 1985, табл. VI, *2, 7, 10*).

2. Плоскодонный горшочек с шаровидно-грушевидным туловом и коротким отогнутым наружу венчиком (рис. 6, *2*). Так называемый «тюльпановый сосуд» имеет высоту 22 см. Аналогичные ему имеются в материалах Майкопского кургана (Кореневский С. Н., 1993б, с. 128, рис. 2, *9*), Серегинского поселения (Днепровский К. А., 1991, рис. 7, *5—8*), Псекупского поселения (Ловпаче Н. Г., Дитлер П. П., 1988, табл. III, *8*) и других закубанских памятников майкопской культуры.

3. Сосуды с прямым высоким горлом (рис. 3, *2*; 6, *3*). Один из них имеет четкое шаровидно-грушевидное тулово. Его высота около 25 см. Подобная кермика характерна для закубанских памятников Майкопа и встречается на Тереке и Кавминводах, например, в Разменном кургане у станицы Костромской, Иноземцовском кургане (ОАК, 1897, рис. 5, 7, *2*; Кореневский С. Н., Петренко В. Г., 1982, с. 102, рис. 6, *10*) и других комплексах.

4. Сосуды с высоким наклоненным вовнутрь горлом (рис. 3, *1*). Диаметр горла у них достигает 24 см, толщина черепка порой превышает 1 см. В Закубанье подобные формы плохо представлены в погребениях эпохи ранней бронзы.

5. Сосуды с эс-видным венчиком, отогнутым наружу (рис. 3, *3—7*). Диаметр горла у них колеблется от 12 до 30 см. Сосуды подобной конфигурации в принципе близки долинской керамике на Тереке. В отличие от терских находок закубанские горшочки украшены в новосвободненских комплексах орнаментации в виде дорожек из елочек-штампов, нарезных линий. Общим элементом декора является выпуклина-налеп, но не жемчужина, выполненная наколом. Аналогичная форма найдена в гробницах станицы Новосвободной (Попова Т. Б., 1963, табл. XI, *1*).

6. Сосуд шаровидно-грушевидной формы с коротким прямым венчиком или наклонным внутрь венчиком (рис. 6, *4—7*). Высота двух горшочков 20—24 см (рис. 6, *4, 5*). Диаметры горла у двух других примерно 10 см (рис. 6, *6, 7*). Сосуды покрыты орнаментами в виде рядов елочек-штампов, порой с разделителями-полосками. Дорожки охватывают корпус несколько ниже горла. На одном сосуде помещено три ряда фестонов (рис. 6, *4*), на другом — четыре ряда (рис. 6, *5*). Если сосуды, близкие к рассматриваемому виду, отмечены в памятниках Майкопа довольно широко от Галюгая на Тереке (Кореневский С. Н., 1993б, с. 146, рис. 21, *6*) до Псекупского могильника на Кубани (Ловпаче Н. Г., 1985, табл. II, *4*), то горшки такой формы, украшенные «новосвободненской орнаментацей», встречаются только в самой новосвободненской группе захоронений в Закубанье.

По составу теста коллекция посуды из новосвободненских захоронений у станицы Костромской неоднородна. Она включает горшки с минеральными примесями (песок), а также сосуд в типичной для Майкопа технологии изготовления из чистого теста, лишенного искусственных примесей. В составе теста не фиксируется шамот, ни речная ракушка. Обращает на себя внимание манера новосвободненских керамистов покрывать привычными для них орнаментами не только характерные «новосвободненские формы», но и посуду, типичную для «долинского майкопа». Так, плоскодонные горшочки с шаровидно-грушевидным туловом, украшенные новосвободненскими елочками, отмечены в гробницах, открытых Н. И. Веселовским. Тот же орнамент мы видим на обломке биноклевидного сосуда из раскопок Н. И. Веселовского. Биноклевидный сосуд — типично переднеазиатская керамика. Такие горшочки, например, найдены в убейдском слое поселения Ярым-Тепе III в Северной Месопотамии (Мереперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1982, с. 143, рис. 6, *11*). В комплексах майкопской культуры такие формы встречаются редко и не имеют декора (Кореневский С. Н., 1993а,

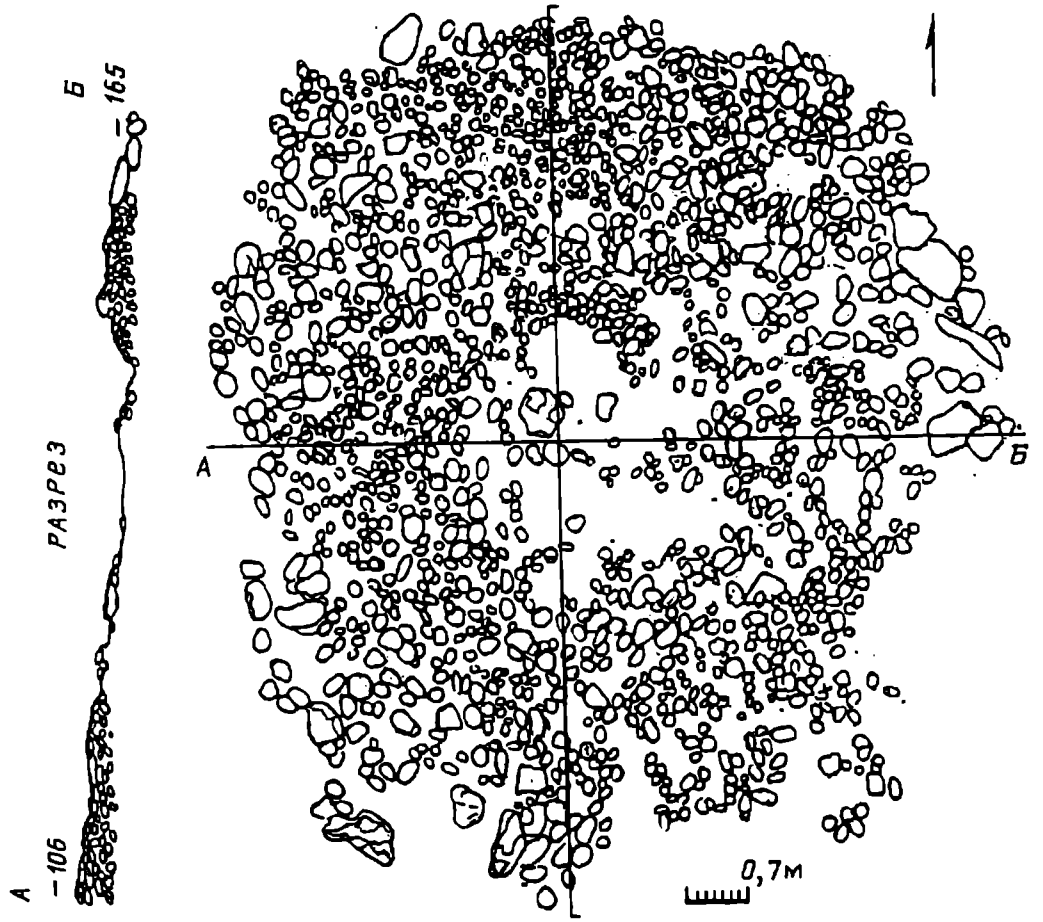

Рис. 8. Каменная выкладка в кургане 1 у ст-цы Костромской

с. 152, рис. 44, 2). Таким образом, в комплексах новосвободненских гробниц урочища «Клады», костромских курганов присутствуют формы сосудов и типы орнаментов, связанные как с узким кругом памятников «типа новосвободненской», например горшки варианта 6, так и формы, свойственные иным проявлениям майкопской культуры в Предкавказье, например имеющие параллели на Серегинском поселении Закубанья и на Тереке, прежде всего в контексте долинского майкопа. Погребальные комплексы «новосвободненского круга» включают даже керамику I класса майкопской культуры. Судя по ареалу захоронений с типичными только для новосвободненской группы сосудами со своеобразной орнаментацией «елочками», «дорожками», новосвободненская группа захоронений — это узколокальное, закубанское явление, тесно связанное с другими видовыми особенностями майкопской культуры, археологическое содержание которой может быть расширено до понятия майкопско-новосвободненской общности с многокомпонентными сложением ее видовых особенностей, как отмечалось ранее (Коренеский С. Н., 1989, с. 60—62).

Погребальные обряды описываемых костромских курганов «новосвободненской группы» отражают тщательное приготовление места под сооружение захоронения. На предполагаемой под курган площади совершались ритуалы с использованием охры и огня. Хорошо прослеживается роль кромлеха-крепиды, поддерживающего насыпь. Зафиксированы сосуды в насыпи, видимо след тризн. Керамика, использованная в погребальной практике, была явно специально отобрана по формам и размерам из бытового фонда. Только эпизодические находки огромных горшков, выполненных в новосвободненских традициях, свидетельствуют о крупных экземплярах поселенческой тары. Ее редко ставили в могилы и использовали в заупокойных церемониях.

Основные захоронения костромских курганов связаны с хорошо знакомой

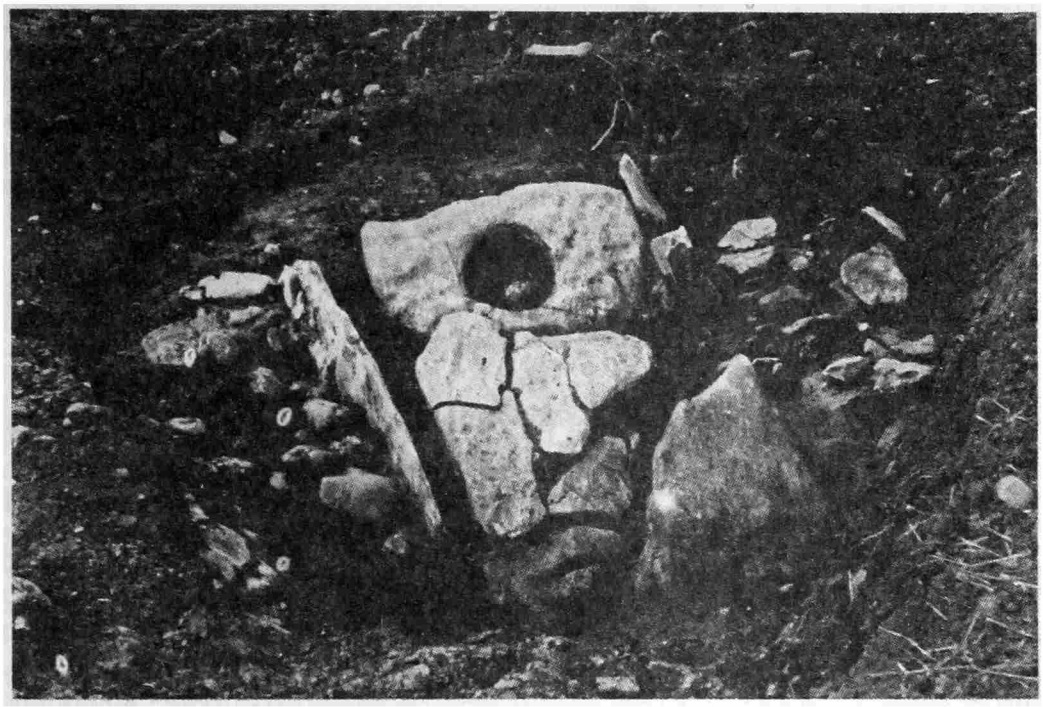

Рис. 9. Погребение в разрушенной каменной конструкции кургана 1 группы «Погуляево»

традицией культа укладывать покойных на уровне поверхности земли в скорченном положении на боку и на галечной вымостке. Здесь мы сталкиваемся с широко распространенным видом погребальной практики для майкопско-новосвободненской общности. Возможно, это была не столь социально-престижная форма захоронения, как погребение в наземной каменной гробнице с камерами, встреченное в урочище «Клады». Инвентарь костромских захоронений явно уступает пышности утвари новосвободненских могил в мегалитах с отсеками.

Очень интересен случай находки в кургане урочища «Погуляево» какого-то могильного сооружения из плит прямо на кромлехе. Скудность остатков конструкции не дает возможность однозначно интерпретировать его форму. Однако находки черепков керамики «новосвободненской группы» позволяют связывать мегалитическое погребение с носителями традиций новосвободненской керамики (рис. 9). Рассматриваемый случай стратиграфии подтверждает наблюдения А. Д. Резепкина, сделанные при раскопках урочища «Клады», что каменные гробницы не являются самым молодым типом захоронений у племен новосвободненской группы (Резепкин А. Д., 1989), которая развивается параллельно другим видам майкопско-новосвободненской общности. Публикуемый пример показывает, что традиция общемайкопского обряда погребения сородича на каменной вымостке несколько более ранняя, чем традиция захоронения в мегалитическом погребении с новосвободненской керамикой. Высказанная гипотеза, конечно, требует оговорок, так как нам трудно еще судить, как рано у племен «новосвободненской группы» возникла практика погребения сородича в каменной гробнице с перегородкой и отверстием. Не иллюстрирует ли публикуемый костромской курган только особый канон, согласно которому основное захоронение должно в кургане иметь особый вид?

Поздняя хронология новосвободненских мегалитических гробниц в литературе не оспаривалась со времени выхода работ А. А. Иессена в 30 — 50-х годах, хотя прямых стратиграфических данных для такого вывода практически не было до работ А. Д. Резепкина в урочище «Клады».

Относительно молодой возраст для «новосвободненской группы» мегалитических захоронений с камерами, где есть отверстие, видимо, позволяет думать, что они доживают или трансформируются еще в рамках существования керамического

производства майкопско-новосвободненской общности в идею наземного каменного сооружения с отверстием в боковой стенке для многоразового использования — протодольмена. Поводом для такой постановки вопроса служит находка М. К. Тешева оригинального дольмена с порталом и лазом-проломом, прикрытым не пробкой, а только внешней плитой, на р. Псыбь. В дольмене было погребено семь человек. Керамика из захоронения связана с майкопско-новосвободненской общностью, как справедливо отметил сам автор раскопок (Тешев М. К., 1986, с. 52—57).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселовский Н. И., *1898*. ОАК за 1898 г. СПб.

Днепровский К. А., *1991*. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы//Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Иессен А. А., *1950*. К хронологии больших кубанских курганов//СА. № XII.

Кореневский С. Н., *1989*. Некоторые проблемы изучения источников майкопской культуры//Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы. М.

Кореневский С. Н., *1991*. К вопросу о Майкопе на Среднем Тереке//Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы (тезисы). Л.

Кореневский С. Н., *1993а*. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.

Кореневский С. Н., *1993б*. Древнейшее оседлое население на юге Ставрополья. Деп. 47 696. М.

Кореневский С. Н., Петренко В. Г., *1982*. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево//СА. № 2.

Ловпаче Н. Г., *1985*. Могильники в устье реки Псекупса//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Ловпаче Н. Г., Дитлер П. А., *1988*. Псекупское поселение № I//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Марковин В. И., *1978*. Дольмены Западного Кавказа. М.

Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., *1982*. Поселение убейдской культуры Ярым-Тепе III в Северной Месопотамии//СА. № 4.

Мунчаев Р. М., *1975*. Кавказ на заре бронзового века. М.

Николаева Н. А., Сафронов В. А., *1974*. Происхождение дольменной культуры северо-западного Кавказа//Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М. ОАК, 1897. СПб.

Попова Т. Б., *1963*. Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. Вып. XXXVII. М.

Резепкин А. Д., *1988*. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Резепкин А. Д., *1989*. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы. Автореф. канд. дис. Л.

Резепкин А. Д., *1991*. Курган 31 могильника «Клады». Проблема генезиса и хронологии майкопской культуры//Древние культуры Прикубанья. Л.

Тешев М. К., *1986*. Гробница Псыбе — памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье//Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Эрлих В. Р., *1992*. Отчет о работе московского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея Востока летом 1991 г. Архив ИА РАН.

Институт археологии РАН, Москва
Государственный музей народов Востока,
Москва

K. A. DNEPROVSKY, S. N. KORENEVSKY, V. R. ERLIKH

"NEW BURIALS" OF NOVOSVOBODNAYA GROUP FROM KOSTROMSKAYA VILLAGE BEYOND THE KUBAN RIVER

Summary

Two barrows near Kostromskaya village beyond the Kuban river had the burials of the Early Bronze Age belonging to so called "Novosvobodnaya group" of Maikop-Novosvobodnaya community. The authors analyzed the ceramics and drew a conclusion that the most part of the artifacts contained the mineral admixtures. Only one vessel was made of a clay without them. The ceramics found in the complexes are typical for the Novosvobodnaya burials from the place of "Klady" near Novosvobodnaya village and have analogies among some vessels from Maikop-Novosvobodnaya community of the Kuban and Terek rivers basins. "Novosvobodnaya group" pottery has its own original ornamentation which gives it a special colour. The authors draw a conclusion that "Novosvobodnaya group" is a local concept typical only for the region beyond the Kuban-river not Terek basin.

В. Е. МАСЛОВ

ПОГРЕБЕНИЯ VI в. до н. э. КЛИН-ЯРСКОГО-III МОГИЛЬНИКА

В сентябре 1983 г. сотрудниками Предгорного отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР под руководством С. Н. Кореневского были исследованы три каменных ящика, подвергнувшихся частичному разрушению в ходе дорожного строительства в урочище Клин-Яр на западной окраине г. Кисловодска (перекрытия были снесены, инвентарь, возможно, потревожен) [1].

Результаты спасательных работ нашли отражение в публикациях (Андреева М. В., Козенкова В. И., 1986, с. 253—258; Кореневский С. Н. и др., 1986, с. 55—56, рис. 3).

Расположение погребений позволяет предполагать, что они являлись частью могильника Клин-Яр-III, первые результаты исследования которого также уже опубликованы (Флёров В. С., Дубовская О. Р., 1993). Неясно, входили ли захоронения, раскопанные А. П. Руничем, получившие известность в литературе как могильник Клин-Яр-II, в состав данного памятника, но вероятность этого велика (Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 111—113, рис. 15; Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992, с. 2—5, рис. 1—3).

Автором раскопок была принята сквозная нумерация, продолжающая нумерацию комплексов, исследованных в 1983 г. В. С. Флёровым, которой будем придерживаться и мы. Погребения 13(1) и 15(3) были расположены рядом друг с другом на расстоянии 1 м; погребение 14(2) было удалено от них на 5 м к юго-востоку.

Все три каменных ящика были сооружены в ямах и ориентированы по линии северо-запад — юго-восток. Устройство их одинаковое: длинные стенки были составлены из вертикально поставленных плит толщиной 10—15 см, при этом углы ящиков и верхняя часть стен дополнены горизонтальной кладкой из мелких камней, особенно хорошо заметной в погр. 13. Размеры конструкций по верхнему контуру 1,3—1,5 × 0,75—1,1 м, по дну 1,05—1,45 × 0,6—0,75 м, глубина от сохранившегося края стенок не превышала 0,5—0,6 м. Дно — желтый материковый суглинок: в погр. 15 оно было ровным, в погр. 13 понижалось к северо-восточной стене, а в погр. 14 к юго-восточной стенке на 5—6 см.

Сохранность останков погребенных была очень плохой: в погр. 14 и 15 зафиксированы только отдельные мелкие фрагменты костей; в погр. 13 поза погребенного реконструируется как положение на правом боку скорченно, головой на северо-запад.

Судя по расположению погребального инвентаря, украшения и оселок с кинжалом, и, возможно, ножи находились на телах умерших, а керамическая посуда и остальные предметы вооружения были разложены вокруг них.

Оружие. Железный или стальной (?) т о п о р. Был вбит в землю обушной частью в юго-западном углу ящика погр. 13, близ лица погребенного. Обух массивный трапециевидный в сечении несколько расширяется кверху; клиновидное лезвие, напротив, несколько заужено вниз в рабочей части. Лезвие и обух

[1] Выражаю глубокую благодарность С. Н. Кореневскому за разрешение опубликовать материалы раскопок.

© В. Е. Маслов, 1995 г.

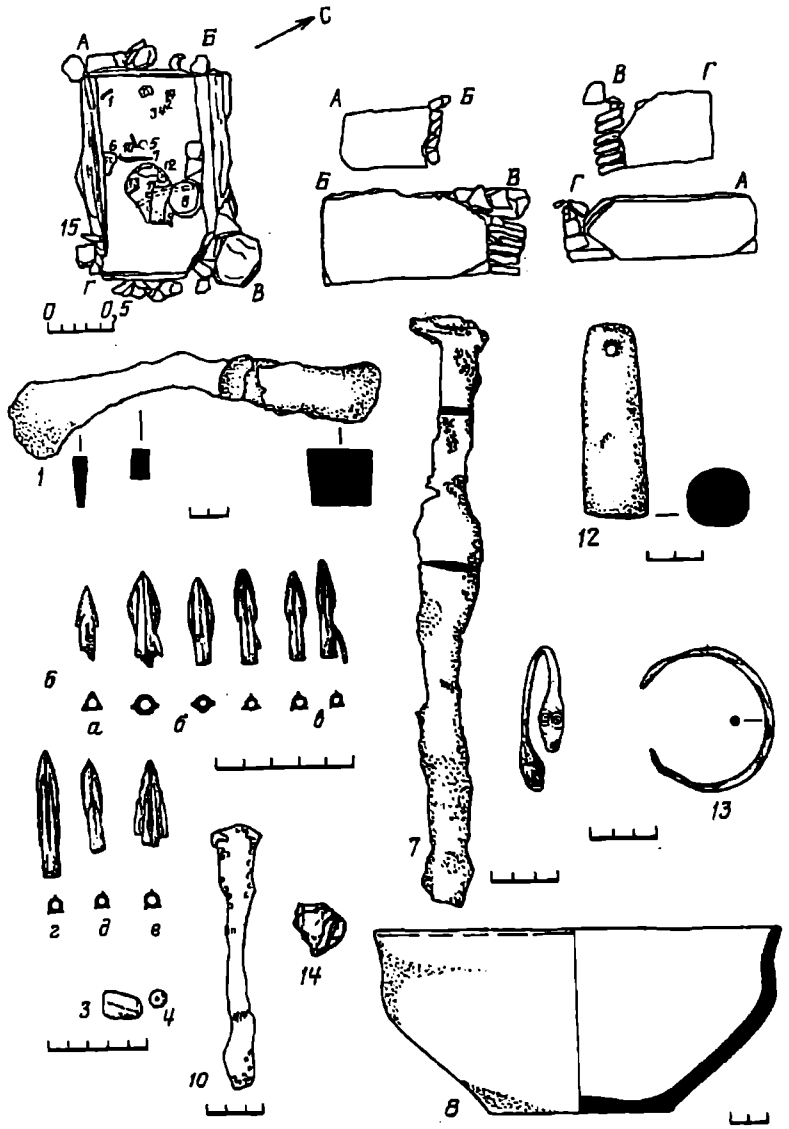

Рис. 1. План и инвентарь погр. 13(1) Клин-Ярского-III могильника.
1 — железный топор; *2* — предмет железный; *3* — бусы янтарные (*4* — мергелевая бусина; *5* — бронзовый браслет; *6* — бронзовые и железные наконечники стрел; *7* — железный кинжал; *8* — керамическая миска; *9* — корчага; *10* — железный предмет (долото?); *11* — железный нож; *12* — оселок; *13* — два бронзовых браслета; *14* — кремневый отщеп; *15* — план погребения 13(1)

немного опущены; проушное отверстие округлое. Общая длина — 19,5 см (рис. 1, *1*).

Массовое распространение железных боевых топоров-молотков в памятниках Кавминвод связано с началом «скифского этапа» в истории местных племен. Наш экземпляр можно условно отнести ко второму типу боевых топоров по В. И. Козенковой (Козенкова В. И., 1982, с. 24, табл. XVII, *3*). По особенностям строения и крупным размерам он наиболее близок к топорам из каменного ящика у санатория «Туркменистан» и погр. 3—4, 6 Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарии (Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992, рис. 7, *2*; Виноградов В. Б., 1972, рис. 29, *3, 5, 7*).

Последние происходят из памятника, который, судя по находкам клевцов-молотков с копьевидным бойком и бронзовых наконечников ножен, стилизованных в виде головы грифона, а также серии фибул и пинцетов, отмечен заметным центральнозакавказским культурным влиянием. Особенно важным моментом является синхронность нижнечегемских комплексов с материалами Дванского

могильника, где была найдена фибула псевдошарнирной конструкции, близкие аналогии которой известны из Кармир-Блура и Аргиштихинили, что подтверждает сравнительно раннюю дату проникновения ведущих образцов железных топоров-молотов на Северный Кавказ из Закавказья (Kossack G., 1983, с. 151, 152, примеч. 138; Техов Б. В., 1985, рис. 175, 216; Есаян С. А., Погребова М. Н., 1985, с. 87, 88).

Кинжал из погр. 13 находился, вероятно, на поясе погребенного. Длина 26 см, сечение линзовидное, на конце прямоугольной рукояти имеется Т-образное расширение (рис. 1, *7*).

Кинжал подобной формы нельзя отнести к образцам скифского оружия. Наиболее близкой типологической параллелью нашему экземпляру является находка из Карасского могильника из коллекции Свинадзе (Виноградов В. Б., 1972, рис. 32, *2*).

Судя по описанию, вполне вероятно, что кинжал, аналогичный клин-ярскому, находился во всаднической гробнице, исследованной в 1954 г. в Каменномостском могильнике (Акритас П. Г., 1955, с. 42, рис. 8, *1*).

Кинжалы с Т-образным расширением рукояти, очевидно, также восходят к закавказским моделям железных кинжалов, вероятно, имевших в качестве отдаленных прототипов бронзовые кинжалы с кассетным строением рукояти. В Закавказье они получают широкое распространение не позднее конца VIII в. до н. э. В целом ряде комплексов подобное оружие находилось вместе с длинными мечами ассиро-урартского типа; было найдено также в кладовых Кармир-Блура (Апакидзе А. и др., 1981, рис. 720, 721; Пиотровский Б. Б., 1950, с. 39, рис. 19).

Узколезвийные экземпляры кинжалов с подчеркнутым расширением на конце рукояти происходят из комплексов Тлийского некрополя вместе с предметами, маркирующими «скифский горизонт» древностей (Техов Б. В., 1985, рис. 102, *12*; 103, *1*). В погр. 5 Куланурхвского могильника сходный кинжал был обнаружен вместе с набором наконечников стрел раннескифских типов (Трапш М. М., 1970, табл. V, *1*).

Наконечники стрел найдены у южной стенки погр. 13, на уровне пояса погребенного на плоском камне и рядом с ним.

Предметы погребального инвентаря, уложенные на плитках внутри могил, изредка встречаются в памятниках кавминводской группы как в предскифский, так и в скифский период (Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1976, рис. 1, *34*; Виноградов В. Б., 1972, рис. 11, *1*; Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992, рис. 4, *б*).

Всего было обнаружено 22 втульчатые бронзовые и 4 втульчатые железные стрелы. Они представлены различными разновидностями: трехлопастными с боковым шипом — 5, без шипа — 12, трехлопастными с длинным и узким пером и короткой втулкой — 2, двулопастными с шипом — 2, двулопастными без шипа — 1, трехгранными без шипа — 1 (рис. 1, *б*).

Двулопастные наконечники, один из которых имеет перо овально-ромбической формы, наряду с трехгранным, с узкими ложками на втулке (тип V-А-Б по К. Ф. Смирнову), являются наиболее архаичными формами, представленными в этом колчанном наборе (рис. 1, *б*, *а*, *б*). Большую его часть составляют трехлопастные наконечники с лавролистной головкой, длина которой примерно равна длине лопастей стрел, и высокой втулкой с шипом и без (тип I по К. Ф. Смирнову) (рис. 1, *б*, *в*).

Среди них выделяется экземпляр с зауженными лопастями без шипа на втулке и формой головки, близкой к «башнеобразной» (рис. 1, *б*, *д*), аналогии которому имеются среди стрел колчанных наборов из курганов 5 и 23 Нартанского могильника, и погр. 7 Клин-Ярского-II могильника (Батчаев В. М., 1985, табл. 19, *24*; табл. 53, *12*; Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992, рис. 3, *22*, *25*, *29*). Дата нартанских комплексов, согласно В. Г. Петренко,— конец VI—V в. до

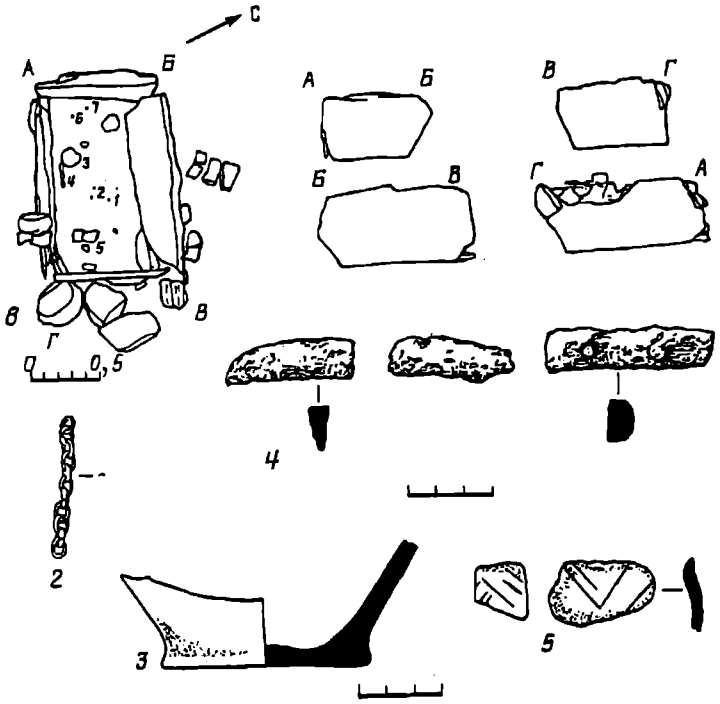

Рис. 2. План и инвентарь погр. 14(2) Клин-Ярского-III могильника.
1 — янтарные бусы; *2* — фрагменты бронзовой цепочки; *3* — фрагменты корчаги; *4* — железный нож; *5* — фрагменты миски; *6* — бронзовые кольца; *7* — железный стержень; *8* — план погр. 14(2)

н. э., по С. В. Махортых — начало — первая половина VI в. до н. э. (Петренко В. Г., 1989, с. 219; Махортых С. В., 1991, с. 78, 79).

Сравнительно редкой разновидностью являются также трехлопастные вытянутые наконечники с очень узкими перьями и короткой втулкой (рис. 1, *б, г*). Можно предполагать, что они являлись специализированным «бронебойным» оружием.

Только одним, сильно корродированным экземпляром, представлен в колчанном наборе трехлопастной наконечник с треугольной головкой и короткой втулкой (тип IX по К. Ф. Смирнову) (рис. 1, *б, е*). Данная разновидность стрел в кавминводских памятниках особенно характерна для комплексов конца VI — начала V в. до н. э. (Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992, с. 12, рис. 3, *23, 26*).

В центральной части погр. 13 был найден о с е л о к (рис. 1, *12*). Вместе с кинжалом он, вероятно, был подвешен к поясу. Его длина 7 см, форма прямоугольная, с зауженным верхним концом и скругленными гранями. Подобная форма широко распространена в памятниках предскифского этапа, где оселок, наряду с оружием и конской упряжью, является одним из наиболее важных индикаторов мужских погребений. Весьма вероятно, что он являлся знаково-ритуальным символом (Грязнов М. П., 1961, с. 142; Членова Н. Л., 1984а, с. 84—87).

Одной из близких аналогий оселку из погр. 13 является оселок из погр. 121 Клин-Ярского могильника, найденный вместе с биметаллическим кинжалом, дата которого не выходит за пределы рубежа VIII—VII вв. до н. э. (Флеров В. С., Дубовская О. Р., 1993, с. 281, 282, рис. 8, *5*).

Орудия труда. Представлены чрезвычайно плохо сохранившимся железным т е с л о м или д о л о т о м, длиной 13 см из погр. 13. Сходное орудие вместе с предметами вооружения происходит из погр. 3 Нижне-Чегемского могильника (Акритас П. Г., 1961, с. 184, 185). Железный предмет с раскованным концом был также обнаружен близ рукояти меча из погр. 2, открытого в 1978 г. в Каменномостском могильнике (Батчаев В. М., 1985, табл. 1, *16*).

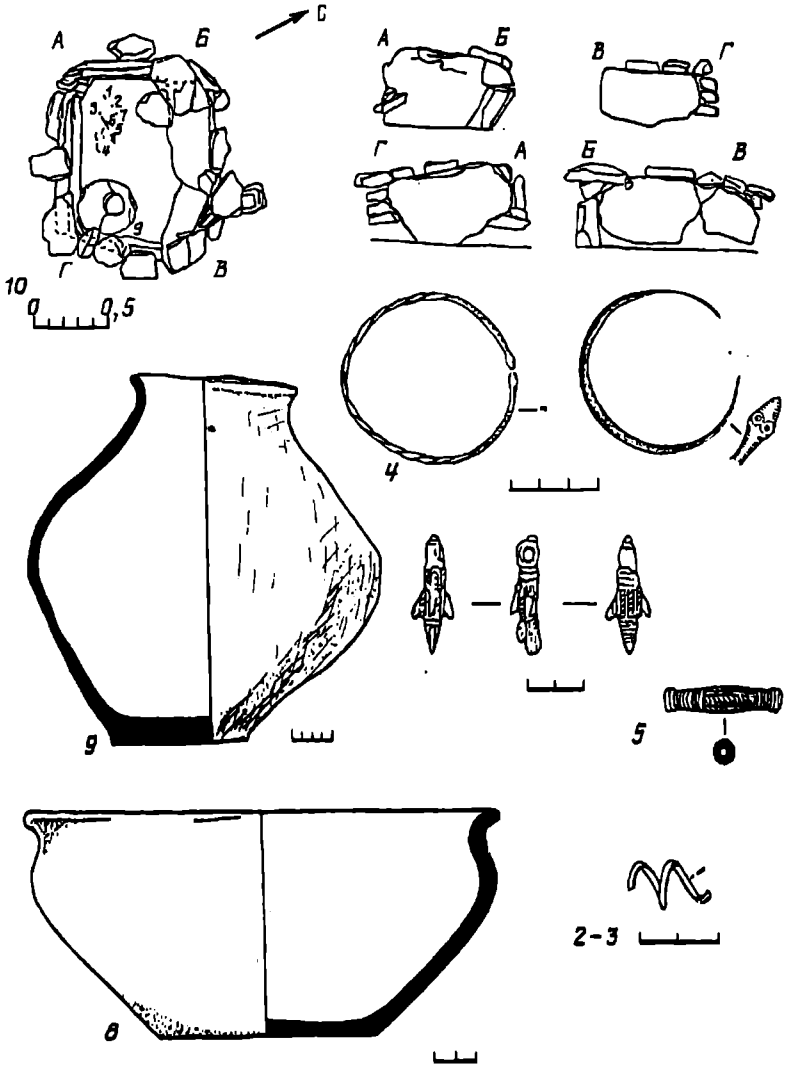

Рис. 3. План и инвентарь погр. 15(3) Клин-Ярского-III могильника.
1 — янтарные бусы; *2, 3* — бронзовые кольца; *4* — бронзовые браслеты; *5* — бронзовые пронизи и подвески; *6, 7* — железные подвески; *8* — керамическая миска; *9* — корчага; *10* — план погр. 15(3)

В погребении 13 близ фрагментов черепа были обнаружены следы железного, полностью корродированного предмета округлой формы и небольшой кремневый отщеп — возможно остатки кресала (рис. 1, *14*). Кремневые, реже обсидиановые отщепы довольно часто встречаются в захоронениях предскифского этапа в кавминводских могильниках (Маслов В. Е., 1991, с. 52).

Однолезвийный железный нож длиной около 15 см, с выделенной уплощенной рукоятью со следами заклепок на одной из сторон был найден у юго-западной стенки в погр. 14. Утолщенная спинка ножа, вероятно, была немного выгнута (рис. 2, *4*).

Однолезвийные и двулезвийные разновидности ножей и кинжалов с заклепками на рукоятях гораздо более характерны для памятников Центрального Кавказа и Закавказья, где они имели давнюю традицию изготовления. Подобные изделия в окрестностях Кисловодска в комплексах VII—VI вв. до н. э. представлены лишь единичными экземплярами, отражающими внешние культурные контакты (Маслов В. Е., 1991, с. 48—51).

В погр. 13 рядом с руками погребенного также находился железный нож длиной около 17 см. К сожалению, о деталях его устройства ничего не известно.

Украшения. Составляют наиболее значительную группу находок. Очевидно, они органично дополняли костюм погребенных.

Браслеты. Первый тип представлен четырьмя экземплярами, округлыми в сечении, с уплощенными концами, оформленными в виде змеиных головок, три из которых происходят из погр. 13 и один из погр. 15 (рис. 1, *5, 13*; рис. 3, *4*). Браслет второго типа, изготовленный из витого, прямоугольного в сечении дрота, с округлыми утолщенными окончаниями на концах, был найден в погр. 15 (рис. 3, *4*).

Все браслеты изготовлены из бронзы. Они имеют диаметр 5,5—6 см и, судя по обломкам костей в погр. 13, были одеты на запястья рук. У трех браслетов первого типа из этих двух погребений на концах пуансоном были нанесены изображения круглых глаз со зрачком. Точной аналогией этим изделиям является обломок браслета со «змееголовым» окончанием и исполненными в сходной технике глазами из погр. 4 Белореченского-I могильника. В этом же захоронении обнаружен витой браслет, аналогичный найденному в погр. 15 (Виноградов В. Б., 1972, рис. 22, *3*, *4*).

В свою очередь, белореченское погребение входит в число комплексов, откуда происходит сравнительно редкий тип украшений — лунницы. К ним относятся гробница I Карасского могильника (здесь было найдено сразу два различных экземпляра подобных подвесок), всадническое погребение, исследованное в 1954 г. П. Г. Акритасом, и погр. 2, раскопанное в 1978 г. В. М. Батчаевым, Каменномостского могильника, а также кург. 17 Нартанского могильника (Самоквасов Д. Я., 1908, альб. XII, № 1895; Акритас П. Г., 1955, рис. 8, *4*; Батчаев В. М., 1985, табл. 1, *10*; 43, *42*; Виноградов В. Б., 1972, рис. 22, *2*).

Во всех этих захоронениях содержатся оружие и украшения, позволяющие составить представление об относительной хронологии данных комплексов. К наиболее ранним из них относится материал кург. 17 Нартанского могильника, куда в числе прочих предметов входили накладки из золотой фольги с тисненным декором, которые являются позднейшими образцами изделий такого рода; их орнаментика в погребениях более раннего горизонта отчетливо отражает «новочеркасское» наследие скифской эпохи (Батчаев В. М., 1985, табл. 41, *22*; 43, *41*; 48, *54*).

Лунницы с четко выделенными язычками из Каменномостского могильника и Карасса (1-я находка), вероятно, являются типологическим развитием образцов, где язычок-выступ только намечен, как на экземплярах из Карасса (2-я находка), Нартана и Белореченска.

В Карасской гробнице I среди набора украшений была найдена и фибула с широким приемником, характерная для позднейших комплексов VII—VI вв. до н. э. Тлийского некрополя (Техов Б. В., 1985, рис. 141, *9*).

Можно отметить и параллели иного рода: клевец с четырехгранным бойком и опущенным секирообразным лезвием из погр. 2 1978 г. Каменномостского могильника имеет точную аналогию в гробнице VIII Карасского могильника, которую исходя из вероятной датировки набора двулопастных стрел можно отнести к числу самых ранних захоронений этого памятника (Самоквасов Д. Я., 1908, альб. XII, № 2020, 2024, 2025; Крупнов Е. И., 1957, рис. 36).

Но меч с антенным навершием из погр. 2 в Каменномостском по конструктивным деталям следует отнести к образцам, распространенным в древностях второй половины VI — начала V в. до н. э. (Батчаев В. М., 1985, табл. 1, *17, 18*). Его железные ножны необычайно похожи на ножны из кург. 8 Калиновского могильника (Смирнов К. Ф., 1961, рис. 2, *4*).

Каменномостская гробница 1954 г. получила известность благодаря находке в ней зеркала ольвийского типа, которое следует рассматривать как определенный хронологический репер, позволяющий объединить в один горизонт целый ряд памятников, относящихся к VI в. до н. э. (Акритас П. Г., 1955, рис. 8, *6*).

Таким образом, возможность хронологической близости четырех вышеперечисленных комплексов весьма велика.

Появление браслетов из округлого дрота с раскованными «змееголовыми» концами в Закавказье и на Северном Кавказе происходит практически синхронно, в рамках тесно взаимосвязанного блока древностей. Закавказский импульс в распространении изделий этого типа представляется наиболее вероятным.

Так, еще Е. И. Крупнов отметил, что в целом подобные браслеты не характерны для памятников горного Кавказа (Крупнов Е. И., 1960, с. 291, 292). Их нет в погребениях третьей фазы Тлийского некрополя, но они представлены в захоронениях эпохи раннего железа Красномаяцкого и Самтаврского могильников, причем в обоих памятниках нельзя не отметить значительного сходства во внешнем оформлении таких украшений (Каландадзе А. Н., 1983, рис. 569, 904; Трапш М. М., 1969, табл. XXIV). В Самтавро подобный браслет обнаружен в погр. 206 вместе с треугольной подвеской, орнаментированной зернью, имеющей надежно датированные античным импортом аналогии из слоя третьей четверти VI в. до н. э. поселения Симгаре, и аристократических гробниц Вани, что только подчеркивает вероятные колхидские истоки происхождения данного типа украшений (Абрамишвили Р. М., 1957, табл. I, *22*; *33—35*; Микеладзе Т. К., 1977, с. 21, рис. 9).

В то же время в одном из наиболее ранних колхидских комплексов, содержавших подобные браслеты,— погр. 4 Красномаяцкого могильника была обнаружена фибула с уплощенно-ромбическим расширением спинки, на которой были выгравированы две окружности с выделенными «зрачками», весьма напоминающие оформление вышеупомянутых браслетов из окрестностей Кисловодска (Трапш М. М., 1969, табл. VI, *2*).

В памятниках Центрального Предкавказья браслеты этого типа происходят из курганов 3, 6, 7, 10 Нартанского могильника, Карасского, Нижне-Чегемского и Султан-горского-III могильников (Батчаев В. М., 1985, табл. 14, *17*; 21, *6—11*; 23, *18, 19*; 29, *8*; Самоквасов Д. Я., 1908, № 1913, 1914, 2004, 2034, 2036; Виноградов В. Б., 1972, рис. 27, *9, 10*; Членова Н. Л., 1984б, рис. 2, *8, 11, 12*).

Очевидно, через Северный Кавказ браслеты с «змееголовыми» концами попадают в Приднепровье, где также известны в ряде комплексов VI в. до н. э. (Петренко В. Г., 1978, с. 52). Анализ их металла как будто не противоречит такому заключению (Барцева Т. Б., 1981, с. 74).

В погр. 14 были найдены фрагменты б р о н з о в о й ц е п о ч к и из овальных звеньев: 63 звена размерами 0,5 × 0,3 см, толщиной 0,2 см. Бронзовые цепочки в сочетании с подвесками различных типов, булавками, фибулами широко встречаются в составе мужских и женских (по набору погребального инвентаря) захоронениях в северокавказских могильниках рубежа VII—VI вв. до н. э. (Членова Н. Л., 1984б, рис. 2, *7, 17*; Самоквасов Д. Я., 1908, № 1985—1987; Акритас П. Г., 1961, с. 184—187; Батчаев В. М., 1985, табл. 21, *6*).

Мода на цепочки на одежде, истоки которой также следует искать в Закавказье и горных областях Центрального Кавказа, сохранялась на Северном Кавказе в течение VIII—VI вв. до н. э. (Трапш М. М., 1970, табл. IV, *2—4, 10*; Техов Б. В., 1985, рис. 125, *2*; 131, *7*).

В погр. 15 были найдены бронзовые т р у б ч а т ы е п р о н и з к и, очевидно, входившие в состав одного ожерелья в сочетании с п о д в е с к а м и - а м у л е т а м и. Пять литых подвесок длиной 4,2 см и диаметром 0,9 см орнаментированы ложновитым шнуром и обмоткой. Четыре амулета, напоминающие, благодаря смоделированным пяти выступам, стилизованные изображения плавников рыбы, орнаментированы так же, как пронизки, но спереди имеют, кроме того, дугу с шариками на концах (рис. 3, *5*). Их длина 3,6 см.

Точные аналогии пронизкам имеются в материалах из Карабышевской гробницы и среди находок у аула Вако-Жиле (Козенкова В. И., 1989, табл. XLIV-B, *1*; Алексеева Е. П., 1971, табл. 15а, 16). Они входят в число бронзовых изделий с имитацией шнура и обмотки, которые достаточно широко встречаются в северокавказских погребальных памятниках скифского этапа. Использование псев-

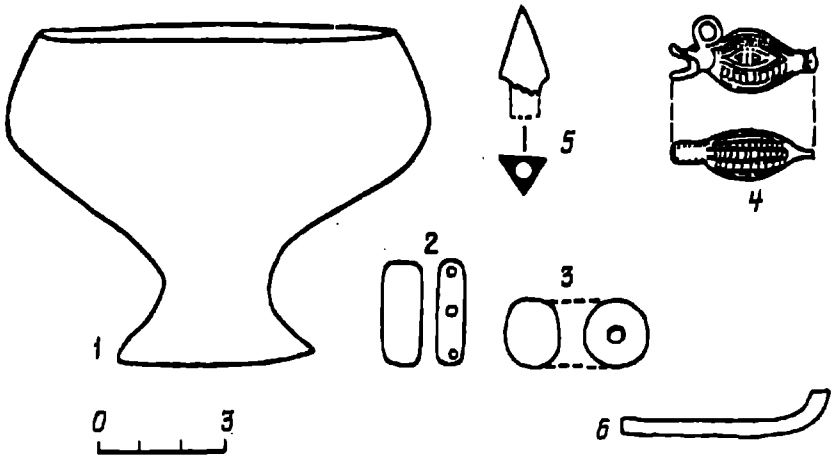

Рис. 4. Комплекс вещей из окрестностей Рим-горы (?). По рисунку А. П. Рунича. *1* — керамический сосуд; *2* — янтарная бусина; *3* — сердоликовая бусина; *4* — бронзовая подвеска; *5* — бронзовая стрела; *6* — фрагмент бронзовой фибулы (?)

дошнуровых мотивов, по-видимому, является реминисценцией орнаментальных традиций эпохи средней бронзы, когда подобный прием широко использовался при создании литых украшений (Деген Б. Е., 1941, табл. 17).

Прямые аналогии для подвесок-амулетов нам не известны. Среди случайных находок, собранных А. П. Руничем на территории могильника на Мебельной фабрике в г. Кисловодске, есть бронзовая подвеска с двумя выступами и петлей, напоминающая клин-ярские (Рунич А. П., 1959, с. 23, рис. XII, *10*). Кроме того, В. А. Лученковым в 1973 г. в районе Рим-горы, в разрушенном погребении, вместе с вотивным сосудом на ножке, наполненным охрой или реальгаром, бусиной-распределителем и обломком трехгранной (?) стрелы была найдена зооморфная литая подвеска с ложновитой орнаментацией (рис. 4, *4*). Изображение вещей этого комплекса также имеется в архиве А. П. Рунича [2].

Эта подвеска наиболее похожа на изображение рыбы с солярными значками (?) на боковых поверхностях, что позволяет принять подобную трактовку и для клин-ярских экземпляров.

Височные подвески или серьги. В погр. 14 была найдена пара бронзовых колец с несомкнутыми концами, плоских в сечении, шириной 0,2, диаметром 2 см, а в погр. 15 — бронзовое кольцо и обломки второго в виде двойной спирали диаметром 2 см (рис. 3, *2, 3*). Схожие спиральные височные подвески из плоской бронзовой ленты, иногда с утолщениями на концах, известны по материалам Султан-горских II и III могильников (Членова Н. Л., 1984б, рис. 2, *6а—б, 15*).

Бусы. Плоские прямоугольные бусины со сглаженными гранями из янтаря были найдены во всех трех погребениях. Их длина около 2 см. Из погр. 13, кроме того, происходят округлые бусины из мергеля, диаметром около 0,8 см (рис. 1, *3—4*). Янтарные бусы особенно характерны для памятников скифского этапа в Предкавказье и найдены во многих комплексах VII—VI вв. до н. э. (Батчаев В. М., 1985, табл. 29, *12*; 39, *20, 24, 25*).

В погр. 14 и 15 были обнаружены железные подвески (?) в виде короткого стержня длиной 3—3,5 см (возможно, что такая же подвеска была и в погр. 13).

Керамика. Присутствовала во всех захоронениях. В погр. 13 миска и корчага стояли за спиной или в ногах погребенного (рис. 1, *7*); в погр. 14 найдены фрагменты крупного горшка или корчаги с вдавлениями в виде ряда косых ямочек на стенках и фрагменты чаши с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 2, *3, 5*); в погр. 15 миска, очевидно, стояла за спиной погребенного, а в ногах, в южном углу ящика, находилась корчага (рис. 1, *8, 9*).

[2] Выражаю глубокую признательность В. А. Фоменко за возможность использовать рисунок А. П. Рунича.

Миски из погр. 13 и 15 относятся к одному из наиболее широко известных типов сосудов западной группы кобанских памятников, восходящих к изделиям предскифского этапа (Крупнов Е. И., 1960, с. 194, рис. 30). Их цвет красновато-бурый, орнамент отсутствует, что характерно для поздней группы изделий данного типа (Виноградов В. Б., 1972, с. 192; Бобин В. В., 1958, рис. 11). Высота мисок — 9,2—10 см, диаметр устья — 17—21,7 см, дна — 9,8—10 см.

К иному типу, вероятно, относился сосуд из погр. 14. Различные модификации чаш с С-видным сечением профиля и геометрическими орнаментами, известные по материалам эпохи поздней бронзы Змейского поселения, в скифскую эпоху получили чрезвычайно широкое распространение, но в кисловодских могильниках данная разновидность посуды почти неизвестна (Деопик Д. В., Крупнов Е. И., 1961, с. 20, рис. 6, *3*).

Корчаги из погр. 13 и 15 имеют биконическую форму с хорошо выделенной прогибами центральной плечевой частью. Их высоты 45 и 35 см. Диаметры тулова, устья и дна для сосуда из погр. 15 соответственно 36 см, 17 см, 14 см, он отличается заметной асимметрией и несомненно является лепным изделием.

Ранние образцы корчаг этого типа на Северном Кавказе известны по материалам Змейского и Бамутского поселений и Пседахского могильника (Деопик Д. В., Крупнов Е. И., 1961, с. 10, рис. 1—3; Козенкова В. И., 1986, рис. 9, *3*). На Кавминводах высокогорлые биконические корчаги появляются как массовая разновидность посуды лишь в памятниках скифского этапа наряду с новыми предметами вооружения и конской упряжи. Подобные формы пока не найдены в памятниках Карачаево-Черкесии, для которых, судя по набору керамики из могильника и поселения Уллубаганалы, характерен принципиально иной керамический комплекс (Ковалевская В. Б., 1991, табл. LI; LII).

Процесс постепенного вытеснения местных западнокобанских форм посуды «степными», восходящими по форме к изделиям из поселений центральной группы кобанских памятников, в течение VI в. до н. э. отчетливо прослеживается на материалах Минеральводского могильника (Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1976, с. 33—35).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что конструкции каменных ящиков, расположение инвентаря и погребенных позволяют еще раз проследить черты преемственности в традициях погребального обряда родоплеменных групп, населявших Кисловодскую котловину в предскифский и раннескифский периоды. Локальной особенностью оставленных ими погребальных памятников являются каменные ящики с докладкой из более мелких плит и наличие в захоронениях каменных плиток с уложенными на них предметами (Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И., 1981, с. 168; Флеров В. С., Дубовская О. Р., 1993, с. 281, рис. 7, *11*). Набор бронзовых украшений генетически связан с кавказскими культурами и также имеет черты локальной самобытности.

Материалы трех погребений из Клин-Яра дополняют группу захоронений скифского этапа могильника, исследованных А. П. Руничем, В. С. Флеровым и О. Р. Дубовской, и принадлежат к его верхнему хронологическому горизонту. Данный памятник особенно ярко демонстрирует, что в этот период изменения в материальной культуре племенной группы, населявшей окрестности современного Кисловодска, связанные с появлением многочисленных новых типов предметов, происходили в рамках консервативной социальной системы. О том, что она сумела успешно адаптироваться к новым историческим условиям, свидетельствует сохранение основных традиций погребального обряда. Поэтому, очевидно, не следует односторонне оценивать фактор внешних воздействий, почти всегда традиционно определяемый как «скифский». Судя по многочисленным и разнообразным находкам, контакты с Закавказьем и межплеменные связи на Северном Кавказе для населения Кавминводской группы продолжали играть не менее значительную роль (Дударев С. Л., 1992, с. 22—25).

Сходные черты погребального обряда и инвентарь, обнаруженный в захоронениях, позволяют считать, что они были совершены в узкий промежуток

времени. Особенно показательна находка совершенно тождественных (возможно, изготовленных в одном месте) «змееголовых» браслетов из погр. 13 и 15 Клин-Ярского и погр. 4 Белореченского-I могильника.

Хронологическое положение клин-ярских комплексов определяется наличием аналогий в украшениях из погр. 4 Белореченского-I могильника и Карабышевской гробницы. Несомненно, что два последних комплекса входят в новый блок древностей скифского круга, качественно отличный от материалов архаического горизонта. Так, в белореченском погребении был найден меч с антенным навершием, аналогичный мечам из знаменитого кургана А-12 Блюменфельда (Виноградов В. Б., 1972, рис. 22, *9*; Смирнов К. Ф., 1961, рис. 2, *1, 2*). Кроме того, из погр. 3 этого могильника происходит бронзовый наконечник ножен в виде головы волка. Схожий наконечник известен из комплекса, обнаруженного у ст. Старокорсуньской, датированного в пределах V в. до н. э. (Аптекарев А. З., 1986, с. 245, 246, рис. 2).

Можно отметить целый ряд ярких находок предметов конской узды, в качестве важнейшей составной части входивших в новую военно-элитарную субкультуру, которые позволяют обозначить время и основные направления распространения во многом синкретичной скифо-савроматской культурной волны «второго поколения», имея в виду северокавказские материалы рубежа VI—V вв. до н. э.

С одной стороны, это находка в Абхазии близ Сухуми, в погребении, которое датируется по аттической амфоре временем не ранее третьей четверти VI в. до н. э., резного клыка с изображением волка, иконографически близким изображениям на клыках из Блюменфельдского кургана (Чежина Е. Ф., 1991, с. 31). С другой — обнаруженные в Нартанском-II могильнике в Кабардино-Балкарии, погр. 128 Лугового и кург. 3 Бамутского-II могильников в Чечено-Ингушетии, а также в Хошеутово в Нижнем Поволжье, наборы бронзовых предметов упряжи, включающих нащечные бляхи с изображением «кисти руки» и S-образные псалии с секировидными концами, «крыловидные нащечники» (наушники по А. Ю. Алексееву), бляхи с изображением свернувшегося волчьего хищника и в виде стоящего хищника, имеющие ближайшие аналогии в памятниках Приднепровской лесостепи V в. до н. э. (Шамба Т. К., 1983, с. 33—35, рис. 1, *21*; 2; 3; Керефов Б. М., Бетрозов Р. Ж., 1990, с. 61, 62; Козенкова В. И., 1982, табл. XXI, *9, 10*; Буркова А. А., 1991, с. 15, 16, рис. 1, *6—8*; Dvornitjenko V., 1990, с. 28, фото; Алексеев А. Ю., 1991, с. 50, 51, рис. 2).

Ряд случайных находок дополняют эти комплексы (Крупнов Е. И., 1960, табл. XIII, *8*; XIV, *8*; Виноградов В. Б., 1972, с. 162, 163).

В этой связи необходимо также выделить костяной двудырчатый псалий с изображением хищной птицы, происходящий из окрестностей Кисловодска, имеющий детальное сходство в трактовке этого образа с серией находок на Алтае, что свидетельствует о восточных истоках формирования нового «культурного горизонта» (Крупнов Е. И., 1960, табл. XIV, *9*; Чежина Е. Ф., 1991, с. 34, рис. 2).

Таким образом, на сегодняшний день уже можно контурно обозначить южные периферийные границы нового масштабного культурно-исторического явления, выразившегося в смене различных пластов скифских древностей двух поколений, основные процессы которого, несомненно, затронули территорию Северного Кавказа. Закономерным его следствием стало появление здесь первых предметов античного импорта, связанных с Причерноморьем, бронзовых шлемов из Ассиновской и Домбая (Бурков С. Б., Дударев С. Л., 1991, с. 51; Козенкова В. И., 1990, рис. 11, *4*).

Дата клин-ярских комплексов, судя по набору стрел из погр. 13, где преобладают архаичные типы наконечников, должна быть несколько более ранней, чем у белореченских погребений, принадлежность которых к кругу памятников конца VI — начала V в. до н. э. выглядит бесспорной. Однако разрыв между ними едва ли может быть значительным. Поэтому будет правомерно обозначить хронологический интервал, когда были совершены захоронения, второй половиной

VI в. до н. э., исходя прежде всего из общей динамики скифских древностей на Северном Кавказе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамишвили Р. М., 1957. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике//ВГМГ. Вып.XIX-А, XXI-В.

Акритас П. Г., 1955. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. (предварительные итоги)//Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского института. Т. X. Нальчик.

Акритас П. Г., 1961. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. (из научного отчета)//Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9. Нальчик.

Алексеев А. Ю., 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э.//АСГЭ. Вып. 31. Л.

Алексеева Е. П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Андреева М. В., Козенкова В. И., 1986. Комплексы начала I тыс. до н. э. из урочища Клин-Яр (Кисловодская котловина)//СА. № 1.

Апакидзе А., Абдушелишвили М., Николашвили В., Сихарулидзе А., Дзнеладзе М., Садрадзе В., Иремашвили Ш., Джгаркава Т., Гавашели Э., Мелитаури К., 1981. Мцхета — полезные археологические исследования в 1978 г.//Мцхета: Итоги археологических исследований. Т. 5 (на груз. языке). Тбилиси.

Аптекарев А. З., 1986. Комплекс вещей V в. до н. э. из станицы Старокорсуньской//СА. № 4.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 1976. Минералводский могильник VI—IV вв. до н. э.//Изв. Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. Вып. XX.

Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И., 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска//СА. № 2.

Барцева Т. Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов//Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик.

Бобин В. В., 1958. Могильник и поселение VII—VI вв. до н. э. на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске//Тр. Крымского филиала медицинского института. Симферополь. Т. XIX.

Бурков С. Б., Дударев С. Л., 1991. Погребение воина-дружинника у ст. Ассиновской//Тез. докл. и сообщений третьей зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный.

Буркова А. А., 1991. Три кургана раннежелезного века из раскопок 1989 г.//Археология на новостройках Северного Кавказа (1986—1990 гг.): Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Грозный.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа//АЭС. Т. III. Грозный.

Грязнов М. П., 1961. Так называемые оселки скифо-сарматского времени//Исследования по археологии СССР. Л.

Деген Б. Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика//МИА. № 3. Л.

Деопик Д. В., Крупнов Е. И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры//Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе.

Дударев С. Л., 1992. К интерпретации некоторых находок краеведов Пятигорья//Археология и краеведение Кавминвод: Материалы первой региональной конференции. Кисловодск.

Дударев С. Л., Рунич А. П., 1992. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII—V вв. до н. э. (на примере Пятигорья). Грозный.

Есаян С. А., Погребова М. Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Каландадзе А. Н., 1983. Самтавро — археологические памятники доантичной эпохи//Мцхета: Итоги археологических исследований. Т. 6 (на груз. языке). Тбилиси.

Керефов Б. М., Бетрозов Р. Ж., 1990. Нартанский II курганный могильник//Тез. докл. XVI КЧ по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.

Ковалевская В. Б., 1991. Состояние и перспективы формализации в археологии//Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: Материалы симпоз. «Кавказ и Юго-восточная Европа в эпоху раннего металла». Тбилиси.

Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В. И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976—77 гг.)//Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант//САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В. И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы//СА. № 3.

Кореневский С. Н., Петренко В. Г., Романовская М. А., 1986. Работы Ставропольской экспедиции//КСИА. Вып. 186.

Крупнов Е. И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.

Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Маслов В. Е., 1991. Новые находки из окрестностей Кисловодска//Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Махортых С. В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
Микеладзе Т. К., 1977. Некоторые итоги раскопок поселений VI—V вв. до н. э. в районе устья р. Риони (Фасиса)//КСИА. Вып. 151.
Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. Вып. Д4-5. М.
Петренко В. Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе//Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Пиотровский Б. Б., 1950. Кармир-Блур. Вып. 1. Ереван.
Рунич А. П., 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1959 г. Архив ИА РАН Р-I № 2036.
Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М.
Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов//МИА. № 101. М.
Техов Б. В., 1985. Тлийский могильник: комплексы второй половины VII—VI вв. до н. э. Вып. III. Тбилиси.
Трапш М. М., 1969. Древний Сухуми//Труды. Т. II. Сухуми.
Трапш М. М., 1970. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии//Труды. Т. I. Сухуми.
Флёров В. С., Дубовская О. Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске//Вестник шелкового пути. Археологические источники. Вып. 1. М.
Чежина Е. Ф., 1991. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху//АСГЭ. Вып. 31. Л.
Членова Н. Л., 1984а. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.
Членова Н. Л., 1984б. Могильник VI в. до н. э. Султан-гора-III под Кисловодском//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Шамба Т. К., 1983. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми//КСИА. Вып. 174.
Kossack G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus//Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. B. 5. Bonn.
Dvornitjenko V., 1990. Savromaternas och sarmaternas gravar vid nedre Volga//Skyter och Sarmater fran Don till Ural. Orebro.

Институт археологии РАН,
Москва

V. E. MASLOV

THE BURIALS OF THE 6th CENTURY FROM KLIN-YAR-III BURIAL GROUND

Summary

The article is devoted to the investigation of the burials excavated in Klin-Yar III Scythian burial ground near Kislovodsk. The new materials enrich the information about the local population burial rites and typical artifacts. The author dates the burials to the 2nd half of the 6th century B. C. basing on the different types of weapons and adornments.

В. К. ГУГУЕВ, М. Ю. ТРЕЙСТЕР

ХАНЬСКИЕ ЗЕРКАЛА И ПОДРАЖАНИЯ ИМ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Среди различных категорий импорта, обильно представленного в погребениях первых веков нашей эры в Подонье, пожалуй, наиболее редкими и наименее изученными предметами являются зеркала китайского производства. На более чем 1000 погребений I—III вв. н. э., исследованных в последние десятилетия в бассейне р. Дон, насчитывается лишь 5 таких зеркал.

Предлагаемое исследование посвящено публикации и всестороннему анализу новых находок, известных лишь по полевым отчетам и кратким предварительным публикациям (Казакова Л. М., Каменецкий И. С., 1970, с. 87; Guguev V. K., 1986, p. 71, pl. 46, *4*; Прохорова Т. А., Гугуев В. К. 1992, с. 153; Gougouev V. K., 1994, p. 76—83) (рис. 1) [1].

Рассмотрим вначале новые находки, происходящие из Подонья. Первое зеркало было найдено в 1968 г. в погребении 1 кургана 10 некрополя Танаиса (раскопки И. С. Каменецкого). Могила была ограблена в древности. Она принадлежала к типу «с подбоем» — с камерой в широкой стенке колодца. По обломкам светлоглиняных амфор из тризны наиболее вероятная дата погребения — II в. н. э. (Guguev V. K., 1986, p. 83). Зеркало представлено обломком (рис. 2, *1*). На оборотной стороне имеются две ленты из параллельных косых линий, между которыми заключено уплощеннос рельефное кольцо. Внешнее орнаментальное поле ограничено двумя ободками. В поле имеются полусферический выступ на плоском основании, часть фигуры изогнутого дракона, иволга (?). По краю зеркала проходит плоский широкий бортик. Диаметр около 18 см.

Близкую аналогию танаисскому экземпляру представляет зеркало, хранящееся в Британском музее (Koop S. A. von, 1924, taf. 78b). На этих двух изделиях идентичны центральные розетки и иконография бородатых драконов. Другое аналогичное зеркало, отличающееся от вышеупомянутых большей стилизацией в изображении дракона, представлено в коллекции Ванноти Муццано и датируется I в. до н. э. (Brinker H., 1975, p. 131, № 83).

Второе зеркало было обнаружено в 1983 г. в кургане 1 Кобяковского могильника на восточной окраине Ростова-на-Дону (раскопки В. К. Гугуева) в могиле «с заплечиками» (Guguev V. K., 1986, p. 71, 72). Для датировки погребения наиболее показательна баночка из зеленого стекла с оплавленным краем и следами понтии на дне (Guguev V. K., 1986, pl. 45, *3*). Аналогичные стеклянные сосуды происходят из хорошо датированных комплексов рубежа I—II вв. н. э. и относятся, вероятно, к западноримскому импорту (Гущина И. И., Сорокина Н. П., 1984, с. 49). В отличие от первого экземпляра зеркало из кургана 1 Кобяковского могильника представлено фрагментом центральной части (рис. 2, *2*). Шишка-петля на оборотной стороне находится на плоском округлом основании, внешняя сторона которого образует 12 арочных вырезов. Основание окружено кольцом из 12 рельефных кружков, разделенных отрезками на четыре сектора.

[1] Предложенная статья представляет собой несколько измененный вариант одноименной работы, опубликованной на английском языке в журнале «Bulletin of the Metals Museum» (1991, т. 16, с. 32—50). Раздел, включающий спектральные и металлографические исследования публикуемых в статье зеркал, в русском варианте представлен отдельно (см. публикацию И. Г. Равич).

© В. К. Гугуев, М. Ю. Трейстер, 1995 г.

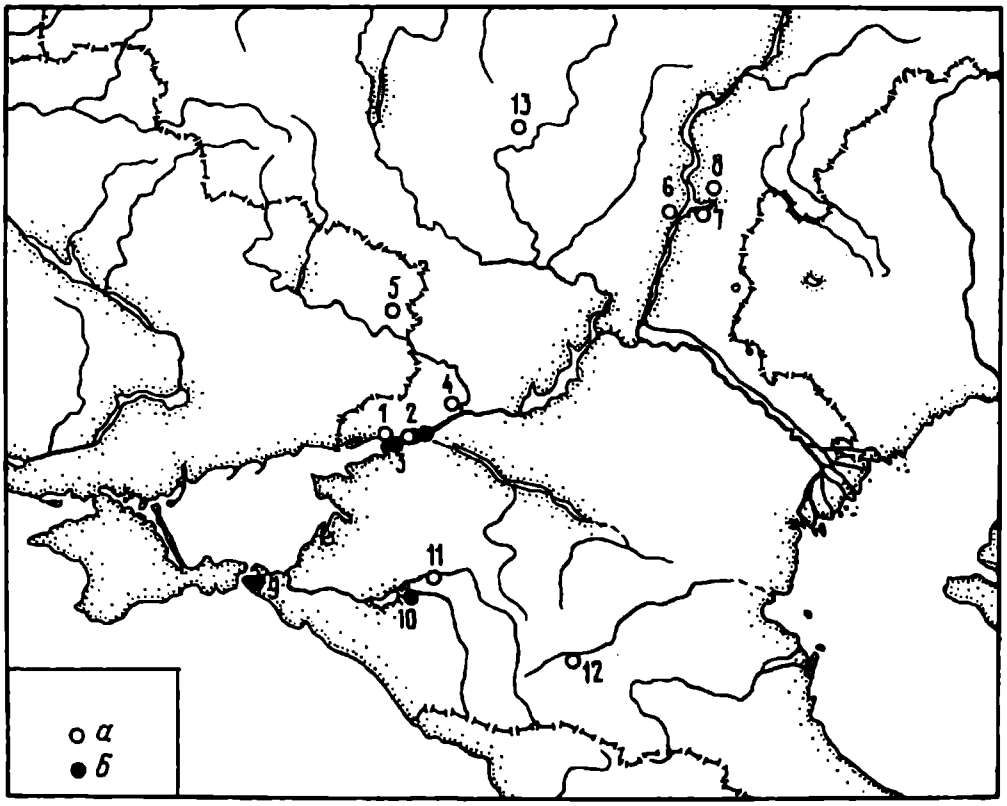

Рис. 1. Ханьские зеркала и местные подражания им в Восточной Европе: *1* — некрополь Танаиса; *2* — Кобяковский могильник; *3* — Нижнегниловской некрополь; *4* — могильник у хут. Виноградный; *5* — Чугуно-Крепинский могильник; *6* — могильник у с. Барановка; *7* — Бережновский могильник; *8* — могильник у с. Старая Полтавка; *9* — некрополь Тирамбы; *10* — могильник у хут. Чернышев; *11* — могильник у ст-цы Казанской; *12* — могильник у Минеральных Вод; *13* — курган «Третьяки»: *а* — ханьские зеркала, *б* — местные подражания

Отрезки соединяют основание петли с уплощенным рельефным кольцом. К кольцу снаружи примыкает лента из параллельных косых линий, ограниченных ободком. За ним находится внешнее орнаментальное поле. В нем имеются фрагменты изображений изогнутых стилизованных драконов, фениксов и иволги. Диаметр около 14 см.

Близкие аналогии зеркалу из кургана 1 Кобяковского могильника имеются в Музее искусства в Гонконге (Rawson J., Bunker E., 1990, p. 242, № 162), а также среди находок из могильников Западной Хань в Китае (Вэньву, 1987, № 6, табл. 2, *б*). Оба зеркала датируются концом II—I вв. до н. э.

Третье целое зеркало было найдено в кургане 10 Кобяковского могильника в 1987 г. (Gougouev V. K., 1994, p. 76—83; Guguev V. K., 1990, s. 37—42; Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992, с. 142—161; Treister M., Guguev V., 1994, s. 34—40). В кургане была погребена представительница высшей сарматской знати. Датировка комплекса концом I в. н. э.— началом II в. н. э. устанавливается по ряду предметов: стеклянному стакану тюльпановидной формы с оплавленным краем на кольцевом поддоне, краснолаковому сосуду в виде барана на подставке, деталям уздечного набора (Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992, с. 159). Зеркало находилось в плетеном древесном футляре, на котором сохранились остатки парчи с золотой вышивкой. В центре оборотной стороны зеркала имеется шишка-петля полусферической формы (рис. 2, *3*). От нее отходят четыре лепестка. Эта розетка заключена в ободок. Далее следуют две ленты из параллельных косых линий, внутри которых заключено уплощенное рельефное кольцо. За ними находится внешнее орнаментальное поле. Оно разделено на сектора четырьмя полусферическими выступами на плоском круглом основании. Внутри каждого

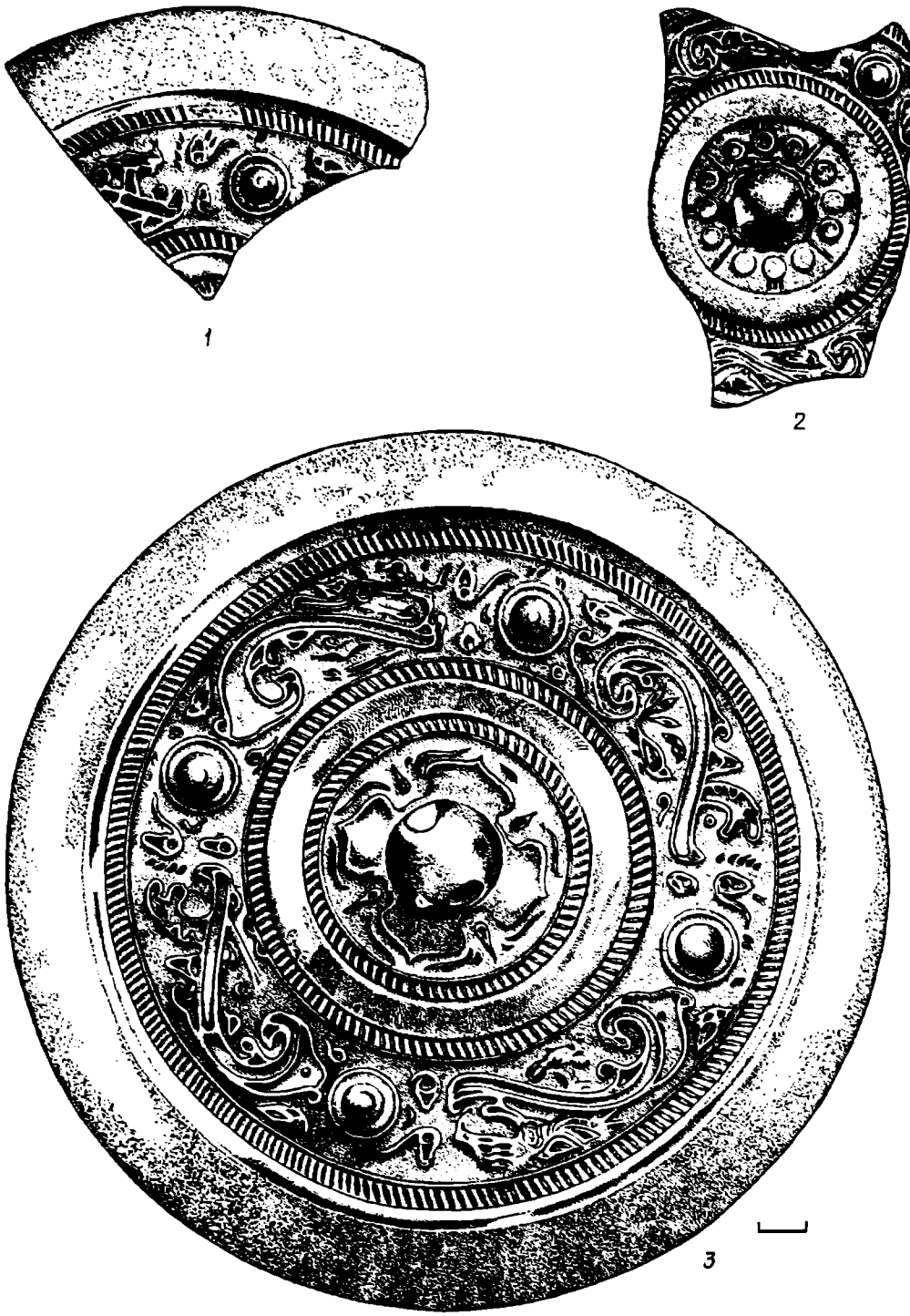

Рис. 2. Ханьские зеркала типа ssu-ju ssu-hui из Нижнего Подонья: *1* — зеркало из некрополя Танаиса; *2* — зеркало из кургана 1 Кобяковского могильника; *3* — зеркало из кургана 10 Кобяковского могильника

сектора имеется стилизованное изображение дракона. Под туловищем дракона помещен феникс, под хвостом — иволга. Основное орнаментальное поле заключено в ободок и ленту из косых линий. По краю проходит широкий уплощенный бортик. Диаметр около 19 см.

Прямые аналогии зеркалу из кургана 10 Кобяковского могильника имеются в коллекциях Тодда (Ruppert M., Todd O. J., 1966, pl. V, № 15) и лорда Канлифа (Watson W., 1962, p. 105, pl. 93b). Зеркало, практически идентичное кобяковскому, находится в музее Университета Филадельфии и датируется

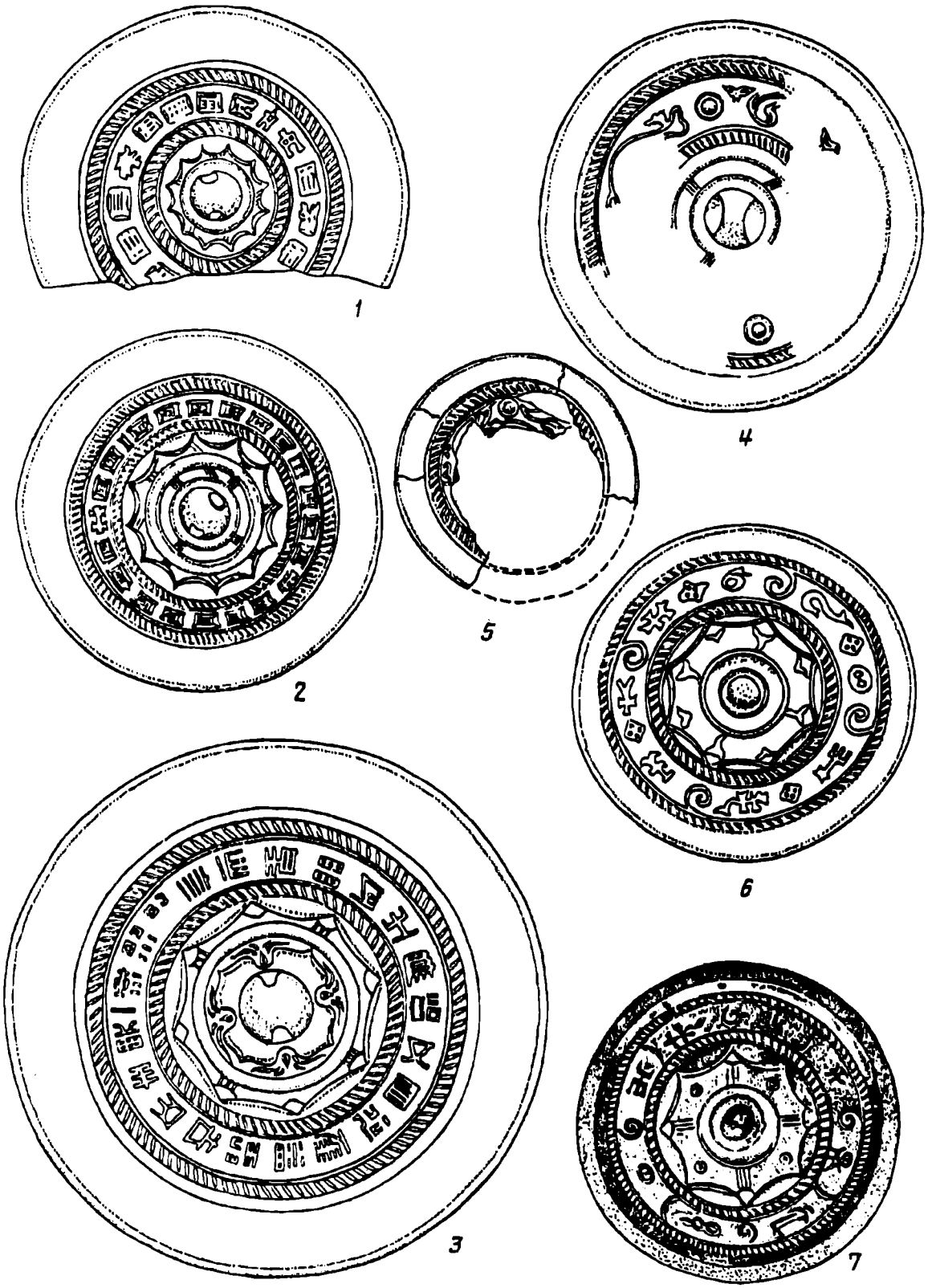

Рис. 3. Ханьские зеркала различных типов из Восточной Европы: *1* — зеркало из могильника у ст-цы Казанской; *2* — зеркало из Чугуно-Крепинского могильника; *3* — зеркало из кургана «Третьяки»; *4* — зеркало из Прикубанья (Гос. Эрмитаж, инв. 2723/5); *5* — зеркало из Бережновского могильника; *6* — зеркало из могильника у с. Старая Полтавка; *7* — зеркало из могильника у хут. Виноградный

А. Буллинг концом I в. до н. э. (Bulling A., 1959, p. 26, pl. 19). Рубежом нашей эры датируется зеркало, найденное в Шаньдуне, также практически идентичное экземпляру из кургана 10 Кобяковского могильника (Лян Шаньчунь, 1949, рис. 75).[2]

Все описанные нами выше находки из Нижнего Подонья принадлежат к различным вариантам одного типа. Эта разновидность зеркал получила широкое распространение в Китае в эпоху Западной Хань (Bulling A., 1959, p. 27). В литературе зеркала с четырьмя выступами, между которыми заключены стилизованные изображения змей, драконов, тигров и птиц, носят китайское наименование ssu-ju ssu-hui. Эти зеркала значительно отличаются по размеру, набору персонажей и степени их стилизации, оформлению центральной розетки. Строгая морфологическая классификация зеркал этой группы отсутствует. Место их изготовления не ясно. По мнению Е. И. Лубо-Лесниченко, подобные зеркала производились в центральных провинциях[3]. Однако все 11 зеркал, относящиеся к этой группе в коллекции Тодда, обозначенные как «зеркала с мифическими сильно стилизованными животными и птицами», происходят из северных провинций (Ruppert M., Todd O. J., 1966, № 5, 8, 9, 15, 21, 24, 53, 64, 300, 340, 356).

Сам факт, что три зеркала одного и того же типа были найдены в Кобяковском некрополе и соседнем некрополе Танаиса, наводит на мысль об их единовременном поступлении на Нижний Дон.

Зеркало такого же типа, происходящее из Прикубанья, поступило в Эрмитаж[4] совместно с вещами первых веков нашей эры. Это зеркало имеет плохую сохранность (рис. 3, *4*). Петля в центре оборотной стороны обрамлена двумя уплощенными рельефными окружностями. Основное орнаментальное поле разделено на сектора полусферическими выступами (сохранились только два из них), на которых видны остатки изображений стилизованных драконов и птиц. По краю проходит широкий уплощенный бортик. Диаметр зеркала 9 см.

Подобное зеркало было найдено И. В. Синицыным в Бережновском грунтовом могильнике в Поволжье (Синицын И. В., 1960, с. 46). Алебастровый сосуд бинокулярной формы датирует погребение I — началом II в. н. э. Рассматриваемое зеркало представлено фрагментами с остатками орнаментации (рис. 3, *5*): часть стилизованного дракона и полукруглые выступы с плоскими круглыми основаниями. Вдоль края проходит широкий уплощенный бортик. Диаметр зеркала 11 см.

На территории СНГ зеркала этого типа известны в Средней Азии (Карабулакский могильник) и на Алтае (Ноин Ула), но в общем достаточно редки (Баруздин Ю. Д., 1957, с. 28, рис. *5*, *2*, *3*).

Помимо описанных выше находок к той же группе относится еще одно зеркало, происходящее из раскопок 1896 г. в окрестностях Херсона. Морфологически оно близко ханьским зеркалам, хотя находки из того же погребения относятся к XIII—XIV вв. (ОАК за 1896, 1898, с. 83, 84, рис. 341).

В Подонье ханьские зеркала кроме описанных выше комплексов встречены еще в двух захоронениях. Одно из них, великолепной сохранности «восьмиарочного» типа с массивной шишкой-петлей на оборотной стороне и надписью, датируется II—I вв. до н. э. и происходит из разрушенного погребения I в. до н. э. у хут. Виноградного в Усть-Донецком р-не Ростовской обл. (Косяненко В. М., Максименко В. Е., 1989, с. 264—267). Оно имеет массивную центральную петлю на оборотной стороне, заключенную в окружность (рис. 3, *7*), образованную восемью арками, разделенными радиальными отрезками, образующими крест. В каждом секторе, образованном крестом, имеется маленькая окружность. В основном орнаментальном поле помещены восемь архаичных иероглифов, отделенных друг от друга дугами и спиралями. Зеркало имеет широкий бортик. Его диаметр 7,4 см. Зеркала этого типа называют ching-poi или ming-kuang,

[2] На эту аналогию нам любезно указал Е. И. Лубо-Лесниченко.
[3] Устное сообщение.
[4] ГЭ. Инв. 2723/5 .

или «чистое белое зеркало» (так как эти слова чаще всего встречаются в надписи) (Swallow R., 1977, p. 30—45). По данным Е. И. Лубо-Лесниченко, эти зеркала датируются II—I вв. до н. э. (Косяненко В. М., Максименко В. Е., 1989, с. 265, 266).

Чрезвычайно близко к находке из хут. Виноградного стоит зеркало, обнаруженное в кургане Е 22 около Старой Полтавки (Синицын И. В., 1946, с. 91, 92, рис. 26; Ebert M., 1929, taf. 46, *б*). Оно повторяет орнаментальную схему, стиль иероглифов, имеет такой же размер. К некоторым различиям относится следующее: вместо дуг, разделяющих иероглифы, на зеркале из Старой Полтавки изображены ромбы (рис. 3, *б*). Практически идентичные зеркала имеются в ряде коллекций и датируются I в. до н. э. (Kcechlin M. R., 1925, p. 43, 44, pl. XV, № 153, 154; Watson W., 1962. p. 27; Rawson J., Bunker E., 1990, p. 244, № 163).

Другой экземпляр происходит из разграбленного захоронения знатной сарматки рубежа I—II в. н. э. в курганном некрополе «Третьяки» на Среднем Дону (Medvedev A. P., Yefimov K. Yu., 1986, p. 83, 84, pl. 77, *1*). Зеркало имеет на оборотной стороне массивную шишку-петлю, находящуюся в центре четырехлепестковой розетки, восьмиарочный орнамент и надпись (рис. 3, *3*). Надпись из 21 иероглифа заключена между двумя лентами из параллельных косых линий. По краю зеркала проходит широкий плоский бортик. Его диаметр 12,5 см. Аналогичные зеркала иногда называют «астрономическими» и датируются концом Западной Хань — I в. до н. э. (Watson W., 1962, p. 244; Лубо-Лесниченко Е. И., 1975, с. 110).

Фрагмент другого зеркала был найден в кургане 43 у ст-цы Казанской на Кубани (раскопки Н. И. Веселовского, 1901 г.) с предметами начала II в. н. э. (рис. 3, *1*). На оборотной стороне на плоском круглом основании имеется центральная петля в виде массивного полусферического выступа. Надпись заключена между двумя лентами из параллельных косых линий. По краю проходит широкий уплощенный бортик. Диаметр зеркала 9 см.

Еще одно зеркало этого же типа было обнаружено в богатом сарматском погребении II—III вв. н. э. у с. Чугуно-Крепинское в Донбассе (Санжаров С. Н., 1986, с. 305). Оно отличается от описанных выше размером, наличием в пространстве между центральной петлей и окружностью из арок уплощенного рельефного кольца и количеством иероглифов (рис. 3, *2*). Оба описанных выше зеркала относятся к типу, иногда называемому ming-kuang, или «яркий свет», так как в магической формуле, заключенной в надписи, присутствует соответствующий иероглиф (Swallow R., 1977, p. 30). Аналогичные зеркала широко распространены в памятниках Китая и Вьетнама и обычно датируются I в. до н. э. (Vandermeersch L., 1960, p. 10, pl. III, № 20, 353; Swallow R., 1977, p. 30, № 27; Exhibition Taipei, 1986, p. 76, pl. 17; Rawson J., Bunker E., 1990, p. 244).

Несколько особняком от группы зеркал, датирующихся преимущественно концом Западной Хань, стоит экземпляр, найденный в раннесредневековом погребении Клин-Ярского III могильника на Ставрополье (Exhibition Tokyo, 1991, p. 86, № 88). В центре оборотной стороны имеется полусферический выступ, от которого расходится четырехлепестковая розетка. Розетка вписана в уплощенно-овальное кольцо, находящееся внутри окружности, образованной восемью арками. Между кольцом и арками помещены восемь тонко очерченных иероглифов. Вокруг кольца из арок проходит поясок из четырех тонких рельефных валиков. От внешнего валика радиально расходятся частые короткие отрезки. Диаметр зеркала 14 см. Подобные зеркала относят к разряду «астрономических» и датируют эпохой поздней Хань, преимущественно I—II вв. н. э. (Vandermeersch L., 1960, p. 16, pl. XII, № 27, 465; Watson W., 1962, № 99a; Exhibition Taipei, 1986, p. 88, pl. 24—26).

Двум зеркалам, которые фигурируют в литературе как ханьские, нам не удалось найти аналогии среди китайских материалов. Первое происходит из сарматского погребения I—II вв. н. э. у с. Барановка Камышинского р-на

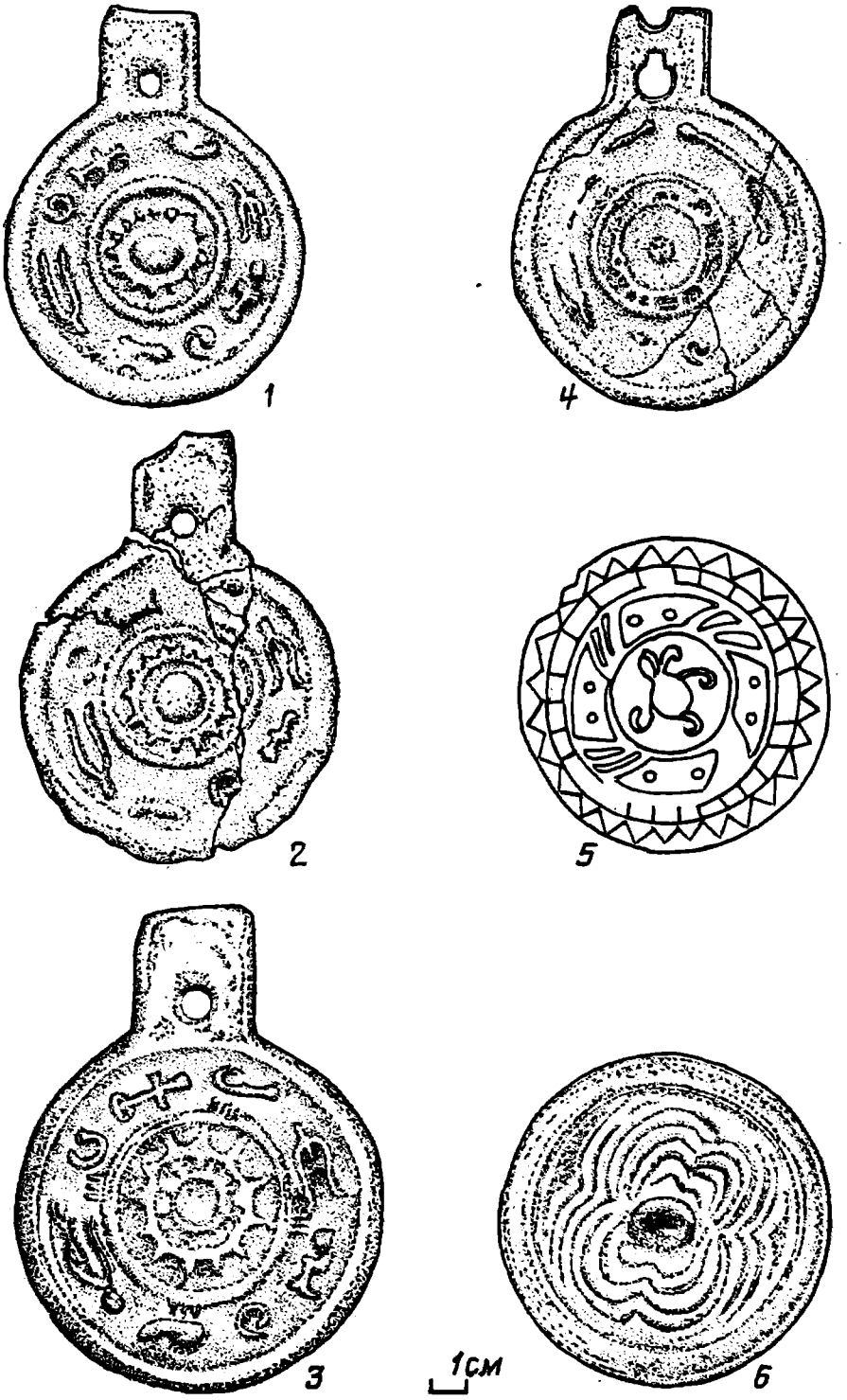

Рис. 4. Ханьские зеркала и местные подражания им из Нижнего Подонья, Прикубанья и Северного Кавказа: *1* — зеркало из Нижнегниловского могильника; *2* — зеркало из некрополя Тирамбы; *3* — зеркало из могильника у хут. Чернышев; *4* — зеркало из Кобяковского могильника; *5* — зеркало из могильника у с. Барановка; *6* — зеркало из могильника у Минеральных Вод

Волгоградской обл. (Сергацков И. В., 1984., с. 174, 175). Оно имеет центральную петлю (рис. 4, *5*), от которой отходят, образуя розетку, пять завитков. Основное орнаментальное поле состоит из четырех сегментов с двумя маленькими кружочками в каждом. Сегменты отделены друг от друга косыми отрезками,

образующими подобие вихревой розетки. Уплощенный бортик покрыт зигзагообразным орнаментом. Диаметр зеркала 9 см. По мнению автора раскопок, зеркало относится к типу ханьских (Сергацков И. В., 1984, с. 175).

Наконец, рассмотрим зеркало, найденное в погребении с фибулами конца I — начала II в. н. э. в районе Минеральных Вод (Ковалевская В. Б., 1977, с. 102, 103). Оно небольшого размера (рис. 4, *6*), с центральной петлей на оборотной стороне. От петли, образуя розетку, расходятся тонкие валики в виде арок. Диаметр зеркала около 5 см. По мнению автора раскопок В. Б. Ковалевской (1977, с. 103), оно относится к китайским изделиям.

Этот короткий список охватывает находки ханьских зеркал на юге Восточной Европы. Хотя известно еще два ханьских зеркала в собрании Музея истории донского казачества в Новочеркасске, данных об их происхождении нет (Красковская В. А., 1960, с. 356—360).

По всей вероятности, зеркала типа найденного у хут. Виноградного служили прототипом для местных подражаний в Северном Причерноморье.

Нам известны четыре реплики ханьских зеркал в данном регионе: в погребении 54 некрополя Тирамбы (Коровина А. К., 1987, с. 33, рис. 29) (рис. 4, *2*), в кургане 5, погребении 44 у хут. Чернышева на Кубани (Шедевры древнего искусства Кубани, 1987, с. 150, 152, рис. 58; Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban, 1989, abb. 58) (рис. 4, *3*), в погребении 26 Кобяковского некрополя (раскопки В. К. Гугуева 1985 г.) (рис. 4, *4*), в погребении 12 Нижнегниловского некрополя на Нижнем Дону (раскопки В. К. Гугуева 1990 г.) (рис. 4, *1*). По сопровождающему инвентарю зеркала датируются второй половиной I в. н. э.— началом II в. н. э. Морфологически все они относятся к типу местных зеркал-подвесок с боковой петлей для подвешивания. Подобные зеркала, служившие амулетами, были распространены в первые века нашей эры от Западного Казахстана до Венгрии — по всему ареалу сарматской культуры, из-за чего и получили в литературе название «сарматских», или «понтийско-сарматских», или «карпо-сарматских» (Хазанов А. М., 1963, с. 68; Абрамова М. П., 1971, с. 124—127). Широкое распространение зеркал-подвесок с боковым ушком, разнообразие их орнаментации позволяют предположить, что они отливались в различных центрах. Т. Б. Барцева, исследовавшая металл зеркал-подвесок, пришла к выводу, что они импортировались в Северное Причерноморье и Прикубанье из районов Северного Кавказа (Барцева Т. Б., 1971, с. 137). Формы для отливки зеркал были найдены на поселении Милитарь близ Бухареста в землянке, датируемой фибулами второй половиной III в. н. э. (Bichir Gh., 1965, p. 209—211; 1976, p. 99). По мнению Г. Бикира (Bichir Gh., 1976, p. 99, 100), ремесленники, отливавшие здесь зеркала, могли быть даками или сарматами. Автор считает, что зеркала с тамгами были созданы на Кубани под центральноазиатским влиянием. Находки на Боспоре, в Ольвии и на Нижнем Днепре показывают путь их распространения на запад. На территорию современной Румынии зеркала первоначально ввозились сарматами из степей Северного Причерноморья, а затем и здесь было налажено изготовление зеркал вначале в привозные формы, а затем в подражающие им, изготовленные на месте. Значительная часть данных зеркал была украшена рельефными тамгами. Однако указанные выше четыре экземпляра имеют отличную от известных сотен зеркал-подвесок орнаментальную схему. Знаки, нанесенные посредством литья на оборотную сторону зеркал, более всего похожи на архаичные китайские иероглифы типа тех, что имеются на зеркалах из хут. Виноградного и Старой Полтавки. Представляется, что наличие местных копий предполагает достаточно хорошее знакомство с китайскими подлинниками. Характерно, что указанные реплики датируются временем не ранее второй половины I в. н. э., т. е. не менее чем на 100 лет отделены от прототипа. Аналогичная асинхронность наблюдается и при сопоставлении датировок описанных выше нижнедонских комплексов и найденных в них зеркал. Вероятно, запаздывание этой категории импорта было универсальным явлением за пределами Китая. Так, в Средней Азии и Западном Казахстане, районах, несомненно,

более тесно связанных с Китаем, основные типы ханьских зеркал находились в обиходе спустя одно-два столетия после того, как их изготовление в Китае было прекращено (Мошкова М. Г., 1982, с. 104; Горбунова Н. Г., 1990, с. 83, рис. 1—4; Mochkova M. G., 1994, p. 84, 87).

Копирование ханьских зеркал было явлением, характерным не только для Подонья и Прикубанья. Местные подражания, отлитые в формах, снятых с китайских зеркал, известны из могильников Ферганы — Н. Г. Горбунова выделяет три таких экземпляра из могильников Тура-Таш, Хангиз и Сурх II (Горбунова Н. Г., 1990, с. 47, рис. 18, *16—18*). Б. А. Литвинский подчеркивает, что за пределы Китая зеркала могли попасть через длительное время после их производства и здесь, не лимитированные развитием «внутрикитайской» моды, употребляться еще столетия спустя: «...в целом основные типы китайских зеркал были в „обращении" в Средней Азии еще одно-два столетия спустя прекращения их производства в Китае, фрагменты таких зеркал, превращенные в украшения, могли бытовать еще по крайней мере такое же время, а воспроизводиться — на протяжении всего этого периода или еще позже» (Литвинский Б. А., 1978, с. 104).

В распространении реплик ханьских зеркал мы усматриваем несколько причин. Во-первых, очевидна престижность этой категории импорта. Не случайно китайские зеркала найдены, как правило, в погребениях местной кочевой знати.

В какой-то степени можно говорить о моде на восточные изделия в Северном Причерноморье в I—II вв. н. э. Характерно, что на Боспоре в это время получают распространение и реплики драгоценных восточных украшений, оружия, упряжи, выполненных в так называемом сарматском зверином стиле (Засецкая И. П., 1980, с. 35—47; 1989, с. 49—54).

Наконец, китайские иероглифы, особенно в их стилизованном виде, могли ассоциироваться у населения Северного Причерноморья с так называемыми тамгообразными знаками — племенными символами, мифологизированными в среде кочевого ираноязычного населения. Косвенно это подтверждается чрезвычайной распространенностью «сарматских» тамгообразных знаков именно на зеркалах, что в свою очередь тесно связано с распространением у ираноязычных номадов культов солярно-вегетативного цикла.

Кроме прямых подражаний китайским зеркалам в I — начале II в. н. э. можно выделить еще одну волну восточного влияния на производство зеркал в Северном Причерноморье. Речь идет о повсеместной замене на рубеже II—III вв. н. э. зеркал-подвесок с боковой петлей на образцы с петлей-выступом в центре (Хазанов А. М., 1963, с. 58—71). Этот тип зеркал, получивший дальнейшее развитие в Евразии в раннем средневековье, очевидно, генетически связан с восточными прототипами. В настоящее время удается локализовать по крайней мере два центра их производства. Формы для отливки таких зеркал найдены на городище Чеганда I в Прикамье (Садыкова М. Х., 1962, с. 273, рис. 11, *1*, *2*). Подобная же форма и фрагменты, аналогичные ей, найдены в Танаисе в помещении первой половины III в. н. э. (Арсеньева Т. М., 1984, с. 103). В Северном Причерноморье зеркала нового типа появляются одновременно с новой волной кочевого ираноязычного населения — носителями позднесарматской культуры. Согласно новейшим исследованиям, эта волна номадов представляла собой миграцию части кочевого населения Средней Азии, включившей в себя предшествующий ираноязычный субстрат. Важно отметить, что зеркало у ираноязычных кочевников, как, впрочем, и у многих других народов, в своей орнаментальной схеме символизировало систему мироздания. В силу этого существенное изменение морфологии зеркал, связанное к тому же с эволюцией орнаментальной схемы, несомненно, было связано с определенными новациями в идеологии населения Северного Причерноморья.

В связи с концентрацией китайских зеркал и их реплик на Нижнем Дону и в прилегающих областях встает вопрос о возможных путях проникновения этой категории импорта. Прежде всего обращает внимание факт, что зеркала

на Нижнем Дону обнаружены, как правило, в погребениях сарматской знати. Не менее существенно то, что содержавшие их комплексы датируются преимущественно среднесарматской эпохой. Показательно, что ханьские зеркала далеко не единственная категория восточных импортов в курганах сарматской знати I — первой половины II в. н. э. на Нижнем Дону (Treister M., Guguev V., 1994, s. 34—40). Есть и другая не менее выразительная группа предметов восточного происхождения — ювелирные изделия в так называемом золото-бирюзовом стиле. К ним относятся как широко известные комплексы золотых вещей из курганов «Хохлач», «Садовый» у Новочеркасска (Клейн Л. С., 1976, с. 228—234; Засецкая И. П., 1989, с. 54; Gold der Skythen, 1993, s. 238 ff., № 155—158), так и недавно найденные серии аналогичных предметов из Кобяковского кургана 10 (Exhibition Tokyo, 1991, p. 111 ff., № 130—134; Гугуев В. К., 1992, с. 116—129; Aus den Schatzkammern Eurasiens, 1993, s. 265 ff., № 140—144), кургана группы «Дачи» у Азова (Exhibition Tokyo, 1991, p. 102 ff., № 108—127; Беспалый Е. И., 1992, с. 175—191; Aus den Schatzkammern Eurasiens, 1993, s. 251 ff., № 133—137), могильника Косика в Поволжье (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993, с. 141—179; Dvornitchenko V. V., Fedorov-Davydov G. A., 1994, p. 66—75), кургана у с. Пороги в Приднепровье (Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991, с. 18—25; Gold der Steppe, 1991, s. 328, № 155). По технологии и стилю эти вещи примыкают к драгоценностям так называемой сибирской коллекции Эрмитажа и царского некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане (Артамонов М. И., 1973, с. 216, 217; Сарианиди В. И., 1987, с. 72—83; Sarianidi V. I., 1985, p. 26—31). Набор этих предметов представлен, как правило, инсигниями власти, гривнами, браслетами в зверином стиле, парадной конской упряжью и оружием, ритуальными сосудами и т. п. Эти предметы у иранцев являлись сакральными атрибутами власти и, очевидно, не предназначались для торговых операций. Наиболее вероятно попадание к сарматам этих изделий в результате ограбления царских (храмовых?) сокровищниц, либо в качестве даров. В составе добычи могли быть и китайские зеркала, широко употреблявшиеся, как свидетельствуют раскопки Тилля-Тепе, бактрийской знатью (Sarianidi V. I., 1985, p. 203, fig. 145; p. 258, fig. 31).

Ханьские зеркала могли попасть на Нижний Дон и посредством транзитной торговли по сухопутной части «Великого шелкового пути», имевшего, вероятно, выход к Танаису. Сарматы-аорсы, по свидетельству Страбона (XI.V.8), принимали в такой торговле активное участие. Принадлежность рассматриваемых выше китайских зеркал из могильников Танаиса и Кобякова к одному типу как будто бы свидетельствует в пользу завоза их в составе одной партии товаров.

Распространение китайских зеркал в Фергане считают одним из свидетельств передвижения племен около рубежа нашей эры, а также функционирования Шелкового пути. Китайские зеркала здесь встречаются в погребениях определенной группы населения, для быта которой они были характерны,— это пришлое население, сохранившее свои традиции, двигавшееся из районов Центральной Азии (Горбунова Н. Г., 1990, с. 48).

О том, как далеко на запад доходили китайские товары, свидетельствуют находки фрагментов шелка в слоях II—IV вв. в Валлисе (Швейцария) (Wild J. P., 1987, s. 59—73).

Описывая пути, по которым ежегодно караваны с шелком шли из Китая на запад, автор «Перипла» писал: «...начиная с правления Нерона они шли либо сухопутными маршрутами, которые от Исседонской Скифии (Кашгар) заканчивались на Черном море, или, пересекая Персию, в Селевкии, между Тигром и Евфратом, или вниз по Инду на судах, а затем вдоль побережья к Персидскому заливу, или открытым морем в египетские порты Красного моря» (Carcopino J., 1947, p. 200). Как отмечал Дж. Миллер, это описание повторяет известные пассажи из китайских хроник (Miller J. I., 1969, p. 137). Исследователь добавляет, что при Сасанидах (224—636 гг.), а именно при Ардашире, который происходил, как и Кир, из Персии, проводилась политика вытеснения римлян из Азии.

Соответственно торговые пути перемещались все более к северу или, наоборот, на юг (морской путь). С востока торговцы, используя Окс или Яксарт, добирались до Волги, а оттуда, в свою очередь по Дону,— к Боспорскому царству (Miller J. I., 1969, p. 139) [5].

Существование этого северного сухопутного пути еще в III в. до н. э., по-видимому, подтверждает клад, содержавший 15 боспорских монет чеканки Пантикапея и Фанагории, обнаруженный в 1918 г. в Джунгарии (Werner J., 1933, s. 249, 250; Gajdukevic V. F., 1971, s. 108). Находки бронзовых монет первой половины I в. до н. э. чеканки Амастрии (Понтийское царство) и Пантикапея в сарматском погребении второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. на Южном Урале (Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф., 1985, с. 242—246) свидетельствуют о функционировании этого пути столетиями позже. Судя же по «Аримаспее» Аристея из Проконесса, этот путь существовал еще в VI в. до н. э. (Raschke M. G., 1978, p. 610, 691, 692, not. 67, 68).

По мнению М. Г. Рашке, находки в сарматских погребениях понтийских степей и волжского бассейна китайских зеркал и нефритовых скоб от ножен мечей [6], количество которых увеличивается далее к востоку Центральной Азии и Минусинской котловине, вряд ли свидетельствует о том, что они поступали в основном в результате торговли. Более важную роль в этом процессе играли иные механизмы прибретения товаров в среде номадов: войны, межплеменные браки с богатыми дарами и, наконец, товарообмен и обмен подарками. Такие маленькие предметы, как зеркала, имевшие к тому же сакральное значение, могли распространяться на запад указанными выше путями. Это заключение М. Г. Рашке базируется не только на данных археологии, оно также подтверждается китайскими письменными источниками (Raschke M. G., 1978, p. 609, 610; Levi M. A., 1987, p. 67—80).

Сохранившиеся фрагменты ханьских законов дают значительный материал относительно предметов контрабанды, запрещенных к вывозу за пределы империи. Основными среди них были металлы и оружие (Ying-shih Yu., 1967, p. 119—132). Йинг-ши-ю отмечает, что запреты имели прежде всего политические и военные причины, нежели экономические соображения. Находки ханьского оружия и железных сосудов за пределами Ханьской империи в варварских некрополях в Хсьюнг-ну или Ву-хуани не могли быть ни дарами Ханьской администрации, ни подарками. Наиболее вероятный канал, по которому распространялись такие изделия,— контрабандная торговля (Ying-shih Yu., 1967, p. 129, 130). Находка фрагментов китайского арбалета в руинах второго Парфянского дворца в Сиркапе, перестроенного около 30 г. н. э. (в настоящее время хранится в Музее Таксилы в Индии), также может свидетельствовать о наличии такой торговли. В записке, представленной Ц'ай Юнгом императору около 177 г. н. э., отмечалось, что «очищенный металл» (бронза?) и железо контрабандно вывозятся за пределы страны (Ying-shih Yu., 1967, p. 131—132).

Наряду с рассмотренными выше фактами о влиянии продукции ханьских мастерских на зеркала, изготовленные в Средней Азии и Причерноморье, имеются факты, свидетельствующие о распространении такого влияния далеко на запад.

---

[5] Ср. точку зрения Д. Б. Кемпбела: «В действительности имеются скудные свидетельства (вплоть до значительно более позднего времени) в поддержку идеи о трансазиатском Шелковом пути, хотя значительное количество шелка и уходило из Китая на запад на территории Хсьюнг-ну в качестве дани. С другой стороны, из „Перипла Эритрейского моря" (гл. 64) известно, что торговцы шелком путешествовали через Бактрию к югу от нее через Кушанское царство, чтобы встретиться с торговцами в индийских портах Барбарикум и Баригаза. Без сомнения, основной шелковый путь проходил здесь, и это был основной путь на восток. Мы можем быть уверены, что западные путешественники редко появлялись в виду Китая, это в еще большей степени касается его северных границ» (Campbell D. B., 1989, p. 373).

[6] Возможно, наиболее западной находкой нефритовой скобы является предмет из погребения 2 могилы 1 кургана «Рошава драгана» к западу от Старой Загоры в Болгарии, который датируется второй половиной I в. н. э. (Bujukliev H., 1986, p. 42, pl. 10, № 100.). В Северном Причерноморье известна достоверная находка нефритовой скобы в Керчи (Trousdale W., 1975, p. 102, 237—245, № 5).

Интересные результаты дают наблюдения за эволюцией качественного состава металла античных зеркал.

Сплав, который использовался для отливки италийских и провинциально-римских зеркал, характеризуется высокими концентрациями олова и довольно стабильными пропорциями свинца. Он принципиально отличается от рецептов, по которым отливались зеркала греками и этрусками в предшествующую эпоху. Так, архаические греческие зеркала были изготовлены из сплава, содержавшего около 10% олова. Эти добавки были характерны и для этрусских зеркал, и для греческих зеркал классического и эллинистического времени (при незначительном увеличении концентраций свинца в эллинистическую эпоху) (Craddock P. T., 1977, p. 105; 1984, p. 227, 229).

В каком же регионе следует искать центр изобретения рецепта, которым пользовались бронзолитейщики Италии и провинций? Исследования китайских зеркальных сплавов показали, что по крайней мере с VI в. до н. э. точно такие же рецепты сплавов применялись здесь. Употреблялись подобные рецепты и для отливки ханьских зеркал (Богданова-Березовская И. В., 1975, с. 131 сл.; Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975, с. 124; Riederer J., 1977, s. 6—16; Raub C. J., 1985, s. 365; Трейстер М. Ю., 1991, с. 101). Вероятно, римские бронзолитейщики использовали ханьские зеркальные сплавы. Микроструктура римских зеркал значительно ближе китайским, нежели этрусским, зеркалам (Pansieri C., Leoni M., 1957a, fig. 10; 1957b, fig. 7; Goodway M., 1989, p. 26).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Арсеньева Т. М., 1984. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. М.

Баруздин Ю. Д., 1957. Карабулакский могильник//Тр. Ин-та истории АН КиргССР. Вып. III. Фрунзе.

Барцева Т. Б., 1971. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Беспалый Е. И., 1992. Курган сарматского времени у г. Азова//СА. № 1.

Богданова-Березовская И. В., 1975. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины//*Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.

Вэньву, 1977. № 6 (на кит. яз.).

Горбунова Н. Г., 1990. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы//Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: древность и средневековье. М.

Гугуев В. К., 1992. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов)//ВДИ. № 4.

Гущина И. И., Сорокина Н. П., 1984. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области//ВДИ. № 3.

Засецкая И. П., 1980. Изображение «пантеры» в «сарматском искусстве»//СА. № 1.

Засецкая И. П., 1989. Проблемы сарматского «звериного стиля»//СА. № 3.

Казакова Л. М., Каменецкий И. С., 1970. Курганы Танаиса//КСИА. Вып. 124.

Клейн Л. С., 1976. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Ковалевская В. Б., 1977. О работе средневекового отряда Ставропольской экспедиции//АО — 1976. М.

Коровина А. К., 1987. Раскопки некрополя Тирамбы//Сообщ. ГМИИ. Вып. VIII.

Косяненко В. М., Максименко В. Е., 1989. Комплекс вещей из сарматского погребения у хут. Виноградный на Нижнем Дону//СА. № 1.

Красковская В. А., 1960. О бронзовых зеркалах Донского музея//Исследования по истории культуры Востока. М.-Л.

Кропоткин В. В., Обыденнов М. В., 1985. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале//СА. № 2.

Литвинский Б. А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.

Лубо-Лесниченко Е. И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.

Лян Шанчунь, 1949. Яньку цзаньцзинь (Зеркала, хранящиеся в Яньку). Бейпин (на кит. яз.).

Мошкова М. Г., 1982. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане//КСИА. Вып. 170.

Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья//Очерки технологии ОАК за 1896 г. 1898. СПб. древнейших производств. М.
Прохорова Т. А., Гугуев В. К., 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника//СА. № 1.
Садыкова М. Х., 1962. Сарматские памятники Башкирии//МИА. № 115.
Санжаров С. Н., 1986. Раскопки курганов в Донбассе//АО — 1984. М.
Сарианиди В. И., 1987. Бактрийский центр златоделия//СА. № 1.
Сергацков И. В., 1984. Исследования в Камышинском районе//АО — 1982. М.
Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э, Погребения знати у с. Пороги. Киев.
Синицын И. В., 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья//СА. Вып. VIII.
Синицын И. В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана//МИА. Вып. 78.
Трейстер М. Ю., 1991. Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе//СА. № 1.
Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. № 4.
Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. Каталог выставки (Art Treasures of Ancient Kuban). М.
Aus den Schatzkammern Eurasiens, 1993. Aus den Schatzkammern Eurasiens. Meisterwerke antiker Kunst. Kunsthaus Zürich. Zürich.
Bichir Gh., 1965.//Dacia. N. S. T. XI.
Bichir Gh., 1976. The Archaeology and History of the Carpi from the Second to the Fourth Century A. D. (BAR Suppl. ser. 8). Oxford.
Brinker H., 1975. Bronzen aus dem alten China//Museum Rietberg Zürich. Kataloge Sonderaustellung in Haus zum Kiel. Nov. 1975 — Feb. 1976. Kiel.
Bujukliev H., 1986. La necropole tumulaire thrace près de Čatalka, region de Stara Zagora (Fouilles et recherches, XVI). Sofia.
Bulling A., 1959. The Decoration of Mirrors of the Han Period//Artibus Asiae. Suppl. XX. Ascona.
Campbell D. B., 1989. A Chinese Puzzle for the Romans//Historia. B. 38.
Carcopino J., 1947. La vie quotidienne a Rome a l'apogee de l'empire. Paris.
Craddock P. T., 1977. The Composition of the Copper Alloys Used by the Greek, Etruscan and Roman Civilisations. Pt 2//J. Archaeol. Sci. V. 4.
Craddock P. T., 1984. The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze//St Etr. V. LII.
Dvornitchenko V. V., Fedorov-Davydov G. A., 1994. Trésors des tombes de l'aritocratie sarmate au nord de la Caspienne//Dossiers archéol. № 194.
Ebert M., 1929. Reallexikon der Vorgeschichte. B. 13. S. v. Südrussland.
Exhibition Taipei, 1986. Catalogue of Special Exhibition of Bronze Mirrors in the National Palace Museum. Taipei.
Exhibition Tokyo, 1991. The Treasures of the Nomadic tribes in South Russia. Catalogue of the Exhibition in Ancient Orient Museum. Apr. 13 — May 26 1991. Tokyo.
Gajdukevič V. F., 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin, Amsterdam.
Gold der Skythen, 1993. Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St.-Petersburg, Hamburg.
Gold der Steppe, 1991. Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Archäologisches Landesmuseum, Schleswig. Schleswig.
Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban, 1989. Neue archäologische Entdeckungen aus der Sowjetunion. Stuttgart.
Goodway M., 1989. Etruscan Mirrors: A Reinterpretation//History of Technology: The Role of Metals/Eds Fleming S. J., Schenck H. R. (MASCA Res. Pap. in Sci. and Archaeol. V. 6).
Gougouev V. K., 1994. Tombe d'une reine sarmate//Dossiers archéol. № 194.
Guguev V. K., 1986. The Burials in Kobyakowo Barrow-Cemetry//Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Internat. Ser. 278). Oxford.
Guguev V. K., 1990. Ein reiches Sarmatengrab in Rostov am Don//Das Altertum. B. 36. Hf. 1.
Keechlin M. R., 1925. Collection Osvald Siren. Documents d'art Chinois//Ars asiatica. VII. Paris, Bruxelles.
Koop S. A. von, 1924. Frühe Chinesische Bronzen. Berlin.
Levi M. A., 1987. Equilibrio di potenze eurasiatiche dal II sec. A. C. al I D. C.//Parola Passato. Fasc. CCXXXII.
Medvedev A. P., Yefimov K. Yu., 1986. A Sarmatian Barrow with Roman and Chinese Imports in the Middle Don Region//*Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford.
Miller J. I., 1969. The Spice Trade of the Roman Empire, 29 B. C. to A. D. 641. Oxford.
Mochkova M. G., 1994. Le cimetiere sarmate de Lebedevka dans le sud de l'Oural//Dossiers archéol. № 194.
Pansieri C., Leoni M., 1957a. Sulla tecnica di fabbricazione degli specchi etruschi//Metallurgia ital. V. 49.
Pansieri C., Leoni M., 1957b. The Manufacturing Technique of Etruscan Mirrors//Studies in Conservation. V. 3.
Raschke M. G., 1978. New Studies in Roman Commerce with the East//ANRW. II. B. 9. 2. Berlin, New York.
Raub C. J., 1985. Was kann der Archäologie von der Metallkunde erwarten?//Fundber. aus Baden-Württemberg. B. 10.
Rawson J., Bunker E., 1990. Ancient Chinese and Ordos Bronzes//Catalogue of an Exhibition. Hong Kong Museum of Art. 12 Oct.— 2 Dec. 1990. Hong Kong.
Riederer J., 1977. Metallanalysen chinesischer Spiegel//Berl. Beitr. Archäol. B. 2.

Rupert M., Todd O. J., 1966. Chinese Bronze Mirrors. New York.
Sarianidi V. I., 1985. Bactrian Gold: From the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad.
Swallow R., 1977. Ancient Chinese Mirrors. Michigan.
Treister M., Guguev V., 1994. Ein Volk zwischen den grossen Kulturen//Damals. № 9.
Trousdale W., 1975. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. Washington.
Vandermeersch L., 1960. Les mirroirs de bronze du Musée de Hanoi. Paris.
Watson W., 1962. Ancient Chinese Bronzes. London.
Werner J., 1933. Fund bosporanischer Münzen in der Dzungarei//ESA. Jg. 8.
Wild J. P., 1987. Ein römischer Seidenstotf aus dem Wallis: Vallis Poemina an der antiken Seiden-Strasse?//Helvetia Archaeologia. Jg. 18(№ 70).
Ying-shih Yu., 1967. Trade and Expansion in Han China. Berkeley.

Ростовский государственный университет,
Ростов-на-Дону
Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

V. K. GUGUEV, M. Yu. TREISTER

HAN DINASTY MIRRORS AND THE LOCAL IMITATIONS IN THE SOUTH OF THE EASTERN EUROPE

Summary

The article is devoted to the Chinese mirrors dated to Han dinasty time. They were found in the south of the Eastern Europe mainly in the Sarmatian graves of the 1st century B. C.— early 2nd century A. D. The mirrors' dating and the burial contexts are discussed as well as the Chinese mirrors' influence on the specimens of the local production, morphologically similar to the Sarmatian type mirrors although decorated after the articles of Han manufacture. The authors enlist all the know finds of the Chinese mirrors in the Eastern Europe (fig. 1) to show the way of their penetration in this area. The spectral and metallographical investigations serve to solve the problems stated above. Finally the finds are analyzed in the context of the ethno-political situation in Eurasia in the break of the eras and in the first centuries A. D.

И. Г. РАВИЧ

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МИНИАТЮРНЫХ САРМАТСКИХ ЗЕРКАЛ ИЗ «БЕЛОЙ БРОНЗЫ»

Миниатюрные зеркальца с боковым ушком (подвески), а также зеркальца с петелькой в центре диска являются, как известно, одной из наиболее многочисленных групп среди зеркал сарматского времени. Период их бытования, районы распространения, специфика орнамента детально рассмотрены в работах А. М. Хазанова (Хазанов А. М., 1963, с. 65—69), М. П. Абрамовой (Абрамова М. П., 1971), Б. А. Литвинского (Литвинский Б. А., 1978, с. 86, 92—94). Меньше внимания исследователи уделяют особенностям из состава, в частности объяснению того факта, что большинству миниатюрных зеркал присущ серебристый цвет, менее характерный для сарматских зеркал других типов.

Изучению химико-технологических особенностей сарматских зеркал посвящены работы М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной (Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1978), а также публикация Т. В. Барцевой (Барцева Т. В., 1971), в которых исследованы зеркала различных типов Поволжья и Приуралья и зеркала-подвески Центрального Кавказа. Характеризуя последние с точки зрения содержания в них примесей, автор показывает, что центром производства этих зеркал, а также экземпляров, найденных в Поволжье, на Кубани, в Северном Причерноморье, является Северный Кавказ (Барцева Т. В., 1971, с. 138). По мнению М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной, исследовавших серебристые зеркала, представлявшие собой плоские диски, иногда с ручкой-штырем, их состав по содержанию основных легирующих элементов и примесей совпадает с составом китайских зеркал. Этот факт, а также находка в кургане 33 сарматского могильника Поволжья Бережновка II зеркала эпохи Хань позволили авторам предположить, что сарматы Поволжья получали готовые слитки серебристого сплава для изготовления своих зеркал из районов «юго-восточных по отношению к сарматской территории» (Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1978, с. 129). Говоря о миниатюрных сарматских зеркалах, необходимо также отметить, что их наиболее ранние прототипы были найдены в Южной Сибири в могильниках тагарского времени, что свидетельствует также и о сибирском влиянии на сложение типа сарматских зеркал (Хазанов А. М., 1963, с. 68; Киселев С. В., 1949, с. 87, 92). Миниатюрные тагарские зеркальца с петелькой исследовала И. В. Богданова-Березовская, которая установила, что в качестве основной легирующей добавки они содержат 1—9% олова; часто встречаются и экземпляры, изготовленные из чистой меди (Богданова-Березовская И. В., 1963, с. 137, табл. 3). Недавние находки в курганах римского времени, расположенных на Нижнем Дону, ханьских зеркал, а также миниатюрных зеркал различных типов, среди которых несколько зеркал-подвесок имеют рисунок, имитирующий китайские иероглифы, вновь ставят вопрос о влиянии китайских зеркал на сарматские (раскопки В. К. Гугуева). Описанию археологических комплексов и типологии зеркал Нижнего Дона посвящена работа В. К. Гугуева и М. В. Трейстера в настоящем номере журнала, в которой прослеживаются пути попадания китайского импорта на Нижний Дон и влияние китайских образцов на зеркала местного производства. Наша работа является продолжением их статьи и посвящена характеристике зеркал-подвесок с точки зрения состава

© И. Г. Равич, 1995 г.

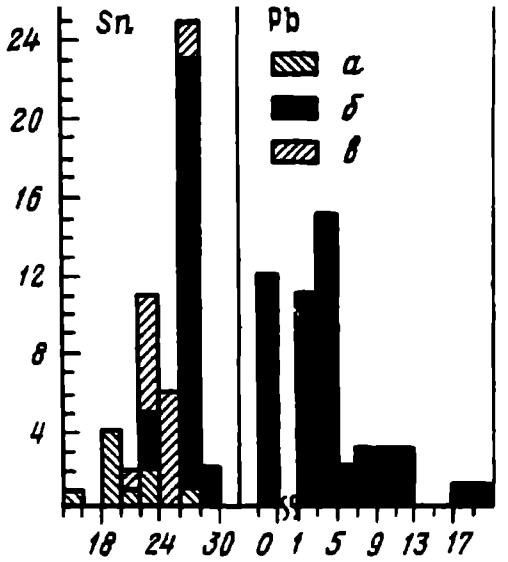

Рис. 1. Гистограммы концентраций легирующих элементов (Sn и Pb) в миниатюрных сарматских зеркалах, найденных в могильниках Нижнего Дона и Северного Кавказа. *а* — состав зеркал-подвесок с неорнаментированной поверхностью; *б* — состав зеркал-подвесок с орнаментированной поверхностью; *в* — состав зеркал с петелькой в центре

и технологии их изготовления, что позволяет определить, в какой мере составы серебристых сплавов сарматских зеркал близки к китайским образцам, а также к своим тагарским прототипам. Полученные данные мы дополняем результатами исследования группы миниатюрных сарматских зеркал различных типов, найденных на Северном Кавказе (раскопки Т. А. Габуева в Уляпе и П. А. Дитлера в Ясеновой Поляне и Колосовке), и нескольких беспаспортных зеркал из Одесского археологического музея.[1]

Основными методами нашего исследования являлись спектральный и металлографический анализы, которые проводились на приборе СТЭ-1 и металлографическом микроскопе МИМ-8. Хорошая сохранность большинства зеркал, наличие у них некорродированной полированной поверхности позволили изготовить шлиф непосредственно на самом зеркале, т. е. произвести металлографический анализ без нарушения целости предмета. Для контроля количества олова, а также для исследования тех зеркал, от которых нельзя было взять пробу для спектрального анализа, мы отливали образцы сравнения, содержавшие от 20 до 30% олова; количество олова при переходе от сплава к сплаву меняли на 1%, чтобы более точно фиксировать рецептурные нормы зеркал. Отливку образцов сравнения производили в малотеплопроводную форму, изготовленную из шамотного кирпича, чтобы приблизить скорость охлаждения сплавов к той, которая существовала в древности, о чем свидетельствует находка каменной формы для отливки зеркальца с петелькой в Танаисе (Арсеньева Т. М., 1984, с. 20—24).

Всего нами было изучено 51 зеркало; 9 из них относились к типу с неорнаментированной поверхностью, валиком по краю и выпуклостью в центре, 27 имели орнаментированную поверхность (зеркальца-подвески); 15 представляли собой миниатюрные диски с петелькой в центре. Одновременно мы исследовали три китайских зеркала эпохи Хань, найденные в Танаисе (раскопки И. С. Каменецкого) и на Нижнем Дону в Кобяковском могильнике (раскопки В. К. Гугуева). Составы всех изученных нами зеркал представлены на гистограмме

[1] Выражаю глубокую признательность сотрудникам Ростовского государственного университета В. К. Гугуеву, Государственного музея искусств народов Востока Т. А. Габуеву, Адыгейского областного краеведческого музея Е. Н. Черных, Одесского археологического музея Т. В. Морозовской, любезно предоставившим зеркала для исследования.

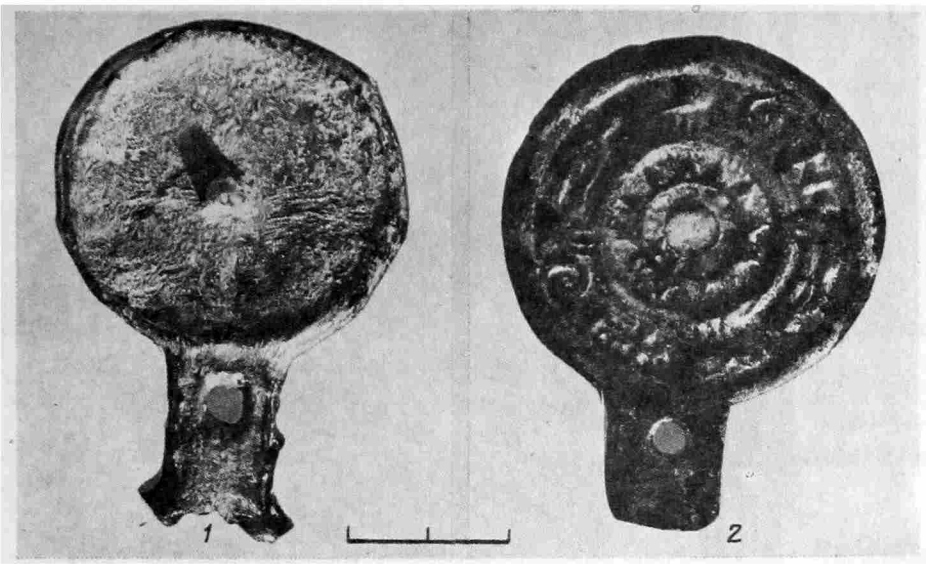

Рис. 2. Типы миниатюрных сарматских зеркал.
1 — с неорнаментированной поверхностью; *2* — с орнаментированной поверхностью

(рис. 1), а экземпляров, найденных на Нижнем Дону, — в таблице. Анализы № 1—3 характеризуют китайские зеркала, содержащие в качестве основных компонентов сплава 24—25% олова и 5—6% свинца (таблица). Как установлено исследованиями В. Т. Чейза и Т. О. Зибольда (Chase W. T., Ziebold T. O., 1978, p. 299, 300), И. Ридерера (Riederer I., 1977, c. 10, 11), М. Барнарда (Barnard M., 1961), подобный состав соответствует рецептурной норме ханьских

Состав китайских (№ 1—3) и миниатюрных сарматских (№ 4—17) зеркал, найденных в могильниках Нижнего Дона*

№ анализа	Sn	Pb	Zn	Bl	Ag	Sb	As	Fe	Nl	Co	Au
1	24	6,0	—	0,14	0,10	0,45	0,45	0,02	0,24	0,06	0,002
2	24	5,0	—	0,025	0,02	0,55	0,35	0,15	0,10	0,14	0,002
3	25	5,0	0,06	0,035	0,07	0,40	0,41	0,20	0,05	0,11	0,001
4	28	0,8	—	0,002	0,003	0,045	0,03	0,035	0,003	—	0,002
5	28	0,4	—	—	0,007	0,016	—	0,044	0,007	—	0,002
6	28	0,5	0,015	—	0,001	0,015	—	0,006	0,001	0,006	0,002
7	28	4,0	—	0,004	0,012	0,12	0,10	0,016	0,013	0,006	0,001
8	28	2,6	0,034	0,003	0,004	0,035	—	0,006	0,003	0,004	0,001
9	28	8,0	0,054	0,007	0,012	0,16	0,10	0,004	0,016	0,006	0,001
10	20	12,0	0,026	0,008	0,016	0,08	0,10	—	0,021	0,007	0,001
11	20	2,3	0,045	0,011	0,020	0,08	0,12	0,020	0,025	0,050	0,001
12	28	3,7	—	0,003	0,012	0,06	0,10	0,15	0,012	0,008	0,001
13	20	4,0	0,2	0,03	0,15	0,06	1,12	0,10	0,020	0,006	0,001
14	20	4,0	0,2	0,005	0,03	0,10	0,10	0,2	0,010	0,005	0,001
15	28	4,0	0,04	0,005	0,007	0,08	0,12	0,022	0,021	0,006	0,001
16	28	3,0	0,04	—	0,010	0,06	—	0,01	0,007	0,006	0,001
17	28	5,0	0,03	0,006	0,009	0,52	0,30	0,016	0,016	0,008	0,001

* № 4—9 — зеркала-подвески с орнаментированной поверхностью (№ 4—6 — с рисунком, повторяющим китайские иероглифы); № 10—14 — зеркала-подвески без орнамента; № 15—17 — зеркала с центральной петелькой; (№ 1, 2, 17 найдены в Кобяковском могильнике в курганах 1, 10, 71; № 4, 5, 7—9, 12—15 — в Нижнегниловском могильнике в курганах 12, 26, 168, 208, 290, 334; № 3 — в Танаисе в кургане 10, погребение 1; № 6 — в Тирамбе, погребение 54).

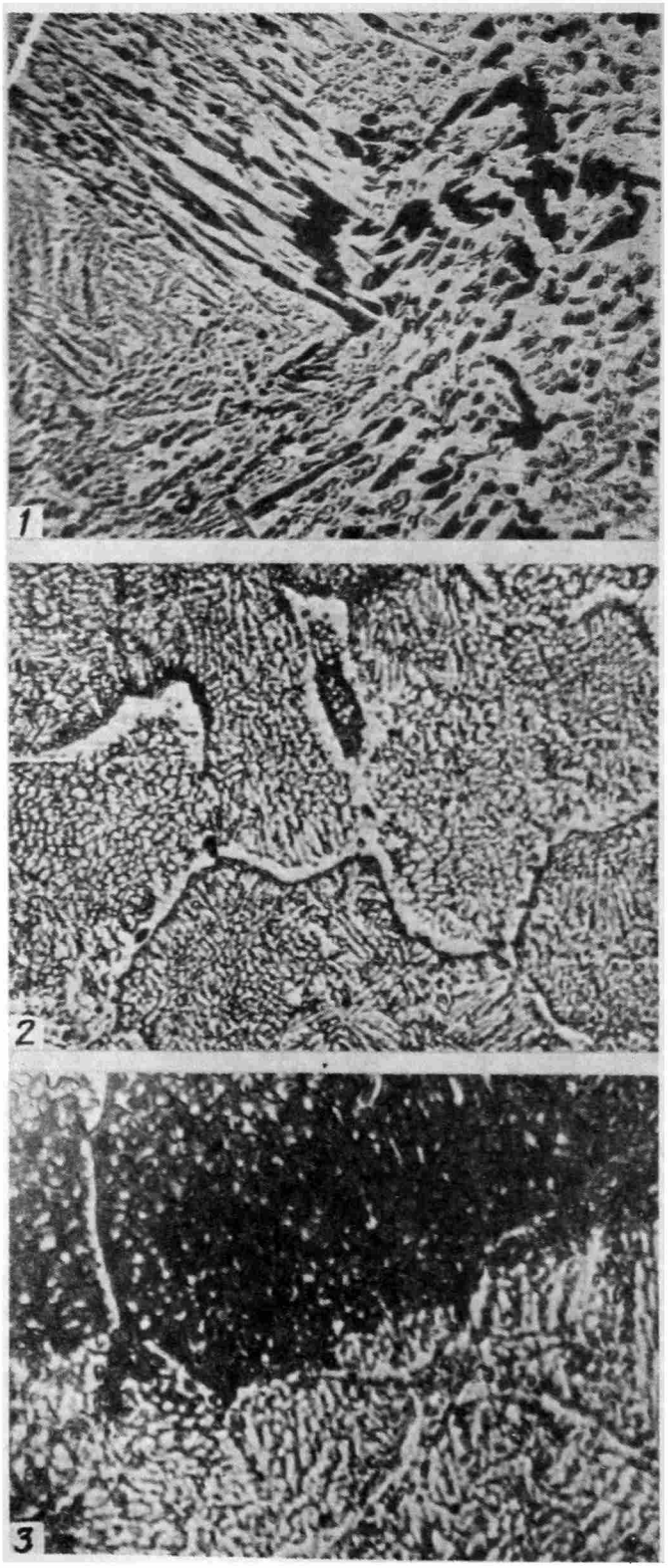

Рис. 3. Микроструктуры сарматских зеркал-подвесок.
1 — зеркала с неорнаментированной поверхностью (см. рис. 2, *1*); *2*, *3* — зеркала с орнаментированной поверхностью (см. рис. 2, *2*)

зеркальных бронз; он определяет их серебристый цвет, за который они получили название «белые бронзы», что связано с высоким содержанием олова, а также прекрасные литейные свойства, обусловленные одновременным присутствием в них свинца. Сопоставление содержания примесей в китайских зеркалах, най-

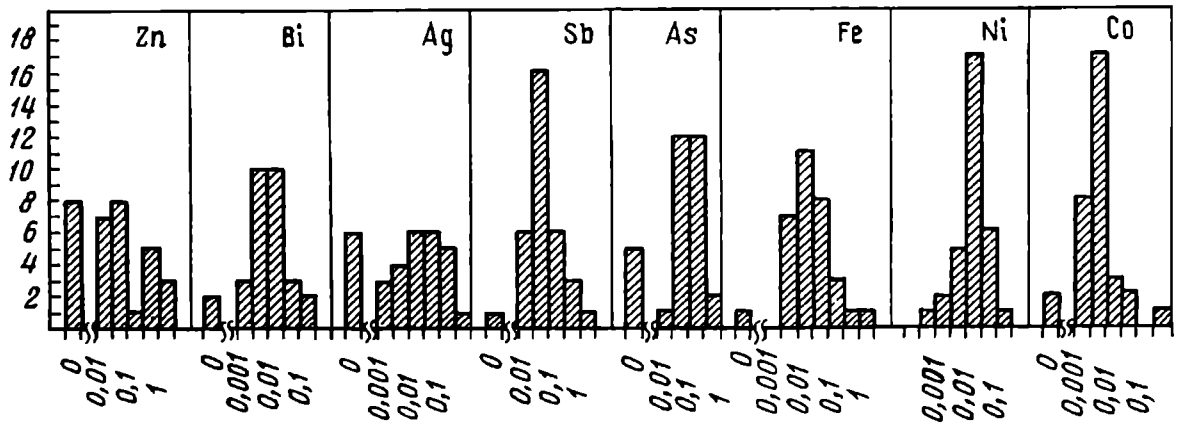

Рис. 4. Гистограммы концентраций микропримесей в сарматских зеркалах-подвесках из могильников Нижнего Дона и Северного Кавказа

денных на Нижнем Дону, с данными, которые приводит И. Ридерер (Riederer I., 1977, с. 10, 11), а именно: изменение содержания сурьмы в пределах десятых долей процента, цинка — в пределах сотых долей процента, никеля — в пределах сотых — десятых долей процента — выявляют большую степень их совпадения, подтверждая попадание в районы обитания сарматов подлинных зеркал ханьского времени.

В миниатюрных сарматских зеркалах (рис. 2), как и в китайских, серебристый цвет достигается введением в бронзу больших количеств олова, что иллюстрирует гистограмма их составов (рис. 1), микроструктуры (рис. 3) и данные таблицы (анализы № 4—17).

В интервале концентраций 26—28% гистограмма содержаний олова имеет ярко выраженный пик, характеризующий в наибольшей степени определенный тип зеркал-подвесок (с боковым ушком и орнаментированной поверхностью). Зеркала-подвески без орнамента содержат, как правило, меньше олова — 18—24%, с петелькой в центре — 22—28%. Вследствие малого количества исследованных нами зеркал, в также неодинакового их числа в каждой типологической группе невозможно дать в настоящее время исчерпывающее объяснение этому факту. Возможно, колебания в содержании олова в зеркалах разных типов могли быть вызваны трудностями его получения сарматами в различные хронологические периоды. Так, например, как установлено исследованиями М. Ю. Трейстера (Treister M. Y., 1988, p. 10, fig. 7), несколько раз имело место значительное снижение количества олова в монетах Боспорского царства (в промежуток времени от I в. до н. э. до III в. н. э.), ориентировавшегося на античные источники этого металла. Из этих же источников могли получать олово и сарматы Кавказа, так как в период греческого и римского владычества оно, согласно данным М. А. Кашкая и И. Р. Селимханова (Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, с. 45), поступало на Кавказ с Запада.

Анализ изменения содержания свинца в зеркалах показывает, что его количество могло значительно варьироваться от десятых долей процента до 10—20% (таблица, рис. 1). На гистограмме концентраций свинца наблюдается, однако, два пика, относящихся к сплавам, содержащим 1—5% этого элемента, и к бронзам без свинца в качестве легирующего элемента. Связь между типом зеркала и количеством свинца не прослеживается.

Несмотря на небольшой объем группы миниатюрных зеркал, исследованных методом спектрального анализа (35 экз.), мы построили также гистограммы содержаний в них примесей, на которых обнаруживаются ярко выраженные пики концентраций сурьмы (0,03—0,1%), никеля (0,01—0,03%), кобальта (0,003—0,01%), большой разброс содержаний висмута, мышьяка, железа и отсутствие ярко выраженных преимущественных концентраций цинка и серебра (рис. 4). Количественные значения и характер распределения примесей во многом сов-

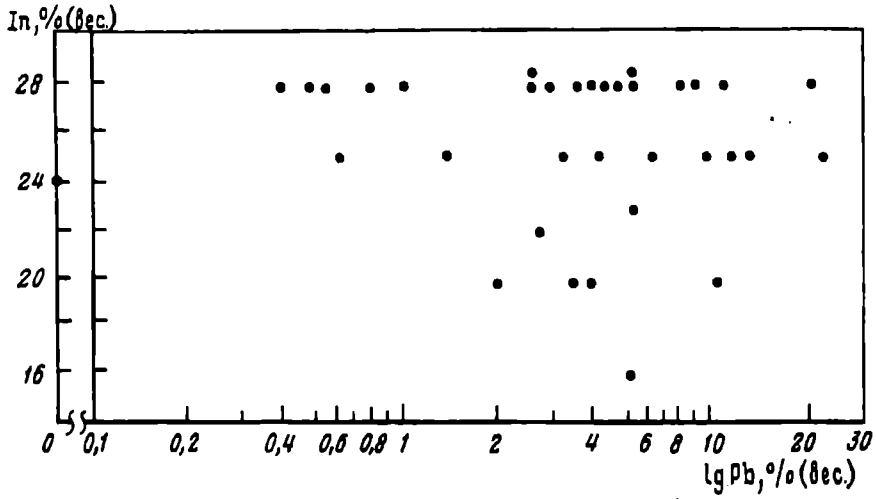

Рис. 5. График корреляционной зависимости концентраций олова и свинца

падают с результатами, полученными Т. Б. Барцевой (Барцева Т. Б., 1971, с. 135), подтверждая ее заключение о единых рудных источниках металла, который сарматы использовали при изготовлении миниатюрных зеркал. Исключением являются найденные в могильниках Нижнего Дона зеркальца-подвески с рисунком в виде китайских иероглифов (таблица, ан. № 4—6). Висмут, мышьяк, никель, кобальт, серебро присутствуют в этих бронзах в количествах значительно меньших, чем в других сплавах, или вообще не обнаруживаются. Подобный состав заставляет искать центр производства зеркал с «китайским» орнаментом или источник металла, шедшего на их изготовление, в районах длительного использования бронз, содержащих малые количества примесей. Как известно, подобный металл с древнейших времен характеризует металлургию Урала и Поволжья, где в бронзовом веке уже использовали мѐдь, загрязненную весьма малыми количествами примесей (Черных Е. Н., 1970, с. 39, 48; Барцева Т. Б., 1981, с. 25—27, рис. 12). Связи, существовавшие между сарматами Нижнего Дона и Поволжья, отмечают в своих исследованиях М. Г. Мошкова (Мошкова М. Г., 1956, с. 10) и Д. Б. Шелов (Шелов Д. Б., 1972, с. 176—178).

Суммируя изложенное выше о составе миниатюрных сарматских зеркал, найденных в районах Нижнего Дона и Северного Кавказа, можно заключить, что на их изготовление шли бронзы двух типов: двойные сплавы системы медь — олово и тройные, содержащие в качестве легирующей добавки также и свинец. По составу сарматские зеркала близки к китайским бронзам ханьского времени, но никогда не повторяют в точности их состав. Сарматские сплавы часто содержат больше олова (28%), чем китайские (24—25%), а в тех случаях, когда составы их по количеству олова одинаковы, они, как правило, отличаются по содержанию свинца. Корреляции между содержанием олова и свинца в сарматских зеркальных бронзах не наблюдается (рис. 5). Различны и рудные источники китайских и сарматских бронз, найденных на Нижнем Дону и Северном Кавказе: китайские сплавы содержат обычно большее количество примесей (Riederer I., 1977, s. 10, 11). Состав сарматских зеркал значительно отличается и от тагарских, которые, как уже упоминалось выше, содержат значительно меньше олова (до 9%), в них не встречается свинец, а количество никеля (до 1% и более), мышьяка (до 1,5%), десятые доли процента сурьмы совершенно не характерны для сарматских зеркальных бронз и являются атрибутом преимущественно тагарских сплавов (Богданова-Березовская И. В., 1963, с. 137, 138, табл. 4). Таким образом, заключение о том, что на базе сибиро-китайских форм зеркал сарматы создавали изделия собственных типов (Хазанов А. М., 1963, с. 68; Литвинский Б. А., 1978, с. 86), подтверждается и анализом их составов.

Технология изготовления миниатюрных сарматских зеркал заключалась в

отливке металла в двустороннюю форму, одна сторона которой содержала орнамент, другая была плоской и соответствовала зеркальной поверхности. Характер структуры свидетельствует о медленной кристаллизации металла, т. е. о применении малотеплопроводной каменной или глиняной формы. О находках подобных форм уже упоминалось выше. При изготовлении зеркал-подвесок заливка металла в форму проводилась со стороны «ушка», которое часто имеет неровное окончание, в этой же области наблюдается усадка металла (рис. 2, *1*). Из-за высокой твердости и хрупкости «белых бронз» исправить пороки отливки ковкой или иной механической обработкой было невозможно, поэтому при отсутствии у мастера достаточных литейных навыков зеркала содержали дефекты: неровные края ручки зеркал-подвесок, неудаленные выплески металла, возникшие в местах соединения двух створок формы. Вероятно, из-за повышенной хрупкости зеркала часто разбивали, а затем вновь переплавляли для изготовления следующих экземпляров. В этой связи можно, вероятно, объяснить стремление древних литейщиков использовать для отливки бронзы, содержащие 28% олова, так как они имеют низкую температуру плавления (750° С) и узкий интервал кристаллизации по сравнению со сплавами, содержащими 20 и 25% олова (температуры их полного расплавления составляют 900° и 800° С соответственно) (Смирягин А. П., 1956, с. 252, рис. 246, а).

В заключение хотелось бы обратить внимание на особый характер коррозии зеркал с высоким содержанием олова (25—30%), которая часто сопровождается образованием благородной черной патины, обладающей стеклообразным блеском, на их поверхности (рис. 2, *2*). Подобная патина характерна и для китайских зеркал ханьского времени и, по мнению В. Т. Чейза и У. М. Франклин (Chase W. T., Franklin U. M., 1979, p. 215), она является искусственной. Ее структурный признак — растворение α-фазы и образование на ее месте соединений олова с железом и кремнием. Применительно к сарматским зеркалам можно отметить, что благородная черная патина свойственна в большей мере зеркалам Северного Кавказа и не наблюдается на зеркалах, найденных на Нижнем Дону. Вопрос о ее составе и причинах образования на сарматских зеркалах требует дополнительных исследований, структурные ее признаки совпадают с теми, которые наблюдаются на китайских бронзах. Типичные микроструктуры сарматских зеркал, а также структурная коррозия, связанная с разрушением α-фазы и образованием черной патины, показаны на рис. 3, *1*, *3*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. П., 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Арсеньева Т. М., 1984. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Барцева Т. Б., 1971. Изучение зеркал-подвесок Центрального Кавказа//История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Барцева Т. Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.

Богданова-Березовская И. В., 1963. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины//Новые методы в археологических исследованиях. М.

Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973. Из истории древнейшей металлургии Кавказа. Баку.

Киселев С. В., 1949. Древняя история Южной Сибири//МИА. № 9.

Литвинский Б. А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.

Мошкова М. Г., 1956. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.

Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1978. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологические исследования)//Очерки технологии древнейших производств. М.

Смирягин А. П., 1956. Промышленные цветные металлы и сплавы. М.

Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. № 4.

Черных Е. Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Barnard M., 1961. Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China. Tokio.

Chase W. T., Franklin U. M., 1979. Early Chinese black mirrors and pattern etched weapons//Art Orientalis. № 11.
Chase W. T., Ziebold T. O., 1978. Ternary representation of ancient chinese bronze composition//Archaeol. Chem. Washington.
Riederer J., 1977. Metallanalysen chinesischer Spiegel//Berliner Beitr. Archaeometrie. B. 2.
Treister M. J., 1988. Spectroanalytical Study of the Kingdom Bosporus Bronze Coins//Bull. Metals Museum. Japan. V. 13.

Государственный научно-исследовательский
институт реставрации, Москва

I. G. RAVITCH

PECULIARITIES OF THE COMPOUND AND MAKING TECHNOLOGY OF THE TINY SARMATIAN MIRRORS MADE OF THE "WHITE BRONZE"

Summary

The article deals with the compound of the tiny Sarmatian mirrors found in the Low Don region and in the Northern Caucasus (fig. 2). The author describes also the making technology. The spectral analysis was used to find out the compound (fig. 1, 4). The process of making was determined by the metallography (fig. 3). The article aimed at the comparison of the Sarmatian and Chinese mirror alloys found in the Low Don burial grounds and made of the "white bronze". It was found out that the Sarmatian alloys had had their own formulae and a source of ore.

Н. А. КРЕНКЕ

«ЧЕРТОВ ГОРОДОК» — СЕЛИЩЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА КОЛОМЕНСКОГО

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных описанию памятников археологии заповедника «Коломенское» (Беляев Л. А., 1991; 1992; Беляев Л. А., Кренке Н. А., 1993; Кренке Н. А., 1991; 1992). Расположенная возле берега Москвы-реки возвышенность, имевшая местное название «Чертов городок» (рис. 1), и находящийся на ней археологический памятник — древнее поселение в настоящее время почти полностью разрушены карьером (рис. 2). Таким образом, те материалы, которые удалось получить при исследовании памятника в 1981—1986 гг., уже вряд ли будут дополнены и введение их в научный оборот не следует откладывать.

Впервые микротопоним «Чертов городок», относящийся к изучаемому памятнику, был зафиксирован в конце XIX в. археологом В. И. Сизовым, проводившим раскопки Дьякова городища. Он писал: «Чертовым городищем» называется также оторванная от берега Москвы-реки глинистая возвышенность, изобилующая «чортовыми пальцами» — белемнитами и находящаяся по соседству с Дьяковым городищем. Так как эта возвышенность не имеет никаких признаков городища, то и название «Чортово городище» нам кажется поздним, перенесенным с Дьякова-городища» (Сизов В. И., 1897, с. 256).

Опросы жителей с. Дьяково, проводившиеся в 1982—1987 гг., подтвердили информацию В. И. Сизова. Действительно, наши информаторы знали два «Чертовых городка». Один — Дьяково городище, другой — возле реки. Контекст, в котором упоминались эти два городка, различен. Если для Дьякова городища этот контекст достаточно разнообразен (указания на приуроченные к праздникам посещения и игры, предположения о наличии здесь древнего поселения, могилы или сокровищ, «былички», интерпретирующие название, и т. д.), то для интересующего нас городка у реки контекст упоминаний гораздо беднее. Уточняя свой рассказ об урочище, старожилы говорили: «где Ларины жили, дядя Павел — пастух; там были шахты» (Нефедова В. С., 1993), т. е. отсылали к реалиям 1910—1930-х годов.

Однако приведенные сведения об устной традиции 1980-х годов не могут служить основанием для подтверждения предположения В. И. Сизова о том, что название урочища является «поздним», перенесенным с Дьякова городища. С не меньшим основанием можно предполагать, что средневековые жители с. Дьяково опознали на приречном холме следы предшествующей человеческой (интерпретируемой как чертовой) деятельности и в связи с этим дали ему такое название. Нельзя обойти вниманием наличие вблизи Чертова городка Святого колодца, отмеченного уже на картах второй половины XVIII — первой половины XIX в. (Полевые записки...; Топографическая карта...). По-видимому, район этих двух урочищ — «Чертова городка» и «Святого колодца» — для населения XVIII в. и, вероятно, для более раннего представлялся насыщенным сакральной семантикой.

Как археологический памятник Чертов городок был открыт О. Н. Бадером в 1926 г. (1947). Им был зафиксирован культурный слой, сползавший по

© Н. А. Кренке, 1995 г.

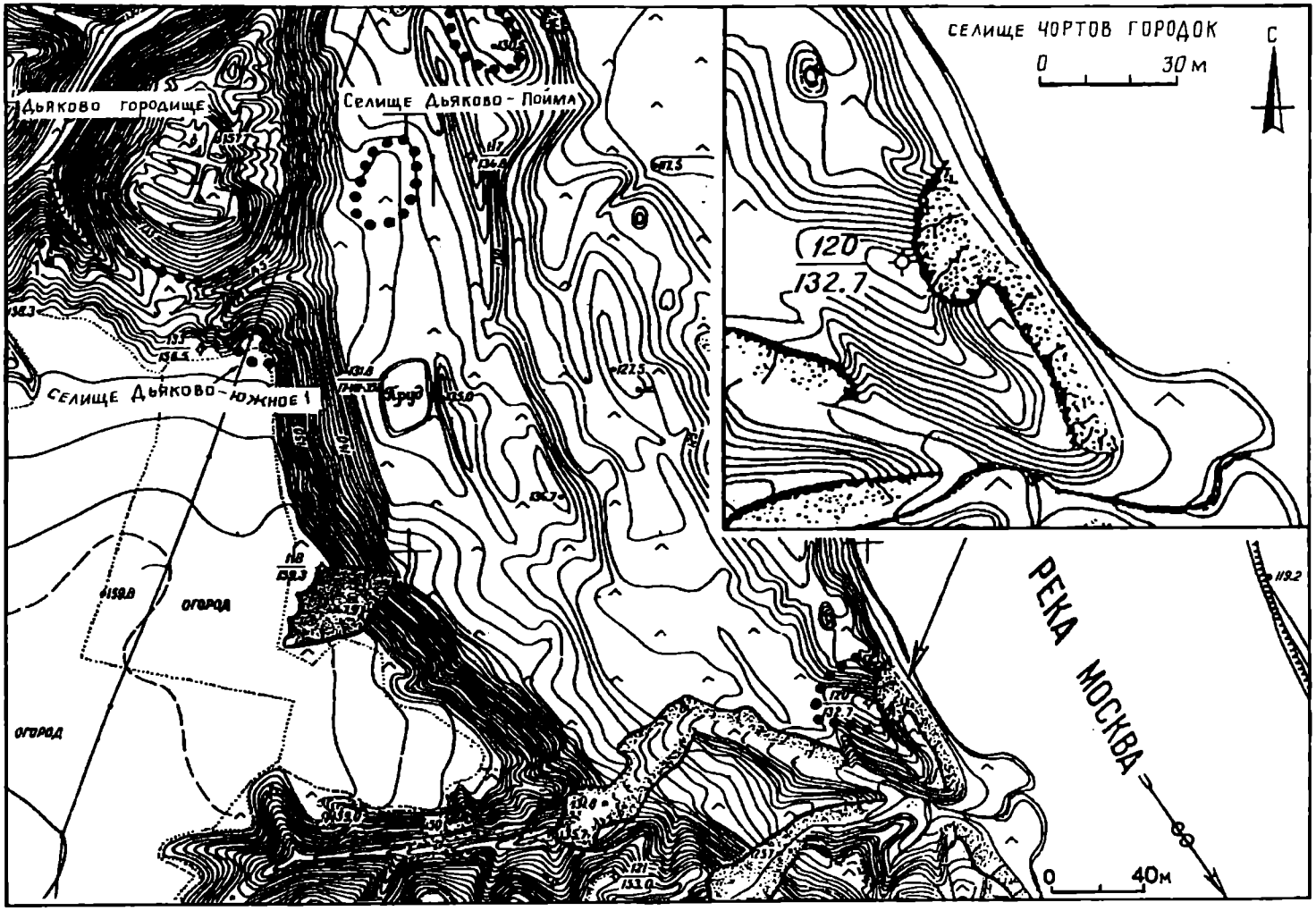

Рис. 1. Селище «Чертов городок» и близлежащие памятники железного века. Примерные границы памятников отмечены точками. *1* — местонахождение дьяковской керамики. (В качестве топографической основы использован лист карты масштаба 1 : 2000 (В-II-11) издания 1953 г., составленный по материалам съемки 1939 г.)

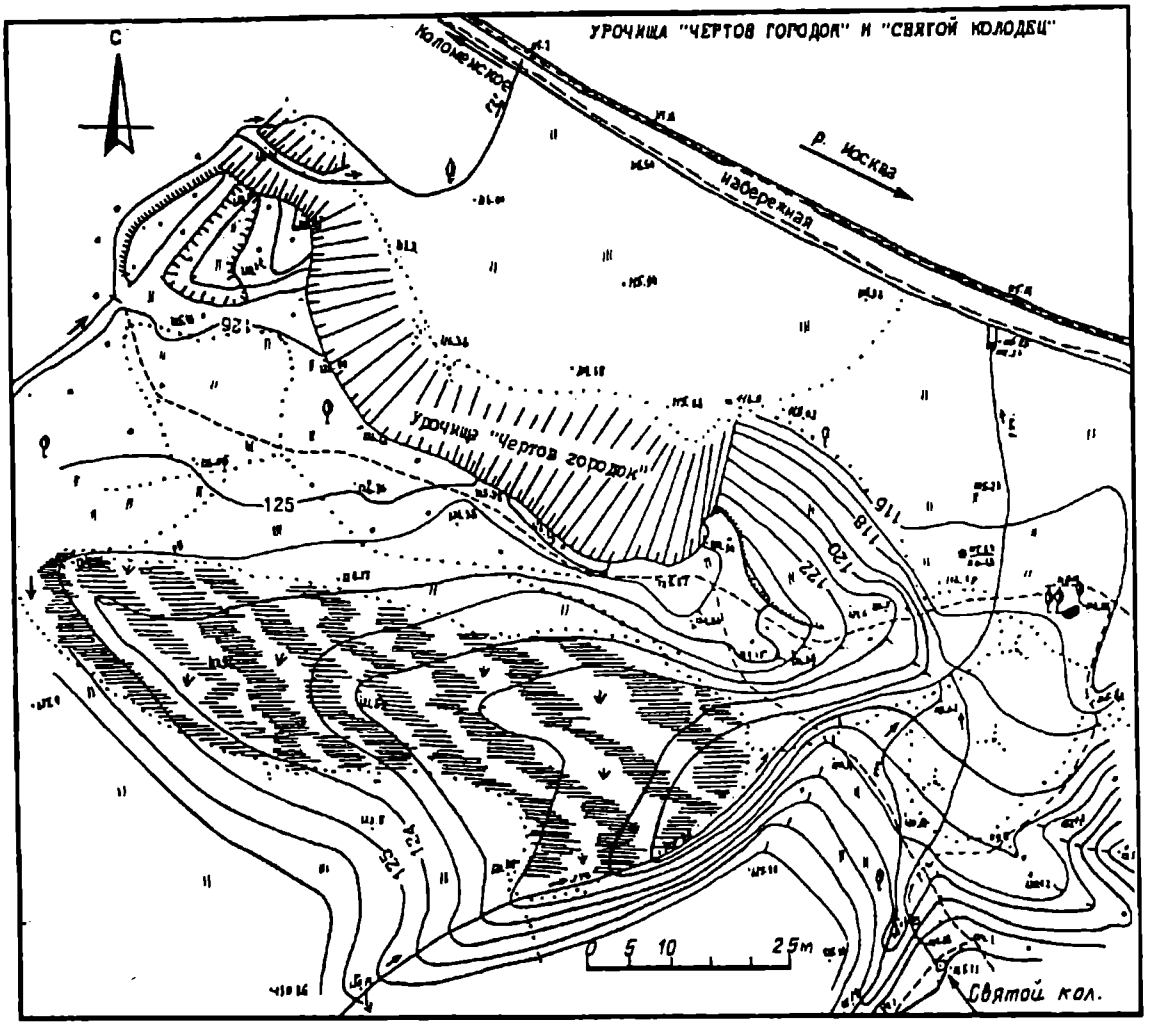

Рис. 2. План урочища «Чертов городок» 1991 г. (съемка Б. Е. Янишевского. Д. И. Киселева)

западному склону возвышенности и хорошо видный в обрезе берега со стороны реки, и было высказано предположение, что это остатки маленького приречного поселения, может быть даже городища. Находки были представлены несколькими черепками дьякова типа и крупной плитой каменной зернотерки.

Прежде чем обратиться к изложению результатов работ 1980-х годов, попытаемся рассмотреть имеющиеся иточники, позволяющие реконструировать рельеф урочища.

Наиболее раннее изображение «Чертова городка» имеется на черновиках к карте землемера Казмина 1785 г. (рис. 3), где изображена возвышенность овальной формы близ устья ручья, вытекающего из Святого колодца, удаленная от берега Москвы-реки примерно на 15 саженей. На литографии, сделанной по рисунку Ходаковского (1820-е годы?), возвышенность изображена аналогичным образом, расстояние от нее до берега реки 17 саженей (Кренке Н. А., 1992; Спицын А. А., 1903).

Детальное изображение «Чертова городка» представлено на планшете топографической съемки 1939 г. масштаба 1 : 2000 (рис. 1). Москва-река по сравнению с началом XIX в., видимо, несколько изменила свое русло и подмыла правый берег. Чертов городок оказался возле самой бровки берега, а его северный склон — размытым. Именно таким описан городок О. Н. Бадером и таким он выглядит на фотографии И. Ф. Баршевского 1935 г. (рис. 4). Изучение плана 1939 г. и фотографии 1935 г. не позволяет согласиться с оценкой О. Н. Бадера, что в 1926 г. сохранялись лишь остатки «несуществующего уже холма». По-ви-

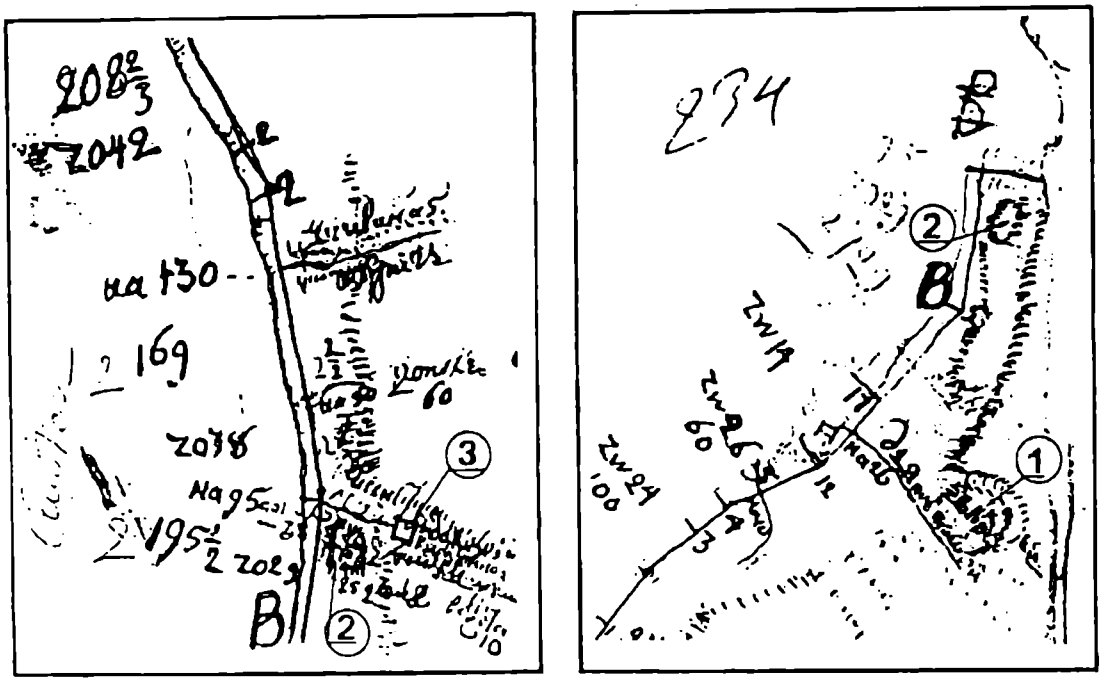

Рис. 3. Изображение Дьякова городища (*1*), возвышенности «Чертов городок» (*2*) и Святого колодца (*3*) на черновой карте землемера Казмина 1785 г. (ЦГАДА, ф. 1320, оп. 1, д. 1201, л. 234)

димому, в начале XX в. рекой было размыто не более 25—30% холма, и его форма может быть достоверно реконструирована. Общие размеры останца (или оползневой ступени, по мнению геолога Н. Г. Верейского) равнялись 60 × 30 м. Склон южной экспозиции был довольно пологим — крутизна его не превышала 15°. Западный склон был еще более пологим и образовывал почти ровную площадку размером 12 × 12 м, на абсолютных отметках около 129—130 м (15—16 м над уровнем реки). Площадка эта имела беспрепятственное сообщение с берегом. С юга и юго-запада возвышенность была ограничена крутым берегом оврага, по которому протекал ручей, и впадающей в него небольшой сухой ложбинкой. Кроме того, с северной, обращенной к реке стороны холма имелся террасообразный уступ на отметке 122—124 м (8—10 м над уровнем реки). Ширина уступа колебалась в пределах 3—8 м.

В 1981 г. Чертов городок был впервые осмотрен автором, в 1982 и 1984 гг. здесь были проведены наибольшие раскопки (общая вскрытая площадь равнялась 46 м^2), а в 1986 г.— сборы подъемного материала [1].

К 1981 г. рельеф всхолмления был сильно изменен по сравнению с 1939 г. Уступ вдоль северного склона был почти полностью смыт рекой, фактически целиком уничтожена была и верхняя площадка в результате планировки, проводившейся бульдозером при создании стрельбища и трассы горнолыжного спуска. Спланированными оказались также левый берег оврага и впадающая в него ложбинка (рис. 5).

При обследовании памятника в 1981 г. было установлено, что на вершине холма, сложенного преимущественно черной юрской глиной, перекрытой песчаными отложениями, культурный слой отсутствует, хотя в осыпи на северном склоне встречались отдельные находки (рис. 6, *1*).

В 1982 г. был заложен раскоп 1 площадью 26 м^2 и шурф площадью 2 м^2 для изучения остатков культурного слоя, сохранившихся на южном склоне возвышенности (рис. 7). Несмотря на то, что в результате значительных перемещений грунта в последние десятилетия облик урочища был преображен

[1] В раскопках «Чертова городка» принимали участие археологи Л. А. Беляев, И. А. Бойцов, Е. В. Булочникова, П. Г. Дервиз, Е. С. Нефедова, А. М. Обломский, Е. В. Шорохов; которым автор искренне признателен.

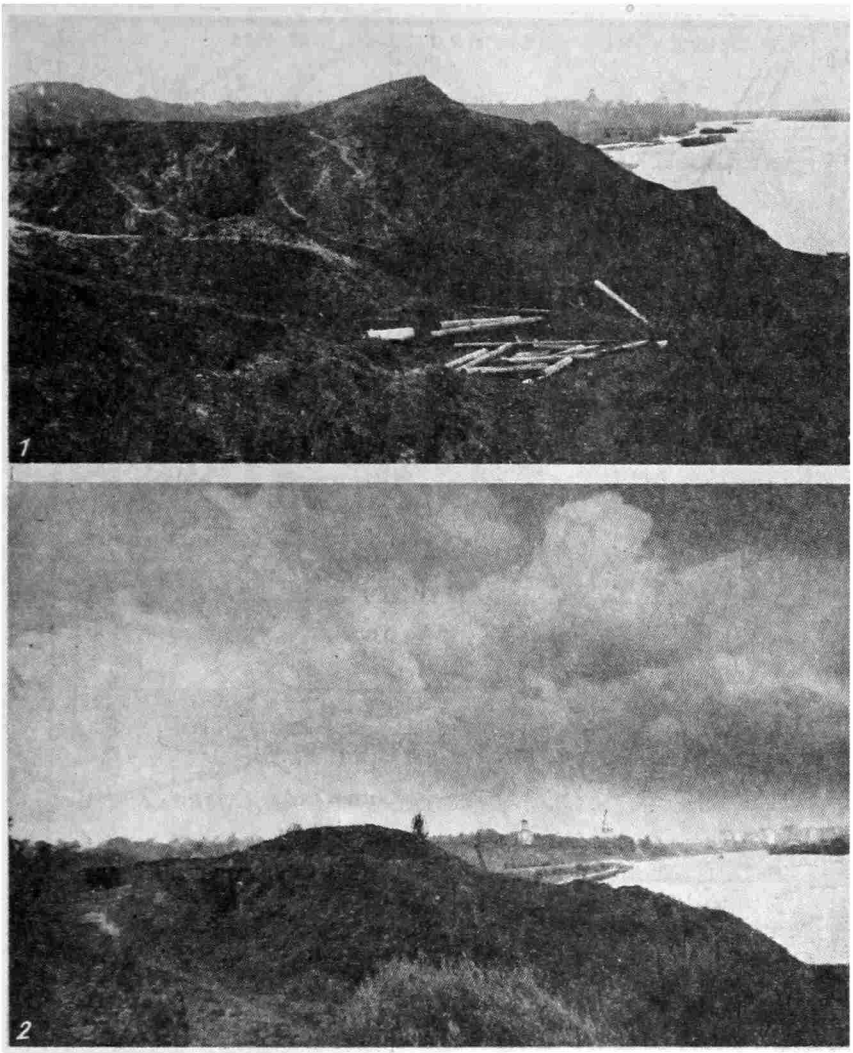

Рис. 4. Вид на «Чертов городок» с юга. *1* — фото 1935 г. И. Ф. Баршевского (музей «Коломенское», негатив № 3025); *2* — фото 1982 г.

почти до неузнаваемости, на основании сличения фотографий 1935 и 1982 гг. (рис. 4) и сопоставления планов 1939 и 1981 гг. можно предположить, что раскопанный участок пришелся на склон левого берега ложбинки, впадавшей в ручей, огибавший возвышенность с юга. Судя по фотографии 1935 г., склон ложбинки был весьма крутой, по нему проходили две тропинки, и здесь, по всей видимости, протекали интенсивные склоновые процессы.

Стратиграфия, зафиксированная в раскопе, следующая: общая толщина свиты культурных напластований достигала 1,2 м и была сверху перекрыта бульдозерным отвалом (среди находок в этом отвале — солдатская пуговица с пятиконечной звездой; рис. 6, *19*). Прослойки имели наклонное залегание под углом около 30° параллельно материковой поверхности, представленной бурым суглинком и белесой супесью. Наиболее насыщенной находками являлась прослойка темно-серой гуммусированной супеси толщиной 25—30 см, залегавшая в основании свиты напластований. Местами эта прослойка подстилалась «предматериком» — темно-коричневой супесью, постепенно светлевшей книзу. При зачистке материка не было обнаружено никаких ям, связанных с деятельностью человека. Это заставляет предположить, что участок раскопа не являлся жилым пространством. Да это и трудно было бы представить при столь значительном наклоне поверхности. Нельзя исключить также вариант, что ложбина, склон которой попал в зону раскопа, моложе археологического памятника и исследованный культурный слой

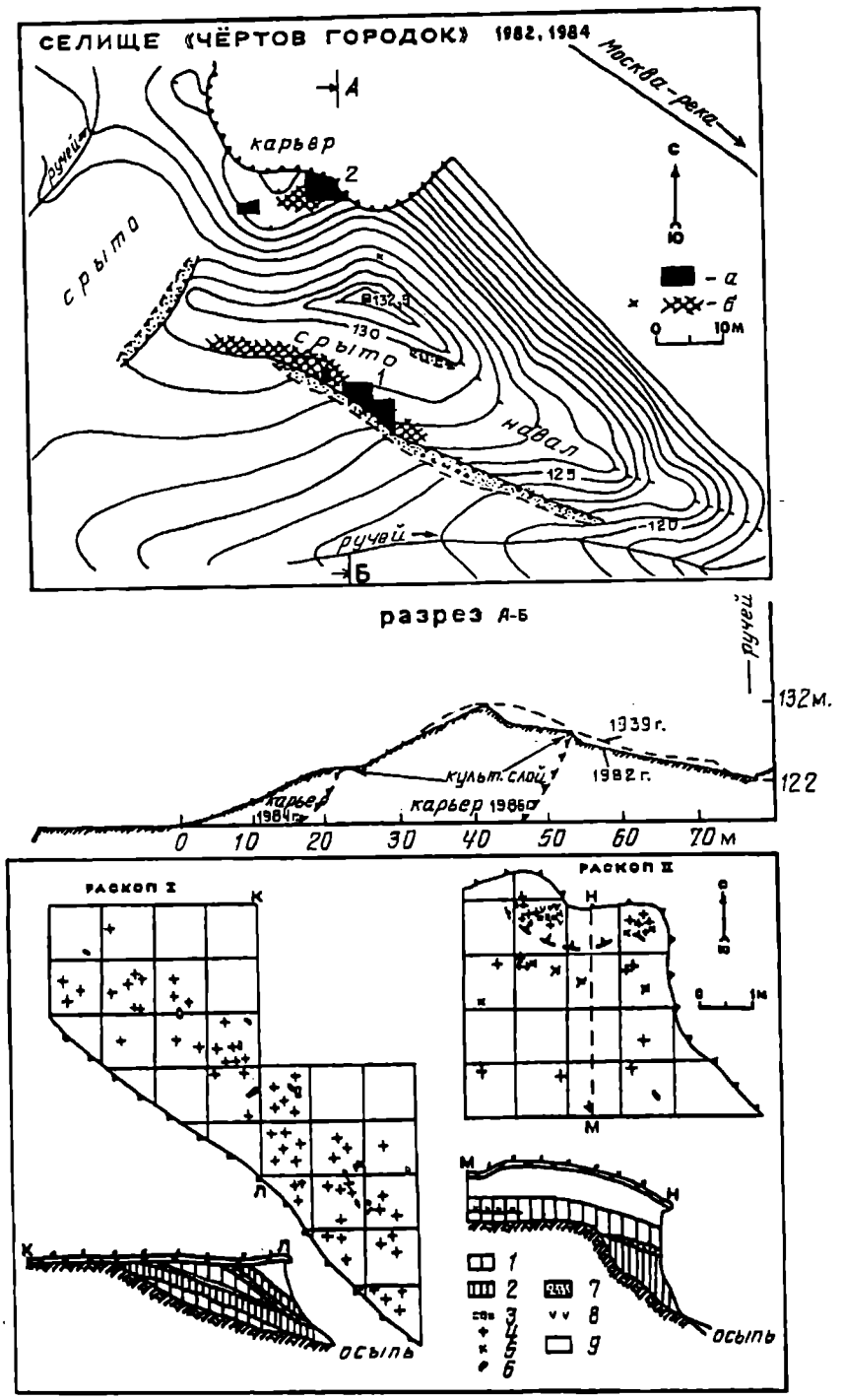

Рис. 5. Археологические раскопы на селище «Чертов городок». *а* — раскопы; *б* — отдельные находки, обнажения культурного слоя; *1* — слабогумусированный культурный слой; *2* — темно-серый культурный слой; *3* — прокаленная поверхность; *4* — фрагменты и скопления керамики; *5* — вещевые находки; *6* — кости; *7* — угли; *8* — перемещенный грунт; *9* — современные отвалы

залегал не in situ, а претерпел существенные деформации уже после периода первоначального отложения.

Состав находок, обнаруженных в культурном слое, не оставляет сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело с поселением. На это указывают многочисленные очажные камни, рассеянные в слое, встреченные кусочки глиняных обмазок, среди которых один имел отпечатки прутьев (рис. 6, *12*), достаточно высокая насыщенность слоя фрагментами керамики. Костные остатки (см. Приложение) довольно многочисленны (их концентрация сопоставима с

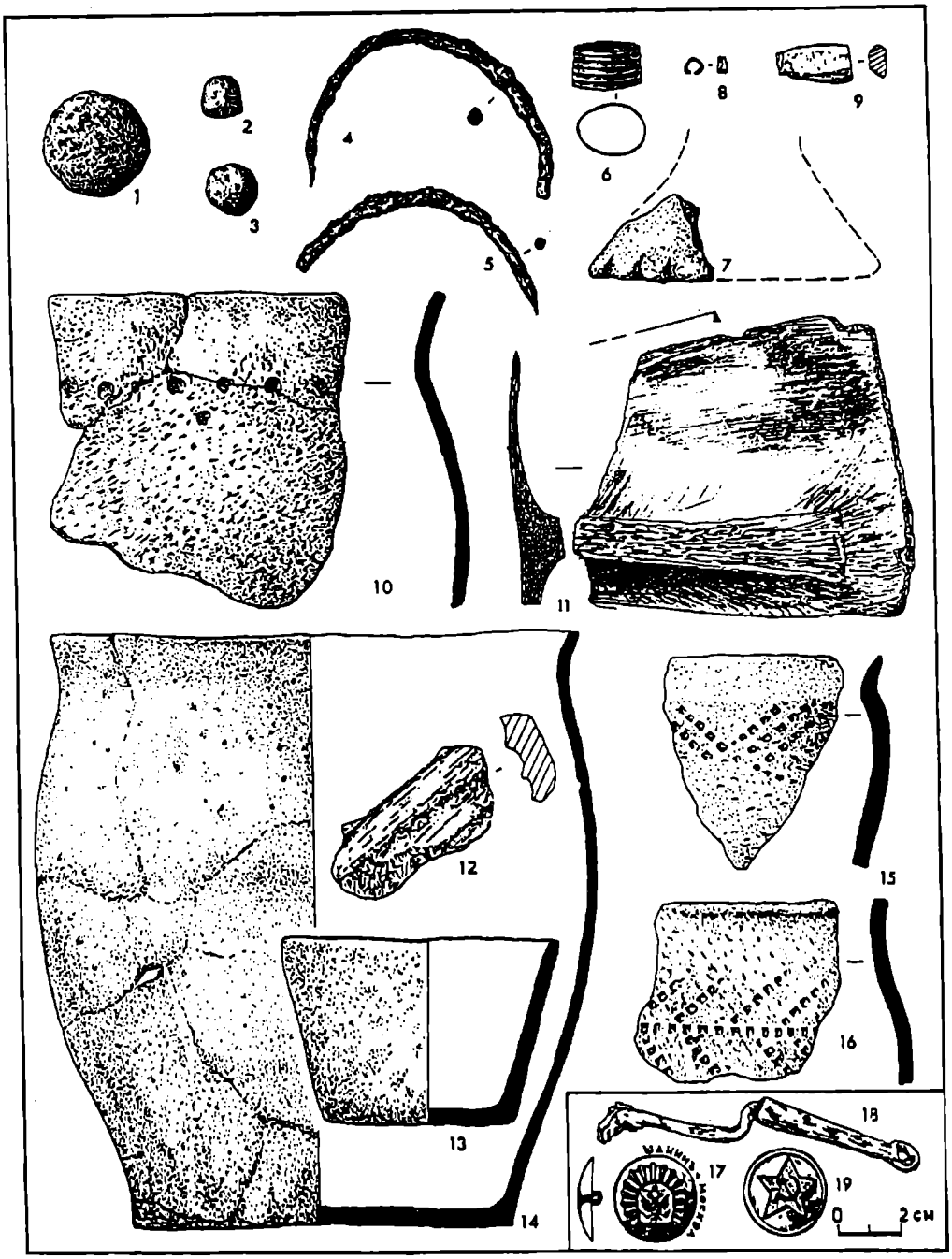

Рис. 6. Находки с селища «Чертов городок», *1—3, 7, 10, 12—16* — глина; *4, 5, 18* — железо; *6, 8, 17, 19* — бронза; *9, 11* — кость. *1, 17—18* — подъемный материал; *2—8, 10, 13, 14* — раскоп 2; *9, 11, 15, 16, 19* — раскоп 1; *1* — шарик, *2, 3* — бусины, *4, 5* — полукольца, *6* — перстень, *7* — фрагмент грузика, *8* — звено цепочки, *9* — отход костерезного производства, *10, 13—16* — керамика, *11* — режущее орудие, *12* — обмазка, *17, 19* — пуговицы, *18* — ключ

концентрацией костей на некоторых участках культурного слоя Дьякова городища), фрагментированы в результате употребления в пищу. На многих костях следы погрызов (принадлежащих свиньям, по предположению Л. И. Алексеевой). В видовом составе доминирует группа домашних животных, а среди костей диких животных — на первом месте речной бобр, число костей которого практически равно числу костей мелкого рогатого скота. Такая структура остеологической коллекции типична для дьяковских поселений-городищ.

Специфика остеологической коллекции из раскопа 1 на «Чертовом городке» в количественном соотношении трех основных видов домашних животных.

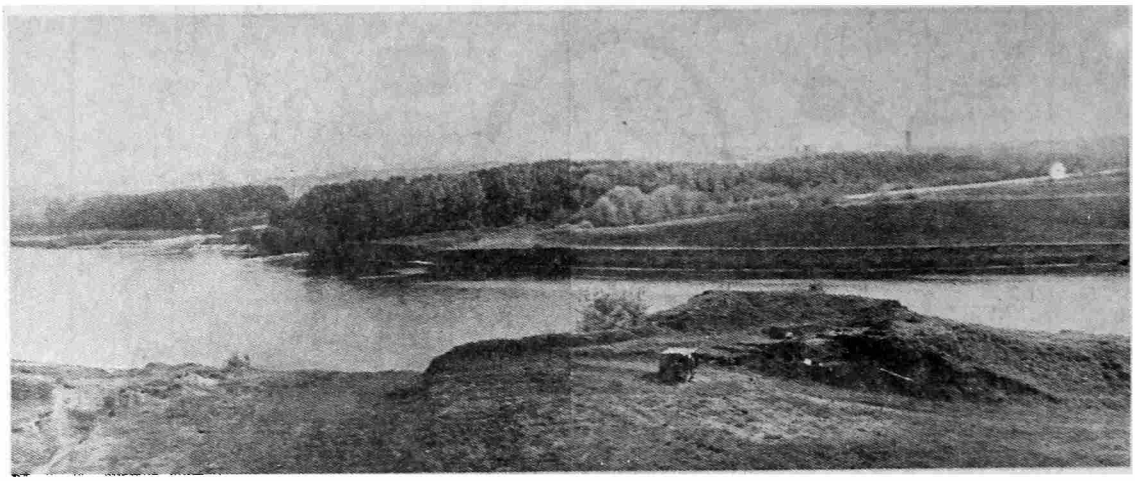

Рис. 7. Вид на раскоп 1 на селище «Чертов городок» с юга, 1982 г.

Крупный рогатый скот представлен 46 костями, свиньи — 40, лошадь — 13. Малочисленность выборки не позволяет делать далеко идущие выводы, однако представлять такое соотношение лишь как результат случайности вряд ли верно. Материалы верхнего и нижнего слоев Дьякова городища гораздо более многочисленные, показывают, что костей лашади, как правило, в 2 раза больше, чем костей крупного рогатого скота. Материалы из раскопа 1 на «Чертовом городке», как это будет показано ниже, по времени предшествуют нижнему слою Дьякова городища, так что нельзя исключить того, что прослеженная структура межвидовых соотношений в группе домашних животных не случайна, а обусловлена особенностью хозяйства населения, проживавшего на «Чертовом городке». Некоторым подтверждением такого предположения могут служить материалы городищ Селецкое и Мамоново. В первом в слое приблизительно аналогичного с «Чертовым городком» возраста было зафиксировано позднее никогда не повторявшееся преобладание костных остатков крупного рогатого скота над остатками лошади по показателю минимального числа особей (Данильченко В. П., 1984).

В коллекции с Мамонова городища, которое, судя по комплексу находок и керамики, так же как и Чертов городок, относится к начальной фазе железного века в Подмосковье, количество костных остатков крупного рогатого скота превосходит остатки лошади в 1,5 раза (Цалкин В. И., 1962).

Вещевой материал из раскопа 1 представлен двумя находками — это костяное орудие, изготовленное из лопаточной кости и имеющее острый режущий край с выкрошенными от износа участками (на рисунке — вверху) и слегка заполированную от трения тыльную сторону (рис. 6, *11*), и костяной фрагмент со следами обработки — «отрезок» (отход производства, образовавшийся при изготовлении мелкого изделия, вероятнее всего, стрелы или проколки, рис. 6, 9).

Керамический материал представлен 442 фрагментами. У большинства экземпляров на поверхности имелись текстильные отпечатки (52%). При этом среди гладкостенных фрагментов не было обнаружено ни одного достоверно позднедьяковского. Орнаментация керамики очень показательна. Из 28 орнаментированных фрагментов 18 были украшены отпечатками гребенчатого штампа (рис. 6, *15*, *16*; рис. 8, *1*, *6*, *7*), имелись также фрагменты, орнаментированные вдавлениями наклонной палочки (рис. 8, *3*, *4*, *8*). Наименее распространенным видом орнаментации в комплексе керамики из раскопа 1 является ямочная (рис. 8 , *9—11*). Некоторые фрагменты стенок были покрыты штриховкой-расчесами, выполненными гребенчатым штампом. Отпечатки текстиля на керамике в некоторых случаях имели вид приблизительно параллельных

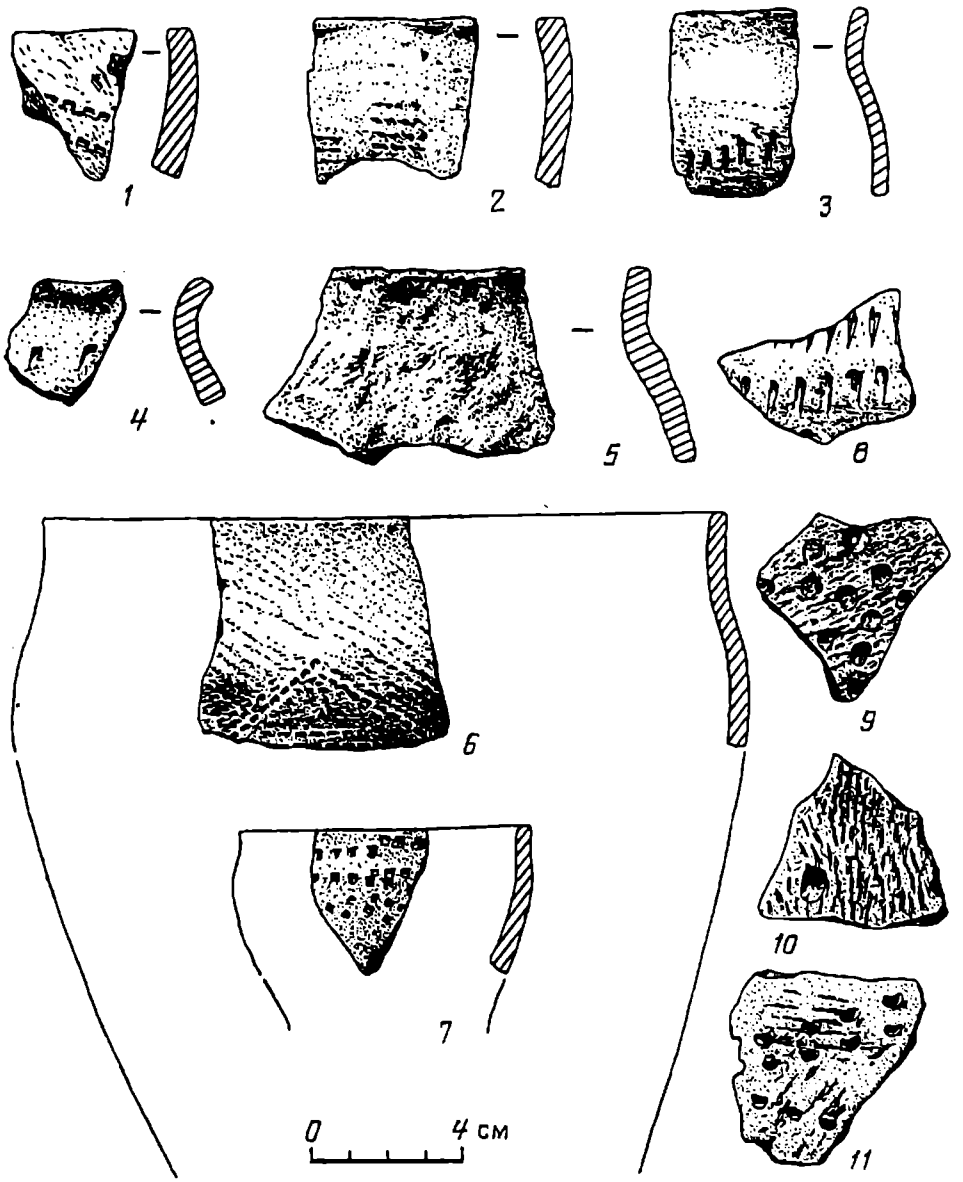

Рис. 8. Образцы керамики из раскопа 1 на селище «Чертов городок»

оттисков нитей одной лишь основы ткани (рис. 8, *2*, *3*, *6*, *11*), в других же случаях видна вся система переплетения нитей (рис. 8, *9*).

Форма сосудов имеет три основные разновидности: 1) с коротким сравнительно отогнутым венчиком и выраженными плечиками (рис. 6, *15*; рис. 8, *4*, *5*); 2) с высоким почти прямым венчиком и слабовыраженными плечиками (рис. 8, *6*); 3) без выделенного венчика со слегка вогнутым краем (рис. 8, *1*, *2*). Размеры также сильно варьируют — от сосудов средних объемов до почти миниатюрных (рис. 8, *7*).

Керамика с гребенчатым штампом является надежным хронологическим маркером. На основании того, что она отсутствует в нижнем слое Дьякова городища, можно утверждать о ее выходе из употребления не позднее V—IV вв. до н. э.

Таким образом, комплекс находок из раскопа 1 в хронологическом отношении представляется достаточно «чистым», его верхняя граница не выходит за пределы середины I тыс. до н. э.

По костям — кухонным отбросам, собранным в раскопе 1, была получена радиоуглеродная дата (ГИН-7569), показавшая радиоуглеродный возраст 2590 ± 70, что в пересчете на календарный возраст по калибровочной шкале

дает интервал — 819 (799) 770 г. до н. э. (University..., 1987), т. е. рубеж IX/VIII вв. до н. э. является наиболее вероятным возрастом.

Поселение этого времени, по-видимому, располагалось на площадке, примыкавшей с запада и юго-запада к гребню возвышенности, защищавшему посселение с севера, и ограниченной берегом ручья и сухой ложбинкой (если она тогда существовала) — с юга, т. е. на том участке, который к моменту проведения исследований был полностью спланирован бульдозером [2].

Допущение О. Н. Бадера о том, что это поселение было маленьким городищем, по-видимому, содержит и сильные и слабые стороны. Культурные слои с керамикой, подобной найденной на «Чертовом городке», часто прослеживаются под валами городищ, т. е. предшествуют сооружению городищ в полном смысле этого термина. Дьяково городище не является в этом смысле исключением. Найденная на городище керамика, синхронная керамика с «Чертова городка», содержится не в культурном слое, а в гумусовом горизонте погребенной под культурным слоем почвы. Причем концентрация этой древней керамики на единицу раскопанной площади на Дьяковом городище почти в 10 раз ниже, чем на «Чертовом городке». При значительно большем размахе раскопочных работ на городище было найдено всего на 50% больше керамики с гребенчатым орнаментом, чем на «Чертовом городке», и, что очень существенно, остеологическая коллекция, сопутствующая данной керамике на городище, очень бедна. По этому показателю разница между двумя памятниками сдва ли не больше, чем по керамике. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что на начальном этапе освоения территории микрорегиона «Чертов городок» выглядит даже более интенсивно функционировавшим поселением по сравнению с Дьяковым городищем. Может быть, «Чертов городок» являлся функциональным предшественником городища, будучи на начальном этапе освоения территории центральным поселением микрорегиона.

Раскоп 2 был заложен в 1984 г. с северной стороны возвышенности на ступени, возможно, оползневого происхождения. Исследованный участок площадью чуть более 16 м^2 находился на краю карьера и был перекрыт бульдозерными отвалами мощностью от 0,2 до 1 м (рис. 5). Культурный слой представлял собой прослойку супеси темно-серого цвета толщиной 10—30 см, которую подстилал железистый песок-материк. В северную часть раскопа попали остатки древнего сооружения — ямы глубиной до 80 см, диаметр сохранившейся части — до 2 м. Заполнение ямы составляла темно-серая супесь, включавшая многочисленные камни (очажные?), керамику, угли. Материковая поверхность на некоторых участках была прокалена до красно-оранжевого цвета. Стенки ямы были почти отвесными. К сожалению, большая часть сооружения была уничтожена карьером, а незначительный сохранившийся участок дна ямы был нарушен оползневыми трещинами.

На самом краю обрыва были найдены развалы двух гладкостенных сосудов (рис. 6, *13*, *14*), что, казалось бы, указывает на относительную непотревоженность слоя. Слабопрофилированная гладкостенная керамика, аналогичная сосуду, представленному на рис. 7, *14*, доминирует в комплексе из раскопа 2. Один фрагмент гладкостенного слабопрофилированного венчика имел следы починки — дырочки, просверленные с двух сторон трещины, необходимые для «стягивания» сосуда, что свидетельствует о бережности хозяйства и косвенно указывает на длительность обитания. В то же время в культурном слое был найден заведомо разновременный материал: текстильная керамика с гребенчатым штампом, более поздняя текстильная керамика, датируемая по аналогиям с Дьякова городища IV—III вв. до н. э., позднедьяковская гладкостенная керамика с развитой профилировкой (в том числе орнаментированная оттисками палочки, обмотанной веревочкой), а также современные предметы XX в.

[2] Не исключено, что по стечению случайностей временное укрытие, построенное при раскопках и хорошо видное на рис. 7, отмечает место древнего поселения.

Состав керамического комплекса из раскопа 2 (гладкостенная керамика составляет 82% из 643 найденных фрагментов) свидетельствует о том, что жизнедеятельность на данном участке была наиболее активной в позднедьяковское время. Отсутствие в комплексе лощеной керамики ограничивает верхний хронологический рубеж I—II вв. н. э.

По углям, собранным в оползневых трещинах, нарушивших дно ямы-сооружения, была получена радиоуглеродная дата: 2310 ± 60 (ГИН-3970), что при калибровке по дендрошкале дает календарный интервал — 407(395)264 гг. до н. э. То есть IV—III вв. до н. э. являются наиболее всроятным возрастом. Из археологических находок этому возрасту соответствует лишь керамика, представленная на рис. 6, *10*, найденная недалеко от места отбора образцов угля.

Вещевые находки из раскопа 2 были довольно многочисленны. Это глиняные бусы (рис. 6, *2*, *3*), фрагменты железных колец (рис. 6, *4*, *5*), литой бронзовый перстень (?) и звено цепочки (рис. 6, *6*, *8*), фрагмент грузика (рис. 6, *7*). Набор этих вещей не представляется случайным, они хронологически одновременны. В культурном слое Дьякова городища аналогичный комплекс предметов присутствовал в нижней части верхнего слоя (Кренке Н. А., 1987). Таким образом, возраст вещевых находок хорошо коррелирует с возрастом гладкостенного горшка из развала (рис. 6, *14*) и может быть определен как II—I вв. до н. э.— рубеж эр.

На расстоянии около 8 м к западу от раскопа 2 был заложен шурф, показавший картину, отличную от зафиксированной в раскопе. Здесь также под слоем бульдозерного отвала залегал интенсивно черный горелый слой мощностью 25—40 см, содержавший большое количество камней и очень мало керамики, среди которой преобладала текстильная. Не исключено, что это место какой-то специфической деятельности, а не жилая зона.

Сборы подъемных материалов, которые производились в районе возвышенности «Чертов городок», не дали сколько-нибудь значимых материалов, относящихся к дьяковской культуре. Достойно упоминания лишь обнаружение нескольких фрагментов керамики XIX в., железного ключа (рис. 6, *18*) средневекового возраста, медной пуговицы фабрики Шанина в Москве (рис. 6, *17*).

Сравнивая «Чертов городок» с другими памятниками железного века, открытыми в ближайшем округе Дьякова городища (а их теперь уже известно 9), можно отметить, что он по ряду характеристик ближе других к Дьякову городищу. Только на этих двух памятниках были собраны значительные остеологические коллекции и зафиксирован насыщенный органическими и углистыми остатками темно-серый культурный слой. Фрагментарные данные, полученные при исследовании «Чертова городка», не позволяют реконструировать целостную картину. Однако ясно, что это — сложный памятник, содержавший следы жизнедеятельности, относящиеся к различным периодам дьяковской культуры. Наибольшее количество остатков связано с начальной фазой железного века в бассейне Москвы-реки, которую предварительно можно датировать IX—VI вв. до н. э.

«Чертов городок» имеет аналоги среди других памятников бассейна Москвы-реки и Пахры, среди которых лучше изучены Мамоново городище на Москве-реке (Качанова В. И., 1954), Щербинское городище (Розенфельд И. Г., 1974; Дубынин А. Ф., 1974), поселение Дубровицы 2 (Гоняный М. И., Кренке Н. А., 1988), расположенное на мысу при слиянии Пахры и Десны, Селецкое городище (Крис Х. И. и др., 1984). Всего же в бассейне Москвы-реки известно 25 памятников, имеющих слои столь же раннего времени, что и «Чертов городок» (рис. 9). Возможно, что тип поселений, представленных селищем «Чертов городок»,— небольших по площади (около 1000 м^2), лишенных валов, расположенных не на коренном берегу, а на останцах, оползневых ступенях, террасах возле самого русла реки на относительно небольшой (по сравнению с мысовыми городищами)

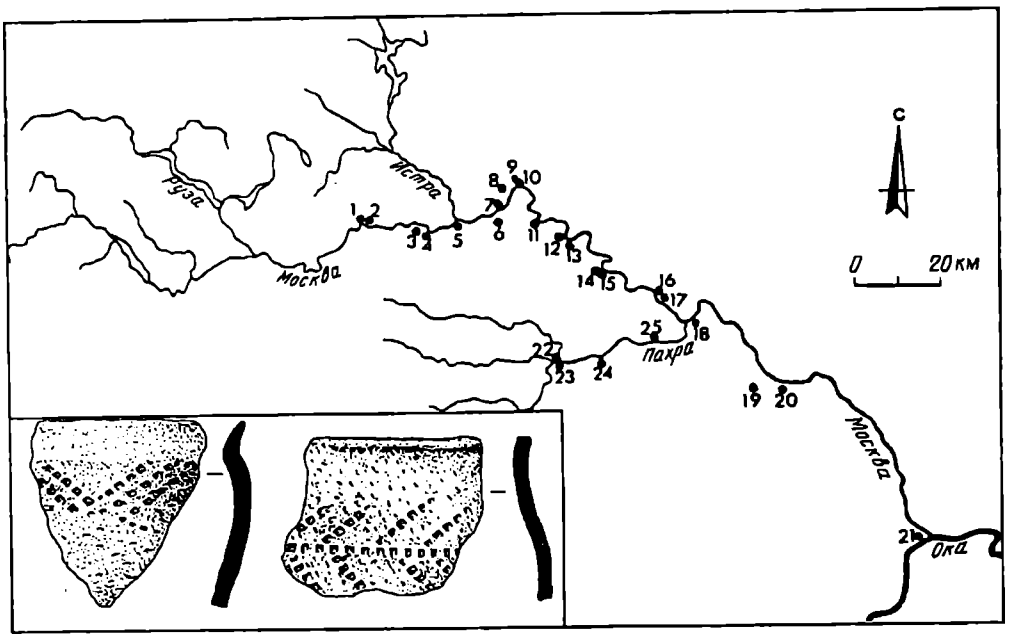

Рис. 9. Карта памятников начального этапа железного века в бассейне Москвы-реки, на которых встречена керамика с гребенчатым штампом. Бассейн Москвы-реки: *1* — гор. Саввино-Сторожевское; *2* — гор. у д/о «Связист»; *3* — гор. Дунино; *4* — гор. Успенское; *5* — гор. Знаменское; *6* — гор. Барвихинское; *7* — гор. Архангельское; *8* — селище Пенягино; *9* — гор. 2-е Спас-Тушинское; *10* — гор. 1-е Спас-Тушинское, *11* — гор. Кунцевское; *12* — гор. Сетунское; *13* — гор. Мамоново; *14* — гор. Дьяково; *15* — сел. «Чертов городок»; *16* — сел. Петровское; *17* — гор. Соколова гора; *18* — гор. Боровский курган; *19* — гор. Селецкое; *20* — гор. Боршева; *21* — гор. Протопоповское. Бассейн р. Пахры: *22* — сел. Дубровицы 2; *23* — сел. Беляево; *24* — гор. Щербинское; *25* — гор. Володарка

высоте над водой (10—20 м),— наиболее характерен для базовых поселений периода начального освоения бассейна Москвы-реки в железном веке.

Радиоуглеродная дата, относящаяся к древним отложениям «Чертова городка» — 2590 ± 70, полностью совпала с имевшейся ранее датой, полученной по углям из нижнего, 6-го слоя Селецкого городища (2570 ± 60, ГИН-4774), также содержавшего керамику, орнаментированную вдавлениями наклонной палочки и отпечатками гребенчатого штампа (Чернай И. Л., 1978). Эти даты, которые при калибровке указывают на рубеж IX—VIII вв. до н. э., позволяют преодолеть осторожность исследователей, указывавших, что начало жизни на дьяковских поселениях относится ко времени не позже VII—VI вв. до н. э. (Смирнов К. А., 1974).

Обоснованием даты IX—VIII вв. до н. э. для памятников типа «Чертова городка», содержащих комплекс керамики, орнаментированной гребенчатым штампом и вдавлениями наклонной палочки, могут служить также аналогии с керамикой памятников поздней бронзы Волго-Окского междуречья, объединяемых исследователями в так называемую «культуру текстильной керамики». Из известных мне комплексов наибольшее сходство обнаруживает стоянка Плещеево-3 на Плещеевом озере (Никитин А. Л., 1976), а также некоторые другие памятники развитого (по Б. А. Фоломееву) этапа культуры текстильной керамики в Волго-Окском междуречье. Для стоянки Плещеево-3 были получены две радиоуглеродных даты, одна из которых, по-видимому, отражает возраст основного комплекса стоянки финала бронзового века — 2820 ± 50(ЛЕ-1136), калиброванный возраст 1036 (993)—914 гг. до н. э.[3]. Учитывая, что на стоянке Плещеево-3 была зафиксирована еще сравнительно хорошо развитая кремневая индустрия, можно предполагать, что данный памятник предшествует поселениям типа «Чертова городка» в бассейне Москвы-реки, где кремня нет совсем или его очень мало.

[3] Выражаю искреннюю благодарность Б. А. Фоломееву за консультации и возможность использовать неопубликованный материал.

Важным хронологическим репером является также поселение Тюков городок в Мещере, изученный Б. А. Фоломеевым (1975). Радиоуглеродный возраст древнейших слоев Тюкова городка, содержащих керамику, орнаментированную ямками и вдавлениями наклонной палочки и весьма сходную по орнаментации и фактуре текстильных отпечатков с керамикой, найденной на памятниках начального этапа железного века в бассейне Москвы-реки, охватывает интервал 2580—2700 лет от наших дней, что при калибровке указывает на X—VIII вв. до н. э.

Вышеприведенные новые данные о хронологии, и в первую очередь радиоуглеродные даты, дают основание предполагать, что начало жизни на памятниках типа «Чертова городка» примерно на 300 лет предшествует времени начала интенсивной жизни на большинстве городищ бассейна Москвы-реки, т. е. тому периоду, когда происходит отложение значительных по мощности культурных слоев, содержащих остатки «длинных домов», сооружение оборонительных конструкций, включающих валы (Крис Х. И., 1986; Кренке Н. А., 1986; Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 1988). 300 лет — это достаточно значительный промежуток времени, в который может уложиться целая историческая эпоха. Лишь дальнейшие исследования покажут, насколько правомерно рассматривать памятники типа «Чертова городка» в качестве «генетических предшественников» более поздних дьяковских городищ в бассейне Москвы-реки. Сейчас же важно отметить, что в материальной культуре между теми и другими имеются наряду со сходством и значительные различия. Природу трансформаций культуры на рубеже 6—5 вв. до н. э. еще предстоит понять.

Попытаемся суммировать имеющиеся данные о происхождении памятников типа Чертова городка (шире — начальной фазы железного века в бассейне Москвы-реки). Уже с 1920—1930-х годов исследователям было ясно, что в целом древности дьякова типа восходят к кругу памятников с текстильной керамикой, распространенных в Волго-Окском междуречье и датируемых бронзовым веком. В бассейне Москвы-реки такие памятники известны, хотя и в очень небольшом количестве (например, среди стоянок в районе Тростенского озера, раскопки В. В. Сидорова). Однако вряд ли можно предполагать, что развитие культуры населения, оставившего данные памятники, могло привести к появлению комплексов типа «Чертова городка». Во-первых, против такого предположения свидетельствуют данные о расселении. Географическое распространение памятников начального этапа железного века (рис. 9) позволяет утверждать, что в этот период заселено было лишь преимущественно среднее и нижнее течение Москвы-реки. Ее верховья и такие притоки, как Руза, Истра, где как раз известны памятники бронзового века с текстильной керамикой, оставались свободными. Такое распространение памятников позволяет скорее предположить, что заселение происходило вверх по течению реки. Во-вторых, памятники, с текстильной керамикой бронзового века, известные в бассейне Москвы-реки, относятся, по-видимому, к ранней фазе памятников данного круга.

Обращаясь к уже упомянутым аналогиям с памятниками финального бронзового века, можно отметить, что состав керамических комплексов памятников типа «Чертова городка» на Москве-реке соответствует ее срединному положению в Волго-Окском междуречье. Для орнаментации керамики памятников поздней бронзы — рубежа железного века в среднем течении Оки отпечатки гребенчатого штампа не характерны, а преобладают ямки и оттиски наклонной палочки (Фоломеев Б. А. и др., 1988). На памятниках, расположенных в окрестностях Плещеева озера, на Верхней Волге, гребенчатая орнаментация является весьма распространенной. Как можно видеть по рис. 6, 8, на «Чертовом городке» присутствует и то и другое. Имеющиеся данные по «Чертовому городку» и сходным с ним памятникам не позволяют проследить детали того, как формировались эти комплексы.

Х. И. Крис и И. Л. Чернай предполагали, что две традиции в керамическом комплексе памятников начальной фазы железного века в бассейне Москвы-реки — окская (стежковая фактура текстильных отпечатков, орнаментация ямками

и вдавлениями наклонной палочкой) и верхневолжская (мелкоячеистая фактура текстильных отпечатков, орнаментация гребенчатым штампом) — соответствуют двум хронологическим этапам заселения региона (Крис Х. И. и др., 1984, с. 136). Мне кажется, что такой вывод возможен, но еще недостаточно обоснован. Комплексы ранних слоев Селецкого городища, на которые опирались Х. И. Крис и И. Л. Чернай, так же как и Чертов городок, дают смешанную картину: керамика со «стежковой» фактурой отпечатков текстиля, орнаментированная ямками и наклонной палочкой, встречена вместе с керамикой, несущей отпечатки гребенчатого штампа.

Подводя итог вышесказанному относительно происхождения памятников типа Чертова городка, остановимся на следующем.

В начале железного века, не позднее рубежа IX—VIII вв. до н. э., долина Москвы-реки, по всей видимости, подверглась колонизации, возможно неоднократной. Расселение скорее всего шло вверх по течению.

Исходный район данной колонизации ясен лишь приблизительно — Волго-Окское междуречье. Причины того, что в орнаментации керамики начала железного века памятников Москвы-реки прослеживаются различные традиции, могут объясняться по-разному: несколькими волнами колонизации, колонизацией региона населением с уже смешанной традицией керамического производства, диффузией традиций орнаментации и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О. Н., 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей//МИА. N 7.

Беляев Л. А., 1991. Средневековый некрополь Коломенского//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М.

Беляев Л. А., 1992. Археология церкви Вознесения в Коломенском//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. М.

Беляев Л. А., Кренке Н. А., 1993. Археологические исследования дворца Алексея Михайловича в Коломенском//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М.

Гоняный М. И., Кренке Н. А., 1988. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры//СА. N 3.

Данильченко В. П., 1984. Остеологический материал Селецкого городища//КСИА. Вып. 178.

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище//Дьяковская культура. М.

Качанова В. И., 1954. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры//Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 5. М.

Кренке Н. А., 1986. Вал Дьякова городища//КСИА. Вып. 186.

Кренке Н. А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Дис. ... канд. ист. наук. М.

Кренке Н. А., 1991. Археологическая карта заповедника «Коломенское»//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М.

Кренке Н. А., 1992. Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI—XII вв. в Коломенском//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. М.

Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьяково городища//КСИА. Вып. 194.

Крис Х. И., 1986. Вал Боршевского городища//КСИА. Вып. 186.

Крис Х. И., Чернай И. Л., Данильченко В. П., 1984. О раннем периоде дьяковских городищ//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.

Нефедова Е. С., 1993. Микротопонимика села Дьяково и его окрестностей//Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М.

Никитин А. Л., 1976. Эпоха бронзы на Плещеевом озере//СА. N 1.

Полевые записки землемера Казмина с. Коломенского. Перервинской слободы, с. Богословского, 1785 г.//Российский государственный архив древних актов, ф. 1320, оп. 1, л. 1201, л. 234.

Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.

Сизов В. И., 1897. Дьяково городище близ Москвы//Тр. IX археол. съезда в Вильне 1893. Т. 2. М.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура//Дьяковская культура. М.

Спицын А. А., 1903. Городища Дьякова типа//Зап. отд-ния рус. и славян. археологии Русского археол. о-ва. Т. 5. Вып. 1. СПб.

Топографическая карта окрестностей Москвы, снятая под руководством генерал-лейтенанта Шуберта в 1838 и 1839 гг.//Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. N 21380.

Фоломеев Б. А., 1975. Тюков городок//СА. N 1.

Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гуман М. А., 1988. Климентовская стоянка//Тр. ГИМ. Вып. 68.

Цалкин В. И., 1962. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке//МИА. N 7.

Чернай И. Л. Отчет об археологических раскопках Селецкого городища в Раменском районе Московской обл. в 1978 г.//Архив Ин-та археологии РАН. Р-1 N 8114.
University of Washington Quaternary Isotope Lab Radiocarbon calibration program. 1987. Rev. 2.0.

Институт археологии РАН,
Москва

N. A. KRENKE

"TCHERTOV GORODOK", AN IRON AGE SITE NEAR KOLOMENSKOYE

Summary

The article deals with the results of Tchertov Gorodok's archaeological excavations in 1982, 1984. The author grounds the dating of the sites dated to the beginning of the Iron Age (the 9th — 8th centuries B. C.) and situated in the Moskva river basin. The Moskva river valley is supposed to have been colonized at the beginning of the Iron Age, the alien population settling up the river.

Приложение

Л. И. АЛЕКСЕЕВА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СЕЛИЩА «ЧЕРТОВ ГОРОДОК» (сборы 1982 г.)

При просмотре собранного костного материала установлено 525 остатков. Костные остатки преимущественно имеют вид небольших обломков, полученных чаще всего в результате раскалывания костей. По технике расколов материал не отличим от костей с Дьякова городища (часто наблюдаются расколы вдоль продольной оси костей). Цвет костей светлый (светло-желтый). В целом окраска костей значительно более светлая, чем костей с Дьякова городища. Кости серого и темно-серого цвета встречаются, но очень редко (например, 4 кости медведя).

Видовой состав фауны «Чертова городка» (табл. 1) примерно тот же, что и фауны верхнего слоя Дьякова городища, но несколько беднее. Это может объясняться двумя причинами: небольшим количеством остатков или специализацией хозяйственной деятельности в данном месте.

Основная масса определимых остатков принадлежит свиньям и коровам. Следует отметить, что костные остатки крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС) особенно измельчены, что затрудняет определение и проведение подсчета особей (табл. 2).

Лошадь. 13 остатков, из них почти половина — отдельные зубы. По размерам лучевой кости (табл. 3) лошадь с «Чертова городка» относится к некрупным формам лошадей кабаллоидной группы. Хотя по размерам эта кость близка к аналогичным костям кулана, ее следует относить к настоящим лошадям, так как она имеет более значительную массивность, чем кулан. По размерам и степени массивности она обнаруживает сходство с аналогичными костями лошадей Пржевальского и Гмелина, которые, однако, имеют несколько более узкие нижние концы лучевых костей. Проведенное сравнение позволяет думать, что остатки

© Л. И. Алексеева, 1995 г.

лошадей из местонахождения «Чертов городок» принадлежали некрупной форме домашней лошади кабаллоидной группы.

Свинья. Среди исследованных остатков много отдельных зубов (нередки зубы молодых особей), обломки верхних и нижних челюстей, несколько обломков костей черепа. Промеры последних коренных зубов свиней (табл. 4) показывают, что по абсолютным размерам этих зубов свиньи «Чертова городка» и Дьякова городища (по материалам раскопок 1987 г.) не отличаются ни между собой, ни от современных домашних свиней. Длина последнего коренного зуба свиней из «Чертова городка» равняется 33—35 мм, что свойственно домашним свиньям, размер МЗ которых в среднем равен 34 мм (Андреева Е. Г., 1940). Судя по размерам МЗ, свиньи из местонахождения «Чертов городок» не отличаются от свиней раннежелезного века лесной полосы Восточной Европы (Цалкин В. И., 1962). Однако по этим же параметрам они чуть-чуть крупнее свиней этого же времени лесостепной Украины (Тимченко Н. Г., 1968). Размеры последнего коренного зуба свиней поселения Лепесовка на Украине, как правило, меньше 33 мм (Тимченко Н. Г., 1968).

КРС. Рассмотрение остатков животных этой группы очень затруднено из-за фрагментарности остатков. В основном это — отдельные зубы и очень мелкие обломки костей, часто расколотые вдоль продольной оси, что не дает возможности провести измерения, необходимые для сравнительно-морфологического изучения. Некоторое представление об абсолютных размерах может дать вторая фаланга (длина 24 мм, ширина верхнего конца 16 мм, поперечник нижнего конца 14 мм, ширина кости по середине 13 мм).

Можно предположительно сказать, что материал из «Чертова городка» относится к мелкой форме крупного рогатого скота (четких морфологических отличий не наблюдается).

МРС. Остатков очень мало. Это — обломки ребер и обломки срединных частей метаподиальных костей, позволяющие отнести их к животным группам мелкого рогатого скота.

Собака. Имеется всего три остатка, которые можно предположительно отнести не к волку, а к собаке. Это хищнический зуб (М1) и две кости передней конечности (лучевая и локтевая). Хищнический зуб (длина 18,5 мм, ширина 7,2 мм) очень сильно стерт (почти до основания коронки). Обычно до такой глубокой старости доживают лишь домашние животные. Размеры костей предплечья (табл. 5) показывают, что они принадлежали животному немного меньше волка. По абсолютным размерам лучевая и локтевая кости (табл. 5 и 6) близки костям собак сеттеровой породы. Однако это не дает основания говорить, что и морфологически собака из «Чертова городка» была сходна с собаками сеттеровой породы. Здесь приняты в расчет только абсолютные размеры. Следует отметить, что обломки лучевой и локтевой костей из «Чертова городка» принадлежали вполне взрослой особи (полное окостенение эпифизов).

Дикие животные. В коллекции, собранной на «Чертовом городке», их остатки представлены значительно беднее, чем домашних. От лося имеется всего три фаланги. Их размеры дают некоторое представление об абсолютных размерах (табл. 7). Не исключено, что этому животному могла принадлежать часть костных остатков, отнесенных к КРС (многие кости лосей, особенно в обломках, сходны с последними). Интересно отметить, что встречена плюсневая кость лося, расколотая вдоль продольной оси. Медведь представлен 4 костями, все они темно-серого цвета. Это допускает возможность их приноса на поселение из другого места. Кости бобров (8 остатков) сходны с аналогичными костями из верхнего горизонта Дьякова городища (специального сравнения не проводилось). По цвету они существенно не отличаются от общей светло-желтой массы костей.

Остеологический материал из культурного слоя «Чертова городка» позволяет видеть, что данное местонахождение содержит остатки как домашних (лошадь, свинья, КРС, МРС), так и животных дикой фауны лесной зоны (лось, бурый медведь). Находки остатков бобров и водяной полевки (=водяная крыса) указывают

Таблица 1

Видовой состав фауны местонахождения «Чертов городок»

Вид	Число остатков	Минимальное число особей
Лошадь (Equus caballus)	13	1
Свиньи (Sus scrofa)	40	3
КРС (Bos taurus)	46	1
МРС (Ovis aries, Carpa hircus)	10	1
Собака (Canis familiaris)	3	1
Лось (Alces alces)	4	1
Бурый медведь (Ursus arctos)	4	1
Речной бобр (Castor fiber)	8	2
Водяная полевка (Arvicola terrestris)*	3	2
Птицы (Aves)	3	2
Рыбы (Pisces)	1	1
Общее число костных остатков	525	
Число определимых остатков	135 **	
Число костей домашних животных	113	
Число костей диких животных	23	

* Определение А. К. Агаджаняна. ** С учетом остатков птиц и рыб.

Таблица 2

Состав определимых костных остатков млекопитающих из местонахождения «Чертов городок»

Костные остатки	Лошадь	Свинья	КРС	МРС	Собака	Лось	Бурый медведь	Речной бобр	Водяная полевка
Обломки костей черепа		2							
Обломки верхней челюсти		5							1
Обломки нижней челюсти		3	4						2
Отдельные коренные зубы	5	12	8		1				
Отдельные резцы и клыки	2	2	4					2	
Позвонки				1					
Обломки ребер	2	7	6	3					
Лопатка	1	1	1					1	
Кости таза			2						
Плечевая кость		1	3					2	
Локтевая кость	1	1			1				
Бедренная кость		1	13	1				2	
Лучевая кость	1				1		1	1	
Большая берцовая и другие кости голени		2	1						
Таранная кость				1					
Пяточная кость		1							
Метаподиальные кости		1	2	4		1	1		
Первая фаланга							2		
Вторая фаланга		1	3			1			
Сезамовидная косточка	1								
Число остатков по видам	13	40	46	10	3	4	4	8	3

Таблица 3

Промеры лучевых костей лошадей, мм (индексы — в %)

Показатель	Equus caballus Ч.г.—82 кв. 15 предмат.	E. hemionus (кулан) Зоомузей МГУ № 107028	Современные E. caballus		E. gmelini	E. przewalskii
			Зоомуз. МГУ S-93053	ЛГУ	ЗИН	РАН
				Громова, 1949, табл. 9		
1. Длина	282	312	365	338	316	297—317
2. Ширина верхнего конца	—	74	90	74	43	66—73
3. Поперечник верхнего конца	35	38	51	46	43	36—45
4. Ширина нижнего конца в надсуставных буграх	68	67	86	75	68	65—74
5. Ширина нижнего конца в блоке	59	56	72	63	—	—
6. Поперечник нижнего конца	39	46	50	44	43	40—45
7. Ширина кости в середине	35,2	34	43	40	36	33—38
Массивность (7:1)	12,1	9,0	11,5	11,9	11,9	10,5—12,2

Таблица 4

Промеры последних коренных зубов свиней, мм

Показатель	«Чертов городок» — 82			Восточная Европа (лесная полоса, раннежелезный век) Цалкин, 1962, табл. 24		Дьяково городище — 87					Современная домашняя свинья, Зоомузей МГУ № S-106943
	кв. И-15	кв. Ж-13	кв. 2.4 40—60			264	264	245	250	250	
						170—180	120—130	150—160	120—130	120—130	
Длина M^3	33	—	—	28—41,5	—	35	31	—	—	—	32
Ширина M^3	20	—	—	16,5—25	—	20,5	20,5	—	—	—	19
Длина M^3	—	35	—	—	27—43,5	—	—	35,5	37	31,5	33
Ширина M^3	—	18,5	16?	—	14—20	—	—	15,5	15,5	15	18

Таблица 5

Промеры лучевых костей Canidae (род Canis), мм

Показатель	Собака, Ч.г.—82, кв. Е-12	Canis lupus, Смоленская обл., Вяземское о/х, Зоомузей МГУ № S-111318	C. familiaris, сеттер, Зоомузей МГУ, б/н	Волк Д-83 кв. 143 глубина 160—165 см
Длина	—	223	173	—
Ширина верхнего конца	18	26	19,5	—
Поперечник верхнего конца	11,2	18	13	—
Ширина в середине	13,5	17,5	14	16,2

Таблица 6

Промеры локтевых костей Canidae (род Canis), мм

Показатель	Собака Ч. г.-82 кв. Ж-13	C. lupus, Смоленская обл., Вяземское о/х., Зоомузей МГУ, № S-111312
Наибольшая ширина верхнего конца в суставе	17	25
Поперечник там же	21	23
Ширина кости по середине	10	14

Таблица 7

Промеры вторых фаланг лося, мм

Показатель	Чертов городок-1982		Дьяково городище 1987	
	кв. Е-13 гл. 20—30	кв. 15 гл.-30	кв. 239 180—190	кв. 275 190—200
Длина	70	60	64	63
Ширина верхнего конца	32	29,5	32	32
Поперечник верхнего конца	—	38,5	40	41,5
Ширина нижнего конца	27	23	25,5	26
Поперечник нижнего конца	40	40,5	37,5	40
Ширина в середине кости	22	21	20	22
Поперечник там же	—	31	20	32
Массивность (6:1)	31	35	31	34

на значительную обводненность территории местонахождения. Среди остатков преобладают обломки костей свиней и КРС. На костях лошадей, коров и свиней (реже на костях других животных) нередки следы погрызов (преобладают продольные тупые бороздки и ямочно-точечные углубления). Возможно, подобные погрызы нанесены резцами свиней. Погрызы наблюдаются главным образом на верхних и нижних концах костей конечностей (на эпифизах). Так же, как и для костей с Дьякова городища, отмечаются продольные расколы длинных костей конечностей (реже фаланг).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е. Г., 1940. Фауна Кондаковского городища//Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М., Л.

Громова В. И., 1949. История лошадей (рода Equus) в Старом Свете//Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР. Т. XVII. Вып. 1. М., Л.

Тимченко Н. Г., 1968. Фауна поселения Лепесовка//Природная обстановка и фауны прошлого. Киев.

Цалкин В. И., 1962. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке//МИА. № 107.

Музей истории Москвы

Г. М. БУРОВ

САНИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ

Историю возникновения традиционных зимних транспортных средств нельзя проследить без археологических данных. Между тем остатки саней в археологических памятниках встречаются редко, поскольку древесина в обычных грунтовых условиях не сохраняется. В этой связи большой научный интерес представляют открываемые в редких случаях детали древних саней, залегающие в местах постоянного избыточного увлажнения: на поселениях, в могилах и просто в болотах.

К числу таких мест относится торфяниковая часть поселения Вис II близ пос. Синдор Княжпогостского р-на республики Коми. На основе найденных здесь (в числе сотен деревянных изделий) двух полозьев и копыла новгородского типа (с длинным суком, составлявшим опору для платформы; рис. 1, *1*), нами выделены две модели саней ванвиздинской культуры, датирующиеся V в. н. э. (Буров Г. М., 1981б, с. 128—130).

Первая из них — это бесспорные сани новгородского типа, т. е. с двумя полозьями, снабженными пазами для копыльев, и приподнятой платформой (рис. 1, *2*). В основу реконструкции положен полоз из древесины лиственной породы, имеющий сквозной прямоугольный паз, близ которого проделано горизонтальное отверстие для привязного ремня, идущего к перехвату в нижней части Г-образного копыла (рис. 2, *1*).

Привязное отверстие полоза было, несомненно, расположено позади паза: впереди него находилась длинная суженная часть полоза (сохранившаяся на длину 48 см), которая должна была загибаться кверху. К тому же копыльные ременные оттяжки, если они делались с одной стороны, как у ископаемых, так и у этнографических нарт, приходятся, как правило, на участок за копылом, ибо при буксировке саней на него действует сила, стремящаяся наклонить копыл вперед. По нашей классификации (Буров Г. М., 1979; 1981а, с. 159, 160), сани с полозьями этого облика и Г-образными копыльями относятся к подтипу мурьера (представляя его VI вариант) при условии, что они были четырехкопыльными, а абсолютное большинство древних полозьев с оттяжками как раз принадлежит таким нартам, имея по два паза.

Аналогии в древнем Новгороде (Колчин Б. А., 1968, табл. 39, *1*, *4*; 40, *4*; 44) позволяют думать, что у висской нарты были грядки (нащепы) — боковые продольные брусья, без которых она не обладала бы необходимой жесткостью, причем у древнерусских саней грядки, снабженные сквозными пазами, насаживались на верхние концы копыльев. Подобно саням Новгорода (Колчин Б. А., 1968, табл. 40, *14*; 43, *11*), нарта, вероятно, оснащалась также поперечинами, вязами из толстых прутьев, с вырезами в местах изгиба. Такие вязы вполне целесообразны при небольшом диаметре опорного копыльного сука (1,2 см). Платформа может быть восстановлена как доска либо настил из досок или палок, а если существовал кузов, то он едва ли отличался значительной высотой, поскольку длина верхней части копыла — всего около 6 см.

© Г. М. Буров, 1995 г.

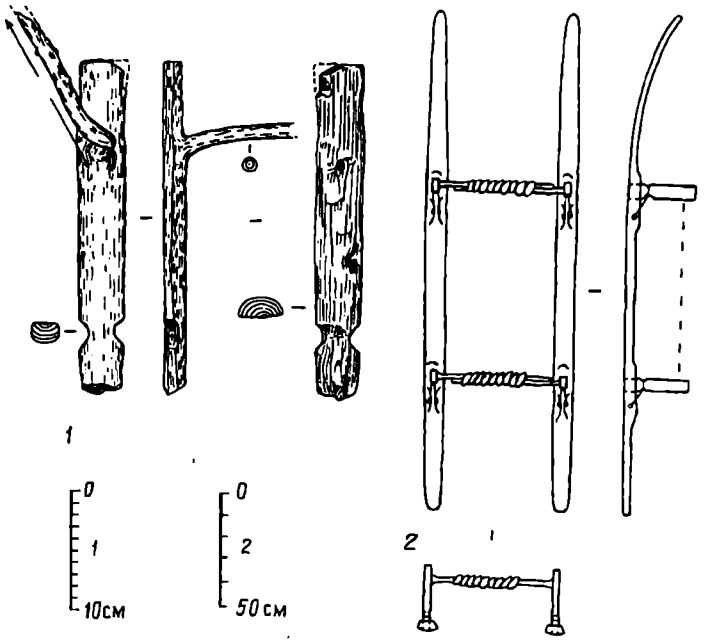

Рис. 1. Поселение Вис II. Копыл новгородского типа (*1*) и реконструкция саней с такими копыльями (*2*). Грядки, вязы и платформа не показаны

Второй, сосновый полоз[1] из Виса II (рис. 2, *2*) имеет ширину до 8,6 см и также сужен к концу. Нижняя сторона — окоренная выпуклая поверхность ствола, слегка подтесанная для уплощения, верхняя (отчасти плоская, отчасти вогнутая) — покрыта следами рубящего орудия, что может указывать на незаконченность изделия. Сверху вырезано крепкое ушко с эллипсоидным отверстием диаметром 2,6 см, которое удалено от одного излома на 32, а от другого — на 55 см. Ограниченная длина обломка затрудняет определение типа, к которому полоз относится. Мы предполагали, что он принадлежит конструкции, близкой к камчадальским собачьим саням — со спаренными копыльями в виде дуг (из березовых корней), которые привязывались к горизонтальным отверстиям полоза, лишенного вертикальных пазов (Антропова В. Е., 1949, с. 48—50). Вместе с тем нами допускалось, что полоз относится к новгородскому типу, т. е. имел пазы, принадлежа не к VI, а к иному варианту муръервского подтипа — с горизонтальными привязными отверстиями в стороне от пазов. В настоящее время следует отдать предпочтение второй реконструкции.

Совсем неожиданно данные о санях Виса II расширились. Для их изучения, как и для проблемы древних саней в целом, большое значение приобрели опубликованные материалы Мангазеи — русского города XVI—XVII вв., расположенного близ устья Оби, недалеко от Европейского Северо-Востока. Здесь при раскопках собраны полозья, копылья и вязы от четырехкопыльных нарт (рис. 3, *1—6*), представляющих интерес при анализе висских материалов (Белов М. И. и др., 1981, с. 70—73). Вот почему мы попытались дать графическую реконструкцию саней (рис. 3, *7*), приняв за основу выводы О. В. Овсянникова и В. Н. Старкова. В частности, на рисунке нами показано, что грядки привязывались к верхним концам копыльев ремнями (с помощью выемки и отверстия в копыле); ремнями же скреплялись между собой полоз и копыл, имеющие обычно привязные отверстия (рис. 3, *3*).

Вместе с тем наша реконструкция содержит и новые детали. Прежде всего, переднюю часть саней пришлось сделать приподнятой, а грядки — загнутыми кверху, так как копылья невысоки, а загибающаяся часть полоза выглядит сильно вытянутой (рис. 3, *4*). Такие сани, в частности возвышающийся передок,

[1] Диагностические анализы выполнены В. Е. Вихровым и Е. Г. Мельниковым (Белорусский технологический институт).

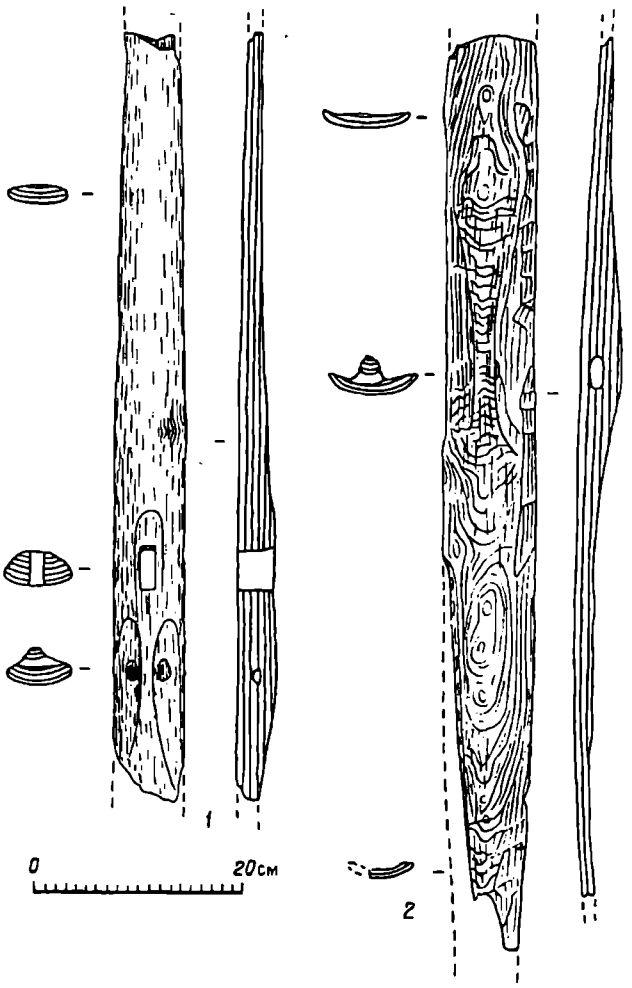

Рис. 2. Вис II. Санные полозья. *1* — первая модель (передним концом фрагмент направлен вверх); *2* — вторая модель (вниз)

имеют аналогию в кетских оленьих нартах, бытовавших недалеко от Мангазеи (Donner K., 1933, pict. 33—35). Кроме того, следует полагать, что у мангазейских саней была платформа из досок; явно для их фиксации копылья с внутренней стороны имеют в большинстве случаев соответствующие вырезы (рис. 3, *1*, *3*, *6*).

Нарты Мангазеи относятся к VII варианту муръервского подтипа, представленному местонахождением Вильхельмина II в Швеции (Berg G., 1935, fig. 24), где, однако, полоз в месте установки каждого копыла имеет только одно отверстие, а не четыре. Этому варианту свойственно скрепление полоза (который тонок) с копылом не столько посредством паза, сколько с помощью тяжей. Мангазейские материалы подтверждают сделанное ранее предположение о весьма позднем возрасте VII варианта, лишенного прежде конкретной даты (Berg G., 1935, p. 170).

Бросается в глаза сходство мангазейских копыльев с киркообразным сосновым изделием Виса II (Буров Г. М., 1966, с. 167, 168). Это — удлиненный предмет эллипсовидного сечения, расширяющийся книзу — сначала плавно, а затем резко (рис. 4, *1*). В средней части, ближе к нижнему концу, отмечен прямоугольный сквозной паз размерами 4,5 × 1,7 см. Здесь вещь утолщается, расширяется в профиле и приобретает в нем почти квадратную форму. Перпендикулярно пазу проделано отверстие диаметром 0,2—0,4 см, в котором обнаружен обломок деревянного нагеля. Высота всего предмета (без обломанного выступа внизу) — 55,5 см, расстояние от его нижнего конца до верхней стенки паза — 25,5 см, максимальная ширина — 7,5 см.

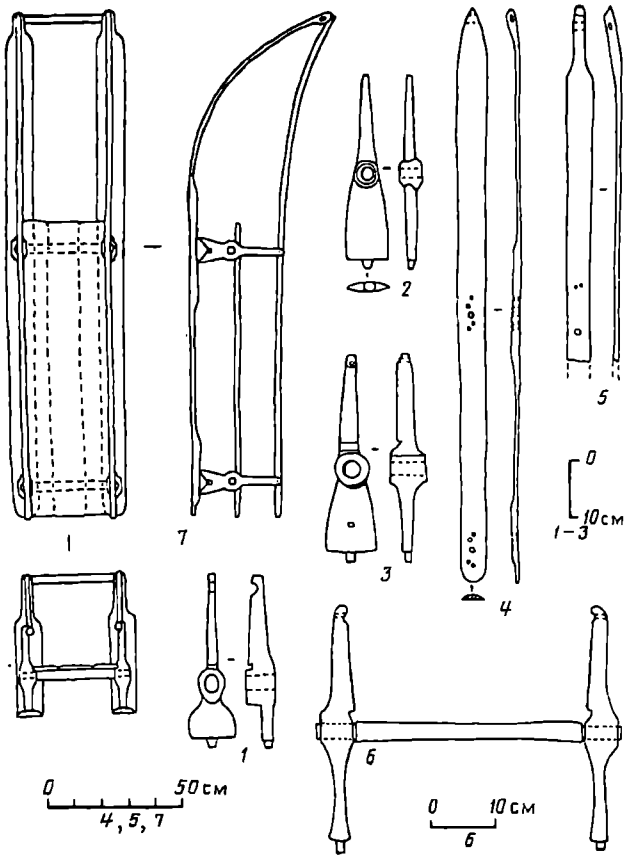

Рис. 3. Мангазея XVI—XVII вв. Нарты. *1—3* — копылья; *4*, *5* — полозья; *6* — копылья в сборе с вязом; *1—6* — по М. И. Белову и др.; *7* — графическая реконструкция автора

Верхний конец предмета снабжен боковой выемкой и уступом в профиле, нижний — имел шип, выделенный преимущественно en face, толщиной около 1 см при расстоянии между краями порядка 4 см. Параллель в Мангазее (Белов М. И. и др., 1981, табл. 61; 62, *5*) свидетельствует о том, что это изделие — копыл: шип входил в паз полоза, уступ и выемка служили для привязывания грядки, а в пазу копыла закреплялся вяз. Расширение же на нижнем конце копыла делало его устойчивым при наличии опрокидывающего момента, который создавался действием горизонтальной силы во время приведения нарт в движение.

Саням Виса II с копыльями мангазейского типа должны отвечать вязы в виде пластин, брусков или палок с шипами на обоих концах (рис. 3, *6*) (Белов М. И. и др., 1981, табл. 62). К сожалению, массивных поперечин с крупными прямоугольными выступами, адекватными пазу в висском копыле, при раскопках не найдено. Однако в коллекции Виса II выделены две пластины эллипсовидного сечения с небольшими шипами. В первом случае (рис. *5*, *1*) шип толщиной 0,8 см при расстоянии между краями 2,6 см углублялся в паз на 2,0 см; ширина пластины — 3,6—3,8 см, толщина — 1,1—1,3 см, длина сохранившейся части — 36,0 см. Вторая, целая пластина (рис. *5*, *2*) — с почти такими же по величине шипами; разница лишь в том, что их края удалены друг от друга всего на 2,0 см. Неповрежденный шип сохранил отверстие нагеля. Особенность шипов — в том, что их концы скошены и, очевидно, соответствуют асимметричным пазам. Ширина пластины — 2,8—3,0 см, толщина — 1,3, общая длина — 44,0, а без шипов — 40,0.

Указанная длина предмета позволяет усматривать в нем вяз (примерно таков же размер поперечин в Мангазее), а небольшая величина шипов у пластин, их узость и тонкость говорят о том, что перед нами — передние, облегченные вязы. На мысль об их существовании наводят отверстия в суженных головках манга-

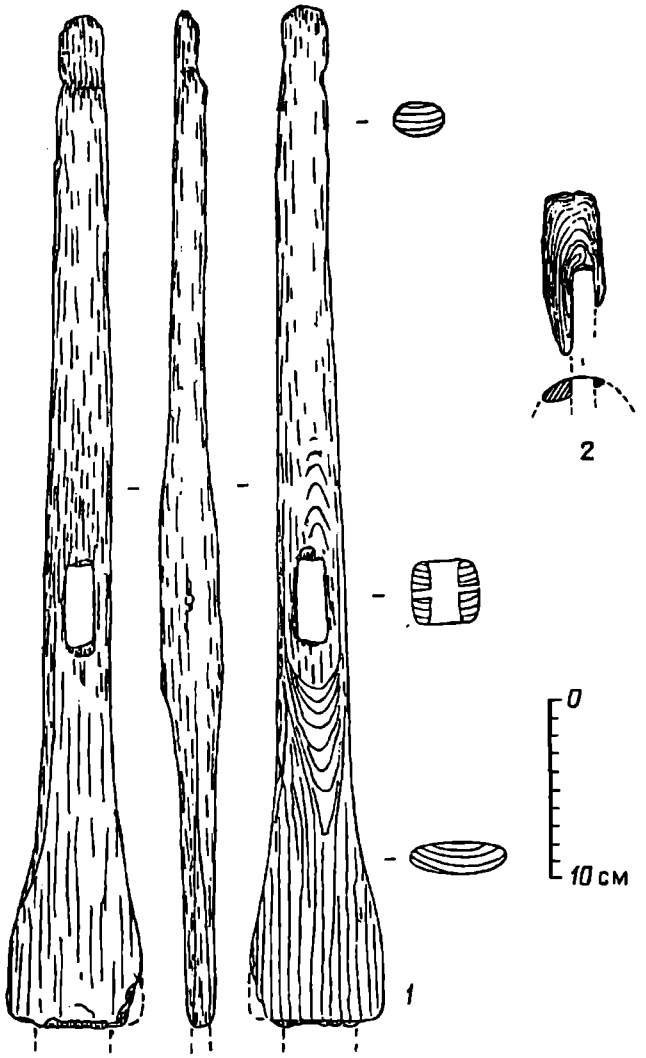

Рис. 4. Вис II. Копыл мангазейского типа (*1*) и обломок полоза (*2*)

зейских полозьев, отличающиеся от пазов у копыльев меньшими размерами (рис. 3, *4*, *5*), а кетские оленьи нарты оснащались даже парами тонких передних вязков (Donner K., 1933, pict. 33, 34), что могло иметь место и у висских саней. Таким образом, мы получаем конкретные данные об их ширине. А то обстоятельство, что описанные вязы изготовлены из древесины хвойных пород, косвенно указывает на их связь с копылом мангазейского типа.

Какому же полозу соответствует висский копыл с пазом? Полагая, что такой полоз имеется среди двух описанных, мы, учитывая ряд фактов, должны склониться к мысли, что искомым изделием мог быть второй экземпляр. Ведь, прежде всего, первый полоз и отвечающий ему копыл изготовлены из древесины лиственных пород, а второй и копыл мангазейского типа — сосновые. На существование в Висе II полозьев с пазами из древесины хвойных указывает мелкий обломок предмета (рис. 4, *2*), в котором, судя по имеющимся археологическим находкам, в частности висским и мангазейским, следует усматривать скорее верхнюю, суженную часть полоза, чем фрагмент копыла, для которого в месте, где крепится вяз, характерно прямоугольное сечение. О том же говорит и ширина паза у обломка (1,2 см), близкая к толщине шипа у копыла (около 1 см) и сильно уступающая ширине его паза (1,7 см) [2].

[2] Разумеется, рассматриваемые детали саней из Виса II, представляя две модели, принадлежат не двум, а нескольким конструкциям, более или менее близким друг к другу по величине.

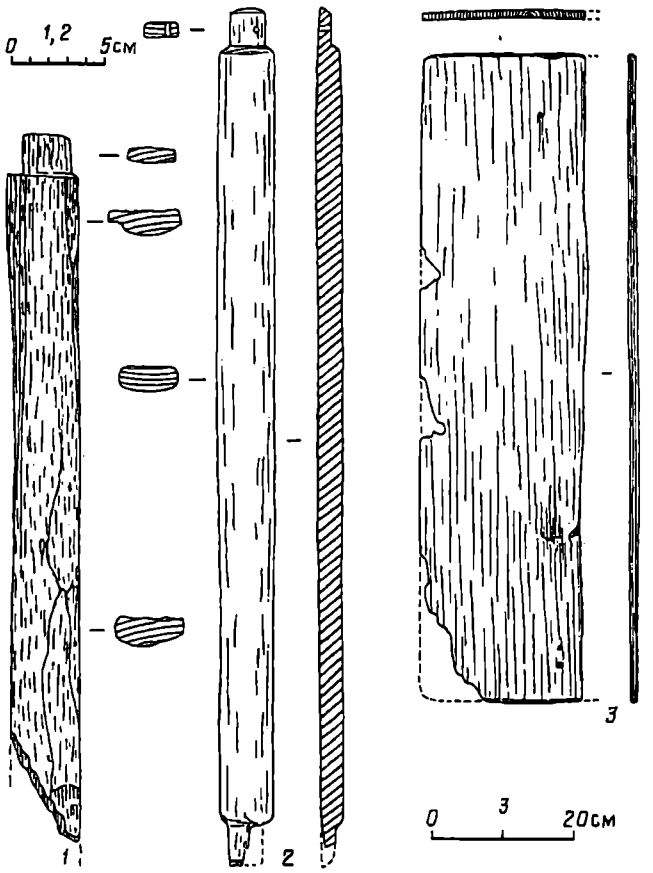

Рис. 5. Вис II. Вязы саней (*1*, *2*) и доска (*3*)

Следующий аргумент — первому полозу по форме отвечает Г-образный копыл, перехват которого соотносится с горизонтальным привязным отверстием на полозе, а у копыла с пазом нет ни перехвата, ни привязной сверлины (типичной для копыльев у мангазейских нарт). Наконец, намечаемая связь между полозьями и копыльями обосновывается стратиграфически: детали саней из древесины лиственных пород встречены в более ранних напластованиях торфяника, чем полоз и копыл из сосны, залегавшие, кстати, в одном горизонте с упомянутым мелким фрагментом, имеющим паз.

Если исходить из того, что нам известно о древних санях, то при восстановлении второго полоза речь может идти лишь о V и IV вариантах, представленных в Швеции и Финляндии. Полозья V варианта имеют два горизонтальных отверстия: одно — посередине между пазами, а другое — на заднем конце. Вероятность того, что обломок принадлежит такому полозу, невелика. Ведь та половина фрагмента, которая лишена отверстия, суживается к концу, благодаря чему может рассматриваться не как средняя, а как передняя часть полоза, загибающаяся кверху. Но если все же предположить, что сохранившееся отверстие находилось между двумя пазами, то расстояние между ними должно быть не менее 120 см, так как в местах пазов полоз, как правило, утолщен. Судя же по шведским и финляндским археологическим параллелям, по материалам Мангазеи и этнографическим данным, это расстояние обычно не превышает одного метра, а чаще всего гораздо меньше.

Нам представляется, что обломок принадлежит саням IV варианта, у которых полоз имеет привязное горизонтальное отверстие в носовой части, на расстоянии около полуметра перед первым копыльным пазом (Хаммердаль, Люкселе, Вильхельмина I, Кусамо) (Berg G., 1935, fig. 17, 21, 22; Itkonen T., 1936, kuv. 5, B). От такого отверстия, по-видимому, шел ремень к перехвату на грядке, отмеченному у саней муръервского подтипа из Пиэлавеси в Финляндии (Okkola T.,

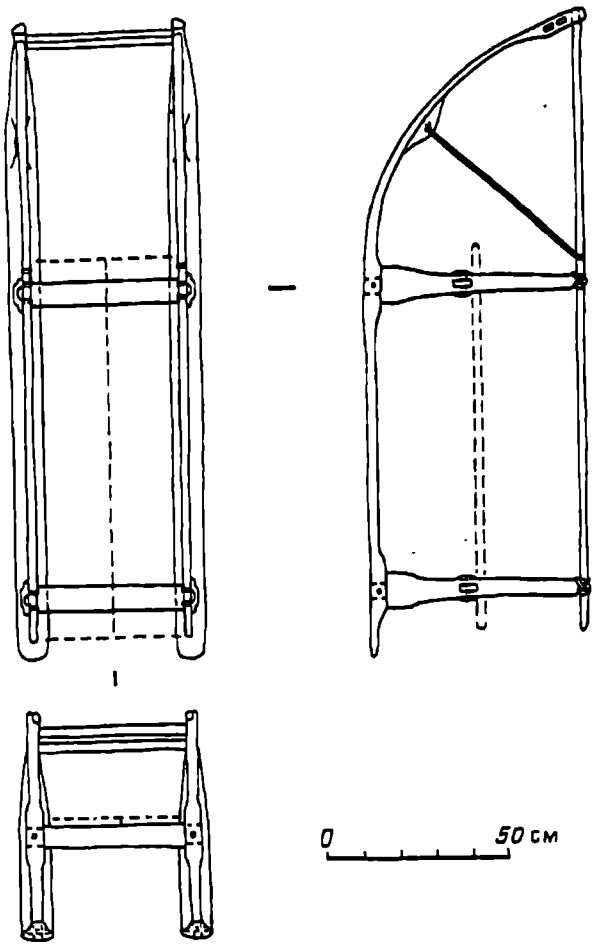

Рис. 6. Вис II. Реконструкция нарт с копыльями мангазейского типа

1945). Подобный тяж прижимал копыл к полозу и одновременно препятствовал распрямлению загиба, укрепляя сочленение головки полоза с передним концом грядки. Не случайно у полозьев IV варианта и сходного с ними III варианта (у которых вместо горизонтального проделаны вертикальные отверстия на загнутом конце) часто отсутствует канал у переднего паза, служащий для привязывания копыла (Кусамо, Муръерв, Стенселе) (Berg G., 1935, fig. 18, 19).

Завершая реконструкцию полоза, можно высказать догадку, что его вертикальные пазы имели отверстия нагелей, фиксировавших шипы копыльев (рис. 6). Такие отверстия отмечены и у копыла, и у вяза. Нагели могли быть не только деревянными, но и железными. Благодаря им здесь не требовалось ременных оттяжек, необходимых для первой висской модели и нарт Мангазеи.

Грядки, судя по форме верхнего уступа у копыла, представляли собой, вероятно, длинные жерди (простые или обтесанные). Выделить их в коллекции невозможно. Если у первой модели грядки насаживались на копылья до опорно-соединительных суков, то здесь они составляли край борта.

Отсутствие в висской коллекции плетеных конструкций позволяет думать о платформах из досок или палок, хотя могли существовать даже высокие кузова. В этой связи представляется заслуживающей внимания совершенно гладкая прямоугольная (?) доска толщиной 0,9—1,3 см с отколотым краем, из древесины хвойной породы (рис. 5, *3*). Имея длину 86,5 см и ширину не менее 24 см, она вполне отвечает размеру целой платформы или ее половины. Это позволяет допускать принадлежность описанного предмета саням, в частности второй модели. Правда, нет крепежных отверстий, но не исключено, что доска раскололась до их сверления или была привязана в неперфорированном виде.

При сравнении висских саней второй модели с мангазейской нартой хорошо заметны некоторые различия между ними в деталях на фоне общего сходства. В частности, у саней Виса II грядки едва ли загибались кверху в передней части: высота платформы над плоскостью скольжения была более 30 см, глубина возможного кузова — примерно такой же, полная высота — почти 60 см. У мангазейской же нарты первая составляла в среднем 20 см, а третья — ни разу не была больше 40 см. По расстоянию от платформы до скользящей поверхности к нартам Мангазеи близки висские сани первой модели (23 см), имевшие незначительную высоту (28—29 см) из-за укороченности надплатформенных выступов. Другое различие состоит в способах фиксации копыльного шипа в пазу полоза.

Восстановленные сани Виса II, относимые к IV и VI вариантам муръервского подтипа, представляли собой прочные конструкции, которые позволяют говорить о ездовом животноводстве у ванвиздинских племен. К тому же в Висе II найдены кости, принадлежащие, по-видимому, собаке (Буров Г. М., 1967, с. 158, табл. 9). Наконец, в Усть-Полуе, который территориально и хронологически близок к ванвиздину, встречены несомненные следы упряжного собаководства (Мошинская В. И., 1953, с. 84—86). Все это дает право предполагать, что висские сани могли приводиться в движение собаками. Им, вероятно, помогали люди (Donner K., 1933, pict. 28). Впрочем, нарты Виса II, как и бескопыльные сани каменного века, вполне мог тащить за собой и сам человек. Ездового же оленеводства ванвиздинцы, по-видимому, еще не знали: начало его на Европейском Северо-Востоке связывается с приходом в X—XI вв. в Большеземельскую тундру самодийского населения Сибири (Лашук Л. П., 1958, с. 56—58; Помишин С. В., 1990, с. 66, 67).

Как явствует из выше изложенного, по типам копыльев и вязов существует сходство между нартами Мангазеи и современными санями кетов, которые обитают рядом с той областью, где находился этот город. Такие нарты отмечены также у хантов (Лукина Н. В., 1985, рис. 8, *1*, *2*, *4*) и коми (Конаков Н. Д., 1983, с. 69, 70). Вместе с тем сани Мангазеи находят параллель на поселении V в. в Привычегодье. Это свидетельствует об очень раннем возникновении нарт рассмотренной модели, бытующих у народов Вычегодско-Печорского и Обско-Енисейского Севера. В то же время к нартам первой модели по форме копыльев близки многокопыльные сани древнего Новгорода, которые к ним, возможно, восходят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антропова В. Е., 1949. Старинные камчадальские сани//СМАЭ. Т. 10.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М.

Буров Г. М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды//СА. № 1.

Буров Г. М., 1967. Древний Сидор. М.

Буров Г. М., 1979. Древние сани Прибалтики, Коми края и Зауралья//Вопросы финно-угроведения. Вып. 2. Сыктывкар.

Буров Г. М., 1981а. Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция)//Скандинавский сборник. № 26.

Буров Г. М., 1981б. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и II (I тысячелетие н. э.)//СА. № 2.

Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. Вып. Е 1—*55*.

Конаков Н. Д., 1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.

Лашук Л. П., 1958. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар.

Лукина Н. В., 1985. Формирование материальной культуры хантов. Томск.

Мошинская В. И., 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя//МИА. № 35.

Помишин С. Б., 1990. Происхождение оленеводства и доместикация северного оленя. М.

Berg G., 1935. Sledges and Wheeled Vehicles. Stockholm; Copenhagen.

Donner K., 1933. Ethnological Notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk Region). Helsinki.

Itkonen T. I., 1936. Muinaissuksia ja-jalaksia//Suomen museo. 43.

Okkola T., 1945. Einige vorgeschichtliche Skier und Schlitten//Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 45.

Симферопольский государственный
университет

G. M. BUROV

THE EARLY MEDIEVAL SLEDGES FROM VIS II SITE IN THE VYTCHEGDA RIVER BASIN

Summary

Two sledge runners were found in the peat-bog part of Vis II site (Knyazhpogost region of the Komi Republic) besides the hundreds of the other wooden artifacts of the 5th century A. D. (Vanvizhdino culture). They have two rectangular slots with the fixed poppets supporting the platform. According to the author's classification they belong to Morjarv group sledges of Novgorod type. The first model of the sledges has been already described as the 6th variant of Morjarv group (fig. 1; 2, *1*). The article is devoted to the later (according to the stratigraphic data) model (the 4th variant) which is similar to the sledges of Mangazeya (the 7 th variant; fig. 3), a trance — polar Sibarian town of the 16th-17th centuries. The second model has also the parallels in the traditional culture of the Komis, Khants and Kets whose sledges probably have the early medieval prototype. The durability of Vis II constructions, finds of the dog bones on the site and the draught dog-breeding on the contemporary Ust-Poluy site (Low Ob region) situated in a short distance from Vis II testify to the fact that the sledges were drawn by dogs with or without humans as well as by the hand power.

Заметки

Л. В. СУББОТИН

ГРОБНИЦЫ КЕМИ-ОБИНСКОГО ТИПА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Среди многочисленных погребальных памятников энеолита — ранней бронзы, открытых в последние десятилетия на западе степного Причерноморья в пределах Одесской обл., особо выделяются четыре погребения с орнаментированными каменными ящиками.

В 1972 г. детали такой гробницы были зафиксированы в 15 км к юго-западу от Одессы — в кургане 1 у с. Великодолинское Овидиопольского р-на (Субботин Л. В. и др., 1976, с. 187—189). Они представляли собой четыре гравированные плиты, входившие в состав каменного заклада, которым перекрывалась грунтовая могила впускного ямного погребения 1. Судя по обработке и оформлению, эти плиты являлись составными частями былого каменного ящика, существовашего в ином, предварительно разрушенном погребении. Все плиты украшены резным косым крестом с внутренней стороны, а одна — еще и сложным геометрическим рисунком снаружи (рис. 1, *1—3*). Верхние края плит имеют уступчатый вырез, предназначавшийся для укладки плиты-крышки. Сравнительно небольшая ширина плит-стен (0,56—0,75 м) указывает на то, что в разрушенной гробнице их было минимум вдвое больше. С учетом этого внешний размер реконструируемого ящика достигал 1,8×1,6 м, внутренний — 1,4×1,3 м. При сооружении гробницы боковые плиты вкапывались нижним краем в грунт, торцевые же устанавливались вплотную к ним без вкапывания. При этом более богато украшенная торцевая плита размещалась, судя по аналогиям, со стороны ног погребенного. Двусторонняя орнаментированность либо просто более качественная обработка таких плит с внешней стороны позволяют предполагать, что они являлись своеобразной дверью, указывающей на вход в склеп.

В 1984 г. в 18 км к северо-востоку от Одессы в погребении 14 кургана, располагавшегося у с. Старые Беляры Коминтерновского р-на, был открыт первый для рассматриваемого региона каменный ящик с росписью (Петренко В. Г., 1991, с. 83—85). Гробница размером 1,7×1,3 м состояла из прямоугольной плиты-основания, четырех примыкавших к ней плит-стен и уложенной поверх них антропоморфной стелы. Щели между плитами замазывались зеленой глиной. На внутренней стороне каждой из стен малиновой охрой был нанесен орнамент в виде трех вертикальных полос, обрамленных рядами точек (рис. 1, *4*, *5*). Точки и короткие черточки того же цвета украшали верхние торцы этих плит. Кроме того, плита, стоявшая в ногах погребенных (которых было двое), орнаментирована и снаружи — процарапанными зигзагом и двумя параллельными прямыми линиями. Сам ящик располагался во впускной яме, выполненной с четырехсторонним уступом, которую после закрытия гробницы засыпали черноземно-суглинистым грунтом, смешанным в нижней части с известняковой крошкой.

Функционально каменная конструкция являлась склепом, в котором последовательно захоронили, как уже отмечено, двух человек. По остаткам костяка

© Л. В. Субботин, 1995 г.

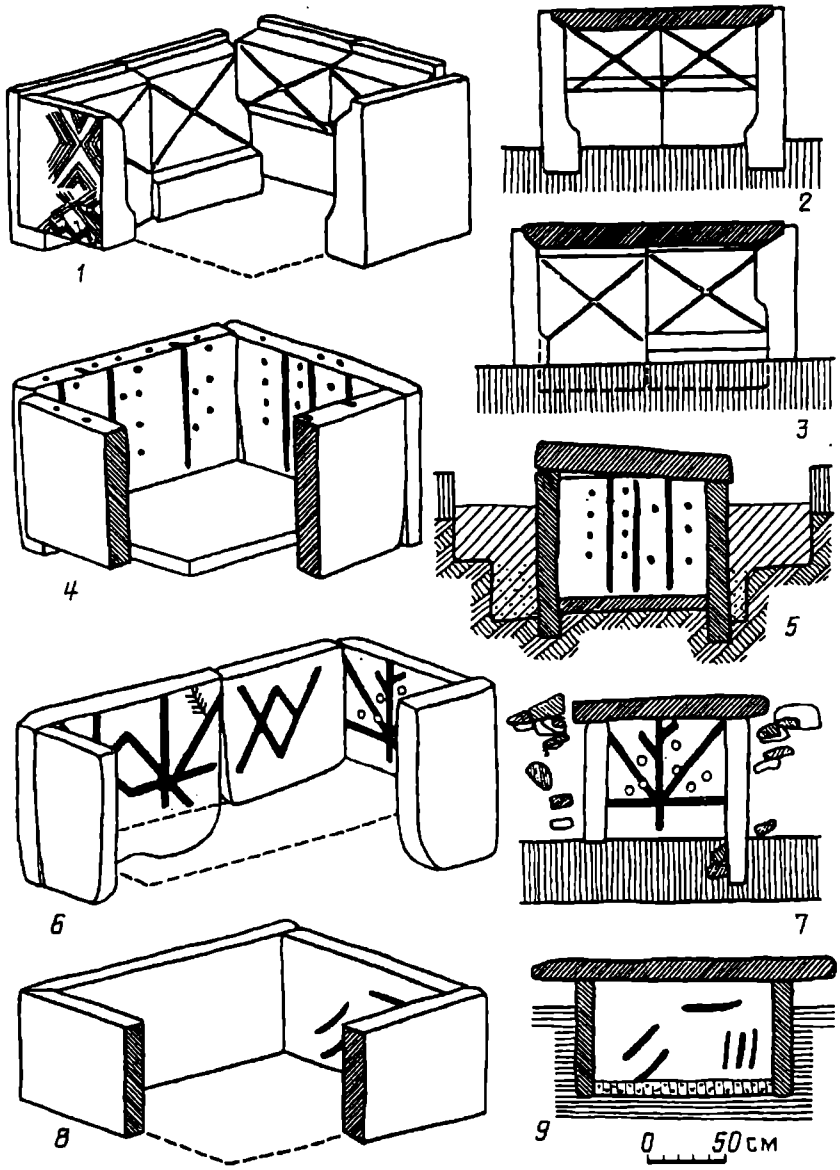

Рис. 1. Памятники кеми-обинского типа Одесщины. *1—3* — Великодолинское, реконструкция ящика по плитам погребения 1 кургана 1; *4, 5* — Старые Беляры, 1/14; *6, 7* — Великозименово, 1/1; *8, 9* — Алкалия (Широкое), 33/3

первого погребенного определялась лишь его ориентировка: головой на запад — северо-запад. Поза не устанавливалась, так как скелет был разрушен сдвиганием и определенной перекладкой отдельных его костей в сторону при освобождении места для второго погребенного, который был положен скорченно на левом боку с наклоном на грудь, головой на северо-запад. На костях обоих погребенных отмечены следы красной охры. Под подбородком подзахороненного лежали три бронзовые (?) бусинки-пронизки (рис. 2, *13*), а на левом плече — костяная молоточковидная булавка (рис. 2, *12*). В углу ящика за головой этого погребенного стоял плоскодонный горшок (рис. 2, *14*). С первым же погребенным связывается баночный сосуд с выделенным поддоном и двумя ушками (рис. 2, *15*), стоявший на площадке уступа со стороны ног.

Очередная расписная гробница обнаружена в 1986 г. в междуречье Южного Буга и Днестра на правобережье р. Средний Куяльник в основном погребении 1 кургана у с. Великозименово (по публикациям — Велико-Зиминово) Чапаевского с/совета Великомихайловского р-на (Петренко В. Г., Тощев Г. Н., 1990, с. 71—76). Внешний размер гробницы 2,4×1,2 м, внутренний — 2,0×0,8 м. Ящик состоял из восьми плит, орнаментированных с внутренней стороны нане-

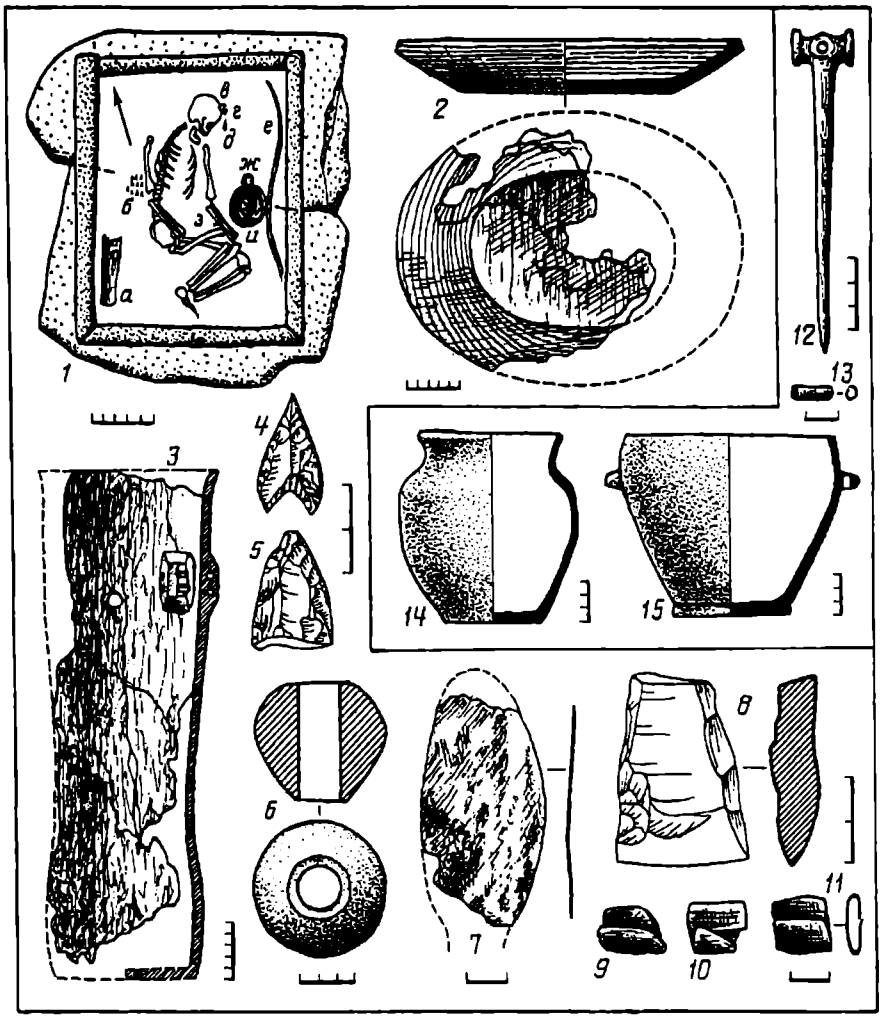

Рис. 2. Материалы гробниц кеми-обинского типа Одесщины. *1—11* — Алкалия (Широкое), 33/3 (*а* — колчан, *б* — наконечники стрел, *в* — топорик, *г* — острие, *д* — нож, *е* — лук, *ж* — булава, *з* — пронизи, *и* — блюдо); *12—15* — Старые Беляры, 1/14

сенными темно-красной охрой различными знаками (рис. 1, *6*, *7*), и неорнаментированной покровной плиты. Щели между плитами заполняли мелкие камни и грязевая замазка. Вокруг ящика имелся подковообразно окружавший его каменно-земляной обклад с проходом с востока — со стороны ног погребенного, где стояла и наиболее оригинально оформленная изнутри и гладко обтесанная снаружи плита. Среди камней обклада находился обломок антропоморфной стелы. Кроме того, погребение окружалось кромлехом диаметром 11,5 м, между северным краем которого и ящиком стояла плита-менгир. Костяк погребенного был разрушен, однако устанавливалось, что он был ориентирован черепом на запад. Вокруг черепа находилось около 300 деревянных палочек-шпилек длиной от 2 до 11 см, диаметром 0,2—0,8 см, поперечно расписанных черными и ярко-красными полосками, лентами и точками.

И наконец, еще одна орнаментированная гробница была открыта в 1988 г. во впускном погребении 3 кургана 33 (Гостра могила) могильника Алкалия, располагавшегося на правом берегу эпонимной речки у с. Широкое Белгород-Днестровского р-на. Гробница представляла собой каменный ящик размером 1,6×1,3 м, составленный из четырех вертикальных плит-стен, расписанных изнутри красной охрой, и двух плит поперечного перекрытия (рис. 1, *8*, *9*). Рисунок, выполненный различно направленными линиями, сохранился лишь на плите, стоявшей в изголовье погребенного, который лежал скорченно на левом

боку, головой на северо-восток (рис. 2, *1*). Погребенный сопровождался довольно богатым инвентарем: выше запястья левой руки находились три бронзовые обоймочки с остатками в них кожи от браслетного ремешка (рис. 2, *9—11*); у темени лежали обломок бронзового листовидного ножа (рис. 2, *7*), кремневое острие (рис. 2, *5*) и кремневый топорик (рис. 2, *8*); за спиной найдено 11 кремневых наконечников стрел (рис. 2, *4*), ниже них — деревянный колчан (рис. 2, *3*); напротив погребенного стояло деревянное блюдо (рис. 2, *2*), возле которого лежала каменная булава (рис. 2, *6*), а за ними, у стенки, деревянный лук (рис. 2, *1*). Под погребенным прослежена растительная подстилка, покрывавшая подсыпку чернозема с золой, толщиной 0,1 м.

В целом основные черты погребального обряда и состав заупокойного инвентаря отмеченных погребений позволяют отнести их к ямным памятникам буджакской группы. При этом такие признаки, как захоронение в яме с уступом, впускной статус ряда погребений, использование для закладов и перекрытий антропоморфных стел, наличие в составе собственно ямного инвентаря пронизок, обоймочек и наконечников стрел, имевших распространение как в ямной, так и в катакомбной культурах, и, наконец, находка типично катакомбной булавы, красноречиво говорят не просто о ямном, а о несомненно позднеямном характере рассматриваемых памятников. Позднеямной является и молоточковидная булавка, происходящая из среды южнобугского варианта этой культуры. Заметим, что такие же булавки оттуда же получили распространение и среди катакомбных памятников днепро-азовского ареала.

Сам же принцип устройства и декорирования выявленных гробниц уже изначально определялся исследователями как кеми-обинский. Вместе с тем подход к интерпретации происхождения таких сооружений претерпел по мере их открытий определенные изменения. Так, великодолинские орнаментированные плиты вначале были восприняты как свидетельство вероятности существования в Северо-Западном Причерноморье памятников собственно кеми-обинских племен, якобы продвинувшихся сюда на ранней стадии своего развития (Субботин Л. В. и др., 1976, с. 195—197). Старобеляровская же и великозименовская гробницы определялись уже лишь как сооружения кеми-обинского типа (Петренко В. Г., 1991; с. 90; Петренко В. Г., Тощев Г. Н., 1990, с. 83, 84). Именно такое определение является, на наш взгляд, наиболее правомерным. Ведь речь идет лишь о специфических особенностях выявленных гробниц, об их сходстве с орнаментированными каменными ящиками Крыма и степей Северного Причерноморья, относящимися рядом исследователей к кеми-обинской культуре, но никак не о пересмотре ямной сути самих погребений в целом. Тем более, что существует заслуживающая внимания точка зрения, согласно которой кеми-обинские памятники не представляют собой особую культуру, а только отражают одно из локальных проявлений в рамках ямной культурно-исторической общности (Петренко В. Г., Тощев Г. Н., 1990, с. 83; Генинг В. В., 1987, с. 37, 38).

Так или иначе, факт сооружения ямным населением западнопричерноморских степей подкурганных мегалитических гробниц — явление в принципе нередкое (Кубей, 21/14; Беляевка, 1/9; Свердлово, 1/4 и др.). Такие каменные ящики представляют собой одну из разновидностей местного ямного погребального обряда, которая, вероятно, возникла под влиянием как культуры шаровидных амфор (Субботин Л. В., 1988, с. 124—130), так и культурного проявления типа Кеми-Обы. Вместе с тем описанные орнаментированные гробницы могли появиться в ямной среде рассматриваемого региона лишь исключительно под влиянием последнего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генинг В. В., 1987. К вопросу о «кеми-обинских» погребениях Степного Поднепровья//Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев.

Петренко В. Г., 1991. Курган бронзового века у с. Старые Беляры//Вороновка II. Поселение позднебронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.

Петренко В. Г., Тощев Г. Н., 1990. Велико-Зиминовский курган бронзового века//Охранные ис-

торико-археологические исследования на Юго-Западе Украины//Вестн. Черноморской ассоц. археологов и любителей древности. Вып. 1. Одесса; Запорожье.
Субботин Л. В., 1988. Мегалитическое погребение у с. Татарбунары//Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. Киев.
Субботин Л. В., Черняков И. Т., Ядвичук В. И., 1976. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья (По материалам раскопок курганов у с. Великодолинское)//Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 8. Киев.

Одесский археологический
музей АН Украины

В. И. БЕСЕДИН

О ХРОНОЛОГИИ ПЕПКИНСКОГО КУРГАНА

Проблема хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья постоянно находится в центре внимания. В то же время круг пригодных для датировки материалов этой культуры крайне ограничен (Евтюхова О. Н., 1965) и с середины 60-х годов практически не увеличился. Сейчас, однако, появилась возможность по-новому взглянуть на те находки, которые раньше для датирования не привлекались.

Среди многочисленных костяных изделий Пепкинского кургана есть предметы, которые А. Х. Халиков в своей работе определил как тупик (рис. 1, *1*), наконечник (рис. 1, *2*) и игольник (рис. 1, *3*) (Халиков А. Х. и др., 1966, с. 64, табл. VI, *5—7*).

В последние годы количество аналогий этим предметам значительно увеличилось, расширился ареал распространения. Они перестали быть единичным явлением и, полагаю, требуют более пристального внимания. Новые материалы позволяют уточнить форму и положение этих предметов на шкале относительной хронологии древностей эпохи бронзы Волго-Уральского и Донского регионов.

Речь идет о костяных «лопаточках». Они имеют плоскую сегментовидную или секировидную лопасть и втулку для насада на рукоять или древко. Первые хорошо сохранившиеся изделия такого рода (рис. 2, *1*) были найдены А. Х. Пшеничнюком в погребении 2 кургана 3 Тавлыкаевского IV могильника вместе с дисковидным псалием баланбашского типа (Васюткин С. М. и др., 1985, с. 81, 82, рис. 7, *6*, *7*) и вошли в основные сводки по абашевской культуре (Пряхин А. Д., 1977; Горбунов В. С., 1986; Пряхин А. Д., Халиков А. Х., 1987). А. Д. Пряхин указал на однотипность пепкинских и тавлыкаевских находок, их синхронность и возможную принадлежность последних к раннему этапу абашевских древностей Южного Урала (Пряхин А. Д., 1977, с. 79). В. С. Горбунов, публикуя новые находки такого рода с территории Южного Урала (рис. 2, *2*, *3*), ограничился ссылкой на пепкинские аналогии и отнес тавлыкаевский комплекс к срубно-абашевскому (покровскому) времени (Горбунов В. С., 1986; Васюткин С. М. и др., 1985, с. 83).

В Подонье они обнаружены во Власовском могильнике (16/1) (Синюк А. Т., Погорелов В. Н., 1993, рис. 2, *4*, с. 18, 19, рис. 5, *1*), погребениях курганов у с. Филатовки (рис. 2, *5*, *6*) и с. Пичаево (рис. 2, *7*) (Моисеев Н. Б., 1990, с. 56, 57)[1]. Аналогичные изделия найдены в памятниках потаповского типа в Поволжье

[1] Благодарю И. А. Козмирчука и Н. Б. Моисеева за разрешение использовать неопубликованные находки из их раскопок.

© В. И. Беседин, 1995 г.

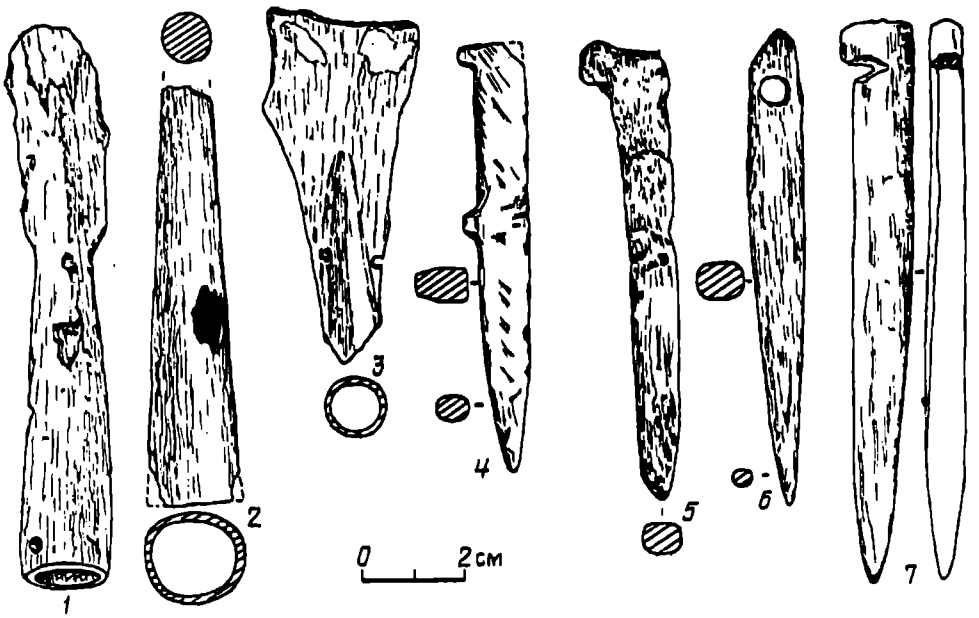

Рис. 1. Костяные изделия из Пепкинского кургана (*1—6*) и II Виловатовского могильника (*7*)

(рис. 2, *8*) (Васильев Н. Б. и др., 1992, с. 54, рис. 4, *6*) и Синташтинском могильнике (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 149—155, рис. 70, *6*; 100, *13*).

Во всех названных погребениях встречен богатый инвентарь, включавший детали конской упряжи и/или оружие. Так, в состав инвентаря погребения Власовского могильника входили нож, булава, пряжка, наконечники стрел и вставной шип от псалия. Псалии староюрьевского типа найдены в Пичаевском кургане. А в погребениях курганов у с. Филатовки и Утевского VI могильника найдены псалии сразу нескольких типов.

Таким образом, устанавливается устойчивая взаимосвязь псалиев и «лопаточек». Из известных мне находок только в двух случаях (могильники Набережное и Синташта) псалии отсутствовали. Причем в погребении 16 Синташтинского могильника, несмотря на отсутствие там псалиев, зафиксировано наличие колесницы (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 149—155). Не исключено, что аналогичная ситуация имела место и в Набережном, где могильная яма имела большие размеры. Приведенные факты позволяют связывать «лопаточки» с атрибутикой воина-колесничего (Синюк А. Т., Погорелов В. Н., 1993, с. 28—29). К сожалению, трасологический анализ изделия из Власовского могильника не позволил определить его назначение.

Подчеркну, что все найденные псалии относятся к кругу дисковидных шипастых и различаются лишь деталями, за которыми, на мой взгляд, просматриваются различия не столько хронологические, сколько региональные и культурные. Так, в Тавлыкаевском могильнике это псалий баланбашского типа (тип 1 по Е. Е. Кузьминой), находки которых характерны прежде всего для уральской абашевской культуры (Кузьмина Е. Е., 1980, с. 8, 9). В Подонье преобладают псалии староюрьевского типа (тип 3), а в Поволжье вместе с баланбашскими и староюрьевскими псалиями найдены псалии типа 2, массовые находки которых известны в VI Утевском и Синташтинском могильниках. Находки псалиев разных типов совместно или в заведомо синхронных комплексах со всей определенностью указывают на одновременность их бытования, причем, по мнению большинства исследователей, в очень узком диапазоне.

Еще одна группа находок из Пепкинского кургана — костяные застежки (рис. 1, *4—6*), которые А. Х. Халиков делит на несколько разновидностей (Халиков А. Х. и др., 1966, с. 25. табл. VII).

Количество известных мне аналогий этих изделий меньше, чем «лопаточек».

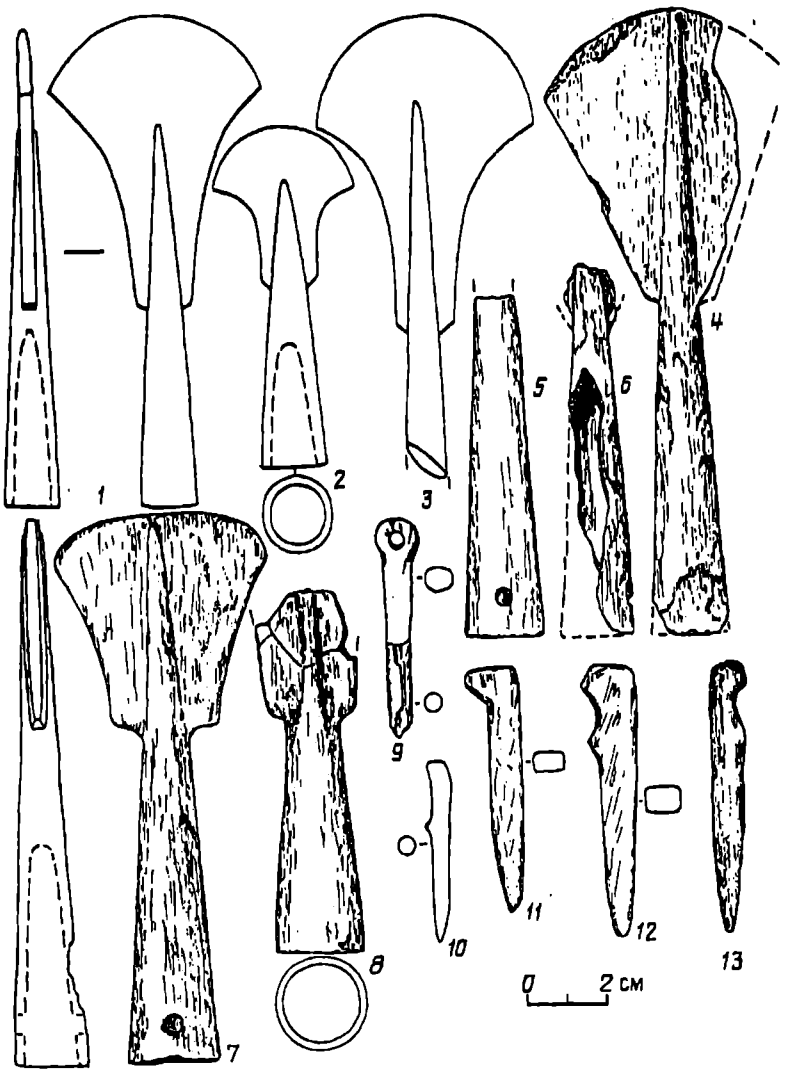

Рис. 2. Аналогии находкам из Пепкинского кургана.
1 — Тавлыкаево IV, к. 3, п. 2; *2* — Южное Приуралье, случайная находка; *3* — Набережное, к. 4, п. 1; *4* — Власовка, к. 16, п. 4; *5* — Филатовка, п. 4; *6*, *11*, *12* — Филатовка, п. 1; *7* — Пичаево, п. 1; *8* — Утевка VI, к. 6, п. 4; *9* — Бородаевка, к. 1, п. 21; *10* — Новопокровка-1; *13* — Кондрашевка, к. 1

В средневолжской абашевской культуре такая застежка (совместно с кремневым наконечником стрелы) найдена кроме Пепкинского кургана во II Виловатовском могильнике (рис. 1, *7*) (Халиков А. Х., 1961, табл. V, *12*). В Подонье они обнаружены в уже упоминавшемся Филатовском кургане (рис. 2, *11*, *12*) и широко известном погребении 1 кургана 1 у с. Кондрашевки (рис. 2, *13*), где также были найдены дисковидные псалии (Пряхин А. Д., 1977, с. 21). Еще две такие находки, происходящие из памятников покровского типа, опубликовал Н. М. Малов (рис. 2, *9*—*10*) (Генинг В. Ф. и др., 1992, с. 42, рис. 4, *10*, *11*). При этом застежка из Бородаевского кургана встречена опять же в комплексе с дисковидным псалием.

Таким образом, и костяные застежки оказываются связанными с захоронениями воинов-колесничих в том же узком хронологическом диапазоне.

У меня нет достаточных оснований утверждать, что среди захороненных в Пепкинском кургане воинов были колесничие. Но в связи с затронутым вопросом обращает внимание высокая корреляция «лопаточек» и застежек с псалиями.

Приведенные данные позволяют надежно синхронизировать Пепкинский курган и, как следствие, абашевские памятники Среднего Поволжья в какой-то части, во-первых, с однокультурными памятниками Подонья и Южного Урала

и, во-вторых, с пластом памятников с воинскими захоронениями типа Новый Кумак — Синташта — Потаповка.

Пепкинский курган и другие памятники средневолжской абашевской культуры такого рода (Халиков А. Х. и др., 1966, с. 25; Пряхин А. Д., 1977, с. 54—56) отражают резкий всплеск военной активности носителей различных культур эпохи средней бронзы, в том числе и абашевской, на обширных пространствах от Дона на западе до Зауралья на востоке. Абсолютную хронологию этих событий сейчас принято определять в рамках XVII—XVI вв. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье//Археологические вести. Вып. 1. СПб.

Васюткин С. М., Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х., 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы//Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск.

Горбунов В. С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.

Евтюхова О. Н., 1965. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья//Новое в советской археологии. М.

Кузьмина Е. Е., 1980. Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей//КСИА. Вып. 161.

Малов Н. М., 1992. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья//Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов.

Моисеев Н. Б., 1990. Захоронение колесничего в Пичаевском кургане//Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке. Белгород.

Пряхин А. Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.

Пряхин А. Д., Халиков А. Х., 1987. Абашевская культура//Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Синюк А. Т., Погорелов В. И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника//Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Материалы к курсу археологии России. Уфа.

Халиков А. Х., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР//МИА. № 97.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола.

Воронежский государственный
университет

Г. А. ПАВЛОВИЧ

ГРЕЧЕСКИЙ ШЛЕМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Данная статья посвящена очень редкой археологической находке — хорошо сохранившемуся шлему эллинистического времени, обнаруженному в сарматском погребении второй половины II в. до н. э.— первой половины I в. до н. э.[1] Этот тип шлема ранее на территории бывшего СССР не встречен и в отечественной историографии не описан, что заставило особенно тщательно его исследовать.

Обстоятельства находки. Шлем обнаружен в одном из двух сарматских погребений (мужском), впущенных в курган Майкопского времени, расположенный вблизи с. Ореховка Петровского р-на Ставропольского края в 100 км на восток от г. Ставрополя, в полевом сезоне 1985 г. Петровского отряда

[1] Сердечно благодарю начальника Петровского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР М. В. Андрееву за возможность работы со шлемом. Датировка погребения произведена О. А. Ульяновой, за что приношу ей свою благодарность.

© Г. А. Павлович, 1995 г.

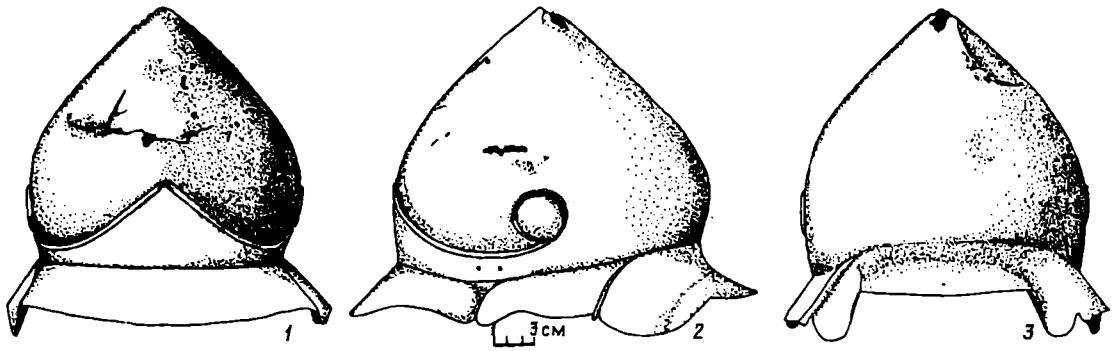

Рис. 1. Шлем из Ставропольского края

Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР (Отчет о раскопках Петровского отряда... за 1985 г., с. 16—20, рис. 78—96).

Состояние шлема в момент находки. Длительное пребывание в земле не оказало на шлем сильного разрушительного воздействия. Этому, по-видимому, способствовал микроклимат сарматской катакомбы, свод которой обрушился лишь незадолго до раскопок. Кожа и войлок подкладки шлема не сохранились. Металл частично окислился, довольно сильно в местах древних вмятин и иных повреждений, но остался достаточно прочным. Можно сказать, что металлическая часть шлема дошла до нас без принципиальных изменений.

Древние повреждения и починки. Шлем имеет многочисленные следы ударов (рис. 1): вмятину на краю козырька почти по центру, вмятину в месте соединения дуг волют, большую вмятину выше правой волюты (вид спереди) и ближе к лицевой части, небольшую вмятину в затылочной части, прорув в задней части вершины тульи шлема длиной 8 см. Рваные края прорува еще в древности были грубо заведены один на другой, что, по-видимому, позволило использовать шлем в дальнейшем. Качество ремонта позволяет предполагать, что его произвели сарматы.

Шлем отреставрирован в реставрационной лаборатории Института археологии РАН.

Основные внешние данные. Шлем бронзовый, цельнокованый. Форма тульи — овальное лукообразное оголовье, плавно сужающееся к отогнутому краю. В вершине шлема по аналогии со шлемом из Ашмолеан музея (Oxford, Ashmolean Museum, Departament of antiquities. inv. 1971. 904) [2] восстанавливается отверстие для крепления султана из конских волос (Brown A. C. et al., 1975, p. 34, 35, fig. 13). В нижней части тульи в районе ушей располагаются выдавленные изнутри волюты (рис. 1, *2*), дуги которых сходятся надо лбом, образуя поднятый подтреугольный мыс, служащий как для украшения, так и для укрепления шлема. Ниже дуг волют с двух боков тульи над складками края находятся две пары отверстий (d = 3—3,5 мм, расстояние между отверстиями 1 см), вероятно, служивших для крепления нащечников или ремешка.

Форма нижнего края шлема сложномоделированная. Передняя часть края образует козырек шириной 4,5 см, отогнутый на 130°. По бокам под отверстиями край шлема образует вогнутые внутрь складки, которые М. Викерс в применении к шлему «беотийского» типа из р. Тигрис объяснил как повторение в металле формы войлочного и кожаного прототипа (Vickers M., 1981, p. 559). Складки могли укреплять край шлема и быть связанными с возможными нащечниками. Край шлема по бокам отогнут меньше, чем спереди, напоминая шлем «беотийского» типа.

Ближе к затылочной части край шлема имеет по второй складке с каждой стороны, которые переходят в широкие «желоба», прикрывавшие шею (рис. 1, *3*).

[2] Приношу благодарность М. Викерсу, ассистенту хранителя Ашмолеан музея, за присланные фотографии, позволившие произвести детальное сравнение экземпляров.

Назатылочная (точнее, нашейная) часть края, отогнутая сильнее, чем козырек, ограничена «желобами» и представляет собой площадку длиной 12 и шириной 3,5 см с отверстием посредине на расстоянии 0,75 см от края, служившим, видимо, для крепления подкладки, о чем свидетельствует сохранившийся в Оксфордском экземпляре загнутый гвоздик (Brown A. C. et al., 1975, fig. 13).

На внутренней поверхности отчетливо видны следы инструментов, которыми отгибался край.

Основные параметры шлема: h_1 (высота от вершины до обода) — 19 см; h_2 (общая высота вместе с краем) — 24 см; d_1 (по ободу) — 22,5 × 19 см; d_2 (по краю) — 29 × 33 см; толщина стенок — до 1,5 мм. Вес после реставрации — 999 г.

Ставропольский шлем не единственный в своем роде. Полную аналогию ему мы нашли в экземпляре, принадлежащем Ашмолеан музею в Оксфорде. К сожалению, он коллекционного происхождения с неизвестным местом находки, зато имеет владельческую надпись на козырьке, позволяющую датировать его серединой — второй половиной IV в. до н. э.

При первоначальном поиске аналогий ставропольскому шлему за таковые или по крайней мере за типологически близкие были приняты: шлем из ст-цы Ахтанизовской и два шлема из д. Мерджаны на Кубани. Однако детальное ознакомление с этими шлемами в фондах Эрмитажа (Государственный Эрмитаж, Античный отдел. Ахт. 31. Отдел археологии. № 2521/1, 2521/2) со всей очевидностью позволило отделить их от ставропольского и ашмолеанского экземпляров. Однако для того, чтобы вопрос не возникал в дальнейшем, укажем на принципиальные отличия. Все три шлема относятся к одному типу, поэтому сравнение дадим по лучше всего сохранившемуся экземпляру из ст. Ахтанизовской. Отличие состоит в следующем: 1) волюты иной формы: у ставропольского это узкая дуга с шишечкой на конце, а у ахтанизовского — широкая дуга, оканчивающаяся завитком; 2) принципиально различное оформление козырька: в отличие от ставропольского, ахтанизовский шлем не имеет «беотийских» защипов на боках, и весь переход от задней части к боковым решен иначе, козырек же ахтанизовского экземпляра имеет характерный загиб вниз по краю; 3) в ахтанизовском отсутствует отверстие на заднем крае шлема, что заставляет предполагать иной тип крепления подкладки или бармицы.

Однако и ставропольский, и ахтанизовский шлемы имеют общих предков, что сказывается в следующих деталях: форме оголовья, наличии волют, трубки под султан волос.

При типологическом анализе ставропольско-ашмолеанских шлемов будет показано, что эти черты сходства не являются типообразующими в эллинистическое время, так как хорошо распространены.

Перейдем к рассмотрению вопроса о типологической принадлежности ставропольского и ашмолеанского шлемов.

В западной историографии довольно основательно изучались шлемы так называемого «беотийского» типа, к позднему варианту которых отнесен оксфордский экземпляр (Brown A. C. et al., 1975, p. 35). Это отнесение основано на исследованиях А. Румпфа, выделившего в работе 1943 г. «беотийский» тип шлемов и первым отождествившего конкретные экземпляры в бронзе и камне с известным высказыванием Ксенофонта (Сочинения Ксенофонта..., 1880, с. 234). А. Румпф же указывал на появление в эллинистическое время беотийского типа с волютами и нащечниками, не характерными для классического типа (Rumpf A., 1943, p. 1—17), и обосновывал свое мнение о позднем варианте «беотийских» шлемов примерами изображений на монетах и рельефах (бактрийские монеты III—II вв. до н. э., святилище Афины в Пергаме), которые имеют ряд серьезных отличий от оксфордского и ставропольского шлемов (Rumpf A., 1943, p. 15, 16).

Фундаментально исследовавшие и издавшие беотийские и западногреческие надгробия П. М. Фрезер и Т. Ронне, которые посвятили «беотийским» шлемам целую главу своего исследования, вопроса об эволюции «беотийского» типа греческих шлемов почти не касались (Fraser P. M., Rönn T., 1957, p. 66—95).

Вариант шлемов с султаном, волютами и нащечниками ими отдельно не рассматривался по причине отсутствия подобных изображений на надгробных памятниках Беотии и Фессалии, а привлекавшиеся изображения шлемов на монетах и в скульптуре детально не анализировались. Это стало причиной ошибочного вывода о том, что «несмотря на вариации в представленном материале, ясно, что мы имеем дело с одним и тем же основным типом повсюду» (Fraser P. M., Rönn T., 1957, p. 68), что верно лишь для того варианта шлемов, который хорошо известен по изображениям на монетах бактрийских царей II—I вв. до н.э. (Davis N., Kraay C. M., 1973, fig. 148, 178).

Известный авторитет в области греческого вооружения А. Снодграсс отмечает «некоторые дальнейшие модификации» «беотийского» шлема в эллинистическое время (Snodgrass A., 1967, p. 125), но не останавливается подробно на этом вопросе, как выходящем за рамки истории классической Греции.

Наконец, в сборнике статей Ашмолеан музея в Оксфорде был опубликован в 1975 г. подаренный частным лицом музею шлем, представляющий полную аналогию ставропольскому и определенный в качестве «беотийского» (Brown A. C., et al., 1975, fig. 13). К сожалению, развернутой аргументации этого мнения в публикации не содержится, а само это положение может быть принято лишь отчасти. Несмотря на беспаспортность оксфордского шлема, его существование очень важно, так как позволяет с достаточным основанием говорить о вполне устойчивом варианте шлема.

Последним коснулся интересующей нас проблемы П. Конноли, приведя рисунок оксфордского шлема в качестве примера позднего варианта «беотийского» типа шлема, хорошо, по его словам, известного по многим поздним эллинистическим изображениям (в частности, по рельефу из храма Артемиды в Магнесии на Меандре, ныне в Лувре (Connoly P., 1980, p. 76, 80). К сожалению, популярный характер книги и большой круг вопросов, в ней затронутых, не позволили автору более подробно остановиться на этой проблеме, и не ясно, является ли это утверждение его собственным. К тому же приведенный им пример изображения шлема в камне не позволяет с уверенностью проводить подобное сопоставление.

Самой характерной чертой, сближающей ставропольский шлем с классическим «беотийским», является оформление нижнего отогнутого края двумя парами складок, подобных тем, что формируются на войлочном или кожаном прообразе (Vickers M., 1981, p. 559). Но в нашем шлеме мы видим их уже несколько модифицированными, что явно контрастирует с устойчивостью этого элемента в шлемах «беотийского» типа. Однако это единственная деталь, указывающая на связь классического «беотийского» и ставропольского шлемов, поэтому представляется ошибочным отнесение их к одному типу. Можно полагать, что это произошло из-за близости некоторых элементов оксфордского шлема (султан, складки края, символические бараньи рога-волюты) к явно «позднебеотийскому» шлему, что хорошо известен по монетам греко-бактрийских царей Евкратидов I и II, Аминты (Davis N., Kraacy C. M., 1973, fig. 148, 178). Однако именно эти детали присутствуют у шлемов самых различных типов, в первую очередь, у многообразных так называемых фракийских шлемов.

Ряд элементов сближает наш шлем с «фракийским» типом. Наиболее характерными являются волюты с соединяющимися над лбом дугами, образующими подтреугольный мыс. Б. З. Рабинович выделял этот элемент среди основных признаков «фракийских» шлемов (Рабинович Б. З., 1941, с. 150). Характерность этой черты для «фракийских» шлемов подтверждается многочисленными примерами как в металле, так и в камне (Schröder B., 1912, p. 317—344), и отмечена Снодграссом, писавшим: «Эта наиболее заметная черта сочетает защиту лба и прикрытие глаз...» (Snodgrass A., 1967, p. 95).

Ширина и угол отгиба нижнего края ставропольского шлема скорее напоминают «фракийский» тип шлема, нежели «беотийский». «Фракийские» шлемы напоминает и козырек, имеющий для последних, по мнению М. В. Горелика, «типообразующее значение» (Горелик М. В., 1988, с. 28). То же можно сказать о затылочной

части края шлема. В ее оформлении заметен тот принцип, который был воспринят «фракийским» шлемом от «аттического». Наличие султана конских волос, для которого в верхней части оксфордского шлема сохранилось отверстие (не сохранившееся в ставропольском шлеме в результате повреждений верхней части) вряд ли может быть использовано для анализа, так как султан широко распространен в эллинистическую эпоху и в «позднебеотийских», и в «позднефракийских» шлемах.

Некоторое сходство с «фракийскими» шлемами можно увидеть и в форме тульи ставропольского экземпляра. Но это не столь очевидно. Скорее, здесь следует предположить влияние шлемов типа pilos. Эти шлемы широко распространились в V—IV вв. до н. э. и, как показал в своей работе Андерсон, часто изображались на греческих наемниках, сражавшихся в Малой Азии (Anderson J. K., 1970). Их луковицевидная форма вполне могла быть принята за основу при конструировании формы шлема типа ставропольского.

Вышеприведенный анализ элементов ставропольского шлема позволяет говорить о двух определенных источниках («фракийском» и «беотийском») ставропольско-оксфордского типа шлема и предполагать влияние, возможно, опосредованное, шлемов типа pilos. Условно наш шлем можно было бы назвать «фрако-беотийским», не вкладывая в это название никакой географической определенности, так же как это сейчас не делается для «фракийских» и «беотийских» шлемов.

Важен вопрос о местах производства подобных шлемов и области их распространения. К сожалению, здесь практически нет данных для обоснованных предположений. Оксфордский шлем подарен музею, который не располагает сведениями о месте, времени и обстоятельствах его находки. Ставропольский шлем явно произведен не сарматами и, возможно, попал к ним в качестве военного трофея, поэтому затруднительно определить, из каких мест он был принесен на Ставрополье.

Возможен путь привлечения довольно многочисленных изображений на рельефах эллинистического времени. Однако изображения эти зачастую довольно условны и не поддаются анализу. Поэтому данный вопрос остается открытым в ожидании новых находок и особого исследования.

Также определенные трудности встречаются при попытке определить время, в которое шлемы этой формы имели распространение. Кажется достаточно очевидной широкая дата — середина IV—I вв. до н. э. В ней располагаются все имеющиеся данные и мнения исследователей. М. Викерс датирует Оксфордский шлем второй половиной IV в. до н. э. (Brown A. C. et al., 1975, p. 34), основываясь, по-видимому, на палеографической датировке надписи на козырьке оксфордского шлема [3]. Это можно считать нижней датой. Верхняя дата для ставропольского шлема, определяемая по дате сарматского погребения, в котором он был найден,— конец II — первая половина I в. до н. э.

Уточнение датировки представляется пока трудновыполнимой задачей, хотя и осуществимой в дальнейшем. Следует еще раз подчеркнуть, что одновременно со шлемами типа ставропольского существовали шлемы явно «позднебеотийские», известные по изображениям на монетах бактрийских царей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горелик М. В., 1988. О «фракийских» шлемах//Археологія. № 44. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР за 1985 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 13580.

Рабинович Б. З., 1941. Шлемы скифского периода//Тр. Отд. истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Т. I. Л.

Сочинения Ксенофонта в 5 вып. 1880. Вып. 5. Мелкие статьи (Scripta minora). О коннице. Гл. XII. М.

Anderson J. K., 1970. Theory and practice in the age of Xenophon. Berkeley; Los Angeles.

[3] С этим мнением согласился и Ю. Г. Виноградов, датировавший надпись IV в. до н. э., вероятнее всего, серединой столетия.

Brown A. C., Catling H. W., Vickers M., 1975. Recent antiqusitions by the Ashmolean Museum, Oxford//Archaeol. Repts 1974—1975. № 21. Oxford.
Connoly P., 1980. Greek and Rome at War. London.
Davis N., Kraay C. M., 1973. The Hellenistic Kingdoms. Portrait coins and history. London.
Fraser P. M., Rönne T., 1957. Beotian and West Greek Tombstones. Lund.
Rumpf A., 1943. Kranos boiotiourges//Abhandl. Preus. Akad. Wiss. Jahrgang 1943. Philos.-histor. Kl. N 8.
Schröder B., 1912. Thrakische Helm//Archäol. Anzeiger. B. XXVII.
Snodgrass A., 1967. The Arms and Armour of the Greeks. London.
Vickers M., 1981. Recent acquisitions by the Ashmolean Museum//Archäol. Anzeiger. H. 4.

В. Б. БАХШАЛИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ОБРАЗЦЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ИЗ МОГИЛЬНИКА КОЛАНЫ (Азербайджан)

В течение 1986—1988 гг. в могильнике Коланы Шахбузского района Азербайджана были исследованы некоторые разрушенные погребения (всего 16 погребений). Данные о раскопанных нами шести погребениях были опубликованы (Бахшалиев В. Б., 1991, с. 217). Обряд захоронения, а также инвентарь остальных погребений в основном повторяют опубликованные материалы. Целью настоящей работы является введение в научный обиход двух образцов изобразительного искусства, обнаруженных в одном из разрушенных погребений могильника Коланы.

Погр. 7, в котором обнаружены эти образцы искусства, было исследовано в 1987 г. Инвентарь погребения был полностью разграблен. Сохранилась только часть погребения, при расчистке которой были найдены черепки красноглиняных и сероглиняных сосудов, а также отдельные части человеческого скелета. Погребение было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Длина сооружения 2,4, ширина 1,5, глубина 1,2 м. На плитах боковых его сторон находились изображения, располагавшиеся напротив друг друга.

Первый рисунок выбит на продолговатой трапециевидной плите. Высота плиты 103, наибольшая ширина 82 см. Здесь изображена антропоморфная фигура на коне с повернутой головой. Голова фигуры передана в виде круга с точкой посередине. В верхней части головы имеется отросток с лепестком. В передней части фигуры имеется дуговидное изображение с квадратным выступом, а за спиной изображена змея в виде ломаной и волнистой линии (рис. 1).

Второй рисунок выбит на плите неправильный формы. Высота плиты 64, ширина 83 см. Рисунок представляет собой аморфное изображение. В верхней части имеется круг с перемычкой посередине и вертикальным отростком. На правой половине круга выбита овальная точка. От круга отходят волнистые линии с разветвлениями и отростки в виде птичьего хвоста. Некоторые линии скрещений образуют фигуру в виде восьмерки (рис. 2).

Оба рисунка схематичны. Среди наскальных изображений Гобустана и Гемигая в Азербайджане (Мусейибов Н., 1992, с. 27) встречаются рисунки в виде круга с точкой, перекладиной или же крестом в середине. Эти рисунки исследователями истолковываются обычно как солярные знаки. Среди солнечных кругов, распространенных от Карелии до Скандинавии и на территории Сибири, нередко встречаются солярные знаки с антропоморфными элементами (Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970, с. 140). Солярные знаки с антропоморфными элементами многократно встречаются также на керамических сосудах Восточного Закавказья

© В. Б. Бахшалиев, 1995 г.

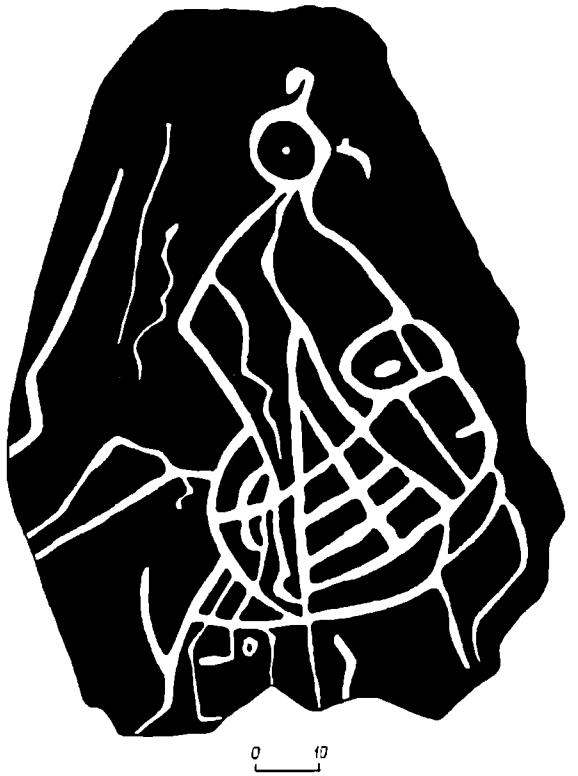

Рис. 1. Изображение 1 из могильника Коланы

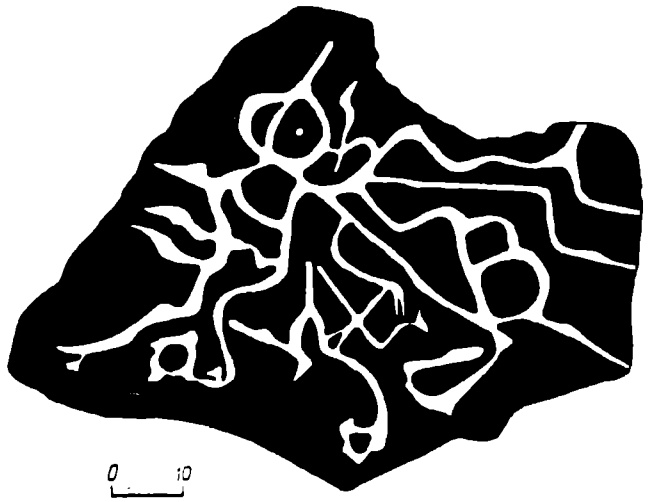

Рис. 2. Изображение 2 из могильника Коланы

(Гусейнова М. А., 1989, с. 80—83, табл. XXX). При этом круг с точкой в середине является распространенным символом солнца.

Связь коня и солнца прослеживается в мифологии многих народов, в том числе скандинавов, славян, германцев, якутов и др. У якутов лошадь была связана с культом светлых богов (Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970, с. 108—109), а в индоевропейской мифологии всадник олицетворяет восходящее солнце (Ефименко П. С., 1869, с. 80). Без дополнительных аргументаций можно сказать, что в первом рисунке изображено божество Солнца — владыка неба. Отросток с лепестком на верхней части его головы, по-видимому, отражает знак божества.

Можно предположить, что серповидные дуги с отростками олицетворяют луну.

Лунные изображения на могильных камнях Азербайджана встречаются и в настоящее время. По верованиям местного населения Азербайджана, линии на ладони человека показывают его жизненный путь. Место их скрещения показывает конец жизни человека. Не являются ли и здесь скрещенные линии, образующие углы, показателем конца жизни захороненного здесь человека?

Волнистую линию, запечатленную на задней части основного рисунка, можно принять как знак воды или же дождя, так как волнистые линии многими исследователями трактуются как символ небесной воды (Рыбаков Б. А., 1965, с. 24—46).

Сказать что-нибудь определенное в отношении семантики второго рисунка трудно, так как эквиваленты ему в мире фантастических и мифологических представлений пока нам не известны. Однако, поскольку в основе этого изображения лежит солярный знак и оно связано с представлениями о загробном мире, можно допустить, что оно представляет собой образ доброго существа, по-видимому, духа-покровителя.

Данные погребения на основе обнаруженных археологических материалов входят в круг Ходжалы-Кедабекской культуры и могут датироваться началом I тыс. до н. э. Подобные изображения для данной культуры уникальны, что может свидетельствовать о принадлежности погребения привилегированному члену общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахшалиев В. Б., 1991. Могильник эпохи раннего железа на территории древней Нахичевани//СА. № 4.

Гусейнова М. А., 1989. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV—IX вв. до н. э.). Баку.

Ефименко П. С., 1869. О Яриле — языческом божестве русских славян//Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. II. СПб.

Мусейибов Наджаф, 1992. О некоторых знаках Гобустана и Гемигая//Проблемы древней и средневековой истории Азербайджана. Баку.

Окладников А. П., Запорожская В. Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.

Рыбаков В. А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита//СА. № 2.

Нахичеваньский научный центр
Академии наук Азербайджана, Нахичевань

Н. А. КРЕНКЕ, Н. А. МАКАРОВ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИБУЛА ИЗ САЛЕХАРДА

Фибула была обнаружена Н. А. Кренке в 1991 г. в фонде краеведческого музея Ямало-Ненецкого округа в г. Салехарде среди других бронзовых изделий (бляхи XIX в.), несомненно собранных в пределах округа (его границы простираются от Урала на западе до р. Таз на востоке), лишенных паспортов и каких-либо этикеток и поступивших в музей от различных лиц. Л. П. Хлобыстин, работавший в Салехарде в 1970-е годы, нигде в своих работах не пишет о данной находке, на основании чего можно предположить, что она поступила в музей позже. Ныне работающие музейные работники никакой информацией о ней не располагают.

1. **Археологическая атрибуция.** Фибула бронзовая, овальная, двускорлупная, длина ее 11,5 см, ширина 7,5 см, высота (без выступа) 3,1 см (рис. 1, 2).

© Н. А. Кренке, Н. А. Макаров, 1995 г.

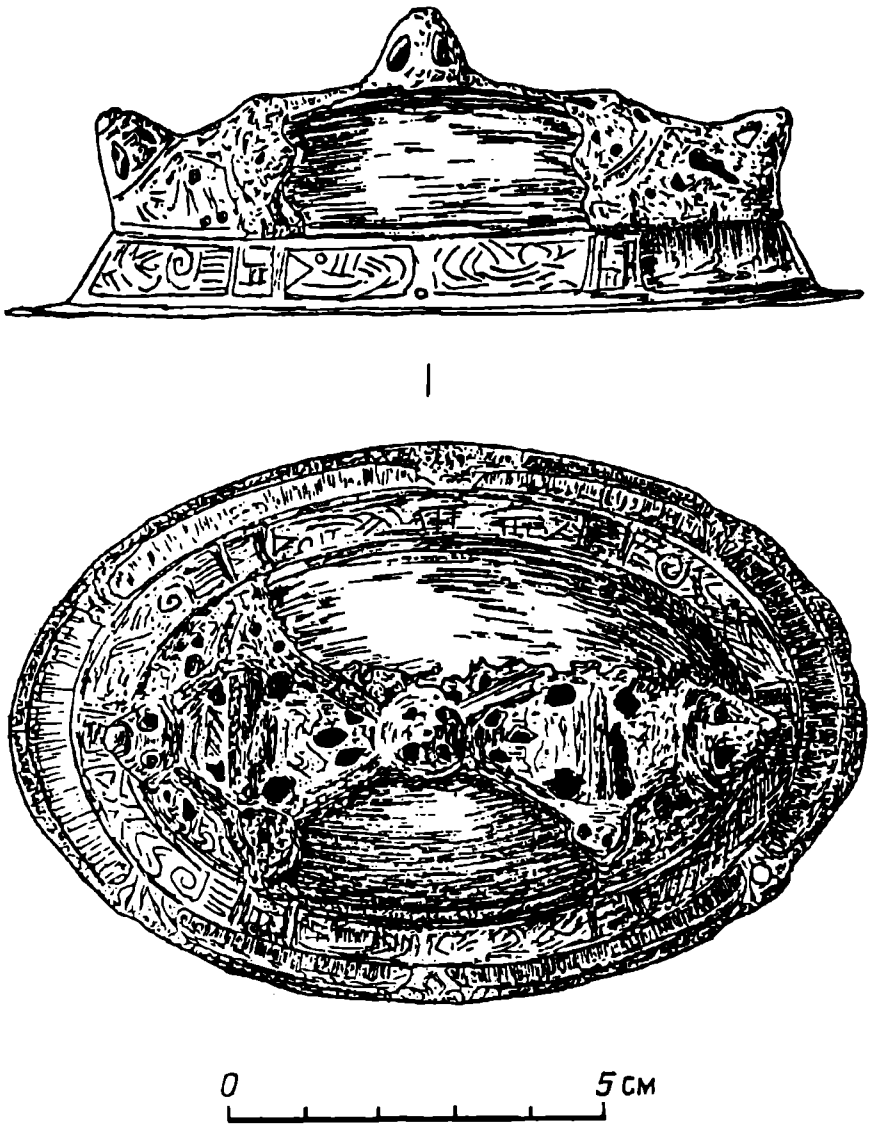

Рис. 1. Овальная скандинавская фибула из Салехардского музея

Нижняя часть хорошо сохранилась: она гладкая, за исключением ободка шириной около 1 см, со стилизованным звериным орнаментом. На крае нижней скорлупы шесть небольших выступов-«крылышек», на месте одного из них пробито сквозное круглое отверстие. Верхняя ажурная скорлупка плохо сохранилась и частично утрачена. Она разделена на несколько частей выпуклыми полосками, на пересечении которых располагаются рельефные выступы. Сохранилось шесть выступов, но первоначально их было, очевидно, девять. Между рельефными полосками слабо просматривается стилизованный звериный орнамент. На обеих скорлупках заметны следы позолоты. На внутренней поверхности фибулы сохранилась петля застежки, игла утрачена.

Овальная двускорлупная фибула совершенно идентична скандинавским застежкам — одному из наиболее ярких типов женских украшений эпохи викингов. Общий облик этого предмета и оформление деталей не оставляет сомнения в том, что перед нами стандартное изделие скандинавского ремесла, а не местное подражание ему. Фибула относится к известному типу P 51 — наиболее распространенному в X в. типу овальных скандинавских застежек (Petersen J., 1928; Jansson I., 1985). Точное отнесение фибулы к одному из вариантов типа P 51 затруднено из-за плохой сохранности верхней скорлупки. Орнамент на

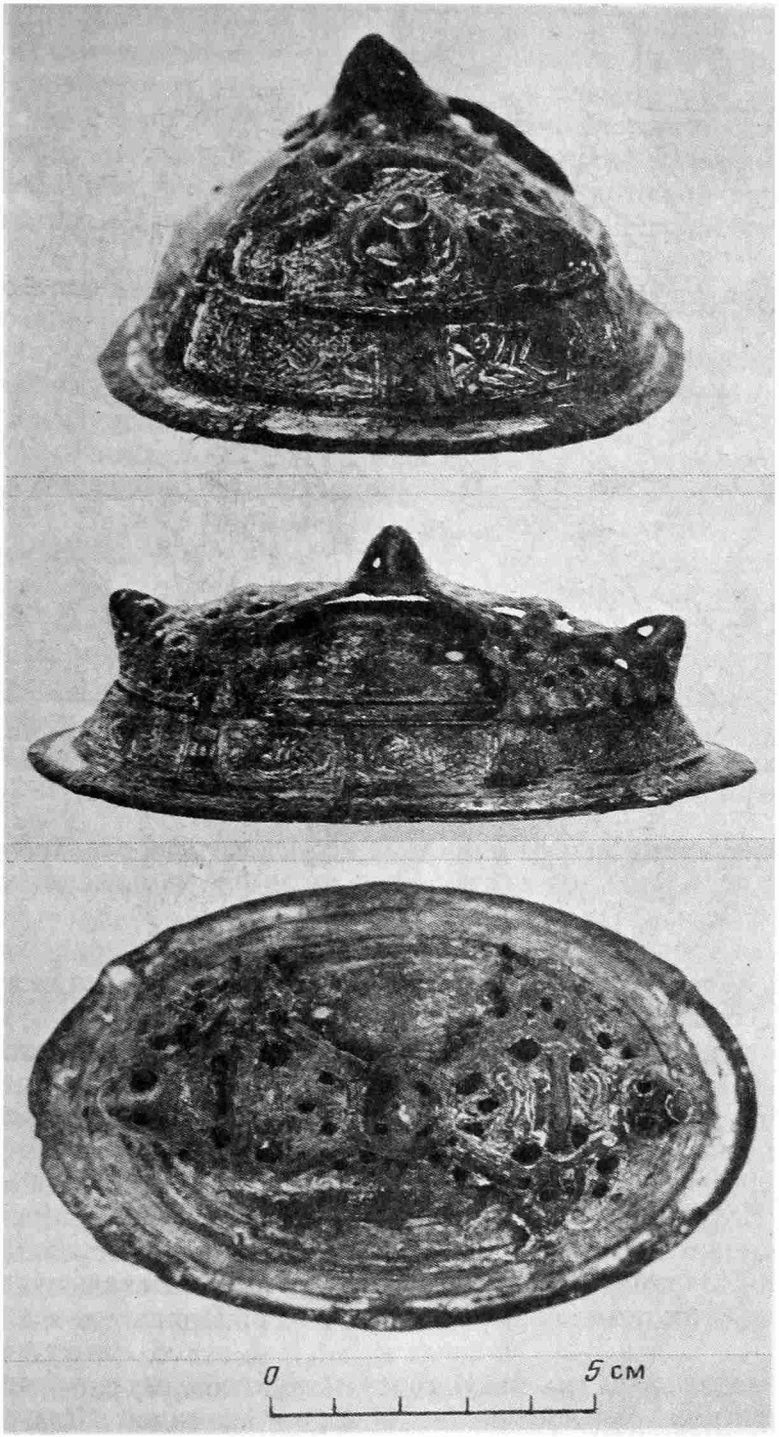

Рис. 2. Овальная скандинавская фибула из Салехардского музея (фото)

ободке нижней скорлупки близок ободкам варианта с 1 или с 2 по Янссону, соответствующим фибулам варианта P 51 C (Jansson I., 1985, p. 100—103). В Бирке фибулы типа P 51 датируются первой — третьей четвертями X в. Но, учитывая современные представления о производстве этих вещей, изготавливавшихся путем копирования уже готовых изделий по оттиску в глине, исследователи достаточно осторожно подходят к вопросу об их датировке за пределами Скандинавии (Jansson I., 1985, p. 176—186).

Овальные фибулы рассматриваются как один из наиболее характерных индикаторов присутствия скандинавов в тех или иных районах Восточной Европы или скандинавского культурного влияния в эпоху викингов. Находки их на Руси

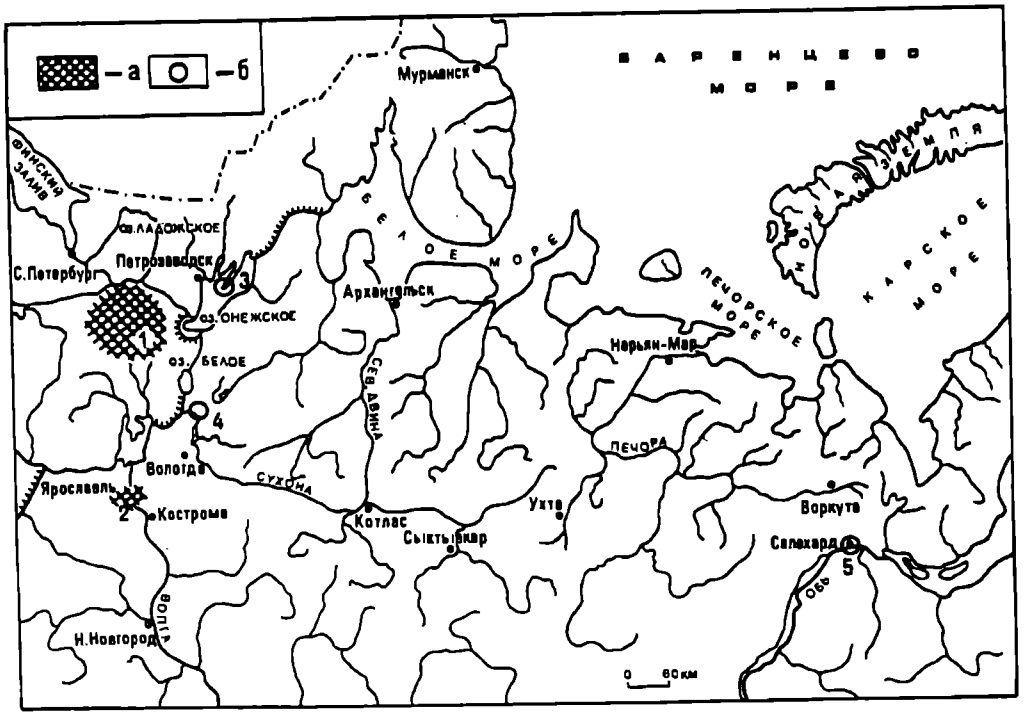

Рис. 3. Места находок скандинавских овальных фибул на севере России. *а* — арелы массовых находок; *б* — единичные находки. *1* — Юго-Восточное Приладожье; *2* — Ярославское Поволжье; *3* — Кокорино; *4* — Нефедьево; *5* — Салехард

неизменно находились в центре внимания исследователей славяно-скандинавских взаимоотношений, и несмотря на отсутствие свода фибул мы неплохо представляем общую географию находок (рис. 3).

На северо-восточной периферии Руси значительные серии овальных фибул происходят из курганов Юго-Восточного Приладожья. По подсчетам С. И. Кочкуркиной, их более 60 экз. (Кочкуркина С. И., 1989, с. 260). В Ярославском Поволжье, по подсчетам М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, найдено более 50 экз. (Фехнер М. В., 1963, с. 82—83; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987, с. 77—79). В обеих сериях преобладают различные варианты фибул типа Р 51. Две подобные фибулы происходят из курганов у д. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера (Равдоникас В. И., 1934, с. 169—171). На востоке Белозерья, в могильнике Нефедьево, в комплексе XII в. (раскопки Н. А. Макарова) найдена поясная обоймица, сделанная из нижнего ободка скорлупообразной фибулы типа Р 51 С или Р 52 (определение И. Янссона). Находки овальных фибул или их фрагментов в других пунктах к северо-востоку от Приладожья и Белозерья нам неизвестны.

Распространение овальных фибул соответствует общему распространению скандинавских женских украшений на севере Восточной Европы, почти не проникавших восточнее Приладожья и Белозерья. Водораздел между Ладожским и Онежским озерами, между Белым озером и Онежской и Северодвинской речными системами можно считать достаточно резкой границей, к востоку от которой культурно-экономическое влияние Балтики заметно ослабевало. Особо отметим отсутствие скандинавских украшений на территориях, спорадически посещавшихся скандинавами. Имеется в виду Биармия скандинавских саг, при всех правдоподобных вариантах ее локализации: Кольский полуостров, Беломорское побережье, Подвинье. Это явление отчасти может быть объяснено неизученностью на многих территориях памятников эпохи викингов. Но скандинавские украшения не представлены и там, где памятники X—XI вв. известны и насыщены самыми разнообразными металлическими украшениями: в Верхнем Прикамье, в Вымском бассейне, на о-ве Вайгач. Таким образом, салехардская фибула обнаружена на огромном расстоянии от традиционной исторической зоны

«скандинавской активности» в Восточной Европе и выглядит совершенно изолированной среди синхронных древностей Северного Приуралья и Приобья.

2. Культурологическая перспектива. Первое впечатление «строгого ученого» от вышеописанной фибулы будет, вероятно, весьма скептическим. Обстоятельства находки неизвестны, исторический контекст, в рамках которого можно было бы найти логичное объяснение, отсутствует, т. е. это какой-то трудно объяснимый «казус», о котором лучше если не умолчать, то не придавать ему особенного значения.

Попробуем, однако, не торопиться с выводом и взглянем на находку фибулы в более широкой перспективе.

Количество «казусов», т. е. случаев, когда древние вещи были найдены далеко за пределами своего «нормального» и исторически объяснимого ареала, среди древностей Восточной Европы и Западной Сибири римского и более позднего времени, достаточно велико (Кропоткин В. В., 1970; Могильников В. А., 1987).

Часто мы наблюдаем симметричную картину: есть данные об историческом событии — отсутствуют археологические подтверждения этому; имеются археологические находки — отсутствуют исторические объяснения.

Это наводит на предположение, что «казусы» в процессе распространения артефактов в каком-то смысле являются «нормой», механизм возникновения которой нам не вполне ясен. Причем некоторые находки указывают на то, что было бы поспешным объяснять «казусы» лишь путешествиями вещей в результате многочисленных обменных операций. Например, обнаружение кости осла на Дьяковом городище в Москве в слое раннесредневекового времени с очевидностью указывает, что в этот период существовали и прямые контакты между отдаленными территориями.

Исторические известия о проникновении европейцев в Сибирь в XVII—XVIII вв. хорошо иллюстрируют, сколь разнородны были мотивы этих путешествий (торговые, военные, дипломатические, миссионерские), каждое из которых потенциально могло бы привести к появлению археологического «казуса».

Археологическая специфика Приуралья и Нижнего Приобья заключается в том, что этот регион является как бы аккумулятором привозных, преимущественно металлических вещей. Изделия цивилизации доставлялись сюда и накапливались здесь, как валуны в конечной морене ледника. Причем способ обращения с этими изделиями, часто становившихся культовыми объектами (нельзя не обратить внимания на то, что форма фибулы напоминает металлическую чашу, традиция культового использования которой сохранялась в Приобье до конца XIX в.), и даже сами природные условия способствовали тому, что вещи не «тонули» быстро в культовом слое, а долго «держались на поверхности», часто утилизовывались вторично, переживая на многие столетия своих изготовителей.

Многочисленные находки «восточного серебра» маркируют интенсивные связи по речным системам Волги — Камы и Оби — Иртыша, но не менее отчетливо прослеживаются и связи Нижнего Приобья (как и более южных районов Сибири), имевшие широтное направление. Очень показательны находки металлических идольчиков, встреченных в слоях Новгорода XII в., Прикамье (Алешковский П. М., 1980), на о-ве Вайгач (Хлобыстин Л. П., 1990), Кинтусовском могильнике (Чернецов В. Н., 1958); европейский меч из окрестностей Омска (Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н., 1981), византийская чаша с русской надписью из Березова (Могильников В. А., 1987).

Более чем 1000-километровая лакуна, отделяющая ареал овальных скорлуповидных фибул в Восточной Европе от салехардской находки; с одной стороны, смущает, но, с другой стороны, имеет аналогии в распространении иных типов европейских вещей, хотя и относящихся к более поздней эпохе. Например, нюрнбергские счетные жетоны XVII—XVIII вв. неоднократно встречены в археологических памятниках севера Сибири, но их находки пока неизвестны в Европейской России.

Можно допустить по крайней мере двоякое объяснение отсутствия

промежуточных скандинавских находок: либо мы имеем дело с уникальным событием, либо концентрация подобных находок в Приобье выше, чем в бассейнах Северной Двины и Печоры. В последнем случае они должны со временем проявиться.

Рискнем предположить, что салехардская находка сделала картину географического распределения овальных фибул более законченной и, если предложить сравнение археологического распространения находок с распределением математическим, то следует ожидать отдаленную находку с противоположной (западной) стороны от ареала их основной концентрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский П. М., 1980. Языческий амулет-подвеска из Новгорода.//СА. № 4.

Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н., 1981. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири//Памятники культуры: новые открытия. Ежегодник 1980. Л.

Кочкуркина С. И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М.

Могильников В. А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири//Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Равдоникас В. И., 1934. Скандинавские находки в курганах Прионежья X—XI вв.//Проблемы истории докапиталистических обществ № 9—10. М.; Л.

Фехнер М. В., 1963. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников//Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимиревского могильника по материалам погребального инвентаря//СА. № 2.

Хлобыстин Л. П., 1990. Древние святилища острова Вайгач//Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М.

Чернецов В. Н., 1958. Нижнее Приобье в I тыс. нашей эры//Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. № 58. М.

Jansson I., 1985. Ovala spännbuclor. En studie av vikingatida standartsmycken med utgångspunkt från Björkofynden. Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology. Aun 7. Uppsala.

Petersen J., 1928. Vikingetidens smykkier. Stavanger.

Институт археологии РАН,
Москва

История науки

С. П. ЩАВЕЛЕВ

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК КРАЕВЕДЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(к 90-летию со дня рождения Ю. А. Липкинга)

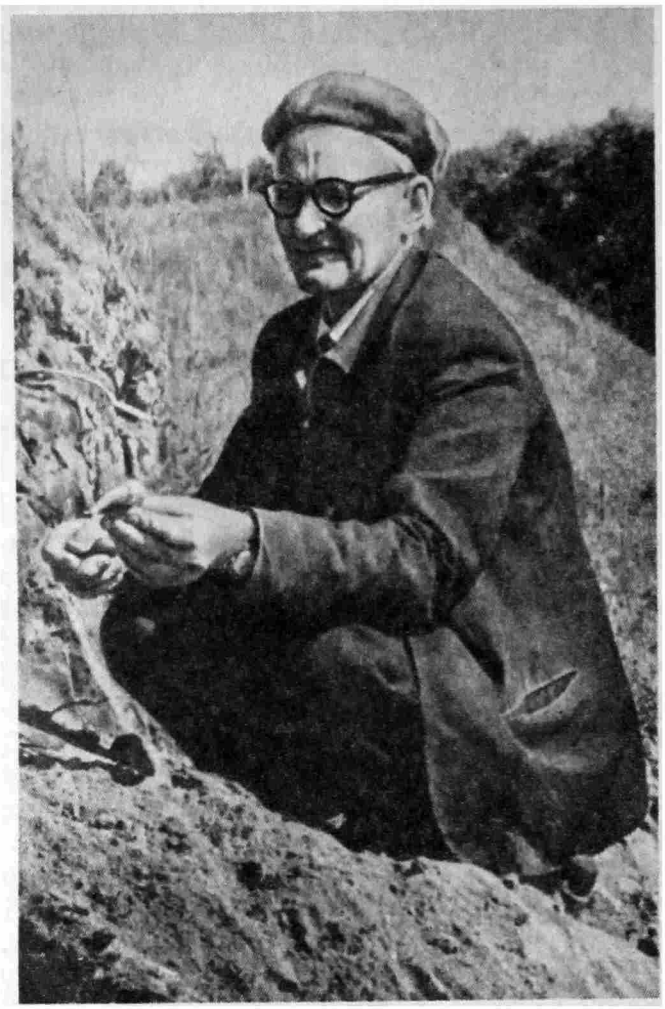
Юрий Александрович Липкинг — курский историк, археолог и писатель — достаточно показательная, но в то же время далеко не рядовая фигура провинциальной культуры России 1950—1970-х годов. Историографические обзоры развития советской археологии обычно учитывают главным образом опыт маститых исследователей из Москвы, Петербурга, других крупных научных центров и, к сожалению, в лучшем случае упоминают вскользь из достойных коллег и помощников из областной да районной глубинки. Между тем множество памятников истории и культуры выявлено, спасено, введено в научный оборот именно этими последними — скромными и энергичными деятелями без ученых степеней и званий. Немало сделано ими же для популяризации историко-археологических знаний. После жестокого разгрома по всей стране в конце 1920-х — начале 1930-х годов организованного и культурного движения краеведов на местах осталось очень мало — буквально единицы — энтузиастов, желавших и, главное, умевших самостоятельно разведывать и раскапывать следы далекой старины на территории родного края. Печальное положение археологического краеведения, его сильные и слабые стороны в это и последующее время выразительно и доказательно продемонстрированы А. А. Формозовым (Формозов А. А., 1993, с. 70—82). Тем поучительнее вспомнить и постараться понять усилия таких «последних могикан» просвещенного краеведения из довоенных поколений, как Ю. А. Липкинг, которому в 1994 г. исполнилось бы 90 лет[1].

Биографические сведения о нем с его собственных слов были собраны и опубликованы Курской областной библиотекой им. Н. Асеева в виде «памятки читателям» (Александров, 1976). А в личном фонде археолога-краеведа из Курского областного архива отложилась такая справка, написанная его дочерью: «Родился (26 декабря, — *С. Щ.*) 1904 г. в г. Виннице, в семье военного. Учился в гимназии, но не окончил. После революции работал грузчиком, молотобойцем, золотоискателем, лесорубом, затем стал учителем, окончил заочно пединститут в г. Орджоникидзе в 1940 г. Перед ВОВ (так в тексте. — *С. Щ.*) работал директором школы в Новом Осколе. В 1942 г. ушел добровольцем на фронт, был автоматчиком мотопехоты; тяжело ранен под Сталинградом, контужен под Курском. С 1944 по 1951 — преподаватель географии Курского суворовского училища, затем работал в школе № 13, позже (с 1964 г. штатно, ранее — по совместительству. — *С. Щ.*) — в Курском пединституте старшим преподавателем археологии. ... Умер в 1983 г.» (Липкинг Н. Ю., л. 1).

За скупыми строками советской анкеты просматривается затяжной, но настойчивый поиск сыном кадрового офицера царской армии собственного призвания.

[1] Автор выражает глубокую признательность И. Б. Бронштейну, А. И. Пузиковой, К. Ф. Соколу, А. А. Формозову, поделившимся своими воспоминаниями о личности Ю. А. Липкинга и условиях его работы.

© С. П. Щавелев, 1995 г.

Ю. А. Липкинг в одной из последних своих разведок — на городище «Монастырище» под г. Льговом.
Конец 1970-х годов. Публикуется впервые. Фото О. Н. Андреева

Побывав после революции батраком и старателем на золотом прииске, конторщиком и учителем таежной школы, он вопреки всем превратностям судьбы (а, может, отчасти благодаря им?) стал все-таки ученым и писателем. Сочетание педагогических и литературных способностей Ю. А. Липкинга самым благотворным образом сказалось на его институтских лекциях по археологии. Они представляли собой компактный, но удивительно емкий, информативный курс введения в науку об ископаемых исторических древностях. В этих лекциях органично сочетались основные понятия и нормы археологической методики, главные лица истории всемирной, русской и советской археологии, в особенности курского краеведения, наконец, систематический перечень выразительных портретов сменявших друг друга и соседствовавших на юго-востоке Европы археологических культур. Будучи неплохим рисовальщиком, лектор по ходу рассказа заполнял доску не только именами и датами, но и четкими меловыми рисунками типичных археологических объектов и отдельных находок из них. Так что будущие учителя истории еще до выезда в поле на раскопки представляли себе, как выглядит городище или курган с погребальными камерами разного типа, распространенные облики сосудов или височных колец и т. п. реалии данного круга.

Под тактичным и компетентным руководством Ю. А. Липкинга десятки первых курсов истфака (включая автора этих строк), многие студенты-добровольцы других факультетов Курского педагогического института прошли археологическую практику — на раскопках в палаточном лагере, в знаменитых

музеях Москвы. «Работали и учились, — констатировал их учитель в вузовской многотиражке. — И все, о чем узнавали еще в аудиториях, на лекциях, делалось зримым, осязаемым. Впервые смогли собственными руками потрогать историю» (Липкинг Ю. А., 1973, с. 2). Ю. А. Липкинг четверть века обеспечивал квалифицированной рабочей силой и собственным участием курские экспедиции М. В. Воеводского, П. И. Борисковского, М. Д. Гвоздовер, О. Н. Мельниковской, А. И. Пузиковой, а особенно часто А. Е. Алиховой и Э. А. Сымоновича. Как видно, ведущие ленинградские и московские археологи старшего поколения на равных сотрудничали с ним при разведках и раскопках на территории «его» области.

Самостоятельные стационарные раскопки Ю. А. Липкинга сравнительно редки. Он явно не любил писать пухлых отчетов по открытым листам, допускал в них малопонятные погрешности. Исключением могут служить его вполне методичные и достаточные масштабные раскопки могильников культуры, названной им по местам первых находок «княжинско-лебяжинской». Обстоятельная статья на сей счет занимает едва ли не центральное место в научном наследии археолога (Липкинг Ю. А., 1974). На нее до сих пор чаще всего из липкинговских публикаций ссылаются в археологической литературе. Курскому исследователю одному из первых удалось получить достоверные данные об оседлом, скорее всего раннеславянском, населении лесостепных областей днепровского Левобережья в VI—VII вв. До него эти «темные», «туманные» (для историков) столетия в данном регионе считались (И. И. Ляпушкиным и другими авторитетными изыскателями) пустым местом, кочевым царством — после черняховцев и до явных славян-романцев. Ю. А. Липкинг же сначала добыл подъемный материал в черте Курска и окрестностях Суджи, схожий с известными «древностями антов» именно VI—VII вв., а затем разведал и в 1964—1966 гг. раскопал два бескурганных могильника с трупосожжениями: один на Пене, напротив хутора Княжьего, а другой на Сейме, возле с. Лебяжьего. На 2000 с лишним м^2 этих некрополей оказалось зафиксировано более 100 погребений (считая парные). Керамика и инвентарь многих захоронений позволили нашему автору провести убедительные параллели с синхронными памятниками верхнего Поднепровья и Подесенья, получивших позднее общепринятое название колочинских.

Однако до полного описания и, главное, дальнейшего анализа всего материала данных раскопок у самого Ю. А. Липкинга руки так и не дошли. Полевые дневники, чертежи и коллекции этого археолога были переданы в Курский областной краеведческий музей. Часть вещей из раскопанных комплексов и документов по ним не сохранились и восстановить их не удалось. На основе музейного фонда Лебяжьего-I и Княжьего научный сотрудник музея Н. А. Тихомиров заново изучил все раскопанные своим предшественником погребения, сопоставил их с новейшими археологическими работами по культурам Днепровского Левобережья I тыс. н. э. По вещам и особенно керамике ему удалось определить колочинскую принадлежность обоих кладбищ, их связи с предшествующей черняховской, синхронной пеньковской и последующими волынцевской, роменской культурами. Окончательный вывод автора повторной публикации по отношению к первоисследователю вполне уважителен с историографической точки зрения: открытые Липкингом могильники «являются наиболее полными памятниками Юго-Восточной Европы, дающими представление о погребальном обряде местных племен третьей четверти I тыс. н. э.» (Тихомиров Н. А., 1990, с. 145).

Приходится признать, что Ю. А. Липкинг не принадлежал к числу аккуратных, настойчивых раскопщиков и камеральщиков. По сути дела, одни крупные раскопки — маловато на четверть века полевой практики с полным правом на открытый лист любой формы. Однако, как подметили французы, недостатки человека — продолжение его же достоинств. Подлинной стихией, любимым занятием этого человека стали разведки археологических объектов с выборочной их шурфовкой. Здесь он достиг гораздо бóльших успехов, проявляя удивительное упорство и

редкую интуицию. Благодаря своим многолетним походам (пешком, на велосипеде, попутных автомашинах) по всем районам Курской области Липкингу удалось значительно уточнить и пополнить перечень археологических памятников этого края. После долгого перерыва им была переиздана археологическая карта области, которая сослужила добрую службу археологам следующих поколений (Липкинг Ю. А., 1966, приложение).

По преимуществу с материалами разведок связана еще одна солидная публикация Ю. А. Липкинга — «Городища Курского Посеймья» (Липкинг Ю. А., 1962). Статья эта невелика по объему — всего 7 с. да «Схема распространения» данных памятников. Однако перед нами текст, чрезвычайно насыщенный информацией, в значительной степени новой для археологической науки своего периода. В основу липкинговского поиска лег «Указатель городищ, курганов и древних валов», составленный лет 100 назад в Губернском статистическом комитете по анкете Д. Я. Самоквасова (Указатель городищ, 1874, с. 155—176; Щавелев С. П., 1992). Сам Дмитрий Яковлевич как инициатор заочного опроса местных властей о сохранившихся археологических памятниках настаивал на систематической проверке занесенных в подобные указатели сведений «трудом опытного археолога» (Самоквасов Д. Я., 1906, с. 6) путем планомерных разведок на местности. Для Курской земли отмечено несколько попыток выполнить этот совет профессора. Но все они носили локальный характер. В. Е. Данилевич в 1907 г. обследовал Курский уезд, К. П. Сосновский в 1909 — верховья Псла, А. П. Александров в 1911 — большую часть курского побережья Сейма. В начале 1920-х годов Л. Н. Соловьев систематизировал археологические памятники ближних окрестностей г. Курска, А. Преображенский — Дмитриевского уезда. Немало новых объектов выявили сразу после Великой Отечественной войны экспедиции М. В. Воеводского, П. И. Засурцева, масштабные разведки И. И. Ляпушкина, А. Е. Алиховой, Т. Н. Никольской.

Ю. А. Липкинг учел все полученные до него разведочные результаты и в 1950—60-е годы провел наиболее широкие и результативные поиски поселений и могильников древних народов на Курской земле. Так, вышеупомянутая статья содержит сведения о 100 с лишним городищах. Это почти вдвое больше, чем в дореволюционном их «Указателе». Практически все они лично обследованы Липкингом, десятка два открыты им самостоятельно или по указаниям районных краеведов. Разведчик классифицировал все зафиксированные памятники по количеству культурных слоев разных археологических эпох, дав специальное описание укрепленных поселений эпохи раннего железа, подметил их группировку по нескольку рядом — «гнездование» и общее тяготение к западной половине области, где в древности, по-видимому, сконцентрировалось оседлое население.

Правда, по нынешним методическим меркам разведывательная деятельность Ю. А. Липкинга выглядит более скромно по своему качеству. Чаще всего он ограничивался достаточно приблизительным установлением местонахождения памятника и выявлением основных культурных напластований в нем. С точной привязкой объекта к карте местности, фотографированием, рисованием, а тем более с нивелировочными планами дело у него обстояло гораздо хуже. Уникальная для одного человека широта и энергичность археологического поиска оборачивалась поверхностностью описания найденного. Злые языки в Москве и Ленинграде говаривали: «Ю. А. копает все подряд — от палеолита до НЭПа». С другой стороны, в условиях постоянно растущего темпа естественного и сознательного, человеческими усилиями осуществляемого разрушения многих памятников далекой старины любая их каталогизация имела важное и долговременное значение. Та картотека археологических объектов, что ныне используется сотрудниками Курского музея и отдела культуры областной администрации, очень многим обязана Ю. А. Липкингу.

Главная работа Липкинга-краеведа выходила в свет дважды. Сначала в 1966 г. под неточным названием «О чем рассказывают курганы» (кроме курганных могил, автор описывает все остальные типы археологических памятников, уме-

стившихся на Курской земле). В 1971 г. в значительно переработанном и дополненном виде то же Центрально-Черноземное издательство выпустило книгу под удачным заголовком: «Далекое прошлое соловьиного края». Оба издания, особенно последнее, приближаются, на наш взгляд, к эталону научно-популярной литературы. Автор в отличие от многих своих «товарищей краеведов» (собственное его определение) не ограничивается компилятивной сводкой литературных данных по истории и археологии области. Практически по каждому основному периоду областного прошлого приводятся сведения, собранные им самим в разведках и на раскопках, высказываются оригинальные гипотезы и догадки. Взять хотя бы остроумные и неплохо аргументированные предположения о местонахождении известных по летописям г. Римова или Ахматовых слобод, о курских прототипах былинных героев — Ильи Муромца и Соловья-разбойника, об этнической принадлежности богатейших суджанских кладов и т. п. версии. Вообще книжка и сегодня весьма основательно информирует любого заинтересованного региональными древностями читателя, как профессионального ученого, так и любителя. Фактичность сочетается в этом тексте с легкостью, занимательностью изложения.

К сожалению, ходатайство Курского пединститута о переиздании «Далекого прошлого...» «как единственного на сегодняшний день... пособия для краеведов и для учителей Курской области, а также для студентов-историков» (Гос. архив Курской области.., л. 12) было отклонено воронежским книгоиздательством, несмотря на надвигавшийся тогда 950-летний юбилей Курска.

Кроме бесспорных достоинств, работа Ю. А. Липкинга об отдаленном прошлом Курского края, как и подготовлявшие ее близкие по тематике публикации в краеведческих альманахах (Липкинг Ю. А., 1963, 1972; Самсонов В. И., Липкинг Ю. А., 1975), отмечены рядом достаточно типичных для него как полевика и литератора недостатков. Виртуоз кольцевых маршрутов, мастер панорамных обзоров допускал удивительные небрежности, неточности в деталях, терпел в принципе нетерпимые допуски в подаче информации. Скажем, у него сплошь и рядом не доходили руки установить или проверить инициалы многих прежних исследователей и он много раз приводит их фамилии без инициалов. Годы жизни тех же персонажей меряются им той или другой половиной века, ни больше ни меньше. Допустим, по Ю. А. Липкингу, «во второй половине прошлого века Самоквасов составил специальную инструкцию для учета археологических памятников» (Александров-Липкинг Ю. А., 1971, с. 8). На самом деле — в 1872 г. Или такой пассаж: «В конце прошлого века усердно изучал археологические памятники... А. И. Дмитрюков. Результаты его работ неоднократно публиковались начиная с 60-х годов прошлого века» (Александров-Липкинг Ю. А., 1971, с. 9). В действительности А. И. Дмитрюков умер в 1869 г., его работы велись и публиковались с 1820-х годов. И т. д., и т. п.

Еще хуже, что без надежных привязок остались некоторые полевые наблюдения Ю. А. Липкинга. Так, немало времени и сил оказалось потрачено его преемниками из Курского музея археологии на повторные розыски фундаментов домонгольской церкви на Ратском городище Курского района, которые много лет наблюдал этот археолог, но нанести на карту не удосужился (Енуков В. В., 1991, с. 39). Где находится та карта Обоянского уезда, на которой он увидел «Римов лог» в районе Гочевского городища — предположительно летописного Римова? И проч., и проч.

Не чистая наука и не литература как таковые, а их сочетание в разных дозах — вот где Юрий Александрович нашел свое истинное призвание. Всерьез печататься он начал повестью на историко-археологическом материале «Кудеяров стан» (М., «Молодая гвардия», 1957; переиздание: Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1965). В 1966 г. в Воронеже вышел его роман «Сварожье племя». Согласно авторской аннотации, это «самостоятельное произведение, эпохой и главными героями связанное с ,,Кудеяровым станом''. Место действия — и русская лесостепь, и Крым, и Тамань, и Нижнее Поволжье. В романе уделено

внимание таким важнейшим вопросам ранней истории славян, как вопрос о русах, о варягах, о Тьмутаракани, о роли Хазарского каганата. Описаны быт славян и их соседей, походы и бои, торговля, поселения, обычаи и верования» (Липкинг Ю. А. Проспект повести..., л. 13).

После свыше чем десятилетней работы Ю. А. Липкинг завершил замыкающий трилогию роман «В горниле»[2]. Рукопись вместе с одобрительной рецензией акад. Б. А. Рыбакова поступила опять-таки в Воронежское региональное издательство. Однако тамошние редакторы посчитали, что Ю. А. Липкинг уже исчерпал свой печатный лимит. Нашлись более близкие издательству авторы с очередными сероватыми поделками в разных литературных жанрах. Рукопись автору вернули с разгромной внутренней рецензией. Свой приют объемистая эта рукопись нашла в Курском областном архиве, где ее время от времени почитывают любознательные студенты истфака.

Вся повествовательная трилогия Ю. А. Липкинга о славянах-роменцах VIII—IX вв. и становлении Киевской державы — явление в художественно-исторической литературе немаловажное. Эти повесть и два романа по сути дела впервые в послереволюционное время поднимали такой временной и событийный пласт. Их автор удачно сочетал вполне профессиональное владение фактическим материалом о «затерявшихся в лесах и в веках северянских городищах» с литературной выразительностью описаний и диалогов, динамичностью приключенческого, даже авантюрного сюжета. Трилогия, безусловно, давно и настоятельно заслуживает переиздания в полном объеме. Такие книги и сегодня, и завтра найдут множество заинтересованных и благодарных читателей. Скупой на похвалы, великий авторитет в славянорусской археологии чл.-корр. АН А. В. Арциховский в письме Ю. А. Липкингу писал: «Вашу книгу (,,Кудеяров стан''. — *С. Щ.*) я читал с приятным чувством и прочел не отрываясь. У Вас оригинальный и хороший литературный талант. Археологические материалы Вы использовали безукоризненно. Никаких ошибок и даже неточностей я не нашел... Все довольно многочисленные попытки советских писателей так или иначе использовать археологию я считал до сих пор неудачными, если не хуже. Вам первому удалось преодолеть активную антипатию к художественно-археологической литературе» (Арциховский А. В., 1958, л. 2).

Вместе с пухлыми томами завершенных рукописей в липкинговском архиве сохранился весьма примечательный лист. В нем изложен план задуманной писателем книги археологических рассказов «Костры Кудеярова стана». В этом перечне из двух десятков сюжетов и любопытные случаи на раскопках («как археологов хотели обокрасть», «как спасали мамонта и как мамонт спасал нас» и т. п.), и чем-то особо примечательные находки древностей («неземное железо», «два черепа — Ахматова слобода», «нож в отвале — святилище Кузиной горы» и т. д.), и эпизоды истории археологии («суджанские находки», «разиньковская находка», «находки в старом русле реки» и проч.), и просто курьезы из раскопочной практики «фальсификаторы... закопченные лепешки с фигурками...— подброс современных черепков — сразу опознали», «амфора с закваской под самогон» (Липкинг Ю. А. «Костры...», л. 77—77 об.).

Некоторые из перечисленных тем органично вошли в текст опубликованных Ю. А. Липкингом археологических очерков. Но в большинстве своем эти оригинальные замыслы и наброски так и не выросли в главы книги, которая, несомненно, удалась бы автору, требовалась массовому читателю. Видимо, вполне понятная любому пишущему человеку усталость от редакционных отказов, груз ненапечатанных рукописей помешали писателю воплотить очередной литературный план. Как жаль, что его творческие силы ушли, в частности, на банальную бытовую беллетристику о пионерах и школьниках и оказались недоиспользованы на самом выигрышном для него направлении — прозы историко-

[2] Эпиграфом последнего романа стала пушкинская строфа: «Окрепла Русь. Так тяжкий млат,/Дробя стекло, кует булат».

научной. Десятилетием — другим позже Ю. А. Липкинга в этом жанре археологических популяризаций и беллетризаций с большим успехом выступили В. Д. Берестов, А. Л. Никитин, А. П. Окладников, Г. Б. Федоров, М. Б. Шукин и другие археологи-писатели.

Трагическая гибель любимого внука вкупе с затяжной болезнью (перелом ноги) остановили разностороннюю и талантливую деятельность Юрия Александровича Липкинга на пороге девятого десятка лет его долгой и очень полезной людям жизни. Последние ее месяцы он провел, сидя в своем заваленном книгами и рукописями кабинете, доставая ту или иную из них большой прогулочной тростью. Его уход не был замечен научной общественностью, но оставил болезненные рубцы в душах тех, кто хорошо его знал. Романтический настрой души этого человека, пытливый ум российского самородка пробились сквозь все чуждые наслоения и железные колючки тяжелых времен советской истории, когда он жил и работал, к настоящему, долговечному результату в науке, просвещении и литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров (Липкинг), 1976. Памятка (Сост. С. Белевцова). Курск.

Александров-Липкинг Ю. А., 1971. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж.

Арциховский А. В. — Липкингу Ю. А. 01.03.1958 г.//Гос. архив Курской области. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Л. 20.

Гос. архив Курской области. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Д. 20.

Енуков В. В., 1991. Славянский комплекс на р. Рать//Археология и история юго-востока Руси. Тез. конф. Курск.

Липкинг Н. Ю. Биография отца//Гос. архив Курской области. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 4. Д. 22.

Липкинг Ю. А., 1962. Городища эпохи раннего железа в Курском Посеймье//Лесостепные культуры скифского времени. М.

Липкинг Ю. А., 1963. Очерки древнейшего прошлого Курской области//Краеведческие записки. Вып. 2. Курск.

Липкинг Ю. А., 1966. О чем рассказывают курганы. Воронеж.

Липкинг Ю. А., 1972. Первые сведения из истории нашего края. Наш край в период средневековья (до XIV в.)//Уроки по истории Курского края в школе. Курск.

Липкинг Ю., 1973. Охотники за прошлым//За педагогические кадры. Орган Курского государственного педагогического института. № 31. 19 октября.

Липкинг Ю. А., 1974. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье//Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Липкинг Ю. А. Костры Кудеярова стана (Книга рассказов. Материалы)//Гос. архив Курской области. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 1. Д. 1.

Липкинг Ю. А. Проспект повести «Заряна и Горша»//Гос. архив Курской области. Ф. Р-330. Оп. 3. Св. 1. Д. 22.

Самоквасов Д. Я., 1906. Археологические карты В. Б. Антоновича. Киев.

Самсонов В. И., Липкинг Ю. А., 1975. Курск — древний русский город//Курск. Очерки истории города. Воронеж.

Тихомиров Н. А., 1990. Княжинский и Лебяжинский могильники//Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. 1874.//Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. IV. Курск.

Формозов А. А., 1993. Археология и идеология (20—30-е годы)//Вопросы философии. № 2.

Щавелев С. П., 1992. Первый опыт массового учета археологических памятников в России//РА. № 1.

Курский государственный медицинский
университет

Критика и библиография

А. М. БУРОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ

По мнению коллектива авторов, написавшего книгу «Анализ археологических источников», «историческая интерпретация... является целью работы археолога» (Каменецкий И. С. и др., 1975, с. 147). В этом, собственно, мало кто сомневается, спор возможен только о том, насколько длинна цепочка совершаемых с археологическими объектами действий и логических операций и какова последовательность «звеньев» этой «цепочки». Но вполне очевидно, что такая «цепочка» прослеживается от ведения полевых работ до построений социологических или этноисторических схем разного характера и масштаба.

На каждом из этапов такого исследования археолог использует профессиональные (и не только профессиональные) знания, для того чтобы понимать, с какого рода объектами он имеет дело, совершать необходимые операции, делать предположения, извлекать из источников необходимую информацию. При этом источник знания археолога об исследуемых им объектах лежит словно бы вне самих объектов. Пусть даже от использует для своей работы накопленный предшественниками опыт, плоды анализа памятников, аналогичных изучаемым. Все равно для понимания «его» памятников используются знания, которые «не базируются на информации, которую содержит» данный конкретный материал (Аскаров А. А. и др., 1988, с. 95). Такие внешние по отношению к исследуемому материалу знания принято называть аксиомами (Большая Советская Энциклопедия, 1970, с. 344).

Используемые археологом аксиомы совершенно не обязательно рождены другими археологами или вообще в науке. Используемые аксиомы возникают в самых различных сферах деятельности и применяются на самых ранних стадиях археологического познания, начиная с функционального определения и предметной реконструкции отдельных артефактов. Собственно говоря, откуда археолог знает, что карасукский коленчатый нож — это именно нож, а не шило и не долото? Разумеется, и из опыта ранней, еще студенческой работы под руководством старших коллег, и из специальной литературы. Но в профессиональной среде сформировано аксиоматическое положение именно о «карасукском» и «коленчатом» — т. е. не о ноже вообще, а о совершенно определенной форме ножа. А что данный предмет — несомненно нож, а не шило, археолог знает не менее аксиоматично, но уже из бытовой практики, из опыта собственной жизни и социальной жизни вообще. Он даже знает, что «коленчатый нож» — это изделие хозяйственного назначения, а не кинжал: у боевого оружия и лезвие должно быть массивнее, и есть перекрестие, защищающее кисть руки, и пропорции совсем не такие. Археолог, который знает, что сосуд — это сосуд, нож — это нож, а бусы — это бусы, просто переносит на эти объекты знания, возникшие у него совсем не в сфере профессиональной деятельности. Источниками необходимых ему аксиом выступают сразу несколько пластов современной профессиональной и повседневно-бытовой культуры. Автор много раз убеждался в том, что сам образ жизни археолога, в полевых условиях приближенный к образу жизни людей ископаемого прошлого, помогает в профессиональной работе. Из собственного опыта автору известно, что искать стоянки эпохи неолита следует там, где сам захотел бы остановиться, а чтобы найти рабочее лезвие каменного орудия, следует взять орудие поудобнее — и сразу станет понятно, где рабочая часть.

Профессиональная культура в приведенном примере указывает уже на частные дефиниции объекта, и профессиональное обучение направлено на то, чтобы археолог научился сразу обращать внимание на культурноопределяющие и датирующие детали. Основное определение по функции — вне рамок профессионального опыта как такового.

Нетрудно заметить, что как только возникает разрыв между современной и ископаемой культурой —

© А. М. Буровский, 1995 г.

хотя бы по набору обычно используемых инструментов — сразу же возникает опасность, что археолог не сможет вообще дать правильного определения ископаемых объектов. Примерами могут явиться и «пряслице» дьяковских городищ (см.: Клейн Л. С., 1979, с. 61), и «предметы непонятного назначения» карасукской культуры (Членова Н. Л., 1972, с. 121). Что же касается наименований, данных еще в прошлом веке устойчивым формам каменных орудий, то все они основаны на предполагаемом функциональном определении и все в большей или меньшей степени неверны. Трассологическими исследованиями давно уже установлено, что скребки оказываются и ножами, и скобелями, что «нож» вполне может оказаться и скребком, и долотом. А для ранних этапов развития каменной индустрии некоторые ученые вообще отрицают взаимосвязь формы и назначения... (Семенов С. А., 1968, с. 121). Парадоксально, но найти какие-то частные культуроопределяющие и датирующие формы проще, чем дать функциональное определение. Автор точно знает и берется доказать, что «двустороннеобработанные скреблышки» характерны именно для поздних этапов существования афонтовской культуры, а в кокоревской не встречаются (Буровский А. М., 1988, с. 21—23). Однако сколько-нибудь уверенно определить функцию таких скреблышек автор не берется, и никто из его знакомых палеолитчиков — тоже. Эта ситуация аналогична той, когда археолог знал бы, что данный нож — «коленчатый карасукский», но не знал бы, что это — нож. Как видно, наличие пришедших из быта аксиом остро необходимо.

Необходимость в бытовых аксиомах ослабевает на других этапах археологического исследования, но главное остается: археолог располагает знанием, возникшим вне анализа данных источников, а часто — и вообще археологических источников. И сможет ли он вообще понимать свои материалы без такой аксиоматики — очень сомнительно. У археолога существует своего рода мир идеальных (в данном случае мысленных) представлений, каким может быть общество, оставившее ископаемые остатки, а чего он, археолог, может ожидать в ходе раскопок. В сущности, этот идеальный мир, впечатанный в сознание и подсознание специалиста, проявленный в лекционных курсах, беседах, написанных и напечатанных текстах,— важнейший, краеугольный камень профессиональной культуры. Этот «мир представлений» сформирован синтезом данных социологии, истории, этнографии, психологии, культурологии, вспомогательных исторических дисциплин и рядом так называемых смежных. Из этого мира и возникают аксиомы, служащие интерпретации археологических материалов. Сам же термин «интерпретация», происходящий от латинского interpretatio — «истолкование», или «понимание», следует признать исключительно точным. Археолог действительно «понимает» свои источники и оценивает их как бы «извне», прилагая к ним уже существующее у него знание. Если у него нет соответствующих знаний, и интерпретация находок становится невозможной. Каменный ящик, наполненный медвежьими черепами, из Драхенлох (Елинек Я., 1985) может быть «прочитан» только человеком, которому известно о существовании культа медведя. Человек же, не получивший соответствующей подготовки, окажется беспомощен в той же мере, что и пытающийся дать функциональное определение ножа, не зная о существовании ножей в культуре. То есть, без мира мысленных представлений, формируемых у специалиста, невозможно даже простое понимание раскопанного.

Но ведь профессиональная культура (и это касается не только профессиональной культуры археологов) — это только часть культуры общества в целом, и она совершенно не свободна от господствующих в ней представлений. Соответственно, если в бытовой культуре возникает установка, деформирующая профессиональные представления или заставляющая «не замечать» чего-то или не делать «неприличных» выводов,— что должен избирать специалист? Относительно легко «вычисляются» фиктивные интерпретации, сделанные в угоду официозному идеологическому курсу. Некорректный характер интерпретации фашисткими историками и археологами продвижения на восток носителей фатьяновской культуры в духе «дранг нах остен» очевиден даже неспециалисту.

Автор склонен различать фиктивные интерпретации, т. е. осознаваемую ложь интерпретатора, и различного рода искажения, возникающие в силу принадлежности ученого к определенной национальной, языковой, социально-классовой культуре. Для таких, вовсе и не осознаваемых интерпретатором искажений, вводится термин «аберрация». Этим термином в естественных науках обозначаются различного рода искажения показаний приборов или вытекающие из свойств объекта разрывы между наблюдаемым и реально существующим. Например, за счет аберрационного времени, за которое свет звезд преодолевает астрономические расстояния, мы с Земли видим не реально существующую Вселенную, а Вселенную на разных этапах своего развития.

Для того чтобы убедиться в существовании археологической и исторической аберрации, достаточно проанализировать смену профессиональных парадигм в археологии и соотнести их с общекультурными

в России и во всей Европе. Целое поле лежащих в культуре аксиом, оценок, «само собой разумеющихся» мнений даже не фиксируется индивидом как культурный феномен и не всегда может быть отрефлексировано. Действительность интерпретируется в соответствии с культурными установками, потому что это автору интерпретации кажется наиболее правильным.

Аберрация — понятие, не тождественное ошибочной интерпретации. Ошибки добросовестный ученый исправляет, получив дополнительную информацию или производя более точные исследования. Для этого нет необходимости в исправлении или изменении культурных парадигм. Так, исследователи енисейского палеолита были вполне в состоянии пересмотреть датировки, данные Обермайером и Мортилье. Архаичные орудия, заставившие считать памятники палеолита Енисея нижне- или среднепалеолитическими, считаются теперь не датирующим фактором, а местной особенностью (Ефименко П. П., 1958, с. 582; Ауэрбах Н. К., 1930, с. 36). В этом случае не существовало никакой общекультурной причины для возникновения феномена аберрации, а аберрация профессиональная, приводившая к находке «мадленской культуры на Енисее» (Ефименко П. П., 1958, с. 580), не препятствовала выправлению датировки.

Ошибочная интерпретация достаточно легко поправима, но аберрация просто не воспринимается; относительность своих представлений, как правило, не оценивается. В качестве примера можно привести упорные омоложения возраста ископаемого человека или мучительно долгое непризнание палеолитической живописи. В обоих случаях уже сделанные открытия вступали в противоречия с культурными установками, и побеждали последние.

Но если интерпретация археологических материалов всегда субъективна, а ряд аберраций даже непонятен современникам (только после изменения культурных установок и норм они обнаружат, что аберрация вообще имела место), значит, оценка археологических материалов вообще не является феноменом науки, а является феноменом культуры (?!). Если бы единственным методом, имеющимся у археолога, был метод интерпретации, автор вынужден был бы ответить положительно. К счастью, возможны и реконструкции. Реконструкция в отличие от интерпретации — это не понимание объекта «извне», на основе аксиом, а восстановление или (если переводить буквально) воссоздание ископаемых объектов на основе содержащейся в них самих информации. Конечно, предлагаемый термин «реконструкция» включает в себя достаточно разные логические операции, включая использование аксиом. Но при реконструкции идеальные представления, существующие в сознании археолога, используются не для разъяснения, а для воссоздания объекта.

В 1907—1908 гг. во время раскопок в пещере Офнет, в Баварии, была обнаружена яма, заполненная 27 расставленными в правильном порядке черепами. Сам по себе факт находки можно рассматривать как подтверждение давно известной закономерности — в пещерах, как правило, стоит копать! Кроме того, эмпирический факт такой находки уже пополняет представление археолога о том, с какими явлениями можно столкнуться, т. е. расширяет информационное поле профессионала независимо от того, как этим фактом воспользоваться. Описывая находку в пещере Офнет, П. П. Ефименко приводит в качестве этнографической аналогии обычай, наблюдающийся в Новой Каледонии,— собирать черепа лиц с высоким общественным статусом и хоронить их отдельно, в уединенных местах (Ефименко П. П., 1958, с. 632). Получается, что археолог к моменту своего столкновения с новой находкой (т. е. получая в свое распоряжение новый эмпирический факт) уже обладает суммой знаний о первобытных обществах, которые и позволили ему истолковать эмпирический факт в соответствии с этим знанием и указать, какое место мог занимать в культуре обычай, приведший к появлению исследуемого археологами объекта. Но все не так просто. Чтобы произвести интерпретацию археологической находки, П. П. Ефименко должен был на предшествующей стадии исследования обратить внимание на разную степень сохранности черепов, причем в центре они были менее сохранными, чем по краям выкладки. Получается, что реконструкция предшествует интерпретации и создает ее возможность. Более того, у археолога не может не вызывать удивления факт захоронения такого большого количества черепов в одном месте — он ведь представляет себе размеры охотничьих коллективов... То есть его повышенное внимание детерминировано осознанным или подсознательным предположением, что захоронение было произведено не одновременно. Интерпретация оказывается «включенной» в реконструкцию и вместе с ней обусловливает новую интерпретацию. Собственно, первым действием интерпретатора, совершенным в пещере Офнет, было предположение, что в ней «что-то есть». Раскопки древней ямы, заполненной черепами, не назовешь реконструкцией, но во всяком случае это действие, направленное на извлечение информации из данного конкретного объекта —

культурного слоя пещеры. Как видно, интерпретации и реконструкции дополняют друг друга, порой смешиваясь так, что их трудно разделить.

Коль скоро под интерпретацией понимается истолкование не только в соответствии с профессиональной, но и с общей культурой исследователя, соотнесение объекта со всем внутренним миром и личным опытом интерпретатора, не будет преувеличением сказать, что без интерпретаций невозможно не только провести до конца, но и начать археологическое исследование. Даже обнаружить археологический объект, о котором не имеет представления исследователь, можно только случайно. Но случайности такого рода возникают только при поисках археологических памятников другого типа — о которых известно. Если же объект находится на территории, много раз пройденной археологическими разведками, но расположен в нестандартном месте, обнаружить его крайне трудно. В красноярском районе палеолитические памятники известны уже более 100 лет, но девятислойный памятник на вершине горы Караульный Бык найден только в последние годы (Кольцова В. Г. и др., 1990, с. 99). Культурные слои в пещере Караульный Бык и других караульных пещерах (на левом берегу Енисея выше Красноярска) известны с прошлого столетия — ведь исследователи знали, где искать. А на большой высоте от русла, в распадке, Н. П. Макаров стал искать, после того как на вершине другой горы, Шалунина Быка (на правом берегу Енисея), при проведении дорожных работ были обнаружены культурные слои. Как только стал известен памятник такого типа, естественно было сделать предположение о других подобных и провести соответствующие поиски.

На дальнейших стадиях археологического исследования наиболее важно «понять» исследуемое в свете уже известного.

Однако при столкновении с реальными археологическими объектами мир идеальных представлений не может быть полностью «кладовой», содержащей необходимые сведения. Ситуация, в которой находки (или сложные археологические объекты) или серии классифицируемых находок, или обстоятельства обнаружения объекта нестандартны хотя бы в деталях, тоже предусмотрена профессиональной (и общенаучной) субкультурой и культурой в целом.

В итоге многолетних исследований на р. Кие были определены масштабы тагарских родовых общин, размеры территории таких общин, время функционирования могильников (Мартынов А. И., 1970; 1973). Благодаря этим исследованиям стало возможным увидеть какие-то элементы функционирования живого тагарского общества. Такую работу многие, вероятно, назвали бы исторической интерпретацией, а исследователи, требующие более конкретного определения,— этнографической или социологической интерпретацией (Чиндина Л. А., 1990, с. 11—13). Но, строго говоря, это не интерпретация, а реконструкция. При этом такие данные, как размеры могильников, расстояния между ними,— это эмпирические факты, полученные в ходе полевых работ, и одновременно результат целой серии интерпретаций и частичных реконструкций (частичных в том смысле, что реконструировался меньший участок ископаемой действительности). Для того чтобы «выйти» на завершающую исследование реконструкцию, А. И. Мартынов опирался на аксиоматические утверждения, пришедшие из различных пластов научной и общественной реальности, интерпретировал накопленные материалы в соответствии с известным как по археологическим данным, так и по письменным источникам. Сама реконструкция тоже опирается не только на дедуктивные, но и аксиоматические суждения, но не с целью увидеть материал в свете известного, а чтобы вычислить неизвестное через известное.

Автор реконструкции погребального комплекса «Ягуня» подробно объясняет, почему в тагарской родовой общине одновременно было именно 60—65 человек. Это ново и должно быть обосновано. Однако, называя сосуды в головах погребенных сосудами с погребальной (сопроводительной) пищей, никто ведь не обосновывает этого. Назначение этих сосудов и место в культуре обряда археологам исходно понятны (хотя, возможно, и здесь когда-нибудь возникнут корректировки). И отношение к этим сосудам как к априори известной части обряда не есть плод личных исканий археолога или продукт серии логических операций. Точно так же, весьма вероятно, по прошествии времени специалист будет считать группы курганов, расположенных на определенном расстоянии друг от друга, могильниками родовых общин (это станет аксиомой) и легко рассчитывать время, в течение которого функционировал могильник, исходя из известной ему примерной численности общины. Интерпретируя свой материал, он будет пользоваться материалами реконструкции как устоявшейся части профессиональной субкультуры.

Термины «интерпретация» и «реконструкция» современные археологи используют не всегда достаточно четко. По-видимому, преобладание описаний над формализованно-схематичными текстами

приводит специалистов к пониженному вниманию к терминам, к легкому «замещению» термина другим, «примерно похожим». Интерпретация и реконструкция действительно легко меняются местами даже у специалистов очень высокого профессионального уровня (Чиндина Л. А., 1990, с. 18—32; Квирквелия О. П., Радилиловский В. В., 1988, с. 26—42; Першиц А. И., 1979, с. 109—111). Есть, конечно, и примеры очень корректного, совершенно не создающего логических противоречий использования термина в одном и том же смысле (Дэвлет М. А., 1990, с. 187—188; Сагалаев А. М., 1990, с. 95—97; Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б., 1988, с. 146—155). Но в целом это менее характерно.

В заключение автор заверяет читателя, что владеет категориями теории познания («анализ», «дедукция» и т. д.). Не применялись они в нашем исследовании не по невежеству, а потому, что разложение действий специалиста на элементарные логические операции, одинаковые для всех областей познания, не позволяет уловить специфику именно археологического познания, затемняет намерения и профессиональную логику специалиста. Интерпретация и реконструкция — более крупные формы познавательной деятельности, специфичные для археологии и многократно применявшиеся каждым из читателей статьи. Полагаю, они останутся необходимыми и впредь. А раз так, полезно приложить усилия к их пониманию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аскаров А. А., Буряков Ю. Ф., Квирквелия О. Л., Радилиловский В. В., 1988. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент.

Ауэрбах Н. К., 1930. Палеолитическая стоянка Афонтова гора II//Тр. о-ва изучения Сибири и ее производительных сил. Вып. 7. Новосибирск.

Большая Советская Энциклопедия, 1970. Вып. 3. Том I. М.

Буровский А. М., 1988. Культурно-хронологическое определение памятников енисейского палеолита по руководящим типам каменного инвентаря//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Дэвлет М. А., 1990. Опыт реконструкции мировоззрения древних жителей Енисея (пространство и время)//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Елинек Я., 1985. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. М.

Ефименко П. П., 1958. Первобытное общество. Л.

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А., 1975. Анализ археологических источников. Л.

Квирквелия О. Р., Радилиловский В. В., 1988. Некоторые методические проблемы развития научного знания в археологии//Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Клейн Л. С., 1979. Археологические источники. Л.

Кольцова В. Г., Лаппс В. Г., Макаров Н. П., 1990. Развитие растительности и археология по материалам многослойной стоянки «Пещера Елинева»//Междунар. симпоз. «Четвертичная стратиграфия и события Евразии и Тихоокеанского региона». Якутск.

Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б., 1988. Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры (опыт реконструкции)//Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Мартынов А. И., 1970. Ягуня. Кемерово.

Мартынов А. И., 1973. Лесостепная тагарская культура. Кемерово.

Першиц А. И., 1979. Этнография как источник первобытно-исторических реконструкций//Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.

Сагалаев А. М., 1990. К методике реконструкции архаичного мировоззрения//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

Чиндина Л. А., 1990. Проблема социологических исследований по археологическим источникам//Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск.

Членова Н. Л., 1972. Хронология памятников карасукской культуры. М.

Красноярский институт
усовершенствования учителей

А. А. ФОРМОЗОВ

О КНИГЕ Л. С. КЛЕЙНА «ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ» И О САМОМ ФЕНОМЕНЕ

В 1993 г. одновременно в Санкт-Петербурге и в Барселоне (в переводе на испанский язык) вышла книга Л. С. Клейна «Феномен советской археологии»[1]. Появление ее безусловно своевременно, а сама книга заслуживает внимания и подробного разбора.

Закончился 75-летний период коммунистического правления в России, определявшего если не все, то очень многое в любой области русской жизни, в частности и в археологии. Очевидно, назрела необходимость оценить итоги этого периода, отделив то, от чего давно пора отказаться, от того, что отражало поступательное движение науки и, следовательно, требует сохранения и развития. У старшего поколения мы нередко наблюдаем некритическое, даже панегирическое отношение к большинству явлений прошлого. Среди молодежи, напротив, распространены огульно отрицательные оценки тех же явлений. Нужен спокойный объективный разговор на эту тему.

К сожалению, в археологических учреждениях России желания начать такой разговор не видно. Нынешние руководители этих учреждений вышли на первый план еще во времена Брежнева. Молодежь пока не выдвинула своих лидеров. Приходится брать на себя инициативу археологам, прежде находившимся в тени, на обочине. Таков Л. С. Клейн. Таков и я.

Для западных читателей книга Л.С. Клейна интересна по-иному. На доступных им языках книг о судьбах археологии в СССР всего две: ушедшего на Запад с немецкими оккупантами ростовского профессора М. А. Миллера (1956) и советского археолога А. Л. Монгайта (1955, переводы 1959, 1962, 1970 гг.). Обе отражают только первые этапы развития советской археологии, обе весьма тенденциозны, хотя и по-разному.

Как российские, так и западные читатели должны отдавать себе отчет в том, что и книга Л. С. Клейна не строго научный труд, а произведение публицистического жанра, памфлет, пусть яркий, местами даже блестящий. Отсюда все следствия: что-то чрезмерно выпячено, что-то затушевано или вообще обойдено молчанием, что-то сознательно утрировано, заострено. Этого требовали законы жанра и соображения тактического порядка. Многие важные события в жизни СССР не находили отражения в печати. Современники о них помнили, потомки слышали какие-то рассказы. Но память несовершенна, рассказы неточны. Немало неточностей и просто ошибок проникло и в книгу Л. С. Клейна.

В основу ее положена статья, опубликованная в 1982 г. по-английски в журнале World archaeology (vol. 14, № 13) за тремя подписями: В. А. Булкин, Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев. Публикация статьи за рубежом, содержащей не совпадающие с официальными оценки людей и событий, была в ту пору смелым поступком. Но авторы не хотели подвергнуться за это репрессиям и прибегали нередко к туманным формулировкам, а некоторые моменты аккуратно обходили. Через 12 лет, после огромных перемен, произошедших в России, этот текст смотрится уже совсем иначе, чем в момент своего появления. Сознавая это, Л. С. Клейн сделал добавки к старому тексту: отдельные фразы в главах I—V и еще три новые главы — VI—VIII (вероятно, все же до августа 1991 г.). Они более определенны, чем основной текст, но в результате книге присуща некоторая двойственность. Русское издание книги заключает приложение: статья о В. Г. Чайлде и советской археологии, написанная уже в 1992 г. Тут многие точки над «i» наконец-то поставлены.

От чьего же лица говорит Л. С. Клейн? Конечно, прежде всего от своего собственного, но он хочет, чтобы у читателя создалось впечатление, будто существует некое новое передовое поколение российских археологов, которое твердо определило, в чем оно будет, а в чем не будет следовать за старшим. Это в основном ученики Л. С. Клейна, выпускники Ленинградского университета 1960—1970-х годов. Назван и кое-кто еще как союзники, идейно близкие. Подбор имен показался мне странным. Некоторые лица еще ничем себя не зарекомендовали, остальные же столь разные, что объединить их в одну группу совершенно невозможно. В этой связи мне придется сказать и о себе.

Некоторые положения и оценки, высказанные А. А. Формозовым в данной статье, не разделяются редколлегией журнала. — *Прим. ред.*

[1] *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с. + 8 л. илл.; *Klejn Leo S.* La arqueologia Soviética. Historia y teoria de una escuela desconocida. Barcelona, 1993. 174 с. + 8 л. илл.

© А. А. Формозов, 1995 г.

Л. С. Клейн упомянул меня несколько раз (и только однажды критически), чаще, чем многих, гораздо более заслуженных археологов (а иных не назвал вообще). Создается впечатление, что мы с Л. С. Клейном очень близки в своих исходных установках и в оценках положения дел в нашей науке. Это далеко не так.

Мы сверстники. Одновременно получили диплом археолога в 1951 г., он — в Ленинграде, я — в Москве. Оба со студенческих лет говорили, что в советской археологии не все благополучно, ратовали за перемены. Это не нравилось тем, кто стоял у кормила нашей науки. В результате оба мы имели мало средств на раскопки, опубликовали отнюдь не все, нами написанное, не смогли защитить докторские диссертации, не посылались в заграничные командировки и на международные конгрессы. Но на этом наше сходство и кончается.

Сын профессора-зоолога Московского университета, я был воспитан в уважении к традициям русской науки конца XIX — начала XX в., позитивистской по духу. Я убежден, что эти традиции были порваны и растоптаны после революции, тогда как они заслуживают возрождения и развития. Для уроженца многоязычного Витебска на крайнем западе страны (ныне Белоруссия) Л. С. Клейна эти традиции чужды. Он ориентирован на теоретиков советской эпохи и на новейшие течения зарубежной археологии. Л. С. Клейн всегда подчеркивал, что он правоверный марксист, упрекал в недостаточном понимании и использовании достижений марксизма и зарубежных, и советских ученых. В автобиографических записях он говорит, что никогда не был инакомыслящим, а был только мыслящим. И в заключении к «Феномену» (рус. изд. с. 92; исп. с. 142) он счел нужным сказать, что значение марксизма для археологии, может быть, и преувеличено, но во всяком случае и сейчас никак не исчерпано. Что касается меня, то Л. С. Клейн справедливо заметил (рус. с. 82; исп. с. 127), что я принадлежал к тем советским археологам, кто никогда не писал о марксизме-ленинизме.

Державшийся особняком, я вызывал меньшее раздражение начальства, чем очень активный Л. С. Клейн, окруженный молодежью и ищущий контактов с иностранцами. В итоге моя судьба сложилась куда благополучней, чем у него. Зато в дни «перестройки» Л. С. Клейн многое наверстал, объехал с лекциями ряд стран Европы, получил докторскую степень. Мое положение в науке не изменилось, а пожалуй, даже несколько ухудшилось.

Я остановился на этом не для того, чтобы противопоставить свою «правильную» позицию «неправильной» позиции Л. С. Клейна. Молодежи моя, вероятно, кажется безмерно архаичной и бесперспективной, а позиция Л. С. Клейна чем-то противоположным. Речь идет лишь о том, что это разные позиции.

От чьего имени буду говорить я? Конечно, более всего от своего собственного, но, думаю, что мою позицию молчаливо разделял ряд ученых из поколения моих учителей, чьи имена почти выпали из обзора Л. С. Клейна, но будут упоминаться мною. Среди сверстников союзников у меня меньше, среди молодежи — совсем мало.

Итак, обратимся к феномену советской археологии. Во всем мире археологи ведут раскопки, классифицируют и систематизируют добытый материал и делают таким путем посильные исторические выводы. Тем же занимались советские археологи. В чем же тогда специфика? Для Л. С. Клейна в том, что в советской археологической литературе можно найти положения и высказывания, которые отсутствуют или встречаются крайне редко в литературе западной. Мне это обстоятельство представляется вторичным, во всяком случае, не самым важным.

В нашей научной печати 1920—1940-х годов видное место занимали писания людей, не имевших к археологии и к науке вообще никакого отношения. Для конца 1920-х — первой половины 1930-х годов это комиссары, поставленные решением коммунистической партии во главе Государственной академии истории материальной культуры,— Ф. В. Кипарисов, С. Н. Буковский и др. Л. С. Клейн называет их «историками» (рус. с. 20; исп. с. 19). На деле Быковский был недоучившийся студент-математик, комиссар в дни гражданской войны, сотрудник карательных органов — Чрезвычайной комиссии. Кипарисов имел филологическое образование, но в этой области никогда не работал, был крупным профсоюзным функционером. Коммунистическая партия поручила им разрушить традиции дореволюционной русской археологии. Разогнав наиболее квалифицированных ученых (часть из них вскоре была репрессирована) и заменив их крикливыми и агрессивными комсомольцами (А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, Е. Ю. Кричевский, А. П. Окладников), они выполнили задание. Тогда их убрали. Л. С. Клейн оплакивает их гибель наряду с гибелью подлинных ученых — Б. С. Жукова, А. А. Миллера, П. С. Рыкова, Г. И. Боровки (рус. с. 22; исп. с. 24). Я воспринимаю это как кощунство. Заполонявшие издания Академии опусы Быковского не порождены развитием самой русской археологии. Это навязанные сверху партийные установки. Основная масса археологов

вынуждена была с ними считаться, но делала это формально, стараясь не порывать с научными принципами.

Нельзя приравнивать к деятельности Быковского и его последователей искренние попытки молодых московских археологов 1920-х годов А. В. Арциховского, С. В. Киселева, А. П. Смирнова освоить марксизм, для того чтобы обогатить традиционные методы археологии. Для Л. С. Клейна это одно и то же (рус. с. 18, 19; исп. с. 17). Да, во фразеологии что-то совпадало, но важны не столько слова, сколько дела. У Арциховского это создание Новгородской экспедиции, уже более полувека всесторонне исследующей замечательный памятник древнерусской культуры, руководство на протяжении 40 лет кафедрой археологии Московского университета, подготовившей десятки квалифицированных археологов. У Быковского — только изобличение классовых врагов, навязывание ученым чуждых им примитивных догм, репрессии.

Внедрение коммунистической партией в науку своих людей, сплошь и рядом невежественных и агрессивных, характерно не только для 1920—1930-х годов. В 1970—1980-х годах крупнейший Институт археологии Академии наук Украины возглавлял деятель такого типа И. И. Артеменко. Меж тем Л. С. Клейн готов причислить его к группе серьезных ученых (рус. с. 42; исп. с. 61). Так же расценивает он и Г. Н. Матюшина (рус. с. 34; исп. с. 47), известного подтасовками материалов своих раскопок (о чем трижды писала «Советская археология»). Да, формально все поименованные лица — советские археологи. Да, мы все ответственны за то, что произошло в нашей стране и в нашей науке, но степень ответственности разная.

Для 1940—1960-х годов характерно применение в археологических публикациях очень ограниченного стандартного набора цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина с единственной целью придать видимость актуальности и правоверности работам, по сути дела сугубо традиционным. Это то, что советские сатирики И. Ильф и Е. Петров называли «выплатой идеологической пени».

В периодике были обязательны передовые статьи к юбилеям СССР, съездам партии и т. д. Цена этих заказных казенных писаний минимальна. Разбираемая Л. С. Клейном (рус. с. 14, 15) статья В. А. Башилова и В. В. Волкова содержит именно такой набор пустых фраз. От редколлегии журнала большего не требовалось, а текст вряд ли кто-либо читал, кроме корректоров.

Для Л. С. Клейна очень важны приемы эзоповского языка в советской археологии. Целую VIII главу (рус. с. 81—87; исп. с. 125—138) он посвятил тому, как хитро он формулировал те или иные не слишком приемлемые в определенный момент положения. Мне кажется, что, даже если все так, сейчас это уже мало интересно.

Для меня важнее не те, кто вещал с трибун, сочинял передовицы, организовывал дискуссии, а те, кто делал реальные дела. Скромные музейные работники, написавшие за всю жизнь всего три-четыре статьи, не имевшие степеней и званий, но зато сохранившие наше культурное наследие, дороже для меня гремевших некогда трибунов и полемистов. Высоко ценю я и университетских преподавателей. Иные из них напечатали совсем немного (Б. Н. Граков — всего 51 работу), но создали свои плодотворно трудившиеся школы. Залы ученых советов сотрясались от погромных речей и пламенных призывов, но жизнь шла своим путем.

На мой взгляд, специфика советской археологии определялась не какими-то словопрениями, а двумя фундаментальными обстоятельствами.

Первое: в отличие от большинства стран Западной Европы дореволюционная Россия оставалась слабо изученной в археологическом отношении страной. Объясняется это не низкой квалификацией русских археологов (уровень их был достаточно высок), а тем, что специалистов было безмерно мало для бескрайних просторов России. На компактных территориях Англии, Франции, Испании, Италии, Германии археологические исследования вели целые коллективы профессиональных ученых на протяжении всего XIX в., а кое-где и раньше. Основные типы памятников к началу XX в. уже выявили и классифицировали. У нас же были освоены только Северное Причерноморье, Украина и центр Русской равнины. На просторах Сибири были изучены только отдельные памятники около крупных городов. Совершенно не охваченной оставалась северная полоса Европы и Азии. В Средней Азии древностями занимались немногочисленные любители. Памятники домусульманского времени не были известны вовсе. Крайне слабо было исследовано Закавказье — район древнейшего заселения страны, область высокоразвитых культур бронзового века, античного и средневекового периодов. Даже в Причерноморье некоторые территории почти не привлекали внимания археологов, скажем, Бессарабия, нынешняя Молдова.

Таким образом, русским археологам XX в. предстояло прежде всего провести достаточно полное обследование территории своего государства, выделить основные характерные для того или иного

района типы памятников, а уже затем перейти к их классификации и систематизации, к историческому осмыслению собранных фактов. Очень актуальной была и проблема охраны памятников. Соответствующего закона в царской России не было.

Между тем условия для осуществления этих задач были самые неблагоприятные. И причиной тому — второй фактор: с 1917 г. наука развивалась в условиях тоталитаризма. Если о первом факторе Л. С. Клейн говорит походя (рус. с. 61, 62; исп. с. 95), то второй вроде бы учитывает сполна. Он понимает, что многие установки были навязаны археологам извне. Надо было писать о рабовладении и революции рабов, и квалифицированный антиковед С. А. Жебелев придумал такую революцию в Боспорском царстве. Инакомыслящим грозили репрессии. Л. С. Клейн приводит неполный список их жертв (рус. с. 22; исп. с. 24).

Но, на мой взгляд, существеннее другое. Для коммунистических хозяев страны всегда была органически чужда сама идея культурного наследия, его изучения, сохранения и освоения. Все предлагалось начинать с октября 1917 г. «Старье» объявлялось ненужным, даже вредным, как что-то, отвлекающее людей от строительства коммунизма.

Отсюда жалкое положение музеев в СССР. Многие музеи, созданные после революции интеллигенцией для спасения сокровищ культуры, обреченных на гибель при разгроме дворянских усадеб, монастырей, церквей, в дальнейшем были закрыты. В 1989 г. по числу музеев на 1 млн. жителей СССР стоял на 28 месте в мире. Только 43% городов России имело музеи. Ценнейшие коллекции продавали за рубеж, а рядовой археологический материал порою просто выкидывали из хранилищ. Сотрудники музеев в 1930-х годах подверглись массовым репрессиям.

Хорошо известны и кампании по уничтожению архитектурных памятников в СССР. Обычно вспоминают о взрыве храма Христа Спасителя в Москве. Но это церковь середины XIX в., а ведь погибли и такие комплексы, как Михайловский Златоверхий монастырь XII в. в Киеве, украшенный мозаиками и фресками.

Как во всех деспотических державах, в СССР непрерывно строили каналы и водохранилища. При этом уходили под воду сотни археологических памятников, и не только рядовые. Затоплен целый средневековый город на Нижнем Дону — хазарский Саркел — русская Белая Вежа.

При таком отношении к культурному наследию вести его изучение и охрану было безмерно тяжело. Ученые порой платили за это своей жизнью. Н. Е. Макаренко, отстаивавший Софийский собор XI в. и Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве, был расстрелян в 1938 г. (Л. С. Клейн даже не вспомнил об этом крупном ученом, исследовавшем неолитический Мариупольский могильник и раннеславянское Роменское городище,— нашем подлинном герое и мученике).

После революции надолго прекратилось изучение памятников христианского искусства, развитие генеалогии и геральдики, как дисциплин ненужных пролетариату. Закрыли губернские ученые архивные комиссии, внесшие свой вклад в развитие археологии. Под ударом оказалась и сама эта наука. Закрыли учебные археологические институты, Московское и Русское (в Петербурге) археологические общества, пресекли традицию созыва археологических съездов. Не случайно в 1919 г. Археологическая комиссия была преобразована в Академию истории материальной культуры, а в 1932 г. термин «археология» был официально признан буржуазным, несозвучным марксизму.

Если археология уцелела, то на первых порах потому, что занималась материальной, а не духовной культурой и признавалась полезной для антирелигиозной пропаганды (отсюда расцвет исследований палеолита в СССР в 1920-е годы). С конца 30-х годов археологию подключили к пропаганде патриотизма, уважения к «великим предкам». Начатые перед второй мировой войной, а широко развернувшиеся после нее раскопки Новгорода Великого и Киева, Мцхеты в Грузии, Кармир-блура и Двина в Армении, Отрара в Казахстане и т. д. стали возможны именно в этом контексте.

Но, признав право археологии на существование, партийное руководство страны не собиралось предоставить археологам возможность работать так, как подсказывал им опыт русской и мировой науки, а диктовало им, что нужно и что не нужно, что идеологически выдержано, а что нет. Так, поощрялось занятие широковещательными темами (происхождение славян, древняя история того или иного района), но осуждалось «вещеведение», т. е. работа по классификации и систематизации находок, без которой никакие обобщения невозможны. Вредным было объявлено «биологизаторство», т. е. изучение древностей в тесной связи с природной средой, использование методов биологии в применении к археологическим материалам. Все исследователи «палеоэтнологического» направления, ратовавшие за тесную связь археологии с естественными науками,— Б. С. Жуков, Б. А. Куфтин,

Г. А. Бонч-Осмоловский, А. А. Миллер, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов — в начале 1930-х годов были репрессированы, и не все вернулись из концлагерей.

Именно жесткий диктат партийных невежд и тех из ученых, кто ради карьеры стал проводить предписанные свыше требования, и делал работу археологов в СССР крайне трудной. На этом фоне необходимость при случае цитировать Маркса или Сталина не кажется очень существенным моментом. На мой взгляд, Л. С. Клейн это обстоятельство учитывает далеко не в полной мере.

Посмотрим же, как в сложившейся ситуации советские археологи решали те задачи, что ставила перед ними наука, а не КПСС.

Полевые исследования на территории СССР развернулись с середины 1920-х годов, а особенно после конца второй мировой войны очень широко. Многочисленные экспедиции А. П. Окладникова и его учеников охватили всю Восточную Сибирь, включая крайний Север и Дальний Восток. Очень много сделано в Средней Азии. Здесь выявлены сотни памятников первобытной эпохи от древнего палеолита до раннеземледельческих оазисов, заброшенные города с выдающимися произведениями искусства — Топрак-Кала, Варахша, Пянджикент и др. Неведомый к началу XX в. «Туркестанский край» стал восприниматься как район, отнюдь не однородный, как сложная система взаимодействия земледельческих и кочевых народов, эллинистических, древневосточных и степных традиций. В Закавказье раскопки велись также весьма активно, охватывая памятники от раннего палеолита до развитого средневековья. Особенно важны яркие памятники эпохи бронзы и раннего железа, руины городов с культурой эллинистического и переднеазиатского типа.

В 1934 г. советским археологам удалось добиться закона о том, что все строительства обязаны предоставлять ученым средства для раскопок тех памятников, что будут затоплены или разрушены. Благодаря этому спасено множество культурных ценностей — от тысяч курганов в степной полосе до средневековых городов. В передовицах наших журналов писалось, что археологи горды тем, что участвуют в великих стройках коммунизма. Гордиться надо другим: нам в какой-то мере удавалось спасать гибнущее культурное наследие страны.

Итак, полевое изучение древностей СССР шло постоянно и в больших масштабах. К сожалению, не все здесь обстояло благополучно. У нас были специалисты, мастерски ведшие раскопки палеолитических стоянок (М. В. Воеводский, А. Н. Рогачев), курганов (М. П. Грязнов), античных городов (В. Д. Блаватский), средневековых культурных слоев с сохранившимися деревянными конструкциями (А. В. Арциховский и Б. А. Колчин в Новгороде) и др. Но средств всегда не хватало, и большинство экспедиций работало по сокращенной программе с крайне примитивным оборудованием. В маленьких экспедициях единственный археолог выполнял обязанности и художника, и чертежника, и фотографа, и реставратора. Даже в большие экспедиции не включали геологов, почвоведов, палеозоологов, палеоботаников. Сотрудничество с ними сперва расценивалось бы как рецидив признанного вредным «биологизаторства», а затем по традиции казалось необязательным.

На новостройках не археологи диктовали сроки строительствам, а строители задавали неприемлемый для ученых темп. При надзоре за сооружением метрополитена в Москве в 1933—1934 гг. удавалось лишь выхватывать из-под лопат землекопов отдельные древние вещи, но не фиксировать план средневековых мостовых и усадеб, даже профили отложений. В 1940-х годах в Мингечауре в Азербайджане раскопки приходилось вести круглосуточно. Ночью древние могилы расчищали при свете прожекторов. Иные новостроечные экспедиции 1970—1980 гг. выезжали в поле в апреле, когда земля еще была покрыта снегом, а возвращались в октябре, когда снег вновь ложился.

Одним словом, полевая работа шла не размеренно, спокойно, а с надрывом, надсадом, натугой. Это характерно для всей советской жизни. Трудовые успехи достигались ценой крайнего перенапряжения сил исполнителей, а это отражалось на качестве работы. Наспех возведенные дома рушились. На атомных электростанциях происходили взрывы с катастрофическими последствиями. То же и у нас. Материала добывалось так много, что его негде было хранить, некому реставрировать и обрабатывать. Подавляющее большинство коллекций, добытых новостроечными экспедициями, не введено в научный оборот. Вообще полноценных публикаций, освещающих раскопки важнейших памятников, в советской археологической литературе очень мало. Ведь поощрялось сочинение книг с глобальными выводами, а не разработка «мелочей».

Показательна и страсть некоторых археологов (того же А. П. Окладникова) к сенсациям, стремление ради финансовой поддержки выдавать рядовой материал за открытия мирового значения, что искажает реальное соотношение явлений. Так, сравнительно недавно сделанные аборигенами Сибири рисунки на камне выдавались за палеолитические и неолитические.

Всего этого круга тем Л. С. Клейн не касается вовсе. Он говорит о разной степени изученности

территории Западной Европы и СССР и сожалеет, что археологов у нас мало. Но дело не в количестве, а в качестве исследований. Если охранные раскопки в зоне новостроек необходимы, то в иных районах они не только не обязательны, но при низком качестве исследований даже вредны. А сколько памятников копалось лишь для того, чтобы некий преподаватель провинциального педагогического института написал очередную «Древнюю историю» и получил докторскую степень.

Второй уровень исследований — систематизация и классификация материала. Здесь у нашей науки были хорошие традиции, заложенные до революции А. А. Спицыным и В. А. Городцовым. В начале 1920-х годов С. А. Теплоухов создал периодизацию археологических памятников Среднего Енисея, сохранившуюся до сих пор. Но «борьба с вещеведением» в 1930-х годах дала свои плоды. Предлагалось сразу, чуть ли не в поле, делать широкие исторические выводы. А поскольку многие приходят в археологию ради романтики полевых поисков и не любят нудную возню с коллекциями, вредные установки были легко восприняты. Люди знали, что опубликовать «Древнюю историю» того или иного района легче, чем классификацию керамики или кремневых орудий. Поэтому работ в области классификации археологического материала вышло в СССР совсем немного. Среди них есть очень ценные: Г. А. Бонч-Осмоловского и С. Н. Замятнина по палеолиту, М. Е. Фосс по неолиту, Т. С. Пассек по трипольской культуре, Б. А. Куфтина и А. А. Иессена по эпохе раннего металла на Кавказе, М. П. Грязнова и С. В. Киселева по бронзовому и железному веку Западной Сибири, О. А. Граковой по эпохе бронзы степной полосы, А. В. Шмидта и А. П. Смирнова по поволжским и приуральским древностям, А. К. Амброза по эпохе переселения народов, Г. Ф. Корзухиной по кладам конца I — начала II тысячелетия, А. В. Арциховского и В. В. Седова по древнерусским курганам.

И тут, как во всех областях советской жизни, добросовестных тружеников совершенно не ценили. С. А. Теплоухов смог напечатать всего 10 работ, Г. А. Бонч-Осмоловский — 39, С. И. Замятнин — 51, М. Е. Фосс — 57, А. А. Иессен — 64. Замятнин, Иессен, Гракова, Корзухина не имели докторских степеней (сравни с тысячей небрежных публикаций академика, лауреата Сталинской и Государственной премий, Героя Социалистического Труда А. П. Окладникова).

Время постепенно ставит все на свои места. В томе «Палеолит СССР» в серии «Археология СССР» (1984) по количеству ссылок на первом месте стоит умерший за 26 лет до выхода книги С. Н. Замятнин, на втором и третьем — тоже кандидаты наук, а А. П. Окладников — на четвертом.

Но вот Л. С. Клейн в «Феномене советской археологии» даже не упомянул половины из названных мною ученых, а остальных упоминает по случайным поводам. Видимо, он не свободен от принятой в официальной науке градации. Это странно. Ведь, по Л. С. Клейну, археология не историческая, а источниковедческая наука. Следовательно, для него должны быть важны как раз те археологи, кто умело ведет раскопки и мастерски классифицирует добытые материалы, а вовсе не авторы «древних историй». Но нет: Л. С. Клейну ближе не эти ученые, а «теоретики», пусть даже типа Быковского.

Развитие науки выдвигало свои требования, и в 1950-х годах Б. А. Рыбаковым была задумана серия «Свод археологических источников СССР», а в 1970-х — «Археология СССР в 20 томах». Л. С. Клейн относится к этому начинанию положительно. Я — тоже. Но оба издания не доведены до конца, и нельзя умолчать о том, что вышедшие тома демонстрируют полный упадок классификационной работы у советских археологов. Каждый автор, даже внутри одного тома «Археологии СССР» оперирует с материалом по-своему, не считаясь со сделанным ранее и даже одновременно, на соседних страницах. Разнобой чудовищный, и это, увы, еще одна черта интересующего нас феномена. Л. С. Клейн ее не отметил.

Третий уровень — историческое осмысление результатов археологических раскопок. И здесь у нас есть достижения: книги П. П. Ефименко «Первобытное общество» (1938) для палеолита, А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» (1935) для эпохи бронзы (авторство Л. С. Клейн абсолютно неосновательно приписывает Б. А. Латынину — рус. с. 19, 91, 100; исп. с. 19, 140), В. М. Массона «Средняя Азия и древний Восток» (1964), Б. Б. Пиотровского «Ванское царство» (1962), С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» (1949), Б. Н. Гракова «Скифы» (1971), В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (1949), М. И. Артамонова «История хазар» (1969), А. П. Смирнова «Волжские булгары» (1951). Немало интересного в работах П. Н. Третьякова, С. П. Толстова, Б. А. Рыбакова, В. Л. Янина.

Но условия, в которых создавались книги этого типа, очень сказывались. Нередко происходило то, что уклончиво называлось у нас «потребительским отношением к источникам» или «перенапря-

жением источников», иными словами, использование недоброкачественных материалов для подкрепления ответственнейших выводов, порою заранее заданных, пренебрежение к критике источников.

Возьмем две широко известные книги выдающихся ученых. «Древний Хорезм» С. П. Толстов написал после четырех полевых сезонов с очень небольшим объемом раскопок, в основном по подъемным материалам. А выводы широчайшие: рабовладение в Средней Азии, кризис рабовладельческого строя, возникновение феодализма и т. д. «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству» А. П. Окладников выпустил после шести полевых сезонов, пришедшихся в основном на годы войны. Раскопок по сути дела не было. Но на слабо документированных находках, собранных на поверхности, построена сложнейшая схема этнической истории Сибири. Толстов и Окладников были ярко одаренными людьми. Многое им удалось угадать интуитивно, хотя не меньшее число их выводов не выдержало испытания временем. А сколько было у этих ученых подражателей, не обладавших и в малой мере их талантами, но оперативно публиковавших обобщающие труды после нескольких полевых сезонов, без серьезной проработки материала. И это характерное явление советской эпохи, именовавшееся «показуха», «приписки». В отчетах и рапортах — невиданные урожаи, взлет производства. В действительности же и урожайность, и уровень производства падают год от года, а статистика фальсифицирована.

Очень сильно было желание у определенного круга людей откликнуться на очередные политические лозунги, обслужить их. Чемпионом здесь был А. П. Окладников. Он то восхвалял Н. Я. Марра как основоположника марксистской археологии, то после статей Сталина о языкознании клеймил Марра как псевдоученого и вульгаризатора марксизма, то писал о колониальной политике царизма в Сибири, то доказывал добровольное присоединение сибирских народов к России, то говорил об огромном влиянии великой культуры Китая на Дальний Восток, то начисто отрицал это влияние.

Националистические установки коммунистической партии в 1940—1950-х годах активно проводились некоторыми историками и археологами, готовыми освещать прошлое страны крайне тенденциозно. После Крымской сессии Академии наук СССР 1952 г. с директивными докладами Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова отрицалась какая-либо роль готов, гуннов, хазар, скандинавов, татар в истории Восточной Европы, а археологов заставляли искать памятники древних славян там, где они появились сравнительно поздно. Ясно, что во всех рассмотренных случаях о честных поисках истины не может быть и речи.

Такие тенденции в нашей науке не могли не вызвать протест у следующего поколения археологов. Проявлялось это по-разному. Упомянутая Л. С. Клейном моя статья «О критике источников в археологии» («Советская археология», 1977, № 1) — это призыв к честности в науке, к отказу от использования недоброкачественных материалов, от всякого рода спекулятивных построений.

Иным путем пошли В. Ф. Генинг, Ю. Н. Захарук, Л. С. Клейн. Они считали, что в первую очередь надо разработать теорию археологии, ибо только это позволит вывести нас с той, видимо, ошибочной дороги, на которую мы сбились. Многие приветствовали новаторов, и я не был враждебен их начинаниям. Но разработка теории пошла не так, как ожидали рядовые археологи. Не владея иностранными языками, Ю. Н. Захарук и В. Ф. Генинг просто игнорировали обширную зарубежную литературу по теории археологии, называя ее идеалистической и буржуазной. В качестве исходной базы для своих построений они брали сочинения советских философов — догматиков типа П. Н. Федосеева (серого партийного функционера, спущенного в науку). Теоретики советской археологии предались схоластическим спорам о том, где объект, а где предмет археологии. Интерес аудитории к этому направлению упал.

Я не хочу сказать, что все поиски в области теории археологии были бесплодны. Заслуживают внимания попытки И. С. Каменецкого и Ю. А. Смирнова составить универсальный код описания древних погребений, Г. А. Федорова-Давыдова — применить математические методы к классификации археологических коллекций. Интересны и книги Л. С. Клейна «Археологические источники» (1978) и «Археологическая типология» (англ. изд.— 1982, рус.— 1991). Но, как видит читатель, такого значения теоретическим разработкам советских археологов, как Л. С. Клейн, я не придаю.

Мне кажется, что теория должна не витать где-то в поднебесье над эмпирической работой, а входить в нее на всех этапах. При раскопках — в понимании памятника как целостной системы связей. При классификации коллекций — в искусном применении методов, выработанных прежде всего на базе биологии (стратиграфический анализ, типология и т. д.).

Каков же общий итог? Я считаю, что свой долг перед наукой русские археологи XX в. в основном выполнили. Они исследовали и спасли от гибели тысячи памятников древности, завершают первичное обследование страны, сделали важные шаги в классификации и историческом осмыслении

материалов раскопок. Но путь нашей науки в годы тоталитаризма был искажен. Множество памятников погибло или было изучено плохо. Охрана памятников по-настоящему так и не была налажена. Музеи, хранение коллекций в плачевном состоянии.

На первый план вышли деятели, думающие не о науке, а о личном успехе и готовые на весьма вольное обращение с фактами в угоду политической ситуации. Иногда это даровитые люди, а иногда заурядные чиновники. Эти дурные примеры перед глазами молодого поколения очень повлияли на его направленность. Археологов в России уже не десятки, как до революции, не сотни, как в 1950—1960-х годах, а тысячи. Пользу они приносят, но большинство меньше всего заботит охрана памятников, тщательные раскопки, добросовестные отчеты и публикации, хранение и классификация коллекций. Привлекают ученые степени и звания, эффектные, но слабо обоснованные построения.

Судя по всему, Л. С. Клейна эта ситуация не волнует. Его нацеленность на теоретические дискуссии ведет все к тому же отрыву от работы, составляющей базу нашей науки. Именно эта база в годы коммунистического господства была подорвана, и о возрождении ее в первую очередь надо думать.

Трудно давать прогнозы на будущее. У Л. С. Клейна они оптимистические: тоталитаризм пал — значит, можно ждать расцвета свободной мысли. Я скорее пессимист. Понимания роли культурного наследия в жизни общества как не было, так и нет. Печально, что резко сократились средства на проведение раскопок и издание научных трудов. Но больше беспокоит другое — хорошо ли будут вестись раскопки теперь, что будет содержаться в новых книгах. Боюсь, что рыночные отношения станут диктовать науке законы, не менее чуждые ее духу, чем тоталитарное государство. Музеи, особенно в провинции, на краю гибели. Связи между учеными из бывших республик СССР распались, и, несмотря на прогноз Л. С. Клейна (рус. с. 69; исп. с. 107, 108), не похоже, что скоро это изменится к лучшему.

Главное, что сейчас нужно: спокойная, повседневная работа по укреплению базы нашей науки, а не псевдосенсационность, скороспелые выводы, прельщающие заказчиков-невежд. Нужны, конечно, и новые идеи, концепция места археологии в жизни общества, учитывающая опыт русской жизни за все годы, в том числе и советские.

Рано или поздно такая концепция будет создана. Для этого необходимо обсуждение всех сторон, всех этапов нашей работы. Книга Л. С. Клейна дает толчок к такому обсуждению. Это оправдывает ее появление. Но, как ясно читателю, большинство оценок автора «Феномена советской археологии» я не разделяю.

Институт археологии РАН,
Москва

В. С. Ольховский, Г. Л. Евдокимов. Скифские изваяния VII—III вв. до н. э. М., 1994. 188 с.

Несмотря на то что многие ученые обращались к изучению скифских каменных изваяний, в этой теме до сих пор остается много нерешенных вопросов. Не было и сколько-нибудь полной сводки памятников, особенно необходимой сейчас в связи с тем, что за последние 10—15 лет количество найденных скифских изваяний значительно увеличилось.

Рецензируемая книга (§ 1 главы 2 написан Г. Л. Евдокимовым, остальной текст — В. С. Ольховским) является первым монографическим исследованием скифской монументальной скульптуры на всей территории юга Восточной Европы — от Подунавья до Северного Кавказа и Крыма. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, 89 таблиц с прекрасно выполненными прорисовками изваяний, нескольких карт и текстовых таблиц, алфавитного указателя памятников. Общий объем книги 23,5 п. л.

Центральное место в работе занимает каталог скифских изваяний и баз к ним (глава 2). Ему предшествуют введение, в котором дано четкое определение изучаемой категории памятников, и глава 1, содержащая обзор источников и полный историографический очерк. Говоря об источниках, В. С. Ольховский четко формулирует методику системного подхода к изучению изваяний, которой

© А. И. Мелюкова, 1995 г.

он следует в аналитических разделах работы (главы 3 и 4). Этот подход выгодно отличается от методик, применявшихся ранее, что ставит данное исследование на более высокий источниковедческий уровень.

В каталоге описано 154 памятника, и почти все они (в том числе и большинство ныне утраченных) воспроизведены на иллюстративных таблицах. Для удобства пользования каталог разделен на три части по географическому принципу: Северное Причерноморье и Приазовье, Крым и Северный Кавказ. Описания памятников проводятся по единой схеме, содержат подробные сведения о месте находки, материале, сохранности, размерах, иконографии, атрибутах, дате, месте хранения, о первой и наиболее полной публикациях. Эта огромная работа важна еще и потому, что в ряде имеющихся публикаций давались не всегда точные, а иногда просто искаженные или лишь схематические прорисовки изваяний. В данной книге впервые представлены высококвалифицированные графические воспроизведения памятников со всеми деталями, выполненные авторами с натуры. К сожалению, отсутствие фотографий несколько снижает ценность публикации, однако четкие и ясные описания в каталоге в сопоставлении с прорисовками не вызывают каких-либо вопросов или сомнений в правильности их восприятия авторами. Трудно лишь увидеть башлык на отсутствующей голове изваяния № 101 (от него уцелел лишь небольшой фрагмент, вероятно, остроконечного завершения) и шлем на утраченной голове изваяния № 105, о возможном наличии которого говорится в описании (с. 32).

По всему видно, что авторы много потрудились над датировкой изваяний. К сожалению, система доказательств осталась за пределами изложения, и поэтому часто встает вопрос, на каком основании предлагается датировать тот или иной памятник иначе, чем это было предложено первоиздателем. Не снимает его и упоминание, что датировка в случае принадлежности изваяния к определенному комплексу производилась по сопровождающему инвентарю, а в остальных случаях — по изображенным на памятнике реалиям (с. 8), так как этот принцип не всегда соблюдается. Так, например, непонятны основания для датировки одних изваяний первой, а других второй половиной IV в. до н. э., тогда как сопровождающий их инвентарь не может быть столь определенно разделен, а принадлежит в целом к IV в. до н. э. (Буторы, Первомаевка, изваяние 5, Ярославка и некоторые другие). К тому же в аналитической части работы деления памятников на первую и вторую половину IV в. нет (может быть, морфологические и иконографические признаки не содержат данных для предложенных авторами коротких дат?). Более развернутых объяснений требует датировка изваяний без изображений предметов, особенно тех, которые найдены вне комплексов, так как некоторые из них по приему передачи носа и глаз близки к энеолитическим.

Галайтинскую группу стел и в каталоге, и особенно в последующих главах, на мой взгляд, следовало бы выделить в отдельную локальную группу в связи с тем, что она резко отличается от собственно скифской на Северном Кавказе и поэтому не может учитываться вместе с ней при статистических подсчетах и обобщающих характеристиках.

Несколько усложняет пользование каталогом отсутствие в описаниях (глава 2) сносок на иллюстрации. Номера памятников по каталогу, указанные на таблицах, не заменяют этих ссылок, так как порядок расположения рисунков в иллюстративном приложении в ряде мест нарушен, а это затрудняет поиски нужного номера.

Первая из аналитических глав (глава 3) посвящена хронологии, морфологии и иконографии изваяний. Здесь впервые со всей определенностью установлена связь изучаемых памятников лишь с собственно скифами, ибо находки их сосредоточены в зоне степей Северного Причерноморья, Приазовья, Крыма и Северного Кавказа. В лесостепи они редки и, очевидно, оставлены скифами, проникшими сюда с юга.

Также впервые В. С. Ольховскому удалось объективно выявить территориально-хронологические группы изваяний. Карты и текстовые таблицы, приложенные к этому разделу, наглядно иллюстрируют выводы о различиях между группами прежде всего по хронологическому соотношению памятников. Так, на Северном Кавказе наибольшее число изваяний приходится на ранний период (VII—VI вв. до н. э.), тогда как в Причерноморье и Приазовье большинство памятников относится к V — началу III в. до н. э., а в Крыму установка изваяний началась лишь в V в. до н. э., получив распространение позже, в IV в. до н. э. Такое хронологическое распределение памятников позволило проследить передвижение скифов с Северного Кавказа в Причерноморье, а затем в Крым, что подтверждает выводы ряда скифологов, сделанные на основании анализа других источников. Замечу только, что к имеющимся текстовым таблицам хорошо было бы приложить еще и списки памятников по периодам

в территориально-хронологических группах. Это избавило бы читателя от необходимости выискивать в каталоге нужный памятник и сделало бы выводы автора еще более наглядными.

Важное значение имеет раздел (§ 2) главы 3, в котором рассматриваются технология и морфология скифских изваяний, никем ранее в таком объеме не изучавшиеся. Оказывается, для каждого из трех регионов распространения антропоморфов характерен свой материал (основа), из которого изготавливали изваяния. В Причерноморье это гранит в ранний период и известняк — в поздний, на Северном Кавказе — песчаник, а в Крыму — известняк, что хорошо согласуется с особенностями природных геоэкологических условий. Не представляется мне убедительным лишь объяснение причины перехода от гранита к известняку в Причерноморье на рубеже V—IV вв. до н. э., предложенное В. С. Ольховским (с. 47). Полагаю, что этот вопрос требует дальнейшей разработки.

Еще более ценными являются наблюдения и выводы, касающиеся морфологии и иконографии изваяний и их изменений с течением времени. Автор обоснованно выделил пять морфологических видов, каждый из которых по-своему представлен в территориальных группах и временных отрезках. При этом выяснилось, что относящиеся к числу редких статуарные рельефы были известны в IV—III вв. до н. э. лишь в Крыму и на Северном Кавказе, а круглая скульптура — только в Крыму. Иконографическая характеристика памятников дается в монографии по трем составляющим: позе, степени воплощения образа, репертуару антропоморфных черт. Установлено, что на всем протяжении скифского периода в иконографии господствовало изображение вертикальной мужской фигуры, а ее полное иконографическое воплощение представлено позой «фигура стоящая». Особым вариантом вертикальной фигуры считается сидящая поза персонажа. Среди таких изваяний уверенно выделяются сидящие в седле и как бы насаженные на кол. Последние хорошо согласуются со сведениями Геродота о поминальном обычае, совершаемом скифами через год после похорон царя.

Признавая важность и обоснованность предлагаемых в этом разделе выводов, позволю себе сделать несколько замечаний. Так, в табл. 8 (с. 53) под термином «фигура стоящая» имеется в виду лишь один морфологический вариант степени воплощения образа, а именно полная фигура. В тексте же каталога (глава 2) при употреблении термина «фигура стоящая» не уточняется, к какому из четырех морфологических вариантов степени воплощения образа (полная фигура, полифигура, бюст, силуэт) относится описываемый памятник.

Вряд ли можно считать стабильным падение «популярности» в Причерноморье изваяний в позе «полная фигура (стоящая)» от рубежа VI—V к VI—V вв. до н. э. (с. 53). Ведь в этой территориальной группе таких изваяний всего семь, и распределение их во времени, показанное на табл. 8, по-моему, не дает оснований для такого вывода. Также, на мой взгляд, пока рано говорить о падении «популярности» в Причерноморье после начала IV в. до н. э. изваяний в виде полуфигуры, хотя чисто статистически такой вывод верен (табл. 8). Излишне категоричным представляется и заключение, что первые образцы «полифигурных скифских изваяний воплощали именно сидящую иконографическую схему, подтверждая ее древность» (с. 54). Для такого вывода пока мало оснований.

В результате тщательного анализа иконографических данных В. С. Ольховскому удалось хорошо проследить стадиальные изменения в передаче на изваяниях черт лица и прически, изображений частей тела, ног и отметить особенности, свойственные территориально-хронологическим группам изваяний. Интересные и важные результаты получены при изучении вариаций (их 14) положения изображений рук (табл. 9, с. 57).

Подробное рассмотрение воспроизведенных на изваяниях предметов и сопоставления их с реальными археологическими находками (глава 4) позволило окончательно снять сомнения в том, что на монументальной скульптуре воспроизводились действительно существовавшие у скифов одежда, обувь, головные уборы, отдельные предметы быта и хозяйственной деятельности, наступательное и защитное вооружение, символы власти. Поэтому отныне изваяния могут служить надежным «палеоэтнографическим» источником для восстановления несохранившихся деталей скифского костюма, а также способов ношения оружия. Но еще более значимыми, на мой взгляд, являются впервые сделанные выводы относительно особенностей реалий, представленных на памятниках разных территорий. Выявлено, например, что одежда типа кафтана в конце V — начале III в. до н. э. изображалась только на изваяниях Крыма (ранее — очень редко — на причерноморских антропоморфах), а такая деталь одежды и паноплии, как пояс, одинаково часто воспроизводилась на памятниках всех регионов, но наиболее часто на изваяниях VII — V вв. до н. э. (табл. 10, с. 62). Редко изображались оселки и нагайки, но если последние наиболее характерны для VII — V вв. до н. э. и отсутствуют на изваяниях Крыма, то оселки имеются на каменной скульптуре VI—V вв. до н. э. в Причерноморье, позже — в Крыму и отсутствуют на изваяниях Северного Кавказа. Нерав-

номерное территориально-хронологическое распределение отмечается для изображений ритонов. Интересно, что в Северном Причерноморье ритоны среди находок в погребениях ранее V в. до н. э. не отмечены, тогда как их изображения есть на причерноморских изваяниях рубежа VI—V вв. до н. э. (табл. 14, с. 69).

Что касается вооружения, то доспехи — шлемы, панцири, набедренники — воспроизводились относительно редко, но всегда точно передавали реально существовавшие формы. В этой связи особенно показательным является изображение на двух статуях из Крыма эллинского доспеха, дополненного скифскими элементами (илл. 62, 70). Судя по находкам в погребениях, именно такими доспехами пользовалась скифская знать с V в. до н. э.

Из наступательного вооружения реже других на изваяниях изображались боевые топоры-секиры. Оказывается, они могут служить достаточно надежным хронологическим индикатором, так как известны лишь на памятниках VII — первой половины V в. до н. э. В скифских погребениях Северного Причерноморья предметы этого рода также обнаруживаются редко, причем преимущественно в тех захоронениях, которые датируются IV в. до н. э.

Интересные результаты получены благодаря изучению изображений налучий и горитов, имеющихся на многих изваяниях. Именно эти изображения дают возможность узнать о существовании у скифов разнообразных форм такого рода изделий и проследить их изменение во времени, ведь в погребениях налучья и гориты сохраняются в лучшем случае в обломках, по которым трудно судить о целых предметах.

Набор мечей и кинжалов, представленный на изваяниях, хотя и отражает основные типы реальных вещей, все же значительно более беден по сравнению с набором, известным по находкам в погребениях. Вместе с тем по изображениям легче, чем по данным раскопок, прослеживаются временные изменения в способах ношения воинами оружия этого вида.

В кратком «Заключении» книги четко сформулированы основные результаты исследования, показана общая линия развития скифской монументальной скульптуры начиная с момента ее возникновения в VII в. до н. э. до исчезновения (на основной территории степной Скифии) в начале III в. до н. э., а также несомненная генетическая взаимосвязь и вместе с тем своеобразие территориально-хронологических групп памятников. Излишним кажется лишь пункт 4 «Заключения», в котором В. С. Ольховский попытался определить сущность и семантику скифской каменной скульптуры. В работе эта сложная проблема специально не изучалась, так как не входила в задачи исследования; очевидно, это дело будущего.

В целом книга В. С. Ольховского и Г. Л. Евдокимова «Скифские изваяния VII—III в. до н. э.» является крупным событием в науке о скифах. Впервые в исторической науке представлены не только полная сводка, но и всесторонний анализ памятников, и таким образом создана прочная база для дальнейших изысканий, направленных на решение вопросов происхождения, семантики и отношения скифских изваяний к синхронным произведениям монументального искусства, известным на других территориях, у других народов.

Институт археологии РАН,
Москва

А. И. Мелюкова

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ Ж.-К. ГАРДЕНА

Исполнилось 70 лет крупному французскому специалисту в области археологии Центральной Азии и известному теоретику нашей науки Жан-Клоду Гардену. Внешне никто не дает ему этого почтенного возраста, а своей интеллигентной простотой и непринужденностью юбиляр вообще не вписывается в привычный образ мэтра. У него много учеников и последователей, но он ведет себя с ними не как наставник, а как товарищ.

Жан-Клод Гарден родился 3 апреля 1925 г. в Париже в семье врача и медицинской сестры. Когда Францию оккупировали немецкие фашисты, ему было 15 лет, он только что закончил лицей Карно. В столь юном возрасте Гарден добровольно вступил в ряды армии генерала Ш. Де Голля и служил на флоте. За отличия на войне он был удостоен Военного Креста, звания члена военного Почетного Легиона, медали Сопротивления и благодарностей в приказах от французского и английского командования. После войны Гарден изучал в Лондонском университете (1945—48) логику, а затем в Сорбонне этнологию и историю религии. Среди его профессоров были Клод Леви-Стросс и Андре Леруа-Гуран. Параллельно Гарден закончил Национальную школу живых восточных языков по персидскому языку.

С 1950 г. Гарден начал работать в знаменитой «MDAFA» (Французской археологической миссии в Афганистане), организованной Д. Шлюмберже. Тогда ему было 25 лет. В 1980 г. он возглавил миссию. Первые публикации Гардена были посвящены керамике Балха и встретили положительный отклик в нашей литературе: рецензия А. М. Мандельштама в «Советской археологии» (1959, N 2). Последующие работы Гардена по керамике Бамиана, Лашкари Базара, а также по ирригации и освоению района Ай-Ханум в эпоху бронзы тоже широко известны.

Великий физик нашего времени П. Л. Капица шутя говорил своим сотрудникам, что научный работник должен каждые 7 лет менять свою узкую специализацию, поскольку раз в 7 лет происходит полное обновление клеток организма. Может быть, физику и можно это делать раз в 7 лет, но гуманитарию, конечно, труднее. Гарден, продолжая полевые исследования в Афганистане, занялся в середине 50-х гг. теоретическими и практическими проблемами достоверного описания и каталогизации археологических материалов. Первый результат был им получен во время работы во Французском археологическом институте в Бейруте. Это была составленная вместе с Ж. Кристофом и Ж. Деэем картотека бронзовых орудий, построенная на совершенно новом для археологии принципе — на перфорированных карточках, обеспечивших механизированный поиск нужных данных. Суть этой работы была, конечно, не столько в самой картотеке, сколько в теории построения подобной информационно-поисковой системы, от которой оставался только один шаг до теории применения информационно-вычислительной техники.

Идея Гардена встретила положительный отзыв в руководстве CNRS (Национальный центр научных исследований — аналог Российской Академии наук), и ему была предоставлена возможность открыть в 1958 г. сначала в Париже, а затем и в Марселе Центр археологического источниковедения. За 12 лет руководства этим творческим коллективом Гарден собрал и подготовил группу высокопрофессиональных энтузиастов, которые за непродолжительное время издали целую серию разработок

систем описания совершенно разных памятников (от вавилонских печатей до средневековой храмовой архитектуры). Общей нитью, проходящей через эти столь казалось бы разнородные публикации, была единая строгая логика описания. «Коды» Гардена практически доказали, что, несмотря на огромное разнообразие археологических материалов (керамика, бронзовые орудия, монеты, орнаменты, сооружения и т. д.), они могут быть описаны на основе общих и достаточно строгих правил. Иными словами — при помощи специально разработанного для этой цели языка. Такие системы описания с высоким уровнем унификации и стандартизации не только улучшают общую информационную ситуацию в науке, но и расширяют возможности исторических обобщений, создавая условия для сопоставления данных, полученных разными исследователями при изучении различных памятников. Впоследствии Министерство культуры Франции использовало эту методику для организации «Генерального каталога художественных сокровищ Франции».

Опыт, накопленный при разработке «кодов», позволил Гардену в 50—60-е гг. вместе с Р. Кросом и Ф. Леви разработать и «запустить» фактически первую для гуманитарных наук автоматизированную информационно-поисковую систему СИНТОЛ, а также международную систему научных союзов ЮНЕСКО, известную до сих пор под названием ЮНИСИСТ. Книга о языке СИНТОЛ была сразу переведена и опубликована по-русски.

Одновременно Гарден продолжал полевые археологические исследования в Афганистане и Пакистане и вскоре организовал новый научный коллектив в Париже (Центр «Археология Центральной Азии» CNRS). Переступив формальный возрастной ценз, он передал административное руководство Центром своему младшему коллеге А.-П. Франкфору. Научные исследования Гарден успешно сочетает с преподаванием в Университете Париж X — Нантер и в Школе высших исследований в социальных науках Института Человека. В его послужном списке числится шесть учреждений, в которых он был «директором-основателем», и членство во многих научных экспертных советах. Его порой трудно застать в Париже, поскольку он как приглашенный профессор читает лекции и ведет семинары то на Тайване, то в Сан-Паулу, в Женеве или в Санкт-Петербурге, в Канаде или в Бразилии.

Результатом его лекций и семинаров была целая серия публикаций, посвященных вопросам теоретической археологии и шире — теории и логике гуманитарных наук. Среди них такие широко известные книги, как «Теоретическая археология» (1979 — французское издание, 1980 — английское, 1983 — русское), «Экспертные системы в гуманитарии» (1987), «Разум и Число» (1989), по-русски точнее было бы сказать «рассуждение и исчисление». Сейчас им готовится к публикации книга, название которой по-русски звучит примерно так: «Архитектура логических построений в исторических науках». В целом он автор более десятка книг и около двух сотен статей и иных публикаций.

Гарден хорошо знает русский язык и внимательно следит за теоретическими и иными публикациями в нашей стране. В середине 60-х гг. он первым откликнулся на наши начальные опыты по применению математических методов в археологии и в 1967 г. пригласил на первый симпозиум в Марсель В. Б. Ковалевскую, И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и автора этих строк. Однако поехать нам по понятным причинам не удалось, хотя все расходы брала на себя французская сторона. Среди учеников Гардена нынешний атташе Французского консульства в Санкт-Петербурге Оливье Гийом, в прошлом один из сотрудников MDAFA и разработчик системы археологической информации — RIDA.

Дорогой Жан-Клод! Не верится, что тебе уже 70. Оставайся всегда молодым, мужественным, жизнерадостным и добрым. Этого от всей души желают тебе все твои российские друзья, коллеги и единомышленники из Москвы и Санкт-Петербурга, Кемерово и Новосибирска, словом — отовсюду, где ты был и оставил о себе самое светлое впечатление.

Я. А. Шер

СИМПОЗИУМ «РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭПОХИ КАМНЯ И РАННЕЙ БРОНЗЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ» (Польша, 1994)

6—8 сентября 1994 г. в польском г. Супрасле (Suprasl) состоялся симпозиум по теме «Результаты новейших исследований эпохи камня и ранней бронзы в Юго-Восточной Прибалтике». Организаторами и спонсорами явились Институт археологии и этнологии Польской Академии наук, окружной музей г. Белостока и Фонд Стефана Батория. Конкретными руководителями программы были заведующая отделом эпохи камня Института археологии и этнологии С. Сульгостовска (Z. Sulgostowska) и заведующая отделом археологии музея Белостока К. Беньковска (K. Bienkowska). Среди участников были представлены ученые из Белоруссии, Латвии, Литвы и России. В программу входило ознакомление с результатами раскопок последних лет и итоговыми работами по важнейшим проблемам исторического направления. Официальными языками симпозиума были признаны польский, русский и английский.

Доклады по ранним периодам каменного века касались главным образом эпохи мезолита, при

© С. В. Ошибкина, 1995 г.

этом особое внимание исследователи уделяли материалам из древнейших пребореальных памятников, сохраняющих традиции позднего палеолита. Например, в докладе В. Кудряшова и О. Липницкой (Минск) была представлена группа стоянок в районе Красносельских кремнедобывающих шахт. Здесь собраны большие мезолитические коллекции, в том числе кремневые наконечники стрел четырех типов, среди которых представлен аренсбургский тип, характерный для позднего палеолита Северной Германии и распространившийся позднее в кремневых индустриях мезолита в Восточной Прибалтике, Белоруссии, Украине и прилегающих территориях. Следует заметить, что последнее положение вызывает возражения многих исследователей, особенно польских.

Еще одна группа из 12 стоянок, расположенных в западном Понеманье, изучена Н. Шаблюк (Минск). Памятники датированы бореалом — началом атлантикума и отнесены к неманской мезолитической культуре, продолжающей здесь постсвидерские традиции.

Несколько докладов касалось уточнения хронологии и периодизации мезолита или опорных памятников этого периода. Т. Остраускасом (Вильнюс) проведена систематизация всех известных сейчас материалов по мезолиту Северной Литвы и прилегающих территорий. В результате намечены три основных хронологических этапа мезолита. Первый включает стоянку Пулли, нижний слой Звейниеки II, Сулягалс и, возможно, нижний слой Крумплева в Белоруссии. Датируются эти памятники до рубежа пребореала — бореала. Ко второму этапу отнесены стоянка Кунда, верхний слой Звейниеки II, отдельные находки с территории Литвы. Третий этап включает стоянки Оса, Звидзе, Нарва (III слой), все без кремневых изделий и только с костяными орудиями. По мнению автора, последние являются основой раннего неолита в виде нарвской культуры в Латвии и, вероятно, Литве. Не совсем ясным остается вопрос о связи последнего этапа мезолита с двумя предыдущими, принадлежащими культуре кунда. Такая концепция поддержана большинством специалистов.

Новые данные по хронологии известного могильника Звейниеки представлены И. Загорской (Рига). При содействии шведских ученых в университете Уппсала по костному материалу из могильника получено 12 радиокарбоновых дат. Из них только одна относится ко второй половине VII тыс. до н. э., т. е. к бореалу и собственно мезолиту. Таким образом, оказалось датировано погребение 305, где захоронен мужчина 25—30 лет, определенный Р. Я. Денисовой как долихокранный европеидный тип. В этом погребении, в настоящее время древнейшем в Восточной Прибалтике, найдено костяное зубчатое острие — форма типичная для бореала. Остальные погребения разделены автором доклада на две группы. Ранняя относится к VI — первой половине V тыс. до н. э. и считается мезолитической. Другая группа погребений датируется концом IV—III тыс. до н. э. и связана с населением типичной гребенчато-ямочной керамики. Между ними существует хронологический разрыв. Вторая пауза в использовании могильного холма Звейниеки выявлена во второй половине III тыс. до н. э. За нею следуют погребения эпохи бронзы, без инвентаря и охры. Последние разбросаны по всему холму, тогда как в мезолите и неолите погребения локализованы на определенных участках. Таким образом, при датировании установлено, что на холме Звейниеки хоронили в разные периоды. Состав инвентаря в погребениях соответствует предложенной хронологии.

В докладе польских ученых Я. Семашко и Я. Бржозовского (Сувалки) рассматривались материалы бореальского времени со стоянки Милуки, расположенной на озерах Северо-Восточной Польши. Здесь открыт жилой объект, собраны орудия из кремня, кости и рога, а также фаунистические остатки. Полагают, что памятник имеет традиции культуры кунда, распространявшейся в озерных районах северной Польши.

Я. Марчиняк (Бродница) исследовал жилой объект и четыре погребения на стоянке Мшаны 14, входящей в многочисленную группу стоянок в бассейне р. Елк. Особенно интересны погребения. В захоронении 1 обнаружены остатки женщины и ребенка. Оба лежали на слое коры и были прикрыты корой. В погребении 3 стенки могильной ямы тоже были выложены корой. Здесь помещался ребенок 5—7 лет, засыпанный красной охрой. Погребение 4 прослеживалось в виде двух скоплений охры, из которых одно углублялось до 1,5 м от поверхности. Предполагается, что до этой глубины были опущены ноги погребенного. Мшаны 14 и погребения датированы бореальным временем или концом пребореала.

Р. Шильдом исследован интересный памятник кундской традиции. Стоянка Тлоково расположена на берегу одного из трех палеоозер в правобережье Вислы и обнаружена случайно, во время земляных работ. При проведении раскопок выявлены четыре горизонта или уровня, датированных аллередом — пребореалом. Как выяснилось, три нижних горизонта содержат стволы деревьев и прочую древесину, обработанную бобрами, и останки рыб в анатомическом порядке. Только в верхнем, четвертом горизонте обнаружены следы деятельности человека — прослойка углей, вбитые в гиттию колья, обработанные доски, пережженные раковины Unio, а также мотыга из рога благородного оленя и деревянное орудие. Этот слой по углю датирован бореальным временем, и, очевидно, отсюда происходит костяной наконечник с двумя пазами и остатками кремневых лезвий, найденный случайно. Как показали анализы, в том числе рентген орудия, пластины имеют ретушь на краях, углубленных в пазы. Клеящее вещество в пазах состоит из смолы, полученной при сухой перегонке березовой коры, и содержит древесный уголь. Состав клеящих веществ такого типа известен на датских и шведских стоянках позднего мезолита. Пока исследования затронули только окраину стоянки Тлоково. Сейчас этот памятник считают одним из самых западных среди стоянок кундской традиции.

В озерном крае Северной Польши, в Мазурском Приозерье, С. Сульгостовской исследована стоянка Лайты, относящаяся к культуре коморница или маглемозе в широком смысле. Памятник имеет мезолитический слой, перекрытый отложениями железного века. Мезолитический слой по ^{14}C датирован пребореалом. Он содержит кремневые изделия, среди которых много микрорезцов, а также много костей животных — благородного оленя, косули и кабана, есть отдельные кости птиц, рыб и

бобра. Среди костей много горелых, что предполагает их использование в качестве топлива. В составе орудий и фаунистических остатков Лайты отмечены особенности, которые позволяют говорить об отличиях от кундской традиции. С Сульгостовска предполагает, что на этой территории можно проследить контакты населения двух мезолитических традиций — кунды и маглемозе.

Наиболее восточные памятники кундской традиции известны сейчас на территории нашей страны, в Восточном Прионежье. С. В. Ошибкиной прочитан доклад о костяных и роговых орудиях из стоянки Веретье I, изложена их типология, общая характеристика серии, датированной по ^{14}C, пыльцевым колонкам и археологическим данным первой половиной VII тыс. до н. э. В сообщении и ответах на вопросы подчеркивалась мысль о близости памятников культуры веретье кругу культур бореального времени в Балтийском регионе, известных как памятники или культуры кундской традиции. Представляется, что в бореале Восточное Прионежье было северо-восточной окраиной равнинной территории у южных побережий Анцилового озера, где передвигались группы охотников-собирателей кундской традиции.

На северо-западе Польши Т. Галинским (Шецин) проводятся исследования на моренном холме, где сосредоточены стоянки разного времени. Вокруг холма и на нем сделаны геологические шурфы. В дриасовых отложениях у основания холма найдены обработанные кремни и наконечники стрел, которые по технологии раскалывания и кремнеобработки отнесены к позднему палеолиту, рассматриваются как тарденуаз. В последовательной стратиграфии выше расположен слой с материалами эпохи мезолита, которые имеют сходство с культурами маглемозе и дуфензее. На самой вершине холма обнаружена ограниченная площадка, где в слое представлены материалы протонеолита или постмаглемозе. Работы Т. Галинского отличаются четкостью исследовательской программы и позволяют установить последовательность культур на ограниченной территории в связи с изменением природных условий.

В неолите северные равнины Польши и Восточная Прибалтика были заняты населением двух основных культур — неманской и нарвской. Новые исследования отмечают также проникновение памятников типа Цедмар, сосредоточенных на территории современной Калининградской области, откуда это население проникало в северо-восточные районы Польши. В приморских районах Польши, между Вислой и Одером, открыты стоянки культуры эртебёлль, а с юга продвигалось население среднеевропейской культуры линейно-ленточной керамики. Соотношение этих групп населения и их контакты явились предметом обсуждения в ряде докладов.

В. И. Тимофеевым (Санкт-Петербург) представлены результаты работы по специальной программе, направленной на уточнение хронологии культуры Цедмар. На стоянке Цедмар А установлены три горизонта, хронологическая разница между ними невелика, что позволяет считать их остатками сезонных стоянок. В Цедмаре Д культурный слой расположен на склоне и на песке, перекрыт торфом и сапропелем. Зафиксированы остатки столбов из дуба и березы, глубоко вбитые в материк. Основной культурный слой по ^{14}C датирован началом V тыс. до н. э. Перекрывающий слой моложе на 500 лет, но древнее 4200 г. до н. э. Эту хронологию подтвердили акселерированные даты по керамике. По мнению автора, на определенном отрезке времени культура Цедмар близка культуре воронковидных кубков.

О памятниках типа Цедмар в Польше был прочитан доклад В. Гуминского по результатам раскопок на поселении Дудка, входящем в группу аналогичных стоянок в Мазурском Приозерье. Дудка изучена на большой территории, имеет мезолитический слой и в нем погребение с оригинальным янтарным изделием неясного назначения. О мезолитическом слое Дудки сделал сообщение Я. Федорчук. Основной слой этого поселения принадлежит стоянке культуры Цедмар и датирован от середины IV тыс. до н. э. до 2400 г. до н. э.

На правобережье Вислы, в ее изгибе, сосредоточен ряд неолитических поселений. Исследования здесь проводятся С. Кукавкой (Торунь), который предполагает влияние нарвской культуры, а также существование каких-то контактов населения с трипольской культурой и другими культурами лесостепной полосы Восточной Европы.

В среднем и позднем неолите особенно яркие памятники известны в Литве. В приморской части Р. Римантене (Вильнюс) продолжены раскопки в Швянтойи. На поселении 2, расположенном на берегу лагуны и в 10 м от современного берега, прослежены два культурных слоя, размытых морскими трансгрессиями. Нижний слой (В) оставлен населением нарвской культуры. Он залегает на глубине 1,6—1,8 м, содержит характерную керамику, орудия, рыболовные снасти, в том числе острогу для ловли угрей. Верхний слой (А) принадлежит стоянке со шнуровой керамикой.

А. Гиринскасом (Вильнюс) представлены материалы поздней нарвской культуры из поселения Крятуонас С в Северо-Восточной Литве. Здесь получена замечательная коллекция — орудия из камня и кости, керамика, янтарные украшения, костяные маски (8 экз.). Особенно интересны ритуальные ямы или погребения, заполненные пеплом и остатками костей, в некоторых обнаружены части черепа, в двух случаях в заполнении найдены маски. На поселении найдены также орудия рыболовства и верша длиной около 5 м.

Развернутая характеристика и периодизация неманской культуры содержалась в докладе М. Чернявского (Минск). О распространении этой культуры в Северо-Восточной Польше можно судить по находкам в Кленовице, где исследования проводит В. Горска-Грабарчук (Лодзь). Считают, что в среднем неолите на поселениях неманской культуры прослеживаются прежние контакты с населением культуры линейно-ленточной керамики, начало которых фиксировано по группе стоянок у оз. Любятово. Здесь, по данным Я. Илкевич (Кошалин), население линейно-ленточной керамики появилось уже в середине V тыс. до н. э. и существовало до 3600 г. до н. э. В докладе Я. Илкевич были также рассмотрены материалы торфяниковой стоянки Дабки, располо-

женной в приморской части Западной Польши и датированной по ^{14}C концом V тыс. до н. э. Полагают, что в основе подобных стоянок должен быть мезолит типа Розенхоф в Северной Германии.

Подводя итоги конференции в Супрасле, важно отметить важное значение информации по новейшим материалам из раскопок и публикациям, которые регулярно выходят в странах Балтии. Может быть, важнее всего продолжение или возобновление контактов между учеными разных стран, что способствует лучшему изучению археологических древностей и истории народов, с глубокой древности существующих на близких территориях и в постоянных исторических связях.

Институт археологии РАН,
Москва

С. В. Ошибкина

Э. Н. КАУРОВ, Т. М. ПОТЕМКИНА

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ АРХЕОАСТРОНОМИИ В РОССИИ

(по материалам «круглого стола» «Археоастрономия и археология: проблемы взаимодействия», Москва, 1994)

18—19 мая 1994 г. в Институте археологии РАН состоялось заседание «круглого стола» по вопросам археоастрономии, на которое были приглашены также исследователи, занимающиеся изучением проблем древней астрономии — участники постоянного семинара по истории древней астрономии Института истории естествознания и техники (ИИЕТ) РАН А. А. Гурштейн, С. В. Житомирский, Э. Н. Кауров и др.

Целью проведения «круглого стола» было установление и изучение общих проблем и подходов ученых и исследователей различных направлений науки, занимающихся археологией и историей астрономии.

Предмет — «археоастрономия» — новейшее направление науки на стыке археологии и истории астрономии. Обе ветви науки принадлежат к гуманитарным, а в «гуманитарной науке,— как писал В. М. Розин,— недопустима монополия одной даже очень обоснованной и очень утвердившейся, авторитетной теоретической платформы» (Розин В. М., 1989, с. 216).

Термин «археоастрономия» введен английским астрономом Дж. Хокинсом. Ему принадлежит честь обнаружения мегалитических обсерваторий. Но идея о том, что древние сооружения могут быть ориентированы по небесным светилам, имеет столетнюю давность — ее выдвинул в 1885 г. немецкий ученый Хенрик Ниссен. Особенно активно развивал ее после 1890 г. соотечественник Дж. Хокинса Норман Локьер (1836—1920 гг.). Однако только Хокинсу удалось поставить трудную и кропотливую аналитическую работу по исследованию мегалитических сооружений Стоунхенджа на математическую основу. Он показал, что 4 тысячи лет назад гигантские каменные мерные глыбы использовались как визиры для фиксации восходов и заходов Солнца, Луны в определенные моменты по определенным направлениям. Лунки Обри — 56 ям Стоунхенджа, заполненных дробленым мелом, могли использоваться для предсказаний солнечных и лунных затмений (Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984).

Работа Дж. Хокинса открыла новые возможности интерпретации назначения древних сооружений. Многие загадочные памятники стали изучаться на предмет возможного их использования в древности в астрономических целях.

В последние два десятилетия в западноевропейской археологии усилилось внимание к исследованиям памятников с круговыми, укрепленными рвами, площадками с входами с главных сторон света. Десятки таких кругов были открыты путем аэрофотосъемок, но тщательным исследованиям были подвергнуты немногим более десяти. Наиболее известны полностью раскопанные и опубликованные памятники — Стоунхендж (Англия) (Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984), Тешетицы (Чехия) Podborsky V., 1988), Фрибритц (Австрия). Считается, что памятники этого типа возникли в Среднем Подунавье в IV тыс. до н. э. и распространились по всей Европе, приобретая свою специфику в зависимости от территории и времени. Но большинство из них созданы в период с середины III тыс. до середины II тыс. до н. э. В Центральной Европе они известны как «ронделы», на Британских островах — как «хенджи».

На всей обширной территории бытования круглых сооружений их объединяет ряд общих черт: сравнительно малая площадь, ограниченная рвами (внутренний диаметр 20—150 м, очень редко больше); отсутствие внутренней застройки; сходство в ориентации входов, чаще всего двух; наличие опорных ям для столбов, ориентированных на точки восходов и заходов светил в определенное время года; присутствие костей животных, керамики, орудий труда, предметов культового характера, человеческих скелетов во рвах; несомненное планомерное строительство этих объектов, предварительно размеченное на местности. Следовательно, все они базировались на единой идейной и архитектурной

© Э. Н. Кауров, Т. М. Потемкина, 1995 г.

основе (круговая планировка является отражением солнечных символов, подобно солнечному диску в момент восхода) и выполняли в системе идеологических представлений первобытного общества сходные задачи. Исследователи склоняются к социальному и культовому значению данных объектов с астрономическими функциями типа простой обсерватории: это своего рода церемониальные центры, выполнявшие функции природного годового календаря (Podborsky V., 1988).

Более монументальные сооружения типа Стоунхенджа являлись одновременно обсерваторией, храмом и местом ритуальных церемоний (Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984).

На территории России в Уральском регионе также открыты и подвергнуты раскопкам аналогичные объекты эпохи энеолита: Савин — раскопки Т. М. Потемкиной и М. П. Вохменцева (Потемкина Т. М., Гусаков М. Г., 1987, с. 153—157; Потемкина Т. М., Ковалева В. Т., 1991, с. 251—254; Потемкина Т. М., 1994, с. 85—90); Велижаны II — раскопки Л. А. Дрябиной; ранней и средней бронзы — Ташково II (Ковалева В. Т., 1988, с. 29—47; Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., 1991, с. 24—41), Аркаим (Зданович Г. Б., 1992, с. 256—271). Последние два несколько отличаются по конструкции, но несомненно близки по задачам и назначению. В Южной Сибири в 1984 г. изучался энеолитический кромлех, получивший палеоастрономическое объяснение (Кызласов Л. Р., 1987, с. 143—145; Кызласов И. Л., 1989, с. 208—210).

Хотя идея об ориентации древних сооружений относительно небесных светил, кажется, находит свое подтверждение, но каждая конкретная гипотеза, связанная с тем или иным памятником, требует огромной работы по ее проверке. Так, работа Дж. Хокинса по проверке астрономических аспектов загадок Стоунхенджа началась в 1960 г., но только в октябре 1963 г. были подведены итоги первому этапу его аналитической работы.

Таким образом, сам факт установления использования памятников в древней календарной системе не является простой задачей. Счет времени сейчас и в древности сильно отличался. Если ныне повсеместно в ходу ньютоновская модель равномерного прямолинейного времени (фактически это математическое время), то в древности календари были не столь просты арифметически и, с нашей точки зрения, являются сложными. Во всех древнейших цивилизациях — Месопотамии, Египте, Греции, Мезоамерике, Индии, Китае — древние календари были лунными или лунно-солнечными.

Наши древние предки строили календарные циклы таким образом, чтобы число лет с достаточной точностью было бы кратным целому числу лунных месяцев. В V в. до н. э. такой период был найден греком Метоном — 19 лет. Древние имели иные, чем мы, критерии совершенства календаря. Ввиду сложности создания единой системы применялись одновременно несколько календарей, действовавших параллельно. В Древнем Китае, например, помимо «обычного» лунно-солнечного календаря и сезонного сельскохозяйственного календаря использовался и бытовой 60-летний циклический календарь, включавший 5 циклов по 12 «лунных» лет с количеством дней в году 354—355 или 383—384.

Восстановление правильного понимания назначения памятников древности становится, таким образом, задачей соотнесения и установления соответствия культур различных цивилизаций. Основной способ представления исследуемых памятников и проверки гипотезы об их назначении и в истории астрономии, и в археологии один и тот же — научная реконструкция.

По-видимому, под влиянием работы Дж. Хокинса произошло осознание того факта, что как история астрономии, так и археология должны выйти за пределы «внутрипредметного» метода реконструкции в своей отрасли. Этим и определяется их взаимный интерес.

Действительно, в рамках предметно-гуманитарного подхода необходим предметно-культурологический взгляд на результаты исследований. История предстает здесь как цепочка сменяющих друг друга форм культуры. При таком подходе и история астрономии, и археология нуждаются во взаимодействии, так как древняя астрономия (астрология) играла заметную роль в жизни общества и его материально-предметной деятельности, которая, в свою очередь, отражала предфилософские и философские воззрения древних на окружающий их мир. Именно в русле такого понимания древнего мира и строилась работа конференции.

На двухдневном заседании круглого стола было заслушано семь докладов. Совещание открыл заместитель директора ИА РАН В. И. Гуляев. В своем вступительном слове он отметил новизну и значимость рассматриваемой проблематики, исключительную полезность встреч представителей разных научных дисциплин в расширении и углублении исследований по традиционным направлениям.

Два доклада (А. А. Гурштейна, Г. Г. Ершовой) были посвящены проблемам древней астрономии: остальные (Т. М. Потемкиной, Ю. Л. Шилова, Л. А. Дрябиной, И. Л. Кызласова, И. П. Русановой) — конкретным археологическим памятникам, их астрономической и культовой интерпретации.

Ниже приводятся основные положения докладов совещания, характеризующие новизну и специфику исследуемой проблематики.

В докладе А. А. Гурштейна (ИИЕТ РАН) «Происхождение зодиакальных созвездий и трехчастной картины мира» было отмечено:

Центром зодиакального пояса является эклиптика. Этимология этого слова связана со значением «круг затмений» — ecliplse, или путь годичного движения Солнца.

Греческое «зодиак» означает «круг животных». Между тем 5 из 12 созвездий зодиака не связаны с символикой животных. Как же понимать такой смысл «зодиака»?

Для реконструкции происхождения зодиакальных созвездий были введены 10 постулатов, ограничивающих возможную область рассмотрения проблемы. Среди них такие, например, как: названия созвездий — символы, а не картинки узоров звезд; астронимы как символы стабильны и имеют тенденцию к исторической сохранности и др.

Особенно важно то, что систематические наблюдения неба с неизбежностью приводят к выделению

четырех особых точек на эклиптике: точек весеннего и осеннего равноденствия и летнего и зимнего солнцестояния.

Опуская систему доказательств, связанную с анализом культур различных эпох, а также учитывая специфическое восприятие древними явления прецессии (движение точки весеннего равноденствия по эклиптике), можно констатировать, что созвездия зодиака разбиваются на три четверки, имеющие свой характерный тип символов. 1. Архаический, с корнями из палеолита («круг людей») — ему соответствует «квартет Близнецов»; Близнецы (весна), Дева (лето), Стрелец (осень), Рыбы (зима). 2. Боги-кумиры, после неолитической революции («круг животных») — «квартет Тельца»: Телец, Лев, Скорпион, Водолей. 3. Художественно-притчевый — «квартет Овна»: Овен, Рак, Весы, Козерог.

«Квартет Близнецов» датируется эпохой до 4000 г. до н. э.: «квартет Тельца» — примерно с 4000 г. до н. э. до 2000 г. до н. э.; «квартет Овна» — от 2000 г. до н. э. до начала нашей эры.

Обращает на себя внимание следующее специфическое обстоятельство: невзирая на смену четверок, зимние созвездия оказываются маркированными символами «нижнего» водного мира. Детальный анализ связанных с этим обстоятельств позволяет выдвинуть гипотезу о древнейшем происхождении трехчастного деления небесной сферы на три мира (в соответствии с представлениями древних о трехчастной вертикальной дифференциации мира); над головой — мир «воздуха», у горизонта и ниже — мир «воды», между ними — мир «земной».

В результате общего рассмотрения всех имеющихся датировок возникновения созвездий можно предположить следующую схему возникновения названий созвездий:

30 000—25 000 л. н. — установление лунного месяца и начало астрономических наблюдений;

14 000 л. н. — начало разделения неба на созвездия в соответствии с трехчастной дифференциацией вертикального устройства мира;

5600 лет до н. э.
2700 лет до н. э.
1200 лет. до н. э. } — временные границы формирования трех четверок созвездий зодиака.

Отсюда становится понятно, почему все созвездия, связанные с зимним солнцестоянием (положением Солнца в «нижнем мире»), маркируются символами, принадлежащими к нижнему, «водному» слою; трехчастная дифференциация мирового устройства имеет более древнее происхождение, чем возникновение созвездий зодиака.

Доклад Г. Г. Ершовой (ИА РАН) «Восприятие Млечного Пути в Мезоамерике» базируется на материалах мифологии. Автор выдвигает следующие положения.

Начальная, не имеющая вразумительного объяснения дата, фиксирующая астрономические наблюдения у майя, приходится на 3113 г. до н. э., что соответствует «общемировой норме», поскольку системное осмысление астрономических наблюдений, а также формирование календарей древних цивилизаций приходится на VI—III тыс. до н. э. (первые записи наблюдений у египтян, вавилонян, китайцев).

Эта «норма» определена, видимо, тем, что в течение этого периода, а точнее примерно с VI до III тыс. до н. э., точка эклиптики в день весеннего равноденствия оказывается в видимых пределах полосы Млечного Пути. Возможно, что майя определили 3113 год как временную границу смещения по эклиптике точки весеннего равнодействия за пределы Млечного Пути.

В тех широтах, в которых находятся древние цивилизации, Млечный Путь проходит практически через зенит, деля небо пополам.

Понятие дуальности мироздания представало во всех своих ипостасях: на смену ночной тьме приходил свет дня; на смену зимнему сезону приходил летний: определялись правая и левая симметричные половины небесного купола; осознавалось деление на верх и низ, и вместе с тем возникал образ соединения земли с небом (что породило идею мирового дерева); а направления Млечного Пути в равноденствие и солнцестояние создали образ перекрещивающихся координат сторон света, вычерчивалась концепция противопоставления потустороннего мира миру реальному, жизни и смерти.

Оставалось только установить связи между половинами дуальных пар. Видимо, именно осознание ключевого значения этой картины мира, просуществовавшей с VI по III тыс. до н. э., и привело во всех частях Земли к систематизации и фиксации астрономических наблюдений и созданию первых календарей.

Создается впечатление, что фактор Млечного Пути послужил для древних мезоамериканцев отправной точкой для описания картины мира доступными для того уровня средствами. Использование земных реалий для описания космических явлений, видимо, и приводило к мифологизации земных образов и созданию космогеоморфного пантеона. Передняя часть Млечного Пути — это раскрытая пасть, созданная рисунком провалов галактических облаков. У мезоамериканцев, как и у многих других народов, эти провалы символизировали мифический вход во Вселенную. В астрономическом тексте на керамическом сосуде Млечный Путь поименован «Небесной Веревкой».

Итак, если обобщить мезоамериканские представления о Млечном Пути, то мы получаем образ Великого Звездного Прародителя людей и Творца всего сущего, одновременно мужского и женского пола, носителя дуальности (единого в двух лицах), хранителя мудрости и знаний. Дуальное единство образа Млечного Пути отождествлялось с единством племени, состоявшего из двух (первоначально) фратрий.

Обобщение космогонических, этногонических, метемпсихических концепций и исторических фактов привело к созданию идеологической базы для мезоамериканской цивилизации. Была разработана система трехуровневого изобразительного пространства для синхронного воплощения следующих

компонентов: пространственных ориентиров с указанием северной прародины; изображения пещеры как места обитания прародителей и связи с ними живущих; выхода из пещеры как акта реинкарнации.

Накануне перехода точки весеннего равноденствия в созвездие Рыб произошла великая реформа, определившая как календарные изменения, так и переход к единой концепции воплощения мифологической прародины для обоснования постоянной связи с прапредками. Пещеры становятся главнейшим культовым местом. Создаются искусственные имитации пещер в толще пирамиды с захоронениями. Весь изобразительный материал ориентируется на воплощение этой идеи, возникает Формула Возрождения, комментирующая процесс реинкарнации.

Таким образом, мезоамериканская цивилизация характеризуется прежде всего целенаправленным земным воплощением пещерно-космогонической прародины, пытаясь увязать между собой космические, исторические и метемпсихические циклы. А отправным пунктом для этих циклических построений является Млечный Путь.

Т. М. Потемкина (ИА РАН) в докладе «К вопросу о функциях святилищ с круговой архитектурой эпохи энеолита» остановилась на культовой и астрономической интерпретации одного из наиболее ранних памятников этого типа, исследованных в Урало-Сибирском регионе России.

Святилище Савин в Курганской обл. (55°4′ с. ш., дата — середина — вторая половина III тыс. до н. э.) состоит из двух образованных рвами соединенных кругов, предположительно неодновременных, диаметром 14—16 м, в плане напоминающих восьмеркообразную фигуру; с входными коридорами, ориентированными на восток и запад. По дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны, а также в центре площадок расположены ямы, в основном столбовые, и кострища.

Привлечение некоторых данных астрономии позволяет установить, что столбы (более 100) являлись маркировочными метами, фиксирующими (по тени) все важнейшие точки сезонных восходов и заходов Солнца и Луны, а также положение Луны после захода Солнца от молодого месяца до фазы полнолуния, тем самым определяя смену сезонов в течение года и время в течение месяца и суток. Это был способ измерения времени, основанный на изменениях фаз Луны (лунный календарь).

Место для святилища было выбрано как место для ведения календаря и одновременно охотничьих угодий — на возвышении в широкой пойме Тобола, откуда хорошо обозревается окружающая местность.

О сакральных функциях памятника свидетельствуют скопления костей животных, керамики, каменных орудий, пятна прокала и охры, углистые и зольные прослойки в заполнении многих ям в канавах и центре кругов; наличие предметов культового назначения; безинвентарные человеческие захоронения в центре одного круга и во рву другого.

Многочисленные кости животных (около 4 тыс.), принадлежащие лошади (160 особей), косуле (72), лосю (25), кабану (9), медведю (1) и волку (1), свидетельствуют о ведущей роли охотничьих обрядов. Охота на животных каждого вида была связана с определенными временем года и находилась в прямой зависимости от их биологических ритмов, хорошо знакомых охотникам. Тщательный анализ остеологического материала с учетом не только количественного и видового соотношения, но состава элементов скелета, их состояния и корреляции результатов с планиграфическим распределением по отношению к азимутам Солнца и Луны позволяет сделать интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что в разное время года и суток в качестве жертвоприношений божествам (Солнцу, Луне и др.), символами которых выступали столбы-идолы (по аналогии с Горбуново), приносились в жертву различные части туш животных в зависимости от цели. Это свидетельствует о разнообразии совершаемых обрядов и их специфике в каждом отдельном случае.

Но основная часть церемоний была связана с охотой на лошадь, занимающей ведущее место в охотничьей практике коллектива. Ряд данных свидетельствует о начале приручения лошади. Размеры святилища указывают на его родовую принадлежность.

Тезисы доклада Ю. А. Шилова (Институт археологии АН Украины) «Катастрофы XVIII—XVII вв. до н. э. и возникновение культа Диониса», насыщенного информацией о многих памятниках, их сакральном и астрономическом содержании, этнической принадлежности, здесь не приводятся, поскольку материалы доклада в основном опубликованы (Шилов Ю. А., 1992, с. 272—302).

Результаты раскопок второго в Западной Сибири круглого святилища, аналогичного Савину в Курганской области, его культовая реконструкция были изложены в докладе Л. А. Дрябиной (Тюменский университет) «Энеолитическое святилище Велижаны II под Тюменью».

Памятник находится в 40 км к северу от Тюмени (57°4′ с. ш.), на высоком мысе, образованном изгибом р. Иски и ручьем Шайтанкой. Высота мыса 10 м, площадь около 600 м^2.

Практически полностью исследованное в 1989—1993 гг. сооружение (площадь раскопа 527 м^2) представляет собой два вписанных друг в друга концентрических круга общим диаметром 19,2 м. Центральную часть комплекса составляет углубленная, сильно утоптанная площадка диаметром 5,2 м. Ее окружает ровик незначительной глубины (до 0,2—0,3 м) шириной 1,0—1,6 м.

В центре площадки находился столб. К западу от него располагались два кострища. На расстоянии около 2 м от столба на площадке в южной, западной и восточной частях фиксируются восемь ямок с охрой. Далее по кругу, в радиусе 2,8 м от центрального столба, было поставлено 13 столбов-мет. Вокруг ямок с охрой и столбов стояло множество сосудов (большинство — вверх дном). В некоторых из них остался нагар, иные содержали охру.

Центральную площадку окружал ров, внутренняя граница которого находилась в 6 м от центрального столба. Ширина этого рва 0,8—1,6 м, глубина 0,4—0,6 м. Ров прерывался в северо-восточной, западной и южной частях. На дне рва фиксируется 29 ямок от столбов, три кострища и две глубокие ямы расположенные в северо-западном, северо-восточном и восточном направлениях. Вокруг кострищ и в ямах находились сосуды, многие из них с охрой, а также угли и мелкие кальцинированные косточки.

За пределами второго рва располагались еще 19 ямок различной глубины, возле которых стояли сосуды. С целью определения границ святилища в северной части к раскопу были прирезаны три траншеи, ориентированные строго на север, под углом 45° и 345° к центральному столбу. В последних двух были обнаружены ямки с охрой и с кострищем.

При реконструкции памятника использовались некоторые данные астрономии, связанные с ориентацией Солнца и Луны (Gusakov M. G., Kulakov V. I., 1991, s. 155—190). По предварительным данным, большинство столбов связано с фиксацией изменений в положении Луны после захода Солнца, от новолуния до полнолуния. С точками восходов и заходов Солнца могли быть связаны восемь мет (три в центральной части и пять во внешнем рву).

Наличие мощных кострищ, огромного количества сосудов, охры говорит о том, что святилище было местом отправления культов. Трудно пока сказать, какие именно здесь совершались церемонии. В заполнении рва нет костей животных и людей, как это наблюдается на Савине. Возможно, они не сохранились в песчаном слое или на святилище животные не приносились в жертву.

Обряды совершались летом и в весенне-осенний период. Очевидна их связь с пятью пунктами святилища, отмеченными кострищами и ямами, где находилось основное количество сосудов, каменных орудий и охры: в восточной части сооружения, с ориентацией на восход солнца летом (49°2′); в северо-западном секторе святилища в направлении на заход высокой луны летом; в восточной части в направлении на восход высокой луны (75°3′); в западном секторе с ориентацией на заход низкой луны в дни равноденствия. Наиболее почитаемым местом была центральная площадка с двумя кострищами, сосудами с охрой и ямками с охрой.

Святилище Велижаны II существовало в эпоху энеолита. Оно служило местом ритуальных действий для различных культурных групп населения, одновременно принимавших участие в церемониях. В ямах, рвах, у столбов находились сосуды андреевской и липчинской культур в равных соотношениях. Присутствуют здесь также и сосуды шапкульского типа. По-видимому, Велижаны II было межплеменным святилищем, сооруженным в период, когда пришлое население андреевской культуры вступило в тесный контакт с аборигенами. Обряды могли совершаться определенными представителями общин, подобно тому как это зафиксировано у хантов и манси (Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., 1986).

Доклад И. Л. Кызласова (ИА РАН) «Туимский кромлех — образ Вселенной» посвящен истолкованию уникального энеолитического памятника на Среднем Енисее, исследованного в 1984 г. Хакасской экспедицией МГУ (руководитель проф. Л. Р. Кызласов). Туимский кромлех — единственный не только в Хакассии, но и вообще в Сибири. Это кольцо диаметром около 82 м, состоящее из вертикально врытых по кругу через 8—9 м гранитных менгиров высотой от 0,6 до 1,2 м, расположено в долине речки Туим. Посередине кольца — земляная пирамида, высотой до 3 м. В ее основании — квадратная ограда, с длиной сторон 16 × 16 м, из врытых на ребро каменных плиток. Сторонами ограда ориентирована на ССЗ, ЗЮЗ, ЮЮВ, ВСВ. По углам ограды и пирамиды стоят гранитные менгиры высотой до 0,6 м.

На восток-северо-восток от пирамиды отходили как бы ворота из шести менгиров (по три с каждой стороны). После снятия земляной насыпи в основании ограды обнаружены перекрещивающиеся по диагоналям «дорожки» из уложенных плашмя плит. Возле их перекрестка — погребение женщины в каменном ящике. На плитах его стенок обнаружены рисунки быков и хищников.

Геометрические фигуры раннего энеолита несли определенную символику. Они могут быть истолкованы как воспроизведение Вселенной (кольцо из менгиров), Земли, ограниченной горными хребтами со священными вершинами по углам (квадратная ограда с менгирами по углам). В центре Земли расположена мировая гора (земляная пирамида). Ниже лежит подземный мир, мир мертвых.

Очевидно, обитателям Южной Сибири эпохи энеолита были свойственны представления о вертикальной оси вселенной, о трех ее великих мирах: небесном (верхнем), земном (среднем) и подземном (нижнем). Своеобразные «ворота» из шести менгиров по расположению точно совпадают с продольной осью центральной могилы (каменный ящик 4) направленной на восток-северо-восток по азимуту 73°23′. Это практически соответствует направлению на восходящее солнце в день летнего солнцестояния.

Таким образом, «ворота» указывали направление на восток душам умерших людей, уже «улетающим» в верхний мир.

Предметы, обнаруженные при раскопках «кромлеха», сделаны из камня, кости, зубов животных и глины. Следов металла нет.

В выступлении И. П. Русановой (ИА РАН) «Культовый центр X—XIII вв. на реке Збруч» исследовались вопросы связи культового центра с обрядовыми языческими праздниками на основе привязки к астрономическим ориентирам. Основные положения выступления состоят в следующем.

Культовый центр на р. Збруч (левый приток Днестра, Украина) расположен на глухой окраине Галицко-Волынского княжества в холмистой и покрытой лесом местности «Медоборы». Центр состоит из трех городищ-святилищ (Богит, Звенигород и Говда) и примыкающих к ним селищ и могильника. Площади больших городищ-святилищ Богит и Звенигород разделены валами на две части: на сакральной части находились круглые капища для идолов, жертвенные сооружения, храм с идолом, длинные дома для хранения имущества святилищ; на второй части городищ располагались длинные общественные дома для собраний и пиров, священные колодцы, жертвенные помещения и жилища жрецов.

Капище на святилище Богит представляло собой круглую площадку (диаметр 9 м), вымощенную камнями. В средней части находится яма для идола, а кругом площадки расположено восемь углублений, заполненных углем и костями домашних животных. В двух углублениях (№ 4 и 8)

совершены погребения жрецов (?), над одним из которых находились кости принесенного в жертву ребенка. Еще в одном углублении (№ 6) также лежали кости ребенка.

У славян и других земледельческих народов Европы традиционные народные праздники, сохранившиеся от языческих времен до XIX и отчасти XX в., были приурочены к основным срокам сельскохозяйственных работ и отчасти совпадали с солнечным циклом.

Капище на Богите было ориентировано приблизительно по линии С — Ю. В северной части нет углубления, а находился вход на капище для жрецов (молящихся внутрь не пускали). На капище стоял Збручский идол; к северу было обращено изображение бога подземного мира Велеса (по Б. А. Рыбакову): на севере, по верованиям славян, находилось царство мертвых; в этом направлении расположен и могильник Богита.

На противоположной, южной грани Збручского идола изображен солнечный Дажьбог, внизу вместо Велеса помещен круглый солнечный знак. В южном углублении перед идолом (№ 4) совершено погребение жреца.

Два углубления (№ 7 и 9) совпадают с направлением на восход и заход солнца 24 июня (день летнего солнцестояния), когда праздновался день Купалы, всю ночь жгли костры и встречали восход солнца. В углублении № 8 помещено второе погребение жреца и совершено детское жертвоприношение.

Углубление № 1 направлено на день захода солнца 21 марта и 21 сентября — дни равноденствия (начало весны, масленица и праздник урожая в сентябре). Углубление № 2 связано с заходом солнца 21 декабря — самый короткий день, когда солнце освобождалось от зимней спячки. Углубление № 6 указывает на восход луны 4 июля, когда был праздник Ярилы — бога плодородия. Вероятно, этому богу был принесен в жертву ребенок, наиболее действенная жертва, обеспечивающая плодородие и олицетворяющая круговорот «жизнь — смерть — жизнь».

В конце совещания с информацией «Культовый памятник эпохи энеолита — ранней бронзы под Екатеринбургом» выступила Н. М. Чаиркина (Институт истории и археологии УО РАН). Комплекс Белоярки I в 30 км от Екатеринбурга до конца не раскопан, но в свете изложенной выше интерпретации исследованных в Уральско-Западносибирском регионе памятников с круговой планировкой (Савин, Велижаны) предполагается его использование в древности с учетом астрономических знаний. Памятник копался не как святилище, но сразу же обратил на себя внимание целым рядом специфических особенностей: наличием своеобразных круглых сооружений, большим количеством охры, своеобразием находок.

Комплекс состоит из небольших округлых и овальных сооружений, оформленных канавками, между которыми находятся ямы с охрой. Внутри сооружений обнаружены глиняные и тальковые «пряслица» с большим диаметром отверстий, которые были намеренно разделены на половины, лежащие отдельно в каждом из сооружений. Исследования памятника будут продолжены, но уже с привлечением данных астрономии.

По докладам велись прения, порой дискуссия шла весьма оживленно.

Высокую оценку получил доклад А. А. Гурштейна. Выступившие по докладу М. Ф. Косарев, И. Л. Кызласов, Ю. А. Шилов и др. отметили большую продуктивность высказанной идеи.

М. Ф. Косарев подчеркнул ее познавательную ценность, логичность и доступность для археологов, но хотел бы предостеречь от отдельных нестыковок с данными археологии. Апелляция к матриархату в подтверждение названия «Большая Медведица» неубедительна, тем более применительно к Сибири, где это созвездие издревле связывается с лосем (вспомним космогонический миф об охоте на небесного лося). Видимо, докладчик не вполне прав, полагая, что представление о нижнем мире сложилось раньше представления о верхнем мире. Скорее всего, эти противолежащие категории древнего миропонимания оформились в общем одновременно, ибо «низ» не может быть осмыслен отдельно от «верха», равно как «тьма» — от «света», «зло» — от «добра», «смерть» — от «жизни» и т. д. При публикации своей в целом интереснейшей концепции А. А. Гурштейну следует более основательно отработать ее археолого-этнографическую часть.

А. А. Гурштейн ответил, что не может разрабатывать историко-этнографическую часть, так как это не его область. Что касается астрономической части, то он за нее отвечает полностью.

И. Л. Кызласов сказал, что гипотеза А. А. Гурштейна находит подтверждение с позиции истории культуры: в последние годы представление о палеолите радикально изменилось благодаря исследованиям А. Д. Столяра, Ю. А. Смирнова, выявивших более высокий мировоззренческий уровень неандертальца (специальные погребения с вещами, достаточно развитое искусство), чем было принято считать. Значит, мировоззренческая схема за последние 80 тыс. лет мало изменилась.

Ю. А. Шилов также считает, что в археологии имеется достаточно источников, которые подтверждают идеи А. А. Гурштейна. Это в первую очередь такие памятники, как Каменная могила под Мелитополем, где есть астросимволические изображения от палеолита до средневековья. Особенно мощный слой эпохи бронзы, где бой быков, их различные позы связаны с созвездиями. Есть там и изображения с шумерским происхождением и другие вещи, требующие внимания астрономов. Второй памятник — Майкопский курган (середина IV — середина III тыс. до н. э.), где астрономическая символика выражена достаточно четко.

При обсуждении доклада Г. Г. Ершовой М. Ф. Косарев отметил, что более всего производит впечатление завязанность мировоззрения народов Латинской Америки на Млечном Пути, которая могла возникнуть не везде: на севере Млечный Путь бледен, не выражен и потому не играл существенной роли в мифологии. Однако, считает выступавший, мы примитивизируем верхний, средний и нижний мир. Все было гораздо сложнее. Каждый из этих миров имеет свою градацию и везде их три. В каждом мире свой жизненный круговорот, и поэтому не следует ограничиваться какой-либо одной схемой, а надо особо разбираться в каждом конкретном случае.

Различные суждения вызвал доклад Т. М. Потемкиной. А. А. Гурштейн подчеркнул, что святилище Савин очень сходно со Стоунхенджем и астрономическое содержание памятника не

вызывает сомнения. Что касается его связи с охотой на лошадь, лося и косулю, то это вопрос археологов. Во всяком случае, проблему можно обсуждать, когда есть система исследования, а в докладе она присутствует.

М. Ф. Косарев, отметив, что Савин — необыкновенно интересный памятник, открывающий новое направление в осмыслении археологического материала, в первую очередь в познании духовной культуры энеолитического населения южнолесной и лесостепной зоны Зауралья, выразил сомнения по ряду высказанных в докладе положений. Это касается охоты во время гона у животных: по этнографическим данным, у многих сибирских народов это запрещалось. Также, по мнению М. Ф. Косарева, нельзя совмещать и завязывать промысловый календарь на астрономических вехах: охотники, как правило, на это не ориентировались, поскольку знали много других примет приближения того или иного природного сезона. Конкретный пример с белкой: если высоко стоит гнездо — к многоснежной зиме; утепляет — зима холодная.

Выступая по докладу Т. М. Потемкиной и отдавая должное высокому уровню и тщательности раскопок святилища Савин, И. Л. Кызласов также отметил, что памятник не имеет однослойного плана, неоднократно использовался и потому важно обратить внимание на его планировку и этапы функционирования. И. Л. Кызласов поддержал точку зрения М. Ф. Косарева о сложности охоты на лошадь и лося во время гона, поскольку в этот период к этим животным трудно подойти. Проще охотиться на лошадей у водопоя. Однако, скорее всего, уже было стойловое содержание тех особей лошади, которых затем приносили в жертву.

Э. Н. Кауров акцентировал внимание на том, что изучение святилищ-обсерваторий может помочь историкам-астрономам разобраться с назначением и содержанием символики созвездий и эпохи их возникновения, в интерпретации календарных систем и их связи с ритуалами и обрядами общественной жизни. Хотя астрономическое содержание памятника не вызывает сомнения, систематика может быть при этом разной, и надо условиться о том, как что называть.

Отвечая на выступления, Т. М. Потемкина не усомнилась в существенности высказанных замечаний. Такие вопросы, как условия охоты на животных, особенно во время гона, безусловно потребуют дополнительной работы с биологическими и этнографическими источниками, корреляции содержащихся в них данных с археологическим материалом. Но что касается связи столбов-идолов, у которых приносили жертвы, с направлениями на основные стороны света, то она может иметь разный характер в различных географических зонах и различные исторические периоды.

Касаясь доклада Л. А. Драбиной, И. Л. Кызласов отметил, что материал, представленный в нем, чрезвычайно интересен, но объем его невелик и потому некоторые выводы, особенно касающиеся отдельных общественно-экономических обобщений, представляются не вполне обоснованными и могут быть оспорены.

В ходе обсуждения докладов развернулась оживленная дискуссия, касающаяся понимания ряда проблем нового направления: названия новой науки на стыке археологии и астрономии, терминологии, используемой в ней; существа «трехчастной модели космоса»; астрономического смысла археологических памятников различных культур и эпох.

М. Ф. Косарев и И. Л. Кызласов возражали против часто употребляемого термина «астроархеология», считая его не совсем удачным, поскольку он претендует на космический уровень исследования. Вся археология пронизана астральной символикой, начиная с погребальных комплексов. Они считают, что данное направление лучше назвать, к примеру, «астральные аспекты древнего мировоззрения» или еще как-нибудь в этом роде.

В связи с этим Э. Н. Кауров обратил внимание на то, что очень важно отличать астрономическую символику от астрологической. Термин «астральный» чаще всего носит мистический, астрологический характер. Различение этих терминов может помочь установлению исторического периода, когда происходило размежевание астрономии и астрологии. Кроме того, точное употребление термина «астральный» и в наши дни имеет ярко выраженное мировоззренческое значение.

Важно учесть также, что термин «астроархеология» должен быть зарезервирован за работами археологов на ближайших планетах и Луне по проверке необычных объектов на них.

М. И. Косарев согласился с тем, что такой подход имеет реальную основу, но подчеркнул, что принятый в археологии порядок использования термина «астральный» является устоявшимся и до окончательной самоорганизации новой науки археоастрономии вряд ли изменится. Что касается астрологии, то она действительно имеет мало отношения к археологии и путать астральную символику с астрологией нельзя.

И. Л. Кызласов полагает, что наиболее удачным термином является «палеоастрономия», а для святилищ — «палеоастрономические объекты», поскольку они отражают представления об образе мира.

В выступлении по данному вопросу Т. М. Потемкина заметила, что, по ее мнению, термин «палеоастрономия» по своему содержанию больше соответствует состоянию астрономических знаний в древности и может изучаться без археологии, например по письменным источникам и с помощью методов астрономической науки. К тому же термин «археоастрономия» уже введен Хокинсом 15 лет назад и получил признание специалистов во всем мире, достаточно широко применяется в специальной научной литературе. Имеет ли смысл вводить что-то новое?

Таким образом, ни одно из предлагаемых названий — «археоастрономия», «астроархеология», «палеоастрономия» — не получило пока абсолютного приоритета, и потому в данной публикации применяется уже существующий в литературе термин «археоастрономия».

Одним из важных общих вопросов дискуссии стал вопрос о трехчастной модели космоса. Л. А. Новикова высказала сомнение в правильности использования созвездий по Арату для обоснования трехчастности, поскольку идея классической греческой философии включает в число основных элементов мира наряду с водой, сушей и воздухом также и огонь как четвертый компонент.

Пояснения А. А. Гурштейна по этому вопросу сводились к тому, что архаика троичной системы имеет шумеро-аккадские корни, где три слоя зафиксированы в клинописях и соотнесены с богами Эа, Энлилем и Ану. Это трехслойное членение созвездий небесной сферы можно четко проследить на карте Арата, если выделить бесспорно архаические созвездия. Критерием выделения может быть площадь неба, занимаемая созвездием. Таким образом, выясняется, что у Арата четко прослеживается это деление на три слоя.

При суточном вращении небесной сферы эти три слоя имеют центральную симметрию относительно полюса мира.

Важное замечание сделал И. Л. Кызласов о том, что самая архаичная модель не трехчастна, а двоична, ибо выделяет верх и низ.

Установление астрономического содержания памятников, их интерпретации были стержнем всех докладов и дискуссий на совещании.

Выступая по докладу Т. М. Потемкиной, М. Ф. Косарев выразил точку зрения, согласно которой столбы (вероятнее всего, столбы-идолы), которые интерпретируются как астрономические вехи, являются просто указателями направления расположения божеств, которым приносили жертвы: при жертвоприношениях надо было поклоняться различным богам и любая ошибка могла дорого стоить. Потому столбы-идолы к наблюдениям за небом никакого отношения не имеют. Следовательно, заключил М. Ф. Косарев, трудно поверить в совмещение промыслового и астрономического календаря, в присутствие на святилище элемента «обсерватории». Исходя из этого должны быть сомнения и несколько версий.

Другую точку зрения высказала Т. М. Потемкина. Она подчеркнула, что нет сомнения в отношении связи столбов-идолов (у которых приносились жертвы) с основными направлениями положения Солнца и Луны в определенные сезоны года (в период весенне-осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния и т. д.). И не только потому, что выявлена подобная закономерность на десятках других святилищ от эпохи неолита до средневековья на широкой территории от Великобритании и Центральной Европы до Урала, а также завязанность этих вех (мет), указывающих на направления светил, на основных хозяйственных занятиях населения, их общественной структуре и мировоззренческих представлениях, но и исходя из основных возможных истоков появления столбов-идолов и просто мет из дерева, камня и в форме других сооружений. Для раннего этапа первобытности в большей степени был присущ и «естественный символизм», основанный на реальной связи объекта и символа. Постоянная опора мышления на зрительные образы имела исключительное значение для восприятия пространства как некой целостности. Ориентируясь в пространстве по солнцу еще не ранней ступени эволюции, человек осознавал зависимость между движением небесного светила и сторонами света, восходом солнца (восток) и его заходом (запад), относительно которых располагались две другие стороны света (север и юг).

Первобытный человек наделял стороны света качественными характеристиками: восток у многих народов стал символом света, рождения нового, активным началом, а запад ассоциировался с тьмой, угасанием, пассивным началом. Естественно, было стремление привязать особо значимую пространственную символику к каким-то определенным, постоянным знакам, каковыми и являлись различного рода меты. В каждом регионе, особенно отличающемся своей природно-географической характеристикой, и в различные эпохи они имели свою специфику и приобретали свои образы и внешнее выражение.

Данное положение убедительно иллюстрируется этнографическими данными для южнолесной зоны, где расположены святилища Савин и Велижаны II. В XVI в. манси во время жертвоприношений вешали на дерево два металлических блюда, изображавших Солнце и Луну. Иногда такие тарелки или блюда почитались в качестве самостоятельных идолов (Чернецов В. Н., 1947, с. 123—126). Следовательно, здесь мы фиксируем адаптацию обрядов жертвоприношений непосредственно наблюдаемому на открытой местности (степь, лесостепь) солнцу или луне к условиям лесной зоны, где такие наблюдения затруднены. В условиях плохой видимости горизонта население этой зоны переходит к заменяющим их символам, в данном случае металлическим блюдам. При этом никакие направления света не учитываются, а реальные природные божества (Солнце, Луна) заменяются их предметно-хозяйственными эквивалентами. Учитывая, что обрядность, о которой идет речь, мало отличается от известной энеолитической, можно считать, что это свидетельствует о преемственности и консервативности мировоззренческих представлений на протяжении, по крайней мере, четырех-пяти тысячелетий.

Работа совещания проходила в деловой доброжелательной обстановке. Подводя итоги, М. Ф. Косарев и Э. Н. Кауров отметили плодотворность обмена мнениями по различным вопросам, находящимся на стыке наук. Появившаяся в археологии новая категория памятников — святилищ-«обсерваторий» несомненно внесет много нового в понимание древностей. Очень интересно, как свидетельствуют материалы конференции, что Стоунхендж — типичное явление, но проявляется в разных формах, и это помогает понять, как человек, живший в древности всецело в природных условиях, понимал мир. Тем не менее разрыв между археологией и астрономией остается, и необходимо понять взаимные интересы.

Участники совещания высказались за целесообразность периодического проведения подобных совещаний в будущем с постановкой вопросов, характеризующих не только объекты исследования, но и методику их изучения, реконструкции, консервации и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., 1986. Религия народов манси. Культовые места. Новосибирск.

Зданович Г. Б., 1992. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт//Фантастика и наука. Междунар. ежегодник. Вып. 25. М.

Ковалева В. Т., 1988. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья//Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., 1991. Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лесном Зауралье//Поздний энеолит и культура ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола.
Кызласов И. Л., 1989. Воплощение вселенной (Археологические памятники как объект палеоастрономии)//Историко-астрономические исследования. М.
Кызласов Л. Р., 1987. Письмо из энеолита//Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. (Суздаль, 1987). М.
Потемкина Т. М., 1994. Святилище-«обсерватория» — новый тип памятника эпохи энеолита в Зауралье//Научный семинар по теме: «Проблемы изучения духовной культуры древних обществ». 12—16 апреля 1994 года. Тез. докл. Екатеринбург.
Потемкина Т. М., Гусаков М. Г., 1987. Религиозные представления эпохи энеолита Зауралья (по материалам раскопок святилища Савин)//Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. М.
Потемкина Т. М., Ковалева В. Т., 1991. О некоторых спорных проблемах эпохи неолита — ранней бронзы и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991)//РА. № 1.
Розин В. М., 1989. К проблеме метода научной реконструкции истории точных наук//Историко-астрономические исследования. М.
Хокинс Дж., Уайт Дж., 1984. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.
Чернецов В. Н., 1947. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье//ТИЭ. Нов. сер. Т. I. М. — Л.
Шилов Ю. А., 1992. Мифы о «космических странниках» и календарная служба Европы VI—V тыс. до н. э.//Историко-астрономические исследования. 1991. М.
Gusakov M. G., Kulakov V. I., 1991. Heiligtümer im südlichen Ostseegebiet aus dem I. It. u Z.//Jahresschr. mitteldeutsche Vorgeschichte, 74. Halle/Saale, Berlin.
Podborsky Vladimir, 1988. Tesetice — kyiovicc. Rondel osady lidu s moravskou malovanou keramikou. Brno.

Международное астрономическое общество,
Москва
Институт археологии РАН, Москва

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ КАРЛОВИЧА ВАГНЕРА
(1908—1995)

Отечественная историческая наука понесла тяжелую утрату: 25 января 1995 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался Георгий Карлович Вагнер, ведущий научный сотрудник — консультант Института археологии РАН, доктор искусствоведения, один из самых проницательных и глубоких исследователей культуры и искусства Древней Руси.

Ушел из жизни крупный ученый и замечательный человек трагической, но вместе с тем и блистательной судьбы. Он жил преодолевая страдания и умер за рабочим столом, с пером в руке, так и не дописав свои последние страницы. Этот высокий и худой, слегка сутулый человек с тихим голосом, во время выступлений словно рассуждавший вслух, чем-то напоминал средневекового подвижника, всецело преданного идее, высокая духовность которого побеждала телесные недуги.

Г. К. Вагнер родился 19 октября 1908 г. в г. Спасске Рязанской губернии. Отец его служил инспектором по косвенным налогам, мать была учительницей музыки. В 1926 г. Георгий Карлович окончил среднюю школу, а в 1930 г. — художественно-педагогический техникум в Рязани. До 1932 г. он работал преподавателем ИЗО и истории искусства в том же техникуме, а с 1933 по 1937 г. — в Рязанском областном краеведческом музее, где заведовал картинной галереей. Одновременно Г. К. Вагнер с 1934 по 1937 г. учился на Высших музейных курсах Наркомпроса.

В 1937 г. Г. К. Вагнер был незаконно репрессирован и на пять лет сослан в лагеря г. Хатыннах Магаданской обл., входившие в систему Дальстроя НКВД. Он прошел все круги ада «архипелага ГУЛАГ». Работы на открытых золотых приисках едва не оказались гибельными для Георгия Карловича. От смерти его спас только талант художника: лагерное начальство поручило ему оформление лагерного клуба. Художником клуба он остался и тогда, когда после окончания срока заключения работал здесь в качестве вольнонаемного поселенца.

В 1947 г. Г. К. Вагнер вернулся в Рязань, где начал работать старшим научным сотрудником Рязанского областного художественного музея, но в 1949 г. был вновь арестован и на этот раз оказался в административной ссылке в Красноярском крае. Здесь трудился в качестве работника стройконторы МВД (г. Красноярск), работал в геологических партиях Красноярского края техником-художником, чертежником и опробователем. В 1955 г. Г. К. Вагнер попал в Ангарскую археологическую экспедицию под руководством А. П. Окладникова, где проявил большой интерес к изучению народного искусства Восточной Сибири, крестьянской архитектуры Ангарского края. Впоследствии А. П. Окладников писал о Георгии Карловиче как о подлинном труженике, не щадившем себя ради успеха дела, особо отмечая такие черты, как собранность, четкость, организованность, повышенное чувство долга. «Я мог здесь убедиться в том, — вспоминал А. П. Окладников, — что он не только имеет хорошую искусствоведческую школу, но и те качества наблюдательного исследователя, которые так много значат в науке».

По возвращении из ссылки в 1955 г. после полной реабилитации Георгий Карлович поступил в Институт истории материальной культуры (с 1960 г. — Институт археологии АН СССР). Он вернулся не сломленным, не озлобленным, он вернулся победителем, ибо был из числа тех немногих

© Б. А. Рыбаков, В. П. Даркевич, 1995 г.

людей, которых при тоталитарном режиме можно физически уничтожить, но не сломать. Этот человек был вообще из породы победителей, обладавших великой нравственной силой, и в преодолении враждебных жизненных обстоятельств, и в научной работе — в преодолении сопротивляющегося материала. А в повседневной жизни он был необычайно скромен, абсолютно чужд всякой позы и самолюбования.

Когда Георгий Карлович вернулся, ему уже было 47 лет. Казалось бы, лучшая часть жизни, когда ученый полон сил и энергии, уже позади. Но он сумел поймать свою «жар-птицу» и за отпущенное ему время — еще 40 лет — успел создать удивительно много, став классиком российской искусствоведческой науки. Поступив в институт на должность старшего лаборанта, Г. К. Вагнер уже в 1968 г. представил к защите кандидатскую диссертацию, но по решению ученого совета Института археологии, ввиду особой значимости и ценности работ, ему была присуждена степень доктора искусствоведения — случай почти беспрецедентный в гуманитарных науках.

Этими работами явились новаторские исследования по владимиро-суздальской фасадной скульптуре — тема, над которой Георгий Карлович работал с необыкновенным упорством и целеустремленностью. Итог этих плодотворных исследований — три монографии: «Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской» (М., 1964); «Мастера древнерусской скульптуры» (М., 1966) и «Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово» (М., 1969). В первых двух воссоздана замечательная фасадная пластика Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234) — сверхзадача для любого историка архитектуры, с которой Г. К. Вагнер справился блестяще. Реконструкция основной части скульптуры храма позволила дать конкретное истолкование ее содержания, а также осветить вопрос о мастерах-резчиках, внесших свой вклад в общеевропейскую архитектурную пластику. Прекрасное знание иконографии и символики композиций, строгая логика, характерная для Георгия Карловича дисциплина системного ума привели к тому, что «ребусность» скульптуры Георгиевского собора оказалась разгаданной. В третьем капитальном труде изучена скульптура Владимира времени Андрея Боголюбского и Всеволода III (Успенский собор, церковь Покрова на Нерли, Дмитриевский собор), раскрыты ее первоначальная система и идейная направленность, семантика и философский смысл каждого сюжета и мотива белокаменной резьбы. Завершает исследование скульптуры Владимиро-Суздальской Руси книга «Белокаменная резьба древнего Суздаля» (М., 1975), посвященная рельефам суздальского собора Рождества Богородицы (1222—1225).

Георгий Карлович был из числа тех постоянно неудовлетворенных собой исследователей, которые пребывают в неустанном творческом поиске, их беспокойная мысль старается проникнуть в общие закономерности развития явлений. От всестороннего анализа конкретных памятников Г. К. Вагнер обращается к теоретическим проблемам истории древнерусского искусства. В результате появляется серия монографий, в которых разрабатываются историко-философские аспекты искусства Древней Руси. В книге «Проблема жанров в древнерусском искусстве» (М., 1974) автор с разных сторон освещает вопрос о зарождении ранних форм жанров в русском искусстве, показывает особенности их развития вплоть до XV в. Для работы характерна широта ассоциаций, глубокое знание памятников средневековой литературы Руси, народных традиций в искусстве и фольклоре.

В монографии «От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV веков» (М., 1980) Г. К. Вагнер предпринимает первую попытку собрать воедино, систематизировать и стилистически интерпретировать разрозненные памятники русской пластики XIV — начала XVI в. По его мнению, после периода расцвета владимиро-суздальской белокаменной скульптуры произошел не упадок творчества: на смену большим космологическим циклам приходила идея статуарности, без чего был бы невозможен переход к скульптуре нового трехмерного типа. По мысли Г. К. Вагнера, формирование стиля «статического монументализма» отражало рост интереса к человеку, его этической высоте. Этот стиль был родствен стилю традиционного народного искусства.

Работы Георгия Карловича были удостоены золотой медали Академии художеств СССР, а в 1983 г. ему присудили Государственную премию.

В следующей книге «Канон и стиль в древнерусском искусстве» (М., 1987) исследователь подробно и во многом оригинально рассматривает сложную проблему стилей в искусстве Руси. В его интерпретации стили развиваются в рамках иконографического канона на фоне общего историко-культурного и социального процесса XI—XVII вв. В отличие от прежних работ Г. К. Вагнера в его монографии «Искусство мыслить в камне: опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры» (М., 1990) развитие архитектуры рассматривается с точки зрения ее служебной функции, главное внимание уделено вероисповедной стороне архитектурного творчества, проведена жанровая дифференциация зодчества Древней Руси с конца X по XVII в.

Следует отметить, что теоретические построения Г. К. Вагнера вызвали далеко не однозначное отношение среди специалистов. Действительно, по многим кардинальным проблемам в понимании глубинных основ древнерусского искусства, самой его сущности с ним можно спорить. Однако это обстоятельство нисколько не снижает значения его работ, ибо они будят мысль, побуждают к дальнейшим изысканиям, тем более что в советское время теория средневекового искусства, ввиду негативного отношения государства к церкви, почти не разрабатывалась.

В последних трудах Георгия Карловича «Тысячелетние корни» (М., 1991) и «В поисках Истины: религиозно-философские искания русских художников середины XIX — начала XX в.» (М., 1993) отразились его глубокие раздумья о духовности русской культуры, корни которой уходят в глубь веков. Он понимал нравственные, эстетические и философские нормы прежде всего как пронизанность сознания и чувствований человека высшим надмирным началом, частицей деятельного, «животворящего» божественно Духа. В этом плане Г. К. Вагнер выступает как религиозный мыслитель.

Не боясь впасть в сусальность, можно назвать его праведником, характер которого определяла прежде всего доброта, отзывчивость к людям. Забывая о себе, он готов был к помощи и словом и

делом. Участвуя в работе пяти ученых советов (Института археологии РАН, Академии художеств, МГУ, Музеев Московского Кремля, Музея им. Андрея Рублева), он вел огромную работу по рецензированию и редактированию статей, сборников, монографий, кандидатских и докторских диссертаций. Как правило, в полной мере сохраняя принципиальность в науке, Георгий Карлович был крайне доброжелательным рецензентом. Поэтому отзывы его обычно бывали положительными, причем с непременным пожеланием скорейшей публикации. Он дал «путевку в жизнь» многим ныне успешно работающим ученым.

Имя Г. К. Вагнера, автора свыше 200 печатных работ, широко известно как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Его последняя книга «Великая Русь: история и художественная культура X—XVII вв.» издана в Милане в 1994 г. на французском, немецком, итальянском, английском языках (отдельные разделы этого капитального труда написаны Д. С. Лихачевым, Г. И. Вздорновым, Р. Г. Скрынниковым). Книги Георгия Карловича вызывали неизменный интерес не только специалистов, но и широких кругов всех ценителей древнерусского искусства.

Георгий Карлович трогательно любил свою «малую родину» — Рязанский край, постоянно приезжая вместе с женой, Александрой Николаевной Терновской, то в Рязань, где выступал с лекциями, то в тихий зеленый Спасск, где, останавливаясь в старой гостинице, продолжал неустанно работать над своими рукописями. Он живо интересовался раскопками на Старорязанском городище и не раз переправлялся от спасской пристани через полноводную Оку. Впечатления от путешествий по Рязанской земле воплотились в книгах «Рязанские достопамятности» (М., 1974) и «По Оке от Коломны до Мурома» (М., 1980), написанных совместно с архитектором С. В. Чугуновым. Привязанность Георгия Карловича к родным местам, тонкое чувство природы отразились в самом стиле, местами проникновенно лирическом. В Рязани хорошо знали и любили своего знаменитого земляка, он стал почетным ее гражданином.

Для всех, кто знал Георгия Карловича, он навсегда останется примером самоотверженного бескорыстного служения науке, скромности и человечности. Светлая память об этом благородном, обаятельном и отзывчивом человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

Институт археологии РАН,
Москва

Б. А. Рыбаков, В. П. Даркевич

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Г. К. ВАГНЕРА

1. Предисловие//Посмертная выставка работ художницы Л. Ф. Милеевой. (1894—1930). Каталог. Рязань, 1936.
2. Предисловие//Выставка работ рязанских художников. Каталог. Рязань, 1947.
3. Предисловие//Выставка А. В. Вырова. Каталог. Рязань, 1948.
4. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье//СЭ. 1956. № 3.
5. К биографии М. Ф. Казакова//Архитектура СССР. 1957. № 3.
6. Деревянное зодчество русских старожилов по Якутскому тракту//СЭ. 1958. № 6.
7. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в.//КСИИМК. 1958. Вып. 71.
8. Рец. на книгу М. А. Ильина «Рязань. Историко-архитектурный очерк. XI — нач. XX в.» Ч. 1. М., 1954//СА. 1958. № 3.
9. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области//КСИИМК. 1959. Вып. 77.
10. Древнейшие памятники каменного зодчества Переяславля Рязанского//Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1960. Вып. 2.
11. В. А. Тропинин и Протасьевы//Архитектура и живопись. Ежегодник Института истории искусств. 1960. М., 1961.
12. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском//СА. 1960. № 1.
13. Старые художники и архитекторы Рязани. Рязань, 1960.
14. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах//КСИА. 1960. Вып. 81.
15. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского//СА. 1960. № 2.
16. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского//ТОДРЛ. 1960. Т. XVI.
17. Черты традиций и новаторства в рязанской архитектуре конца XVII — начала XVIII в.//Архитектурное наследство. 1960. № 12.
18. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.)//СА. 1961. № 3.
19. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках//КСИА. 1961. Вып. 85.
20. О происхождении центрических композиций в русском зодчестве конца XVII в.//Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1961. Вып. 3.
21. Соборная колокольня в Рязани//Памятники культуры. Исследование и реставрация. 1961. Вып. 3.
22. Древние мотивы в домовой резьбе Ростова Ярославского//СЭ. 1962. № 4.
23. Грифон во владимиро-суздальской фасадной скульптуре//СА. 1962. № 3.
24. Два сюжета фасадной пластики Георгиевского собора 1230—1234 годов//КСИА. 1962. Вып. 87.

© Составитель С. В. Месняпкина, 1995 г.

25. К вопросу о реконструкции северного фасада Георгиевского собора в Юрьеве-Польском//Архитектурное наследство. 1962. № 14.
26. К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике//Историко-археологический сборник. М., 1962.
27. Архитектурные фрагменты Старой Рязани//Архитектурное наследство. 1963. № 15.
28. Бронзовый водолей из древнего Галича//СА. 1963. № 2.
29. О пропорциональности в древнерусском искусстве. Рец. на книгу К. Н. Афанасьева «Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими». М., 1961//СА. 1963. № 4.
30. О пропорциях в московском зодчестве эпохи Андрея Рублева//Древнерусское искусство XV — нач. XVI веков. М., 1963.
31. К 60-летию Михаила Константиновича Каргера (совместно с А. Н. Кирпичниковым)//СА. 1963. № 4.
32. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владимиро-суздальском искусстве//ВВ. 1963. Т. 23.
33. Южный фасад Георгиевского собора (1230—1234 гг.)//КСИА. 1963. Вып. 96.
34. Большой мир мелкой пластики. Рец. на книгу Т. В. Николаевой «Произведения мелкой пластики XII—XVII веков в собрании Загорского музея» Загорск. 1960//СА. 1964. № 2.
35. Некоторые группы рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском//СА. 1964. № 2.
36. К судьбам византийского наследия во владимиро-суздальской пластике//ВВ. 1964. Т. 24.
37. Декоративное искусство в архитектуре Руси X—XIII веков. М., 1964.
38. К 60-летию Николая Николаевича Воронина//СА. 1964. № 4.
39. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польской. М., 1964.
40. Рец. на книгу В. В. Косточкина «Государев мастер Федор конь». М., 1964//СА. 1965. № 2.
41. Архитектурная летопись//Огонек. 1965. № 12.
42. Скульптура храма Покрова на Нерли (совместно с Е. Желоховцевой)//Искусство. 1965. № 10.
43. Расшифрован большой скульптурный ребус XV века//Наука и жизнь. 1965. № 10.
44. Каменная энциклопедия XIII века//Советский Союз. 1966. № 1.
45. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском//СА. 1966. № 3.
46. Мастера древнерусской скульптуры. Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.
47. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о погибели Русыя земли»//ТОДРЛ. 1966. Т. XXII.
48. Николай Николаевич Воронин//Культура Древней Руси. М., 1966.
49. Теоретические вопросы изучения владимиро-суздальской скульптуры//Культура Древней Руси. М., 1966.
50. По поводу рецензии А. В. Столетова//СА. 1967. № 2.
51. О датировке памятников московского зодчества времени Андрея Рублева//Культура и искусство Древней Руси/ Л., 1967.
52. Исчезнувший памятник школы М. Ф. Казакова//Архитектурное наследство. 1967. № 16.
53. Четырехликая капитель из Боголюбова//Славяне и Русь. М., 1968.
54. Рец. (совместно с Н. Н. Ворониным) на книгу Р. О. Шмерлинга «Малые формы в архитектуре средневековой Грузии». Тбилиси. 1962//ВВ. 1968. Т. 28.
55. Рец. на книгу В. И. Антоновой «Древнерусское искусство в собрании Павла Корина». М., 1966//Искусство. 1968. № 1.
56. У истоков портрета в древнеболгарском искусстве//Искусство. 1968. № 2.
57. Дмитриевский собор. Архитектура и скульптура Дмитриевского собора во Владимире. Л., 1969.
58. Загадочный грифон//Наука и жизнь. 1969. № 3.
59. Русский лубок — возмутитель спокойствия. Рец. на книгу Ю. М. Овсянникова «Русский лубок». М., 1962//Знание — сила. 1969. № 12.
60. Скульптура Древней Руси (XII в.). Владимир. Боголюбово. М., 1969.
61. Суздаль. М., 1969.
62. Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III//ТОДРЛ. 1969. Т. XXIV.
63. Семь кругов Дмитриевского собора//Знание — сила. 1970. № 8.
64. Рец. на книгу F. Möbius «Westwerkstudien». Jena, 1968//СА. 1970. № 3.
65. К характеристике Троицкого собора 1423 г.//Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971.
66. Рязань. М., 1971.
67. Рец. на книгу R. Feuchtmüller «Die Steinerne Bibel». Wien — Zinz — München. 1962//КСИА. 1971. Вып. 125.
68. Спасо-Андронников монастырь. М., 1972.
69. Древнерусское узорочье. Рец. на книгу Б. А. Рыбакова «Русское прикладное искусство X—XIII веков». М., 1972//Искусство. 1972. № 9.
70. Художественный язык древнерусской живописи//Искусство. 1972. № 3.
71. Формирование исторической проблематики в русском искусстве X—XIII вв.//ВИ. 1972. № 10.
72. О судьбах скифо-сарматского «звериного» стиля в искусстве Древней Руси//Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
73. Декоративная система «золотых дверей» Суздальского собора и вопрос о их датировке//СА. 1973. № 1.
74. К обсуждению особенностей художественного творчества//Искусство. 1973. № 3.
75. О единой теории народного искусства//Декоративное искусство. 1973. № 9.
76. Трудности истинные и мнимые//Декоративное искусство. 1973. № 7.
77. Некоторые структурные особенности русской скульптуры XIV—XV вв.//Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973.

78. Рязанские достопамятности (совместно с С. В. Чугуновым). М., 1974.
79. О некоторых чертах старого и нового в московской архитектуре эпохи Андрея Рублева//Культура средневековой Руси. Л., 1974.
80. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974.
81. Роль А. А. Мансурова в изучении Рязанского края (совместно с О. Н. Бадером и Н. И. Кригером)//Археология Рязанской земли. М., 1974.
82. Живая книга о средневековом творчестве. Рец. на кн. В. П. Даркевича «Путями средневековых мастеров». М., 1972//СА. 1974. № 4.
83. В. М. Василенко — исследователь народного творчества//Василенко В. М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X—XX вв. М., 1974.
84. К 70-летию Н. Н. Воронина//ВИ. 1974. № 12.
85. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. XIII век. М., 1975.
86. О русском искусстве XVIII века. Рец. на кн. «Русское искусство XIII в. (Материалы и исследования)». М., 1973//Искусство. 1975. № 2.
87. Фрагменты раннемосковской скульптуры из находок в Московском Кремле//Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Новые открытия. 1975. М., 1976.
88. Скульптура Древней Руси//Триста веков искусства. Искусство Европейской части СССР. М., 1976.
89. Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире//СА. 1976. № 1.
90. О декосмологизации древнерусской символики//Культурное наследие Древней Руси. М., 1976.
91. Николай Николаевич Воронин//Средневековая Русь. М., 1976.
92. Еще раз о церкви Нового Ольгова городка//Средневековая Русь. М., 1976.
93. Эстетический идеал в русской статуарной скульптуре XIV — начала XVI века. (Проблема московской калокагатии)//Советское искусствознание'76. Вып. 1. М., 1976.
94. Николай Николаевич Воронин (некролог)//ВИ. 1976. № 7.
95. Николай Николаевич Воронин (некролог)//СА. 1976. № 4.
96. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
97. Какое будущее ожидало владимиро-суздальскую скульптуру//Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976.
98. Средневековое искусство народов СССР и «Восточное предвозрождение». Рец. на книгу «История искусства народов СССР» Т. II—III. М., 1973—1974//Искусство. 1977. № 1.
99. Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI века//Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.
100. Рец. на книгу А. Василиева, Т. Силяновской-Новиковой, Н. Труфушева, И. Любенова «Каменна пластика». София, 1973//КСИА. 1977. Вып. 150.
101. От редактора//Василенко В. М. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I в. до нашей эры — XIII в. нашей эры. М., 1977.
102. О книге Н. Н. Волкова//Волков Н. Н. Композиция в живописи. М., 1977.
103. На путях к уточнению искусствоведения. Рец. на книгу Б. В. Раушенбаха «Пространственные построения в древнерусской живописи». М., 1975//Искусство. 1977. № 4.
104. Николай Николаевич Воронин//Воронин Н. Н. Смоленская живопись 12—13 веков. М., 1977.
105. Образ воина-всадника в скульптуре средневековой Грузии и древней Руси. Тбилиси. 1977.
106. О чертах космологизма в народном искусстве//Древняя Русь и славяне. М., 1978.
107. О жанрах станковой скульптуры. Рец. на книгу И. М. Елатомцевой «Станковая скульптура. Понятие о жанрах». Минск. 1975//Искусство. 1978. № 1.
108. К проблеме крестьянского в народном искусстве//Декоративное искусство СССР. 1978. № 3.
109. О народном искусстве и его проблемах (совместно с Н. Н. Велецкой). Рец. на книгу Т. С. Семеновой «Народное искусство и его проблемы». М., 1977//Искусство. 1978. № 5.
110. Методологические предпосылки изучения древнерусского искусства//Советское искусствознание'77. Вып. 2. М., 1978.
111. Рец. на книгу Г. А. Федорова-Давыдова «Искусство кочевников и Золотой Орды». М., 1976//Советское искусствознание'77. Вып. 1. М., 1978.
112. Рец. на книгу Н. Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов». М., 1978//Декоративное искусство СССР. 1978. № 9.
113. Рец. на книгу О. Х. Халпахчьян «Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении». М., 1977//Советское искусствознание'78. Вып. 1. М., 1979.
114. Древнегрузинская скульптура. Рец. на книгу Н. А. Аладашвили «Монументальная скульптура Грузии. Сюжетные рельефы V—XI веков». М., 1977//Искусство. 1979. № 7.
115. О народных основах калокагатийности в древнерусском искусстве//Советское искусствознание'79. Вып. 2. М., 1980.
116. По Оке от Коломны до Мурома (совместно с С. В. Чугуновым). М., 1980.
117. Новое исследование о Палехе. Рец. на книгу М. А. Некрасовой «Палехская миниатюра». М., 1978//Искусство. 1980. № 9.
118. От символа к реальности: Развитие практического образа в русском искусстве XIV—XV веков. М., 1980.
119. О скульптурной программе храма Покрова на Нерли (совместно с Г. Ю. Филипповским)//Искусство. 1980. № 9.
120. Старые русские города: Справочник-путеводитель. М., Лейпциг, 1980.
121. Alte russische Stadte. Leipzig, 1980.

122. В сказочном мире А. Н. Терновской//Искусство. 1981. № 12.
123. Рец. на книгу Е. И. Кириченко «Русская архитектура 1830-х—1910-х годов». М., 1978//Советское искусствознание'80. Вып. 1. М., 1981.
124. Архитектурный образ и слово в трудах Н. Н. Воронина//ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI.
125. Шаг к теории реставрации. Рец. на книгу «Восстановление памятников культуры. Проблемы реставрации». М., 1981//Искусство. 1982. № 4.
126. Рец. на книгу Б. А. Колчина, А. С. Хорошева, В. Л. Янина «Усадьба новгородского художника XII века». М., 1981//Советское искусствознание'81. Вып. 2. М., 1982.
127. Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов//КСИА. 1982. Вып. 172.
128. О соотношении народного и самодеятельного искусства//Проблемы народного искусства. М., 1982.
129. Рец. на книгу Н. А. Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв». М., 1981//ВИ. 1982. № 8.
130. Грузинская живопись на путях к Предвозрождению. Рец. на книгу Е. Л. Приваловой «Росписи Тимотесубани». Тбилиси, 1980//Искусство. 1983. № 1.
131. Предисловие//Валеева Д. К. Искусство волжских Булгар (X — начало XIII вв.). Казань, 1983.
132. О системе владимиро-суздальской фасадной пластики//Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983.
134. Всаднический цикл в скульптуре Дмитриевского собора во Владимире//Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983.
135. Рец. на книгу «Творческие проблемы современных народных художественных промыслов». Л., 1981//Искусство. 1983. № 10.
136. Рец. на книгу Л. Е. Розовой «В. Юрин. Мастер в народном промысле мстерской художественной миниатюры». Л., 1982//Декоративное искусство. 1984. № 5.
137. Византийское искусство в трудах В. Д. Лихачевой (1937—1981)//ВВ. 1984. Т. 45.
138. Вклад в теорию народного искусства. Рец. на книгу М. А. Некрасовой «Народное искусство как часть культуры. Теория и практика». М., 1983//Искусство. 1984. № 6.
139. Рец. на книгу П. А. Раппопорта «Русская архитектура X—XIII вв.». САИ. Вып. Е1-47. М., 1982//СА. 1985. № 1.
140. От готики до классицизма (на белорусском языке). Рец. на книгу Н. Ф. Высоцкой «Пластика Беларусі XII—XVII стагоддзяў». Мінск, 1983//Мастацва Беларусі. 1985. № 3.
141. Еще раз о жанрах в древнерусском искусстве//Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
142. Рублевская традиция во взглядах на искусство Аввакума//ТОДРЛ. 1985. Т. XXXIX.
143. Архитектура эпохи «Слова о полку Игореве» и ее заказчики//«Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
144. Послесловие//Юрьев-Польской. Памятники архитектуры и искусства. М., 1985.
145. Византийский храм как образ мира//ВВ. 1986. Т. 47.
146. О стиле русской архитектуры эпохи «Слова о полку Игореве»//Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21.
147. О восстановлении В. Д. Ермолиным Георгиевского собора в Юрьеве-Польском в 1471 г.//СА. 1986. № 2.
148. Методологические предпосылки изучения стиля древнерусского искусства//Критерии и суждения в искусствознании. М., 1986.
149. Творческий образ в понимании русского автора XI века//Русское искусство XI—XIII веков. М., 1986.
150. У истоков древнерусской монументальной скульптуры//Тр. Академии художеств СССР. М., 1987. Вып. 4.
151. О природе «нового стиля» в русской архитектуре конца XII в.//Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987.
152. Конон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987.
153. Владимир Андреевич Фаворский — теоретик искусства//Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие. М., 1988.
154. К вопросу о византийско-русском Предвозрождении//Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.
155. Несколько тезисов о народном искусстве//Декоративное искусство СССР. 1988. № 2.
156. У колыбели древнерусского искусства//Искусство. 1988. № 6.
157. К 1000-летию начала русской архитектуры (по материалам археологии)//СА. 1988. № 4.
158. Архитектурная программа Андрея Боголюбского//Древности славян и Руси. М., 1988.
159. Проблема жанров в архитектуре Древней Руси//Архитектурное наследство. 1988. Вып. 36.
160. Несколько слов о значении культурного наследия. (Материалы круглого стола «Проблемы изучения русской философии и культуры»)//Вопросы философии. 1988. № 9.
161. Десять лет Колымы за Сухареву башню//Слово. 1989. № 10, 12.
162. Был ли Феофан Грек художником Предвозрождения//Искусство. 1989. № 4.
163. Русское Предвозрождение и Феофан Грек в работах В. Д. Лихачевой//Византия и Русь. М., 1989.
164. Памяти Веры Дмитриевны Лихачевой (1937—1981)//Византия и Русь. М., 1989.
165. О системном подходе к изучению русской художественной культуры//Проблемы русской средневековой художественной культуры. Гос. музеи Моск. Кремля. Материалы и исследования. 1990. Вып. 7.

166. Хотелось бы всех поименно назвать...//Декоративное искусство. 1990. № 4.
167. Духовной жаждою томим...//Наше наследие. 1990. № 5.
168. Искусство мыслить в камне. (Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры). М., 1990.
169. С В. А. Городцовым в Старой Рязани (страничка воспоминаний)//Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
170. Проблемы личности в трудах А. Ф. Лосева//А. Ф. Лосев и культура XX века. М., 1991.
171. Дерзание духа//Слово. 1991. № 1.
172. Уберечь душу//Слово. 1991. № 3.
173. Дорога к храму//Слово. 1991. № 7.
174. Андрей Рублев в Камергерском переулке//Слово. 1991. № 8.
175. Душа и Космос//Слово. 1991. № 12.
176. В Исадах//Новый журнал. 1991. № 183.
177. Тысячелетние корни. М., 1991.
178. К вопросу о декоре Георгиевского собора 1230—1234 гг.//РА. 1992. № 3.
179. Духовный ренессанс//Слово. 1992. № 10.
180. В поисках Истины: Религиозно-философские искания русских художников середины XIX — начала XX в. М., 1993.
181. Искусство Древней Руси (совместно с Т. Ф. Владышевской). М., 1993.
182. Становление личности в обществе Киевской Руси (совместно с Н. Н. Велецкой)//Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Тез. докл. конф. М., 1993.
183. Русь и кочевники в батальных миниатюрах Радзивиловской летописи//Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.
184. Памяти Владимира Владимировича Косточкина (совместно с А. Н. Кирпичниковым и С. С. Айдаровым)//РА. 1994. № 1.
185. Великая Русь: история и художественная культура X—XVII вв. (совместно с Д. С. Лихачевым, Г. И. Вздорновым и Р. Г. Скрынниковым). Милан, 1994 (на нем., франц., англ., итал. языках).

Составила *С. В. Меснянкина*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия. М.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. С.-Пб.
АЭС	—	Археолого-этнографический сборник. Грозный
ВАА	—	Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп
ВВ	—	Византийский временник
ВГМГ	—	Вестник Государственного музея Грузии
ВИ	—	Вопросы истории. М.
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	—	Государственный Исторический музей. М.
ГМИИ	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ГНМПл	—	Годишник на Народния археологически музей. Пловдив
ГПНБМ	—	Годишник на Пловдивската Народна библиотека и музей
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. С.-Пб.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской Академии наук
ИБАИ—ИАИ	—	Известия на Българския археологически институт
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КНИИ	—	Кабардинский научно-исследовательский институт
КСИА	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КЧ	—	Крупновские чтения
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М. — Л.
МОИП	—	Московское общество испытателей природы
НИС	—	Новгородский исторический сборник
ОАК	—	Отчет Археологической комиссии
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИН	—	Палеолит и неолит СССР. М., Л.
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология. М.
РП	—	Разкопки и проучвания
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
СВ	—	Средние века
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СМАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л.
СЭ	—	Советская этнография
ТГИН	—	Труды геологического института АН СССР. М.
ТЗИН	—	Труды Зоологического института РАН. Л.
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом) РАН. М., Л.
AA	—	Archäologischer Anzeiger
AH	—	Archaeologia historica
AJA	—	American Journal of Archaeology. New York
AmA	—	American Antiquty. Menacha; Solt Lake city.
ANRW	—	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
AS	—	Anatolian Studies
BAR	—	British Archaeological Reports. Oxford
Berl Beitr Arch	—	Berliner Beitrage zur Archäometrie
CRAI	—	Comptes rendus de l'Academie des inscriptions et Belles Lettres
EAZ	—	Ethnographisch-archaologische Zeitschrift
ESA	—	Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
JIES	—	The Journal of Indo-European Studiees
MASCA	—	Museum Applied Science for Archaeology
RA	—	Revue archeologique. Paris
StEtr	—	Studi Etruschi
ZfA	—	Zeitschrift fur Archaologie

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л. И.*

Сдано в набор 17.04.95 Подписано к печати 31.05.95 Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр. отт. 28,4 тыс. Уч.-изд. л. 26,0 Бум. л. 8,0
Тираж 1344 экз. Зак 2601

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6